

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года

*Издается по решению Ученого Совета Института
социально-экономических исследований ДНЦ РАН*

Периодичность – ежемесячный. Свободная цена

*Учредитель: Ассоциация содействия экспертной деятельности
в области регионального развития «Региональные
проблемы преобразования экономики»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации
(Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168
от 29 мая 2014 года*

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римашевской ФНИСЦ РАН

Дохолян С.В.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН

Макаров В.Л.

доктор экономических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

Бахтизин А.Р.

иностраный член РАН, д.т.н., профессор директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Акаев А.А.

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАН

Цветков В.А.

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Рязанцев С.В.

Первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Федерального Собрания Российской Федерации, к.ф.н.

Умаханов И.М.-С.

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООИ РАН по научно-организационной работе, д.э.н., профессор

Аносова Л.А.

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института социально-экономических проблем народонаселения» Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Россия

Локосов В.В.

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор

Иванов П.М.

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой «Прикладная политология», руководитель департамента «Политологии и массовых коммуникаций» Финансового университета при Правительстве РФ, к.полит.н.

Симонов К.В.

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Менеджмент массовых коммуникаций» ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.н., д.э.н., профессор

Большаков С.Н.

проректор по экономике и финансам, заведующий кафедрой «Аудит и экономический анализ» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», д.э.н., профессор

Гаджиев Н.Г.

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», д.э.н., профессор

Магомедова М.М.

заместитель директора по науке и инновациям Северо-Кавказского института – филиала ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», д.э.н., профессор

Киселева Н.Н.

профессор кафедры «Финансы и страхование» ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», д.э.н., профессор

Алклычев А.М.

профессор кафедры «Бухгалтерский учет и налогообложение» ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», д.э.н., профессор

Дзагоева М.Р.

главный научный сотрудник Центра международных финансов ФГБУ Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ) Минфина России, д.э.н., профессор

Кабир Л.С.

д.э.н., профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

Сомоев Р.Г.

профессор, д.геогр.н, Институт Восточных языков и Цивилизации, Франция, г. Париж

Жан Радвани

д.ю.н., профессор Юридического факультета Токийского университета, г. Токио

Кимитака Матсузато

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римащевской ФНИСЦ РАН
к.э.н., заместитель директора по научной работе Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

д.э.н., профессор, руководитель Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

д.э.н., профессор, ученый секретарь Института информатики и проблем регионального управления, начальник управления делами КБНЦ РАН

д.э.н., профессор, заведующая кафедрой «Мировая экономика», ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет»

к.ф.н., доцент, заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

к.э.н., заведующий отделом социально-экономической политики региона Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

к.э.н., доцент, доцент кафедры Международного предпринимательства ФГАО ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»

к.э.н., Ученый секретарь Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией «Проблем развития мирохозяйственных связей российского экономического пространства» Института проблем рынка РАН

к.э.н., доцент, доцент базовой кафедры ТПП РФ «Развитие человеческого капитала» ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

к.э.н., магистр экономики (США), старший научный сотрудник Института экономики им. М.Котаняна НАН Республики Армения

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Налоги, денежное обращение и кредит» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

к.э.н., PhD, доцент Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации

к.э.н., доцент, заместитель руководителя департамента «Политологии и массовых коммуникаций» Финансового университета при Правительстве РФ

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Аудит и экономический анализ» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

к.э.н., заведующий лабораторией пространственного развития Института проблем рынка РАН

научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН

научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН

тех. редактор
составитель (дизайн-верстка)

Дохолян С.В.
(главный редактор)

Гимбатов Ш.М.
(зам. главного редактора)

Ахмедуев А.Ш.

Кутаев Ш.К.

Гасанов М.А.

Гичиев Н.С.

Мамбетова Ф.А.

Эсетова А.М.

Абдулагатов З.М.

Багомедов М.А.

Бердина М.Ю.

Деневизюк Д.А.

Зоидов К.Х.

Карпенко Е.З.

Курбанов К.К.

Макарян А.Р.

Мусаева Х.М.

Ниязбекова Ш.У.

Петросянц Д.В.

Султанов Г.С.

Чернышов М.М.

Вершинина М.А.

Османова А.М.
(ответственный секретарь)

Гитиномагомедова П.А.
Джамилев А.М.

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

*Материалы журнала отражают точку зрения авторов
и не являются официальной позицией Института.*

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

© НП «Редакция журнала «Региональные
проблемы преобразования экономики»

Адрес редакции, издателя: 367030, г. Махачкала, ул. М.Ярагского, 75, 8 эт., к. 802

Наш сайт в Интернете: www.rppe.ru

e-mail: rppe@mail.ru

Тел.: 8-928-800-222-0

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Большакова Ю.М., Большаков С.Н. Системно динамическая модель мотивации стратегического менеджмента корпораций стран с переходной экономикой..... 5

Региональная экономика

Дневизюк Д.А. Динамика урбанизационных процессов в России: складывающиеся диспропорции и возможность их преодоления в контексте обеспечения сбалансированности городского развития 14

Азарова Н.А. Развитие теоретических положений концепций управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем в целях устойчивого развития.....29

Ярашева А.В., Макар С.В. Региональные аспекты изменения качества жизни россиян38

Газалиева Н.И. Оценка условий сбалансированного развития регионов Северо-Кавказского федерального округа 47

Арсланов Ш.Д., Шахтаманова Л.Г. Инвестиционное развитие как фактор повышения экономического суверенитета РД..... 55

Экономика промышленности

Щеголькова А.А. Пространственное распределение запасов природного газа Арктической зоны Российской Федерации 62

Идзиев Г.И. Современное состояние, потенциальные возможности и перспективы развития промышленности регионов СКФО..... 69

Воеводский В.В. Цифровизация розничного бизнеса нефтегазовых компаний 79

Амирова Э.А. Роль технологических парков в России и их эффективность 85

Потехин С.Ю. Инвестиционная деятельность фактор развития предприятия 93

Экономика сферы услуг

Тадевосян Э.А., Макарян А.Р., Мкртчян Г.Г. Роль туризма как фактора, обеспечивающего экономический рост в Республике Армения: проблемы и перспективы 99

Бердин А.Э., Бердина М.Ю. Роль «Знания» в процессе коммерческого трансфера объектов интеллектуальной собственности110

Экономика народонаселения и экономика труда

Дохолян С.В., Вершинина М.А. Особенности оценки качества жизни населения на региональном уровне 120

Абдулманапов П.Г. Теоретическая демография: формирование, основные подходы и современное состояние 129

Курбанов М.Ю., Гимбатов Ш.М. Социальные причины и факторы миграции даргинского населения в Ставропольский край 137

Муталимов А.Э., Ибрагимов М.А. Духовно-нравственная основа исламского права как один из главных социализаторов общества144

Экономическая безопасность

Магомедова М.М., Рабаданов Р.М. Обеспечение экономической безопасности региона в условиях цифровизации экономики 149

ФИНАНСЫ

Фидарова К.К., Павлова Г.Ш., Варламова Е.В., Глинчевский Э.И. Экономическая сущность финансовых рисков кредитных организаций 155

Варфоломеева В.А., Иванова Н.А. Межбюджетные отношения: состояние, проблемы и пути их решения..... 161

Галынчик Т.А., Данилова С.В. Бондаренко А.Н. Оценка финансовых рисков ресурсодобывающей компании на материалах ПАО «Сургутнефтегаз» 169

TABLE OF CONTENTS

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

BOLSHAKOVA YU.M., BOLSHAKOV S.N. A SYSTEM-DYNAMIC MODEL OF MOTIVATION FOR STRATEGIC MANAGEMENT OF CORPORATIONS IN TRANSITION ECONOMIES	5
---	---

Regional economy

DENEVIZYUK D.A. DYNAMICS OF URBANIZATION PROCESSES IN RUSSIA: EMERGING IMBALANCES AND THE POSSIBILITY OF OVERCOMING THEM IN THE CONTEXT OF ENSURING BALANCED URBAN DEVELOPMENT	14
AZAROVA N.A. DEVELOPMENT OF THEORETICAL PROVISIONS OF CONCEPTS OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT	29
YARASHEVA A.V., MAKAR S.V. REGIONAL ASPECTS OF CHANGING THE QUALITY OF LIFE OF RUSSIANS	38
GAZALIEVA N.I. ASSESSMENT OF CONDITIONS FOR BALANCED DEVELOPMENT OF REGIONS NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT	47
ARSLANOV SH.D., SHAKHTAMANOVA L.G. INVESTMENT DEVELOPMENT AS A FACTOR OF IMPROVEMENT ECONOMIC SOVEREIGNTY RD	55

Industrial economics

SHCHEGOLKOVA A.A. SPATIAL DISTRIBUTION OF NATURAL GAS RESERVES THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION	62
IDZIEV G.I. CURRENT STATE, POTENTIAL OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT	69
VOEVODSKY V.V. DIGITALIZATION OF THE RETAIL BUSINESS OF OIL AND GAS COMPANIES	79
AMIROVA E.A. THE ROLE OF TECHNOLOGY PARKS IN RUSSIA AND THEIR EFFECTIVENESS	85
POTEKHIN S.YU. INVESTMENT ACTIVITY IS A FACTOR OF ENTERPRISE DEVELOPMENT	93

The economics of the service sector

TADEVOSYAN Z.A., MAKARYAN A.R., MKRTCHYAN H.G. THE ROLE OF TOURISM AS THE FACTOR ENSURING ECONOMIC GROWTH IN THE REPUBLIC OF ARMENIA: CHALLENGES AND PROSPECTS	99
BERDIN A.E., BERDINA M.Y. THE ROLE OF «KNOWLEDGE» IN THE PROCESS OF COMMERCIAL TRANSFER OF INTELLECTUAL PROPERTY	110

Population economics and labor economics

DOKHOLYAN S.V., VERSHININA M.A. FEATURES OF ASSESSING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AT THE REGIONAL LEVEL	120
ABDULMANAPOV P.G. THEORETICAL DEMOGRAPHY: FORMATION, BASIC APPROACHES AND THE CURRENT STATE	129
KURBANOV M.YU., GIMBATOV SH.M. SOCIAL CAUSES AND FACTORS OF MIGRATION OF THE DARGINSKY POPULATION TO THE STAVROPOL TERRITORY	137
MUTALIMOV A.E., IBRAGIMOV M.A. THE SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF ISLAMIC LAW AS ONE OF THE MAIN SOCIALIZERS OF SOCIETY	144

Economic security

MAGOMEDOVA M.M., RABADANOV R.M. ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY	149
---	-----

FINANCE

FIDAROVA K.K., PAVLOVA G.SH., VARLAMOVA E.V., GLINCHEVSKY E.I. THE ECONOMIC ESSENCE OF FINANCIAL RISKS OF CREDIT INSTITUTIONS	155
VARFOLOMEEVA V.A., IVANOVA N.A. INTER-BUDGETARY RELATIONS: THE STATE, PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM	161
GALYNCHIK T.A., DANILOVA S.V. BONDARENKO A.N. ASSESSMENT OF FINANCIAL RISKS OF A RESOURCE EXTRACTION COMPANY BASED ON THE MATERIALS OF PJSC SURGUTNEFTEGAZ	169

УДК 338.24

БОЛЬШАКОВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

к.полит.н., доктор философии (Phd), профессор РАЕ, эксперт
лаборатории высшего профессионального образования РАО
(Российской академии образования), г. Москва,
e-mail: snbolshakov@mail.ru

БОЛЬШАКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

д.э.н., профессор, эксперт лаборатории высшего профессионального
образования РАО (Российской академии образования), ФГОУ ВО
«Российский государственный социальный университет», г. Москва,
e-mail: snbolshakov@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-5-13

СИСТЕМНО ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МОТИВАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА КОРПОРАЦИЙ СТРАН С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Аннотация. В статье анализируются задачи и проблемы построения корпоративной стратегии менеджмента компании в условиях переходной экономики, формирования экономических условий, политических и правовых институтов государства. В статье отмечается, что переход от централизованного планирования к рыночной конкуренции стал новым рубежом для стран с переходной экономикой и для международных корпораций и предприятий с иностранным участием. Исследование показывает, что изменения в институциональной и макроэкономической структуре, в сочетании с рисками и вызовами роста конкуренции со стороны международных корпораций, вынуждают национальный бизнес перестраивать свои стратегии. Следует отметить, что интернационализация деловых отношений способствует принятию стратегических решений, которые позволяют национальному бизнесу повысить свою эффективность за счет синергии внутренних конкурентных преимуществ и использования рыночных и корпоративных возможностей. Исследование демонстрирует высокий потенциал совершенствования рыночных институтов Китая, который некоторыми авторами рассматривается как «гибридное» государство. Сравнительный анализ позволяет отметить относительную незрелость режима корпоративного управления КНР, перестраивания стратегии рынков капитала Китая. В связи с этим наблюдается постоянный интерес органов государственной власти и активизация усилий государства по изучению наилучших практик корпоративного управления и методов их внедрения. Данный факт подтверждается постоянством проведения различных законодательных консультаций и запуском пилотных программ. Отмечается необходимость учета кросснационального фактора при формировании модели мотивации стратегического менеджмента корпораций, учета особенностей правил и формирования системы корпоративного управления, что характерно для стран с переходной экономикой.

Ключевые слова: менеджмента, бизнес, корпоративное управление, стратегический менеджмент, переходная экономика.

BOLSHAKOVA YULIA MIKHAILOVNA

Ph.D. in Political Sciences, Doctor of Philosophy (PhD), Professor
of RAE, expert of the Laboratory of Higher Professional Education
of RAO (Russian Academy of Education), Moscow,
e-mail: snbolshakov@mail.ru

BOLSHAKOV SERGEY NIKOLAEVICH

Dr.Sc of Economics, Professor, expert of the Laboratory of Higher Professional Education of RAO (Russian Academy of Education), FGOU HE «Russian State Social University», Moscow, e-mail: snbolshakov@mail.ru

SYSTEM DYNAMIC MODEL OF STRATEGIC MOTIVATION MANAGEMENT OF CORPORATIONS IN TRANSITION ECONOMIES

***Abstract.** The article analyzes the tasks and problems of building a corporate strategy of a company's management in a transitional economy, the formation of economic conditions, political and legal institutions of the state. The article notes that the transition from centralized planning to market competition has become a new frontier for countries with economies in transition and for international corporations and enterprises with foreign participation. The study shows that changes in the institutional and macroeconomic structure, combined with the risks and challenges of increasing competition from international corporations, force national businesses to restructure their strategies. It should be noted that the internationalization of business relations contributes to the adoption of strategic decisions that allow national businesses to increase their efficiency through the synergy of internal competitive advantages and the use of market and corporate opportunities. The study demonstrates the high potential for improving China's market institutions, which is considered by some authors as a «hybrid» state. Comparative analysis makes it possible to note the relative immaturity of the PRC's corporate governance regime, the restructuring of China's capital markets strategy. In this regard, there is a constant interest of public authorities and the intensification of state efforts to study the best practices of corporate governance and methods of their implementation. This fact is confirmed by the persistence of various legislative consultations and the launch of pilot programs. It is noted that it is necessary to take into account the cross-national factor in the formation of a model of motivation for strategic management of corporations, taking into account the specifics of the rules and the formation of a corporate governance system, which is typical for countries with economies in transition.*

***Keywords:** management, business, corporate governance, strategic management, transitional economy.*

Введение. Актуальность исследования.

Каждая страна находится на разной стадии трансформации: социальной, политической, правовой и экономической инфраструктуры. Все они все еще переживают период развития, изменения и перехода в новое состояние [35]. Хотя страны с переходной экономикой имеют много общих характеристик с другими развивающимися экономиками (например, неэффективные институты, ограниченные финансовые и технологические ресурсы), они отличаются друг от друга масштабами институциональных преобразований.

С 1980-х годов Китай постепенно перешел от централизованного планирования к рыночной экономике и принял на вооружение агентскую теорию, предписывающую принципы корпоративного управления. Поверхностный анализ экономики Китая и оценка влияния принципов корпоративного управления, предписанных агентской теорией (т.е. независимости совета директоров, структуры менеджмента совета директоров и управленческих стимулов), на эффективность деятельности компаний является важным звеном в стратегическом анализе и оценке состояния корпоративной среды.

Страны с переходной экономикой стали новым рубежом для международных корпораций и предприятий с иностранным участием. Это создало очень динамичную конкурентную среду для национальных компаний, особенно тех, которые столкнулись с угрозой со стороны международных корпораций и предприятий с иностранным участием с превосходящими возможностями.

Часто считается само собой разумеющимся, что транснациональные корпорации обладают более сильными организационными способностями, более передовыми технологиями и лучшими навыками управления брендом. Однако есть признаки того, что со временем все эти преимущества могут исчезнуть из-за появления местных, локальных конкурентов [2]. Чен М.Дж. пишет, что анализ конкурентов – это изучение общности рынков и сходства ресурсов [4]. Переход от централизованного планирования к рыночной конкуренции для стран с

переходной экономикой стал новым рубежом для международных корпораций и предприятий с иностранным участием, отмечают Луо Ю., Пенг М. [22]. Таким образом, соперничество между международными корпорациями и предприятиями с иностранным участием и национальным бизнесом в странах с переходной экономикой создает контекст, в котором обе корпоративные сферы (1) используют один и тот же рынок, (2) имеют асимметричные ресурсы и (3) сталкиваются с повышенной динамикой институциональной среды.

Несмотря на неравномерный прогресс в разных странах, социальная, политическая, правовая и экономическая инфраструктуры претерпевают значительные трансформации [35]. Революционные изменения в институциональной и макроэкономической структуре в сочетании с угрозой высокой конкуренции со стороны международных корпораций вынудили многие отечественные фирмы предпринять серьезные изменения, несмотря на риск институциональных потрясений [9]. Международные корпорации и предприятия с иностранным участием также переживают процесс трансформации в ответ на институциональные изменения и соответствующую трансформацию внутренней конкуренции национального бизнеса [2].

Определяя стратегию как агрессивную последовательность конкурентных действий, Ферье В.Дж. [12] указывает на дефицит стратегических исследований динамических процессов конкурентного взаимодействия. В целом этот разрыв еще больше, когда речь идет об исследованиях динамики конкуренции в странах с переходной экономикой.

Шумпетер Й. подчеркивает ее важность, отмечая, что необходимо изучить взаимодействие и последствия действий и реакций, чтобы по-настоящему понять конкуренцию рынков. Однако до сих пор большинство исследований конкурентной динамики ограничивалось фирмами в развитых странах с относительно стабильным институциональным контекстом.

Методы исследования.

Методами исследования является оценка структуры влияния институциональных условий на корпоративный сектор экономики, анализ формальных и неформальных правил и институтов на систему стратегического менеджмента корпоративного сектора экономики стран с переходной экономикой.

Обсуждение и дискуссия.

Структура возможностей системно динамической модели мотивации (АМС)

Модель АМС является одной из наиболее широко используемых в исследованиях корпоративного менеджмента и оценки конкурентной динамики [4], [12, 13], [26].

Ферье В.Дж. дает следующее определение: конкурентные действия - это «направленные извне, конкретные и наблюдаемые конкурентные действия, инициируемые фирмой для усиления своей конкурентной позиции» [12, с. 859]. Чен М.Д. и др. определяют реакцию бизнеса - это «противодействие, предпринимаемое конкурирующей фирмой для защиты или улучшения своего относительного рыночного положения» [5, с. 440]. Структура модели АМС предполагает, что конкурирующие фирмы будут реагировать на конкурентные действия только в том случае, если они знают об этих действиях и имеют мотивацию и возможности реагировать [33].

Миллер Д. и Чен М. пишут, что осведомленность - это способность фирмы понимать последствия своих действий и действий конкурентов. Осознание не может перейти в действие без мотивации. Конкурентное давление является основным источником мотивации к реагированию [28].

Большая часть исследовательской литературы по конкурентной динамике анализирует конкурентные взаимодействия между конкурирующими фирмами в определенные периоды [33]. Переход от плана к рынку создает динамичный контекст, в котором конкуренция между конкурирующими фирмами зависит от весьма изменчивых факторов, таких как развивающиеся институты и возможности компаний [26].

Международные корпорации и предприятия с иностранным участием – это компании, которые осуществляют деятельность с добавленной стоимостью как минимум в двух странах. Будучи инициатором конкуренции и неся инвестиционные затраты, международные корпорации и предприятия с иностранным участием высокомотивированы поддерживать и стимулировать конкуренцию на рынках в странах с переходной экономикой [34]. Харрисон А. и Эйткен Б. фиксируют в своем исследовании, что благодаря передовым технологиям ТНК, которые позволяют производить продукцию с более низкими предельными издержками, представляет серьезную угрозу для национального бизнеса и отечественных фирм [16]. Однако превосходящие возможности международных корпораций и предприятий с иностранным участием и

осведомленность о стратегических последствиях и результатах своих действий ограничены определенными конкурентными недостатками, характерными для переходной экономики. Можем суммировать конкурентные преимущества международных корпораций и предприятий с иностранным участием по двум категориям: превосходные технические знания (технологические, производственные и маркетинговые) и превосходные управленческие способности.

Во-первых, разработанный и протестированный в разных странах и регионах технический опыт позволяет международным корпорациям и предприятиям с иностранным участием организовать гибкий график трансграничной работы [18]. Во-вторых, управленческие способности и менеджерский потенциал бизнеса позволяют одновременно эффективно управлять активами и операциями в нескольких странах [29]. Являясь важной частью человеческого капитала фирмы, менеджеры представляют собой ключевой персонал, ответственный за реализацию стратегии.

Международные корпорации и предприятия с иностранным участием также имеют определенные конкурентные недостатки в условиях переходной экономики. Во-первых, международные корпорации и предприятия с иностранным участием несут двойную ответственность за (1) свою внутреннюю иерархию системы менеджмента (особенно расположение и порядок организации работы глобальной штаб-квартиры) и (2) реалии принимающей бизнес страны. Двойные обязанности создают потенциальную напряженность и требуют особой стратегии, позволяющей справляться с различиями между ожиданиями штаб-квартиры и местного, локального уровня, не перегружая себя такой напряженностью [27].

Принимая на себя роль слабых институциональных систем, управленческие связи позволяют координировать деловые обмены [32].

Однако влияние управленческих связей на эффективность деятельности фирмы может быть условным и временным. Ли Дж., Поппо Л. и Чжоу К. считают, что управленческие связи не всегда выгодны для международных корпораций и предприятий с иностранным участием в странах с переходной экономикой, как для фирм национального бизнеса [19]. Кроме того, влияние управленческих связей на производительность не обязательно увеличивается с ростом уровня конкуренции. В частности, бизнес, вероятно, получит более высокую прибыль, используя сетевые стратегии на ранних этапах институциональных преобразований. Однако по мере того, как институты постепенно превращаются в структуру, основанную на правилах сетевой структуры [32], оба типа фирм, вероятно, будут больше полагаться на конкурентные ресурсы, а не на сетевые стратегии.

Существуют две стороны конкурентной стратегии: создание конкурентного преимущества и нейтрализация конкурентного преимущества противника. Чтобы выжить, национальный бизнес спешит развивать конкурентные преимущества для борьбы с атакой международных корпораций и предприятий с иностранным участием.

Гетерогенность ресурсов и стратегическая гибкость являются двумя движущими силами конкуренции, которые обеспечивают фирмам конкурентное преимущество над конкурентами. Работа в нескольких странах обеспечивает международные корпорации и предприятия с иностранным участием разнообразный набор ресурсов и операционную гибкость. Другими словами, национальному бизнесу необходимо повысить диверсификацию и гибкость своих ресурсов, чтобы добиться конкурентного преимущества перед ТНК, которая имеет доступ как к материальным, так и к нематериальным ресурсам во многих странах.

С одной стороны, международная экспансия бизнеса и инвестиций имеет свои издержки, воплощенные в обязательствах иностранных фирм и инвесторов [29]. С другой стороны, в случае успеха международная экспансия помогает отечественным фирмам получить доступ к дополнительным ресурсам, когда текущие ресурсы недостаточны для конкуренции [3].

В отличие от общего убеждения, что рынки становятся более глобальными и требуют более интегрированных стратегий со стороны международных корпораций и предприятий с иностранным участием, в действительности расстояния ведения бизнеса по-прежнему имеют значение [15]. Институциональная дистанция между странами с переходной экономикой и западными странами охватывает как формальные, так и неформальные институты, что влечет за собой как культурные, так и различия в нормах и принципах [37]. Эта дистанция может усугубить обязательства иностранного бизнеса, требующего более интенсивных и агрессивных конкурентных действий на рынках. С другой стороны, одновременный контакт с несколькими рынками может снизить вероятность агрессивных действий, поскольку конкуренты воспринимает более высокую вероятность контратаки на нескольких рынках.

Интернационализация является важнейшим стратегическим решением, которое позволяет

национальному бизнесу повысить свою эффективность за счет использования своих внутренних конкурентных преимуществ, а также за счет использования рыночных и корпоративных возможностей. Однако обладание ресурсами и использование внутреннего потенциала фирмы недостаточно, если фирма не инвестирует в дальнейшее обучение и развитие новых возможностей. Модернизация потенциала теперь становится первостепенной задачей для достижения цели устойчивого развития на международном уровне [38].

Преобразование традиционных международных корпораций и предприятий с иностранным участием в стратегических инсайдеров действительно соответствует институциональной трансформации в странах с переходной экономикой, поскольку институты развиваются вместе с основными игроками внутри них. Несмотря на проблемы со слабой нормативной средой, многие страны с переходной экономикой добились значительного прогресса по сравнению с первым десятилетием переходного периода [31]. Сегодня многие страны с переходной экономикой имеют относительно низкие темпы инфляции и высокий уровень вклада частного сектора в общий ВВП. Более того, бизнес-исследования показывают, что финансовые рынки и конкурентные структуры быстро приближаются к рынкам развитых стран. Таким образом, несмотря на первоначальные институциональные недостатки, страны с переходной экономикой часто становятся двигателями роста для иностранных инвесторов благодаря росту среднего класса с растущим потребительским поведением.

Называя такие новые международные корпорации и предприятия с иностранным участием «транснациональными корпорациями-драконами», Мэтьюз Дж. [25] утверждает, что международный успех этих фирм открывает новые возможности для традиционных исследований эффективности крупных глобальных игроков. В некотором смысле, международный успех развивающихся глобальных корпораций и предприятий с иностранным участием обусловлен ответственностью их стратегических и организационных инноваций характеристикам глобальной экономики. Например, Цзэн М. и Уилламсон П. [40] отмечают появление некоторых китайских предприятий, которые превосходят фирмы из развитых стран благодаря уникальному конкурентному преимуществу: инновациям в издержках.

Таким образом, благодаря своим новым международным возможностям, более совершенным управленческим навыкам, пониманию местной специфики ведения бизнеса, стратегическим коммуникациям и инновационным стратегиям, новые международные корпорации и предприятия с иностранным участием могут представлять большую угрозу конкурентным позициям старых международных корпораций и предприятий с иностранным участием в странах с переходной экономикой. Для того чтобы превзойти местные и международные конкурентные преимущества новых ТНК, старым корпорациям или национальному бизнесу необходимо быть более чуткими к местным условиям и использовать в свою пользу опыт стратегического инсайта в переходной экономике.

Уровень осведомленности, мотивации и конкурентоспособности фирм развивается одновременно с институциональной средой в странах с переходной экономикой и стратегическим взаимодействием между иностранными корпорациями и представителями национального бизнеса.

По мере изменения этапов конкуренции менеджеры международных корпораций и предприятий с иностранным участием и представители национального бизнеса должны осознать изменения в институтах, конкуренции и стратегии [21]. Неспособность применить простую линейную модель предполагает, что менеджерам – как отечественным, так и зарубежным – нужны новые инструменты для моделирования такой нелинейной сложности и конкурентной динамики. Основная задача – предвидеть изменения, когда это возможно, настойчиво анализировать меняющуюся среду, исследовать условия и быстро реагировать. Менеджеры ожидают, что стратегия со временем изменится, поскольку они постоянно учитывают изменения в «общей картине» и готовы воспользоваться новыми возможностями.

Более того, интенсивность конкурентного соперничества зависит от сходства ресурсов и общности рынков, которые динамично развиваются. Поэтому крайне важно проанализировать эволюцию конкуренции между приходящими в страну иностранными корпорациями и предприятиями с иностранным участием и отечественного бизнеса в последовательные периоды, чтобы прогнозировать стратегию победителя в конкурентном противостоянии.

Эйзенхардт К. в части совершенствования системы стратегического менеджмента отмечает, что теория агентства предлагает независимость совета директоров и управленческие стимулы в качестве ключевых механизмов внутреннего мониторинга и согласования деятельности корпораций [10]. Однако, несмотря на относительно эффективные рыночные институты в развитых странах, анализ исходного контекста агентской теории – в развитых экономиках на

Западе – обнаруживает мало фактов и аргументов положительного эффекта независимости совета директоров и двойственности положения генеральных директоров [8] в эффективности деятельности фирмы.

Результаты анализа Ван Эссена М. и др. позволяют говорить о неубедительной взаимосвязи между вознаграждением генерального директора и эффективностью работы компании [36].

Основная причина необходимости дополнения исследовательской оптики агентской теории институциональной точкой зрения основана на аргументе о том, что фирмы, входящие в более развитые институты, вероятно, будут разрабатывать и применять стандартные механизмы корпоративного управления, которые способствуют более эффективным процессам распределения ресурсов, что в конечном итоге способствует повышению эффективности фирмы.

Однако подход, основанный на институтах, фокусируется не только на том, как институты влияют на поведение фирм, но и на то, как изменения в институтах с течением времени формируют стратегический выбор и эффективность фирмы.

Учитывая относительную незрелость режима корпоративного управления КНР, а также рынков капитала Китая в целом, существует постоянный интерес органов государственной власти и активизация усилий государственного аппарата по изучению наилучших практик корпоративного управления и методов их внедрения, о чем свидетельствуют различные законодательные консультации, пилотные программы, руководящие принципы и правоприменительная практика.

Благодаря постепенному совершенствованию рыночных институтов, Китай можно рассматривать как «гибридное» государство, как пишет Аллен Ф. и др., в силу двух причин: (1) одновременное наличие централизованного планирования и рыночной экономики [1], и (2) наличие двойственного характера режима, основанного на отношениях, и режима, основанного на правилах [20]. Постепенные рыночные реформы Китая играют решающую роль, поскольку они изменяют институциональную структуру страны для улучшения функционирования финансовых, товарных рынков и рынков труда. Совершенствование этих механизмов внешнего управления, в свою очередь, помогает функционированию внутренних механизмов корпоративного управления за счет независимого мониторинга, который снижает агентские издержки и в конечном итоге способствует повышению эффективности деятельности бизнеса [7]. Другими словами, институциональные преобразования позволяют перейти к режиму, основанному на правилах, постепенно корректируя контекст, подходящий для коррупционных сделок.

В данном контексте следует сделать два вывода: во-первых, структуры внутреннего управления, предписанные агентской теорией, предполагают наличие эффективных внешних механизмов управления, а именно, конкурентных рынков товаров и труда, а также надежную защиту акционеров. В Китае, поскольку эти условия не полностью развиты, выполнение структур управления, предписываемых агентской теорией, может, таким образом, оказаться проблематичным [1]. Во-вторых, основой для критики теории агентства является то, что она недостаточно социализирована и, следовательно, неспособна объяснить определенные различия между странами.

Китай является ярким примером: решающая роль гуаньси (личных, клановых, семейно-родственных связей) в оказании помощи фирмам и обеспечения доступа к критически важным ресурсам, преодолении институциональных недостатков, что была выделено в многочисленных исследованиях [21]. В результате политические рекомендации, заложенные в кодексах «хорошего» корпоративного управления, часто приходится адаптировать к местному институциональному контексту [14].

Переходя от централизованного планирования к рыночной экономике, а также от режима, основанного на отношениях, к режиму, основанному на правилах, Китай предлагает уникальный институциональный контекст для понимания динамического воздействия механизмов корпоративного управления, предписанных агентской теорией.

При этом необходимо отметить, что при участии государства государственные предприятия подчиняются руководству Коммунистической партии Китая (КПК), что приводит к усилению эффекта централизации управления. В условиях рыночных стимулов государственные предприятия, как правило, имеют оптимальную структуру совета директоров, которая помогает смягчить как проблему акционеров и управляющих агентств (агентская проблема I типа), так и проблему контролирующего акционера и миноритарного акционера (агентская проблема II).

В Китае компании, зарегистрированные на бирже, должны иметь независимых директоров в совете директоров (статья 122 «Закона о компаниях» КНР). В 2001 году Комиссия по цен-

ным бумагам и биржам КНР впервые выпустила «Руководство по представлению независимых директоров в советы директоров компании, зарегистрированной на бирже». В 2014 году Китайская ассоциация публичных компаний, как отраслевая ассоциация, опубликовала «Руководство по исполнению обязанностей независимыми директорами листинговых компаний, применимое к ее членам». Обе фондовые биржи в Шанхае и Шэньчжэне опубликовали свои поправки к руководящим принципам и мерам в отношении независимых директоров в 2016 и 2017 годах соответственно.

С развитием институциональных реформ китайские фирмы стали активно участвовать во внедрении новых требований корпоративного управления, касающихся большей независимости советов директоров и большей прозрачности. В результате доля внешних директоров в советах директоров Китая увеличилась с 6% в 2001 г. до 34% в 2005 г. [6]. Недавние поправки национального законодательства еще больше расширили роль и эффективность внешних директоров посредством включения избирательных механизмов, полномочий и распределения ответственности.

Руководящие принципы, принятые Комиссией по регулированию ценных бумаг Китая (CSRC), требуют от компаний назначать независимых директоров в свои советы директоров. В соответствии с «Руководством по созданию системы независимых директоров в листинговых компаниях» с 2002 года требуется наличие как минимум двух независимых директоров. В 2003 году в правило были внесены поправки, требующие, чтобы не менее одной трети членов совета директоров были независимыми. Таким образом, независимые директора играют важную роль в реформе корпоративного управления в Китае. Исследования показывают, что в КНР независимые директора могут быть классифицированы на семь групп в зависимости от профессии и опыта: ученые, бухгалтеры, политики, юристы, финансисты, репатрианты из-за границы и другие. Наибольшая доля приходится на ученых (37,63%), далее следуют бухгалтеры (17,14%) и политики (12,27%). Это указывает на то, что китайский корпоративный бизнес высоко ценит людей с более высоким уровнем образования, бухгалтерским образованием или политическими связями [17].

Исследования позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, фирмы, независимыми директорами которых являются ученые или бухгалтеры, ассоциируются с более высокой производительностью. Во-вторых, фирмы, независимыми директорами которых являются политики или финансовые специалисты, ассоциируются с более низкими операционными показателями от экономической деятельности. Анализ показывает, что фирмы с председателем, имеющим политические связи, с меньшей вероятностью нанимают бухгалтеров, банкиров или репатриантов из-за границы в качестве независимых директоров. Китайские корпорации с более концентрированной собственностью с большей вероятностью нанимают на должность независимого директора бухгалтеров или политиков и реже нанимают юристов.

В данном контексте следствие этой корпоративной политики могут быть следующими: во-первых, связь между независимыми директорами и эффективностью деятельности компаний в Китае варьируется в зависимости от происхождения первых. Это говорит о том, что знания и опыт независимых директоров потенциально могут повлиять на деятельность фирмы. Во-вторых, будущие реформы корпоративного управления в Китае должны быть сосредоточены не только на степени независимости советов директоров, но и на профессиональном опыте их членов.

Согласно Закону о компаниях, собрание акционеров является высшим органом, принимающим решения в компании. Что касается китайско-иностранных совместных предприятий (общество с ограниченной ответственностью, учрежденное китайским партнером и иностранным лицом), то высшим органом, принимающим решения, является совет директоров. Однако с 1 января 2020 года Закон КНР «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» был заменен Законом КНР «Об иностранных инвестициях». Предприятия, которые были созданы в соответствии с Законом КНР о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом, должны внести изменения в свое корпоративное управление и пересмотреть соответствующие корпоративные документы в соответствии с Законом о компаниях в течение пятилетнего переходного периода в соответствии с Законом КНР об иностранных инвестициях.

Генеральный директор, если он назначен советом директоров или исполнительным директором, также должен участвовать в управлении.

Кроме того, в соответствии с законодательством КНР существует должность законного представителя, который имеет полномочия представлять компанию. Эту должность может занимать только председатель совета директоров, исполнительный директор или генеральный

директор компании.

Например, с точки зрения требований прозрачности, листинговые компании начали сообщать о ключевых действиях совета директоров, таких как регистрация несогласия внешних директоров во время заседаний совета директоров.

Несмотря на кажущуюся конвергенцию к структурам, основанным на правилах (по крайней мере, на первый взгляд), основанная на отношениях, в высшей степени политическая и контролируемая государством природа китайской корпоративной среды по-прежнему считается потенциальным препятствием [24].

Однако институциональные изменения могут со временем снизить потенциальную ценность стратегий, основанных на взаимоотношениях [23].

В частности, постепенное снижение влияния государства и растущее влияние рынков капитала и связанное с ним финансовое развитие все чаще заставляют менеджеров нести ответственность перед внешними рыночными силами, а не перед государством или политическими связями. Фань Дж., Вонг Т. и Чжан Т. [11] оказывают, что китайские фирмы с руководителями, имеющими политические связи, уступают фирмам без руководителей с политическими связями.

Такие результаты действительно подтверждают мнение о том, что влияние личных и политических отношений на производительность имеет тенденцию уменьшаться по мере постепенного преобладания рыночных институтов. Реформы корпоративного управления в Китае не только имитируют важные особенности советов директоров американских корпораций, такие как независимые директора и комитеты по вознаграждениям, но и движущие силы управленческих стимулов также становятся удивительно похожими на движущие силы англо-американских экономик [6].

Заключение

В заключении хочется отметить подвижность корпоративного сектора экономики, изменения стратегий развития в условиях роста конкуренции на развивающихся рынках. В странах с переходной экономикой особое влияние на стратегию корпоративного развития оказывают формальные и неформальные институты, особенности национальной политической и организационной культуры. Нельзя не отметить, что рост экспортных и внешнеторговых операций китайских корпораций сыграл основополагающую роль в трансформации экономики Китая, росту трудоемких производственных цепочек традиционных отраслей промышленности (текстильной, швейной, обувной) и электронной сферы промышленности. Корпоративный сектор экономики КНР сполна воспользовался преимуществами перемещения производственной деятельности из развитых стран, успешно адаптировал корпоративные практики управления, правила деятельности совета директоров и управляющих. Поскольку в рамках плана 13 и 14 пятилеток экономики КНР особое внимание уделяется инновациям, то корпоративный сектор экономики формирует динамическую модель мотивации стратегического менеджмента с учетом данного фактора. При этом в последнем выпуске Индекса цифровой трансформации Китая от Accenture (NYSE: ACN) отмечается, что только 2% китайских компаний предпринимают целостные, непрерывные шаги по цифровой трансформации, необходимые для обеспечения долгосрочного и устойчивого роста. Конвергенция влияния внешних факторов, таких как технологические инновации и изменение потребительских предпочтений, усиливает дестабилизацию стран с переходной экономикой, создает новые проблемы, но и позволяет включить в корпоративную стратегию новые возможности. Чтобы эффективно реагировать, бизнесу необходимо принять стратегию, направленную на переосмысление каждой части своего бизнеса.

References:

1. Allen F., Qian J., Qian M. Law, finance, and economic growth in China// *Journal of Financial Economics*. 2005. №1.p. 57-116
2. Bhattacharya A., Michael D. C. The BCG 50 local dynamos: How dynamic RDEbased companies are mastering their home markets and what MNCs need to learn from them. The Boston Consulting Group, Inc. 2008
3. Björkman I., Stahl G., Vaara E. Cultural differences and capability transfer in crossborder acquisitions: The mediating roles of capability complementarity, absorptive capacity, and social integration// *Journal of International Business Studies*. 2007. № 38.p. 658-672.
4. Chen M. J. Competitor analysis and interfirm rivalry: Toward a theoretical integration// *Academy of Management Review*. 1996. № 21.p. 100-134.
5. Chen M. J., Smith K. C., Grimm C. Action characteristics as predictors of competitive responses// *Management Science*. 1992. № 38.p. 439-455.
6. Conyon M., He L. Executive compensation and corporate governance in China// *Journal of Corporate Finance*.

2011. № 17(4). p. 1158-1175.

7. Cuervo-Cazurra A., Dau L. A. Pro-market reforms and firm profitability in developing countries// *Academy of Management Journal*. 2009. № 52. p. 1348-1368.

8. Dalton D.R., Dalton C.M. Integration of micro and macro studies in governance research: CEO duality, board composition, and financial performance// *Journal of Management*. 2011. №37. p. 404-411.

9. Domadenik P., Prašnikar J., Svejnar J. Restructuring of firms in transition: Ownership, institutions and openness to trade// *Journal of International Business Studies*. 2008. №394. P. 725-746.

10. Eisenhardt K. M. Agency theory: An assessment and review// *Academy of Management Review*. 1989. №14(1). P. 57-74.

11. Fan C. H., Liu C. Behavioral Strategy: An Alternative Account of Superior Profitability?// *Behavioral Strategy in Perspective. Advances in Strategic Management*. Emerald Publishing Limited, Bingley, 2018. №39. pp. 209-219.

12. Ferrier W. J. Navigating the competitive landscape: The drivers and consequences of competitive aggressiveness. 2001. № 44. p. 858-877.

13. Ferrier W. J., Smith K. G., Grimm G. The role of competitive action in market share erosion and industry de-thronement: A study of industry leaders and challengers// *Academy of Management Journal*. 1999. № 42. p. 372-388;

14. Filatotchev I., Allcock D. Corporate governance and executive remuneration: A contingency framework// *Academy of Management Perspectives*. 2010. № 24(1). P. 20-33.

15. Ghemawat P. Distance still matters: The hard reality of global expansion// *Harvard Business Review*. 2001. №798. p. 137.

16. Harrison A. E., Aitken B. J. Do domestic firms benefit from direct foreign investment? Evidence from Venezuela// *American Economic Review*. 1999. № 893. P. 605-618.

17. Jiao H., Dong Y., Hou W., Lee E. Independent Directors and Corporate Performance in China. In: *Developing China's Capital Market*. Palgrave Macmillan. London. 2013. P. 176-177

18. Lee S. H., Makhija M. Flexibility in internationalization: Is it valuable during an economic crisis? // *Strategic Management Journal*. 2009. №30. p. 537-555.

19. Li J. J., Poppo L., Zhou K. Z. Do managerial ties in China always produce value? Competition, uncertainty, and domestic vs. foreign firms// *Strategic Management Journal*. 2008. №29. P. 383-400.

20. Luen K., Lau A., Young A. Why China shall not completely transit from a relation based to a rule based governance regime: A Chinese perspective. *Corporate Governance//An International Review*. 2013. № 21(6). p. 577-585.

21. Luo Y. From foreign investors to strategic insiders: Shifting parameters, prescriptions and paradigms for MNCs in China// *Journal of World Business*. 2007. № 42. P. 14-34.

22. Luo Y., Peng M.W. Learning to compete in a transition economy: Experience, environment, and performance// *Journal of International Business Studies*. 1999. №30. p. 269-296.

23. Ma J., Khanna T. Independent directors' dissent on boards: Evidence from listed companies in China// *Harvard Business School Strategy Unit Working Paper* 2013. №13-089.

24. Markoczy L., Sun S. L., Peng M. W., Shi W., Ren, B. Social network contingency, symbolic management, and boundary stretching// *Strategic Management Journal*. 2013. № 34(11). p. 1367-1387.

25. Mathews J. A. Dragon multinationals: New players in 21st century globalization// *Asia Pacific Journal of Management*. 2006. №23. p. 5-27.

26. Meyer K. E., Sinani E. When and where does foreign direct investment generate positive spillovers? A meta-analysis// *Journal of International Business Studies*. 2009. №40. p 1075-1094.

27. Meyer K. E., Mudambi R., Narula R. Multinational enterprises and local contexts: The opportunities and challenges of multiple embeddedness// *Journal of Management Studies*. 2011. № 48. p. 235-252.

28. Miller D., Chen M. J. The simplicity of competitive repertoires: An empirical analysis// *Strategic Management Journal*. 1996. №17. P. 419-440.

29. Nachum L. When is foreignness an asset or a liability? Explaining the performance differential between foreign and local firms// *Journal of Management*. 2010. №36. p. 714-739.

30. Park S. H., Luo Y. Guanxi and organizational dynamics: Organizational networking in Chinese firms// *Strategic Management Journal*. 2001. №22(5). P. 455-477.

31. Peng M. W. Institutional transitions and strategic choices// *Academy of Management Review*. 2003. №28. p. 275-296.

32. Sheng S., Zhou K. Z., Li J. J. The effects of business and political ties on firm performance: Evidence from China// *Journal of Marketing*. 2011. № 75. p. 1-15.

33. Smith K. G., Grimm C. M., Gannon M., Chen M. J. Organizational information processing, competitive responses and performance in the U.S. domestic airline industry// *Academy of Management Journal*. 1991. №34. P. 60-85.

34. Spencer J. The impact of multinational enterprise strategy on indigenous enterprises: Horizontal spillovers and crowding out in developing countries// *Academy of Management Review*. 2008. №33. p. 341-361.

35. Uhlenbruck K., Meyer K. E., Hitt M. Organizational transformation in transition economies: Resource-based and organizational learning perspectives// *Journal of Management Studies*. 2003. №40. P. 257-282.

36. Van Essen M., Heugens P. R., Otten J., Van Oosterhout J. An institution-based view of executive compensation: A multilevel meta-analytic test// *Journal of International Business Studies*. 2012. №43(4). P. 396-423.

37. Xu D., Shenkar O. Institutional distance and the multinational enterprise. *Academy of Management Review*. 2022. №4. P. 608-618.

38. Yamakawa Y., Khavul S., Peng M. W., Deeds D. Venturing from emerging economies. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2013. №7. P. 181-196.

39. Yu T., Cannell A. A. Rivalry between multinational enterprises: An event history approach// .2007. № 50. p. 665-686.

40. Zeng M., Williamson P. J. *Dragons at your door: How Chinese cost Innovation is disrupting global competition*. Boston: Harvard Business School Press. 2007.

41. Zhou J. Q., Peng M. W. Relational exchanges versus arm's-length transactions during institutional transitions// *Asia Pacific Journal of Management*. 2010. №27. p. 355-370.

УДК 332.1

ДЕНЕВИЗЮК ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

к.э.н., старший научный сотрудник Института
социально-экономических исследований ДФИЦ РАН,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: d_dmitry@inbox.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-14-28

ДИНАМИКА УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ: СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ ДИСПРОПОРЦИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье проведен анализ изменений структуры российских городов и численности их населения, выявивший проблемы, диспропорции и противоречивые тенденции в динамике урбанизационных процессов. Методологической основой исследования выступили положения фундаментальных и прикладных работ отечественных и зарубежных исследователей в области региональной экономики и управления социально-экономическими системами. Исследование осуществлялось на основе общенаучных подходов с применением методов обобщения, сравнительного анализа, статистической обработки информации. В целях преодоления выявленных дисбалансов и деструктивных явлений в развитии городов предлагается обеспечение их сбалансированного развития, в основе которого должен быть непрерывный процесс поиска баланса, проводимый на всех уровнях от сбора информации, обсуждения и до принятия решений. Представленное исследование может быть использовано при подготовке программных документов в области городского развития.

Ключевые слова: город, развитие, сбалансированность, урбанизация.

DENEVIZYUK DMITRY ALEXANDROVICH

Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute
of Socio-Economic Research of the Russian
Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: d_dmitry@inbox.ru

DYNAMICS OF URBANIZATION PROCESSES IN RUSSIA: EMERGING IMBALANCES AND THE POSSIBILITY OF OVERCOMING THEM IN THE CONTEXT OF ENSURING A BALANCED URBAN DEVELOPMENT

Abstract. This article analyzes the changes in the structure of Russian cities and their population, which revealed problems, imbalances and contradictory trends in the dynamics of urbanization processes. The methodological basis of the study was the provisions of fundamental and applied works of domestic and foreign researchers in the field of regional economics and management of socio-economic systems. The research was carried out on the basis of general scientific approaches using methods of generalization, comparative analysis, statistical processing of information. In order to overcome the identified imbalances and destructive phenomena in the development of cities, it is proposed to ensure their balanced development, which should be based on a continuous process of finding a balance, conducted at all levels from information collection, discussion and decision-making. The presented research can be used in the preparation of policy documents in the field of urban development.

Keywords: city, development, balance, urbanization.

Введение

Рост и развитие городов, как формы концентрации экономической активности, проявляется в форме урбанизации. По большей части в советской России урбанизация проходила в основном экстенсивно, путем создания новых городов (около 600 городов было создано в период активной индустриализации во времена СССР) и механического роста уже существующих (рисунок 1).

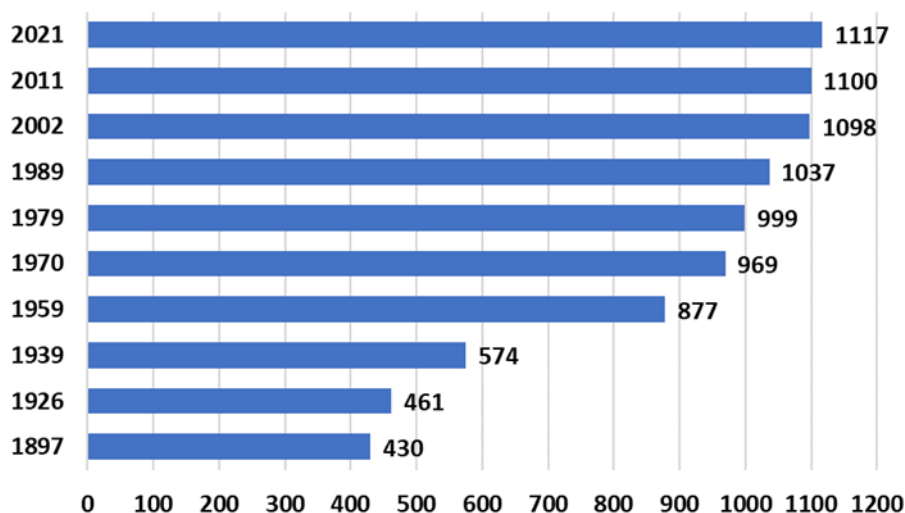

Рис. 1. Динамика числа городов России

Источник: составлено по данным [1, с. 28; 2, с. 100]

Города в советский период создавались и активно развивались в качестве поселений при крупных промышленных предприятиях, а градостроительная политика основывалась на централизованном планировании размещения производства и расселения людей. Самодостаточные жилые микрорайоны, обеспеченные в соответствии с установленными нормативами необходимой инфраструктурой, строились преимущественно неподалеку от производственных предприятий и учреждений, что минимизировало необходимость дополнительных перемещений по городу. Микрорайонный принцип застройки позволил государству обеспечить жильем десятки миллионов советских граждан. Модель индустриального города во времена СССР предполагала «регламентацию городской жизни на основе строгой организации городского пространства: стандартизированное жилье и планировка дворовой территории, обширные по площади и мемориальные по функции общественные и рекреационные зоны» [3].

Численность населения на территории современной России в советский период выросла с 91 млн. человек в 1917 г. до 147 млн. человек в 1989 г. на 56 млн. человек (рисунок 2). И если прирост численности жителей страны за этот период составил 61,5%, а сельское население сократилось на 48,3%, то число горожан выросло почти в 7 раз. При этом немаловажно учитывать влияние на складывающиеся демографические процессы революции в России, гражданской войны и двух мировых войн, с последствиями которых в последующем приходилось справляться гражданам и властям страны.

Основная часть. Переход экономики России к рыночным отношениям вызвал значительные изменения в городском развитии, трансформировались экономическая и пространственная структура российских городов, модель социального поведения людей (общение, досуг, потребление товаров и услуг), полностью был переформатирован рынок труда. Существенный спад промышленного производства вызвал значительный рост уровня безработицы и бедности в городах страны, которые стали местами концентрации экономических и социальных проблем. Быстрое развитие сектора услуг положило начало этапу субурбанизации в развитии постсоветских городов, который происходил более быстрыми темпами, чем в странах, где процесс городского развития происходил эволюционно. Основная масса рабочих мест сместилась в центральные части городов. На фоне резкого роста трудовой мобильности и автомобилизации населения многие города встали в пробках. Разделенные полузаброшенными промзонами советские микрорайоны оказались плохо связаны между собой и с городским центром, а пропускная способность транспортной инфраструктуры была недостаточной. Постсоветский город оказался плохо приспособлен к новым реалиям. В его жесткой структуре не оказалось

места для рационального размещения коммерческих функций (офисной, торговой, развлекательной), цивилизованной организации движения и хранения личного автотранспорта.

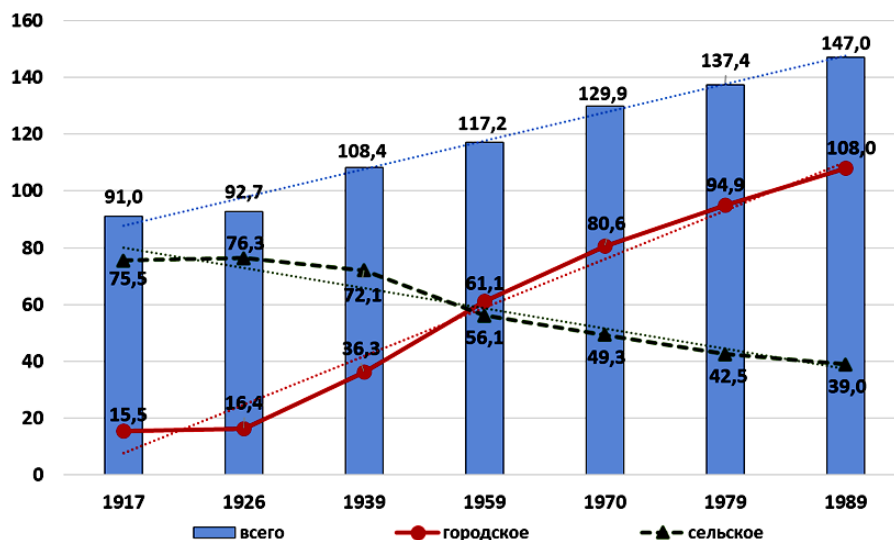

Рис. 2. Динамика численности населения в советской России, млн. чел.

Источник: составлено по данным Росстата [2, с. 93]

Негативные демографические явления последних трех десятилетий, вызвавшие сокращение населения в стране с 148,3 млн. чел. в 1991 г. до 146,2 млн. чел. в 2021 г. (в том числе с учетом присоединенных в 2014 г. двух новых субъектов – Республики Крым и г. Севастополь), отрицательно отразились на числе городских жителей (рисунок 3). С 1991 г. по 2008 г. наблюдалось сокращение числа городских жителей. К 2019 г. число городских жителей, составив 109,5 млн. чел., превысило уровень 1991 г., но к 2021 г. произошло сокращение городского населения, вызванное скорее всего новой коронавирусной инфекцией COVID-19.

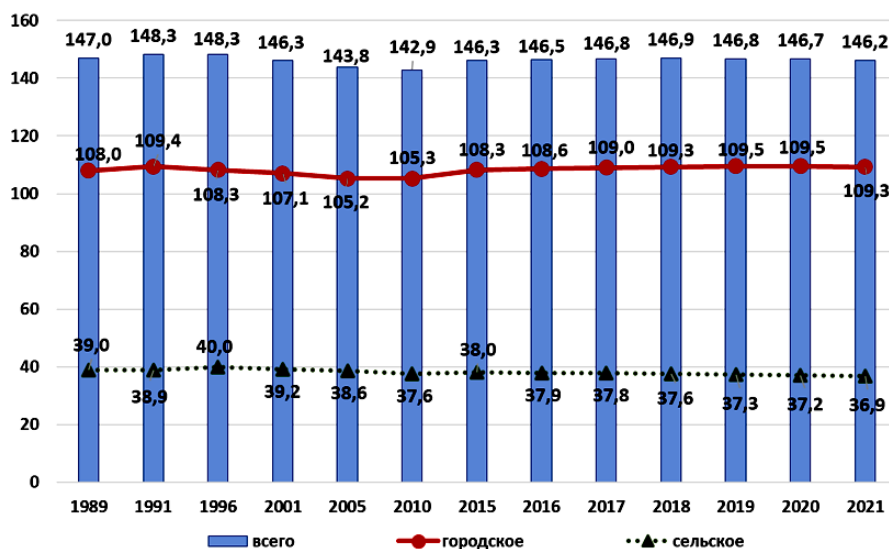

Рис. 3. Динамика численности населения в РФ (на 1 января), млн. чел.

Источник: составлено по данным Росстата [2, с. 93]

Результаты проведенной Организацией объединенных наций оценки [4] свидетельствуют о положительной зависимости темпов роста экономики и производительности труда с уровнем урбанизации и размерами города. Отличительной особенностью современной динамики уровня урбанизации в мире является ее стабилизация в последние годы в развитых странах (в Великобритании и Германии она держится на уровне 89%, в США и Канаде – 81%, во Франции

и Испании – 77%), в то время как в развивающихся странах доля городского населения динамично растет [5, с. 60].

На сегодняшний день Россия относится к странам со значительным уровнем урбанизации, достигнув на конец 2020 года уровня 73,7%, при этом следует отметить, что после 1990 года доля городского населения в стране держится практически на одном уровне в диапазоне 73,3% – 73,7% (рисунок 4). Если сравнивать с общемировыми тенденциями, Россия благодаря проводимой СССР индустриализации, где доля городских жителей превысила долю сельского населения после 1955 года, более чем на 50 лет опередила достижение соответствующего уровня урбанизации в мире.

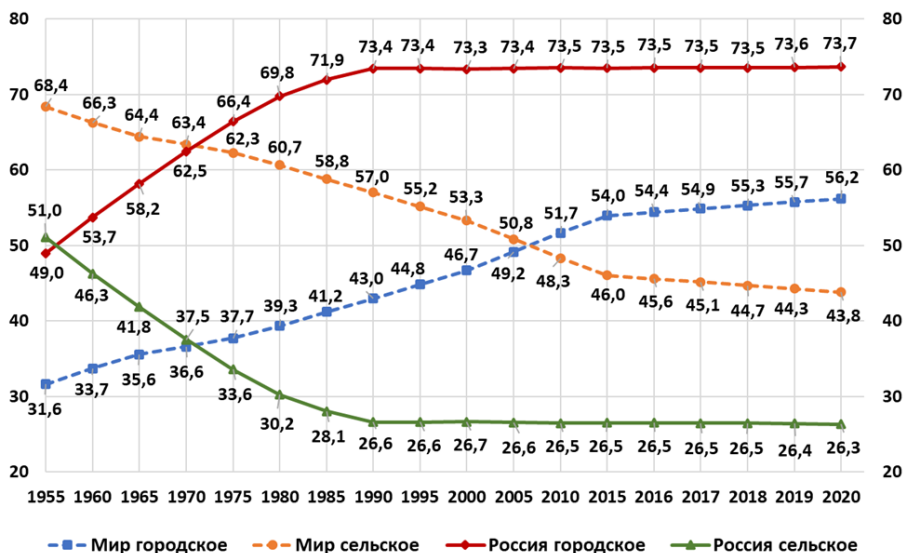

Рис. 4. Динамика уровня урбанизации в РФ и мире, %

Источник: составлено по данным [6; 7]

Динамика темпов прироста численности городского населения в России с 1991 года по 2006 год принимала отрицательные значения, вернувшись вновь к отрицательной величине только в 2020 году (рисунок 5). Пик темпов прироста численности городского населения в 2014 году связан с присоединением к России в 2014 году двух новых субъектов – Республики Крым и города Севастополь. Изменения доли городского населения Российской Федерации после 1994 года принимали отрицательные значения только трижды в 1999, 2004 и 2014 годах.

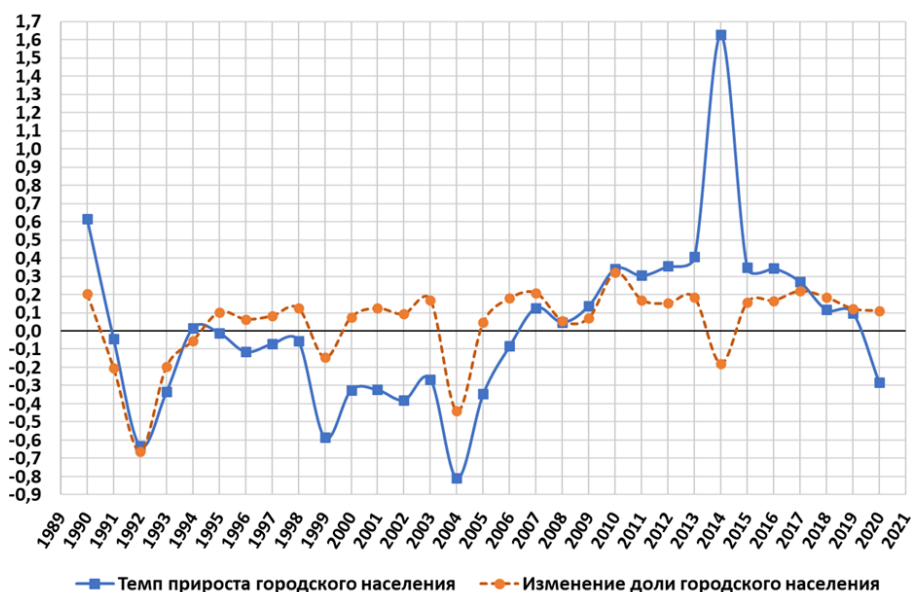

Рис. 5. Динамика темпов урбанизационных процессов в РФ, %

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [8, с. 15]

Несмотря на замедлившуюся динамику уровня урбанизации в России, по прогнозам Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН к 2050 году доля городского населения в стране вырастет до 81,4%. При этом отставание значений общемирового уровня от РФ сократится с 17,5% в 2020 году до 12,8% к 2050 году (рисунок 6).

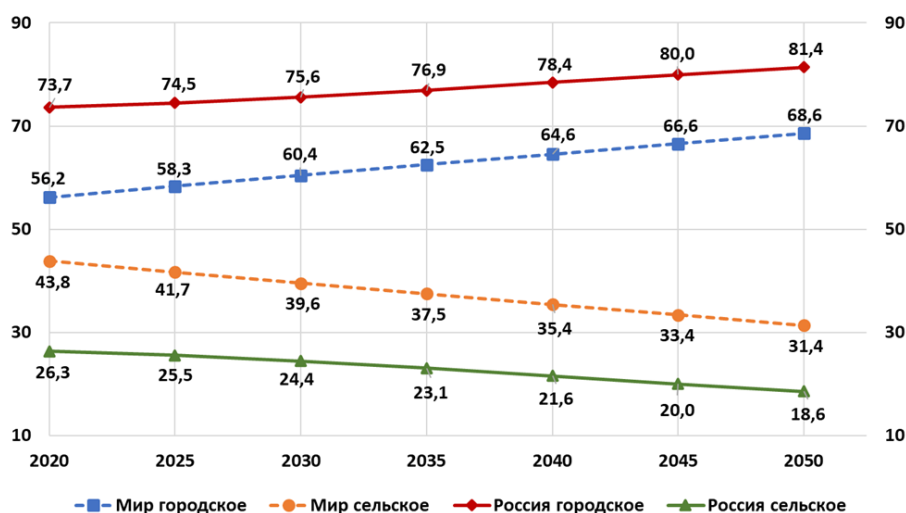

Рис. 6. Прогноз динамики уровня урбанизации в РФ и мире, %

Источник: составлено по данным [9; 10]

Основным источником пополнения численности городского населения за последние 10 лет как видно из рисунков 7 и 8 является миграционный прирост, в том числе за счет сельского населения, особенно с 2011 г. по 2014 г. С 2012 г. по 2016 г. число городских жителей росло также благодаря естественному приросту, а с 2017 г. по 2020 г. на рост их количества положительно повлияли муниципально-территориальные преобразования.

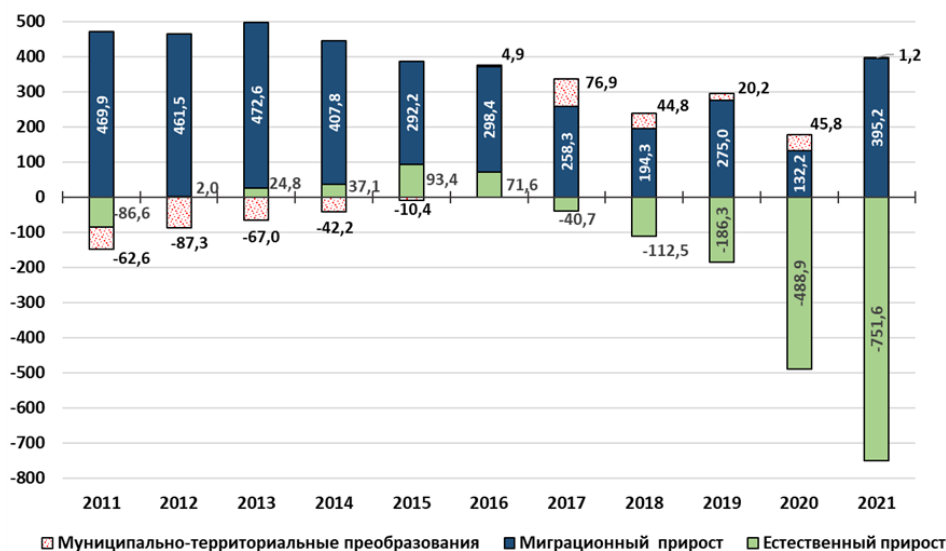

Рис. 7. Составляющие прироста (убыли) городского населения РФ, тыс. чел.

Источник: составлено по данным Росстата [11]

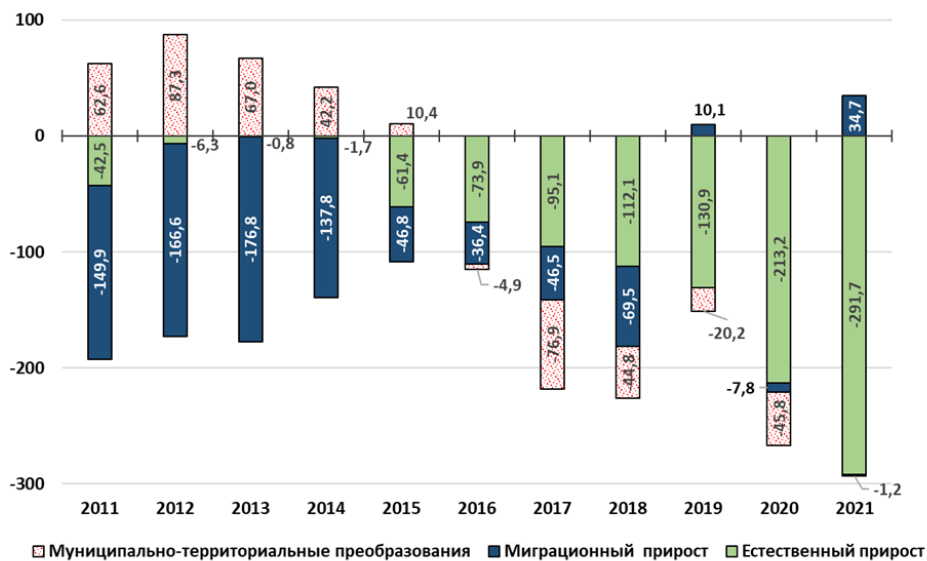

Рис. 8. Составляющие прироста (убыли) сельского населения РФ, тыс. чел.

Источник: составлено по данным Росстата [11]

Рассматривая уровень урбанизации в стране, следует также учесть его структуру, то есть провести сравнение городов различной величины. Существуют различные подходы к типологизации городов по численности их населения. В рамках данного исследования предлагается использовать следующую классификацию городов:

- малые города – до 50 тыс. чел.;
- средние города – от 50 тыс. чел. до 100 тыс. чел.;
- большие города – до 100 тыс. чел. до 250 тыс. чел.;
- крупные города – от 250 тыс. чел. до 1 млн. чел.;
- крупнейшие города (города миллионеры) – от 1 млн. чел.

Как видно из рисунка 9 за последние более чем 30 лет, с небольшими колебаниями в динамике, к 2021 г. произошло увеличение количества малых, больших и крупнейших (миллионников) городов, а средних и крупных – сократилось.

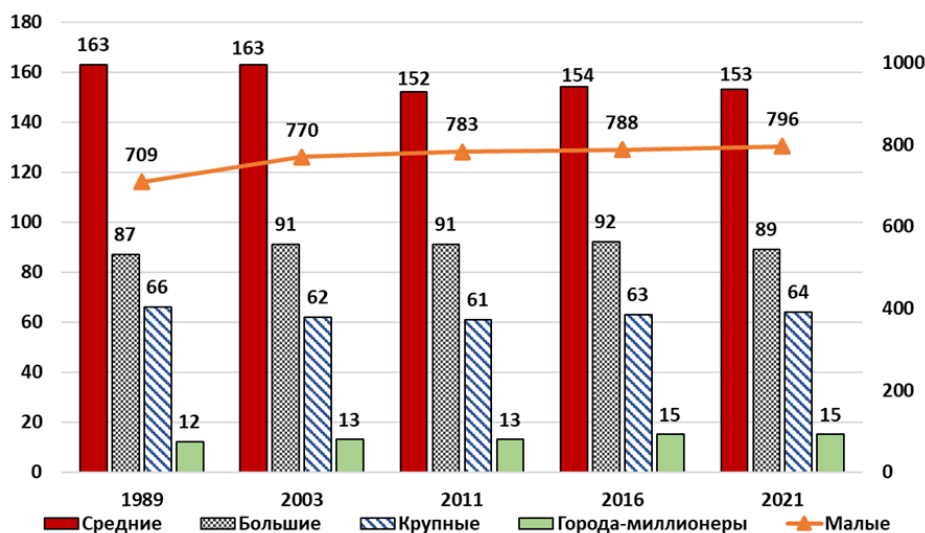

Рис. 9. Динамика количества городов в России (по типам)

Источник: составлено по данным Росстата [12]

Увеличение на тринадцать количества малых городов за последние более чем 10 лет не сопровождалось ростом численности их населения (таблица 1). Так за 2011-2021 гг. численность населения малых городов России сократилась на 627,3 тыс. человек. По средним городам изменения за тот же период были не столь существенны (плюс один город, сокращение числа

жителей на 17,8 тыс. человек). Количество больших городов уменьшилось на два, а число их жителей на 305,4 тыс. человек. Численность населения крупных городов, которых с 2011 по 2021 гг. стало на три больше, увеличилась на 1017,0 тыс. человек. Наибольший прирост за тот же период числа жителей – на 4012,6 тыс. человек наблюдается в крупнейших городах – миллионниках. Причем 2563,1 тыс. человек прибавилось к населению в том числе в результате увеличения количества городов-миллионеров на два в 2012 году, в последующие годы, несмотря на некоторое снижение в 2019 г. и 2021 г., численность их жителей увеличилась ещё на 1449,5 тыс. человек.

Анализируя динамику изменений структуры численности населения различных типов городов, следует отметить, что большая часть городского населения страны проживает в крупных и крупнейших городах, и если в 2011 году данное соотношение было на уровне 58,12%, то к 2021 году достигло 60,72%. В течение всего рассматриваемого периода, за редким исключением в отдельные годы, наблюдается видимая тенденция к сокращению доли малых, средних и больших городов в структуре численности городского населения России (рисунок 10).

Переток населения из сельской местности и малых, средних и больших городов в крупные и крупнейшие обусловлен, на наш взгляд, в первую очередь более высокими значениями уровня среднедушевых доходов, приходящихся на одного городского жителя. К примеру, в 2019 году средний ежемесячный доход члена домохозяйства крупнейшего города превышал доход сельского жителя более чем два раза, хотя как следует из данных рисунка 11 данный разрыв год от года сокращался с 2,2 раз в 2011 г. до 2,0 раз в 2019 г. Аналогичное соотношение средних ежемесячных доходов между жителями городов и сельских населенных пунктов сократилось с 1,7 раз в 2011 г. до 1,6 раз в 2019 г. в пользу последних.

Таблица 1

Динамика количества городов РФ и численности их населения (по типам)

		2011	2013	2015	2017	2019	2021	2021 к 2011
Малые города	Количество городов	783	779	788	789	795	796	+13
	Численность населения (тыс. чел.)	16429,9	16141,2	16060,2	15950,9	15921,8	15802,6	-627,3
Средние города	Количество городов	152	153	155	153	149	153	+1
	Численность населения (тыс. чел.)	10653,0	10703,3	10810,0	10594,5	10322,7	10635,3	-17,8
Большие города	Количество городов	91	90	90	93	94	89	-2
	Численность населения (тыс. чел.)	14008,2	13895,6	13751,7	14286,7	14527,0	13702,8	-305,4
Крупные города	Количество городов	61	60	64	63	63	64	+3
	Численность населения (тыс. чел.)	27506,0	26204,6	28031,2	27683,9	28311,1	28522,9	+1017,0
Города-миллионеры	Количество городов	13	15	15	15	15	15	+2
	Численность населения (тыс. чел.)	29516,1	32079,2	32997,4	33871,4	33696,1	33528,7	+4012,6

Источник: составлено по данным Росстата [12]

Как известно, Российская Федерация отличается значительной неравномерностью распределения населения по территории страны, в том числе это касается и городов. Разделив условно Россию на два больших макрорегиона – европейский запад (ЦФО, СЗФО, ЮФО, СКФО, ПФО), и азиатский восток (УФО, СФО, ДФО), следует отметить, что на западной части территории страны, занимающей менее четверти от общей площади, проживает почти три четверти (73,8%) ее населения. При этом, несмотря на рост численности городского населения в целом по стране с 2000 г. по 2021 г., более чем на 1,8 млн. человек, за тот же период в восточной части страны произошло сокращение числа городских жителей на 1,2 млн. человек, в то время как на европейском западе России их прирост (увеличение) составил 3 млн. человек (рисунок 12).

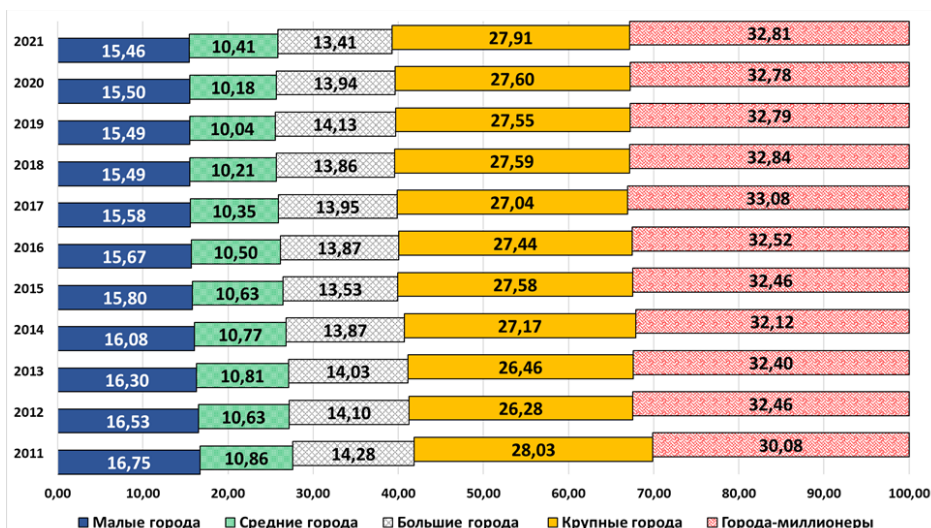

Рис. 10. Динамика изменений структуры численности населения различных типов городов, %

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [12]

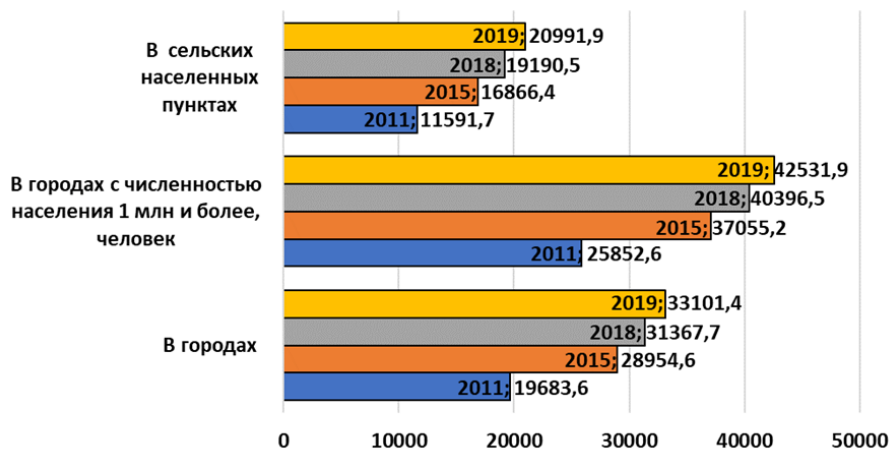

Рис. 11. Динамика изменений денежных доходов в среднем на члена домашнего хозяйства (в месяц) в РФ, руб.

Источник: составлено по данным Росстата [2, с. 166; 13, с. 167; 14, с. 157; 15, с. 159]

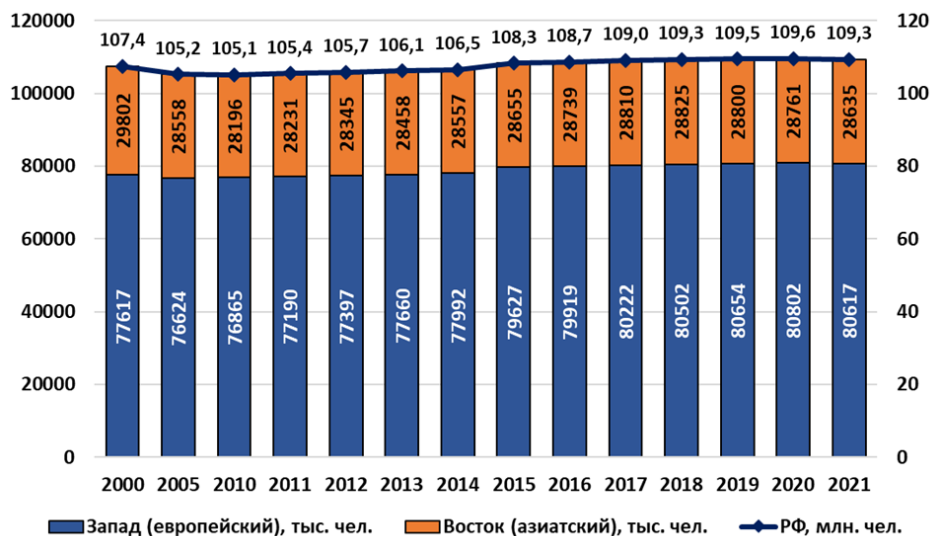

Рис. 12. Динамика численности городского населения по макрорегионам РФ

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [16]

Динамика изменения числа городских жителей по федеральным округам за последние 60 лет, показывала постоянный рост городского населения на территории всех округов РФ до 90-х годов XX века (рисунок 13). После начала рыночных преобразований в стране число городских жителей не сокращалось только в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах.

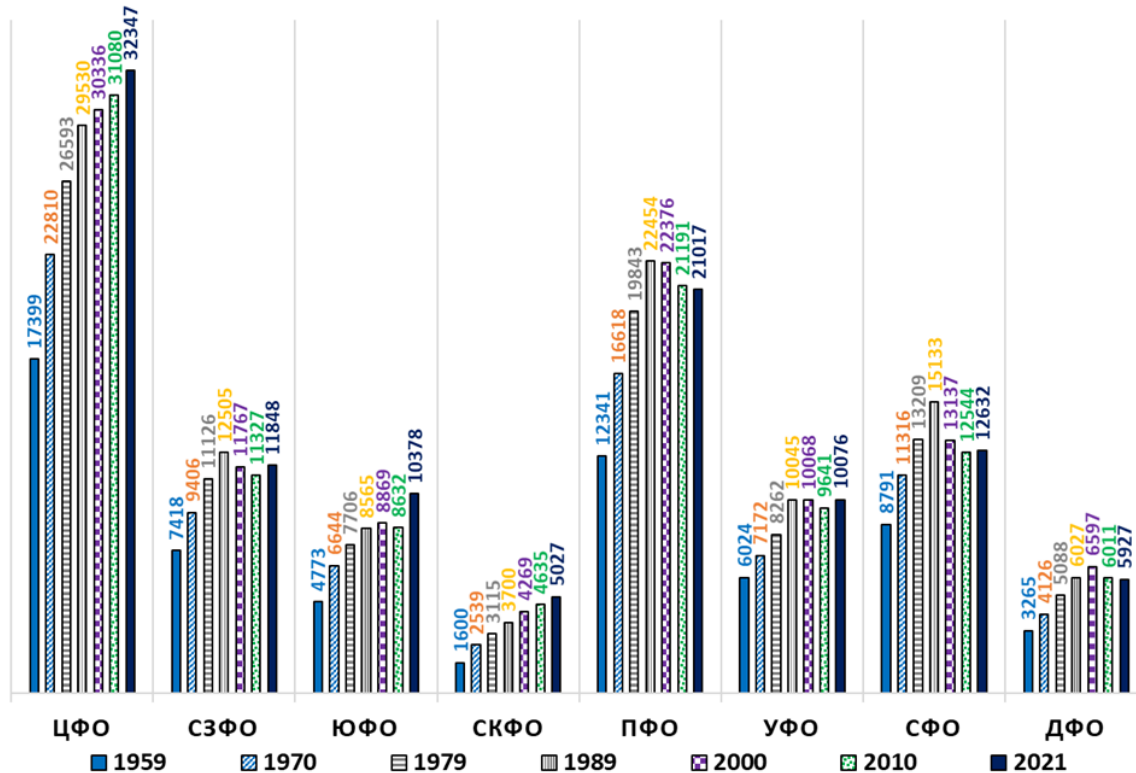

Рис. 13. Динамика численности городского населения по округам РФ, тыс. чел.

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [16; 17, с. 25-27]

С 1959 года по 2021 год максимальные темпы прироста городского населения на территориях современных федеральных округов приходились на советский период (рисунок 14). В ЦФО результатом рыночных преобразований стало сокращение темпов прироста городского населения более чем в 4 раза - с 11,0% до 2,7%. В СЗФО отрицательные темпы прироста числа городских жителей наблюдались в период 1990-2010 гг. В ЮФО отрицательный темп прироста городского населения в период с 2000 года по 2010 год сменился резким взлетом до 20,2% в 2010-2021 гг., что было связано в первую очередь с присоединением в 2014 году к РФ двух новых субъектов - Республики Крым и г. Севастополь. СКФО отличается от остальных округов максимальным приростом городского населения (58,7%) в период 1959-1970 гг. с менее волатильной снижающейся динамикой значений, сохраняющихся на уровне около +8,5% с 2000 года по 2010 год и с 2010 года по 2021 год. После начала рыночных преобразований в стране динамика темпов прироста числа городских жителей ПФО демонстрирует убыль, особенно усилившуюся в 2000-2010 гг. в -5,3%. В УФО промежуток 1979-1989 гг. - время максимального темпа прироста числа городских жителей в 21,6%, сменился периодами сокращения до 0,2% в 1989-2000 гг. и до -4,2% в 2000-2010 гг., с компенсацией произошедшего падения величиной в +4,5% в 2010-2021 гг. Среди всех округов минимального отрицательного значения в -13,2% темпы прироста (убыли) городского населения достигли в СФО в период 1989-2000 гг., в 2000-2010 гг. продолжающаяся убыль в -4,5% сменилась в последнюю десятилетку незначительной прибавкой в +0,7%. В ДФО пик оттока (-8,9%) населения из городов пришелся на период 2000-2010 гг., с сохранением тенденции отрицательного темпа прироста в -1,4% в 2010-2021 гг.

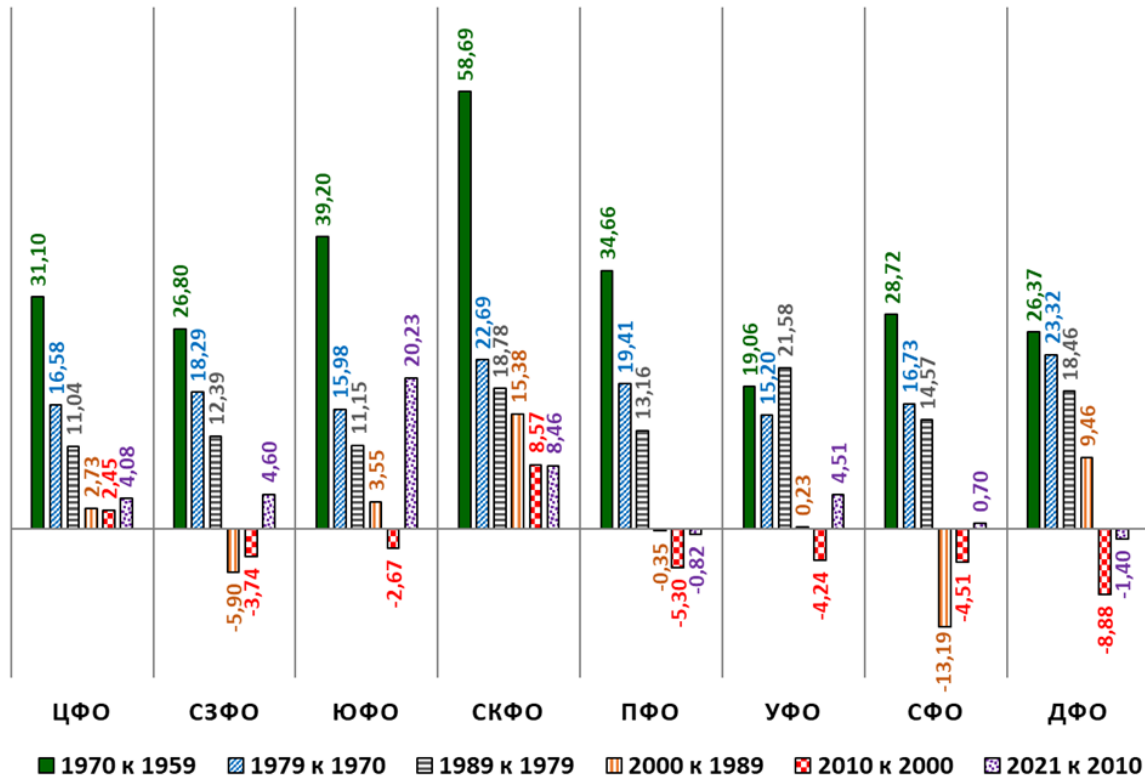

Рис. 14. Динамика темпов прироста городского населения по округам РФ, %

Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [16; 17, с. 25-27]

Значительную неравномерность расселения по территории страны отражают данные, представленные на рисунке 15. Наибольшая плотность городского населения по стране приходится на ЦФО, где на один квадратный километр округа приходится почти 50 городских жителей. В группу округов с плотностью городского населения в 20-30 человек на 1 км² входят СКФО, ЮФО и ПФО. Два округа – УФО и СЗФО, в которых на один квадратный километр приходится соответственно 5,5 и 7,0 городских жителей, близки к среднему значению данного показателя по стране. Наименьшая плотность городского населения в ДФО – 1,1 чел./км² и СФО – 2,9 чел./км². Если смотреть в динамике, то за последние 20 лет значительно увеличилась плотность городского населения в СКФО, ЦФО и ЮФО, а ее заметное снижение фиксируется в ПФО и ДФО.

Проведенный анализ динамики изменений структуры российских городов и численности их населения позволяет нам сделать ряд выводов. Имевшая место в советское время тенденция значительного увеличения числа городских жителей сменилась в условиях современной России относительной стабилизацией, с отдельными периодами сокращения городского населения страны. Рост доли городского населения связан с миграцией, в первую очередь из сельской местности, а не с естественным приростом. Изменение распределения городских жителей по типам поселений складывается в пользу крупнейших и крупных городов, в том числе за счет малых и больших, в которых численность населения сокращается. Значительный рост крупнейших и крупных городов связан, в первую очередь, с тем, что в них складываются более благоприятные экономические и социальные условия для населения и его воспроизводства, обеспечивается доступ к ресурсам и современным технологиям, создаются большая добавленная стоимость и перспективы приложения труда и капитала. Распределение городского населения по территории страны отличается значительной неравномерностью, и если в советский период наблюдался равномерный прирост численности городских жителей по всей территории, то после перехода к рыночной экономике положительная динамика прослеживается в основном в центральной и южной частях России.

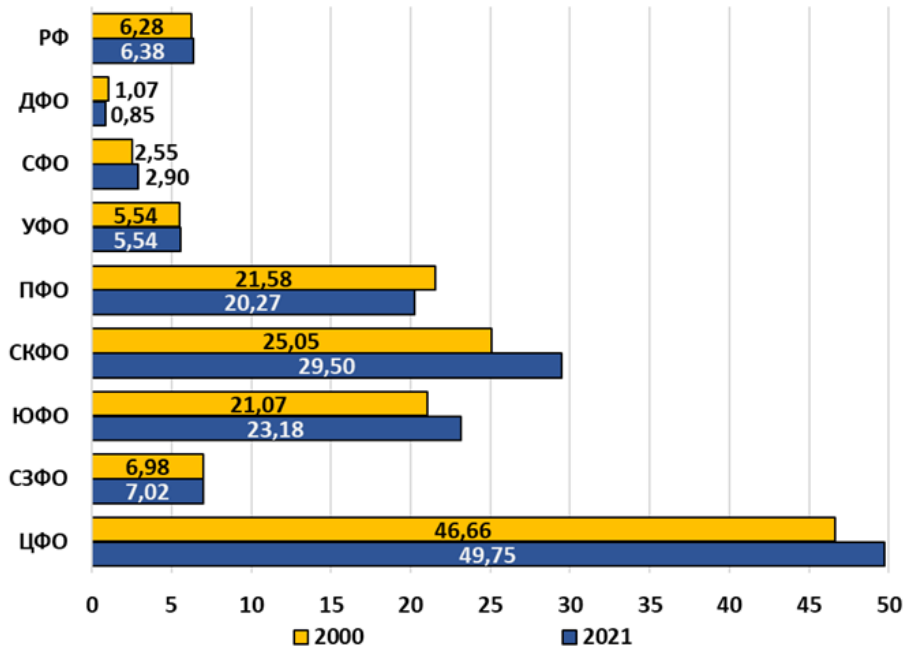

Рис. 15. Количество городских жителей на 1 квадратный километр, чел. / км²
 Источник: составлено и рассчитано по данным Росстата [16]

Представленные характеристики динамики урбанизационных процессов в России позволяют говорить о наличии дисбалансов и деструктивных явлений в развитии городов. Одним из решений проблемы преодоления имеющихся диспропорций в функционировании городов является, на наш взгляд, обеспечение их сбалансированного развития.

Применение термина «сбалансированное развитие» требует некоторого теоретико-методологического обоснования и соответствующей демаркации от определений иных типов развития. Понятие «сбалансированное развитие» применительно к территориальным структурам различного уровня стало использоваться во многом под влиянием концепции «устойчивого развития», сформировавшейся в восьмидесятых годах XX века. При этом некоторые авторы отождествляют или взаимоувязывают эти категории, другие объединяют одним словосочетанием, а некоторые разделяют их в понимании.

Возникновение концепции «устойчивого развития» связывают с такими исследователями, как Дж. Форрестер и Д. Медоуз. Исходя из математических расчетов этих исследователей, последствиями неконтролируемого экономического роста в мире должны были стать экологическая катастрофа, истощение и соответственно удорожание природных ресурсов, упадок производства, продовольственный кризис. Классическое понимание устойчивого (долговременного) развития, как развития, «отвечающего потребностям ныне живущих людей и не лишаящего будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [18], было заложено в опубликованном ООН в октябре 1987 г. докладе «Наше общее будущее» (доклад Брундтланд). Устойчивое (долговременное) развитие по мнению авторов доклада «представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институциональные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями» [19].

Выводы доклада легли в основу принятых в 1992 году в городе Рио-де-Жанейро на «Конференции ООН по окружающей среде и развитию» решений о принципиальной необходимости перехода на путь устойчивого развития в планетарных масштабах. Современной адаптацией «доклада Брундтланд» и последующих обсуждений и рекомендаций в этой области на международном уровне, дополняющей и актуализирующей основные положения концепции «устойчивого развития» стала резолюция 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25.09.2015 года, принятая Генассамблеей ООН, и определяющая необходимость достижения 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития, имеющих комплексный и неделимый характер, и позволяющих обеспечить сбалансированность экономической, социальной и экологической подсистем [20]. В соответствии с «Концепцией перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»,

утвержденной Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 года №440, «последовательный переход к устойчивому развитию должен обеспечить на перспективу сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей» [21]. При этом в Концепции указывается на то, что устойчивое развитие страны невозможно «без обеспечения устойчивого развития всех ее регионов».

Помимо трактовок «устойчивого развития», принятых на международном и государственном уровнях, существует множество подходов к определению данной категории у российских исследователей. Академик РАН Коптюг В.А. вкладывал в понятие устойчивого развития достижение «разумной сбалансированности, динамического равновесия между общественными и природными подсистемами на основе стратегии резкого сокращения диспаритета между развитыми и развивающимися экономиками, методами технологического прогресса, рационализации потребления и искоренения бедности» [22]. Академик Академии Наук Молдавии Урсул А.Д. определяет устойчивое развитие как «развитие, обеспечивающее сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей» [23]. Калинин М.Ю. понимает под устойчивым развитием «такое развитие экономической, политической, социальной и экологической сфер с присущим им, в качестве внутренних характеристик, стремлением к равновесию и сокращению диспаритета, которое обеспечивает сбалансированное, поступательное движение в целом, следствием чего должно явиться улучшение жизни людей» [24, с. 15]. Определяя переход к устойчивому развитию основой решения экономических и экологических проблем, Васинова А.Ф. связывает его с обеспечением сбалансированного развития «социально-экономических отношений с сохранением благоприятной окружающей природной среды и природно-ресурсного потенциала для удовлетворения потребностей настоящего и будущего поколений людей» [25, с. 39].

Отдельные авторы, основываясь на различных теоретико-методологических подходах к исследованию территориальных социально-экономических систем, говорят об устойчивом сбалансированном развитии. Объединяющий концепции устойчивого и сбалансированного развития на региональном уровне подход используется Татаркиным А.И. и Дорошенко С.В., которые в основу устойчивого сбалансированного развития региона включают два системообразующих признака: «внутреннюю самодостаточность, обеспечивающую долговременную устойчивость регионального развития за счет имеющихся ресурсов, целевых установок и способность к автономной перенастройке региональных подсистем, а также благоприятных внешних условий» [26, с. 16]. Киркорова Л.А. и Тимофеева Р.А. определяют устойчивое сбалансированное развитие как «постоянное развитие экономической, социальной и экологической подсистем с учётом их согласованного взаимодействия, дающего синергетический эффект для обеспечения динамической стабильности территории» [27, с. 133]. По мнению Чудиновой Л.Н. под устойчивым сбалансированным региональным развитием следует понимать «развитие, направленное на паритетное достижение целей субъектов региональной экономики и обеспечение их стабильного функционирования в долгосрочной перспективе на основе непрерывного инновационного совершенствования в условиях сохранения и улучшения экономической, социальной и экологической ситуации» [28, с. 18].

Далее остановимся на научных подходах некоторых авторов, которые разделяют понятия сбалансированного и устойчивого развития. Желюк Т.Л. и Ревун К.И. определяют сбалансированное развитие как «процесс формирования оптимальных количественных и качественных пропорций в национальной экономике на различных уровнях развития экономической системы с одновременным соблюдением паритетности экономических, социальных, экологических, институциональных и пространственных составляющих, обеспечивающих целостность развития экономической системы, достаточную ресурсную базу для повышения ее конкурентоспособности, адаптивность к мировым вызовам, снижение неопределенности и рисков развития» [29, с. 135]. Сбалансированное развитие территории по мнению Гончарова А.Ю. – это «процесс согласованного взаимодействия субъектов региональной экономики, соответствующий целевым установкам региональной социально-экономической политики, разработанным посредством индикативного планирования с учетом интересов населения региона, исполнительных органов государственной власти, бизнеса, институтов гражданского общества, организаций сферы образования, исследований и разработок, то есть укрупненных групп сторон, заинтересованных в региональном развитии (провайдеров регионального развития)» [30, с. 70-71]. Кузнецова О.В. и Чепляева О.К. считают, что сбалансированное территориальное развитие должно быть направлено на «обеспечение условий, позволяющих иметь необходимые и

достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики регионов» [31, с. 150].

Выводы

Рассмотренные подходы к определению категорий устойчивого и сбалансированного развития позволяют сделать ряд выводов. Принятый на международном уровне подход к пониманию устойчивого развития первостепенными определяет экологический и социальный аспекты устойчивости, в то время как экономический блок рассматривается как средство их достижения [32]. На наш взгляд, такое понимание устойчивого развития достаточно выгодно и удобно в первую очередь для развитых стран, в которых достигнутый высокий уровень экономического развития позволяет эффективно продвигать экологическую повестку. В менее развитых странах, к которым можно отнести и Россию, учитывая текущие возможности их экономики, выдвигание на первый план решение экологических проблем не позволит им выйти на траекторию устойчивого развития. Это, как можно заметить, понимают и российские исследователи, которые увязывают достижение страной и ее регионами устойчивого развития путем обеспечения разумной сбалансированности между экономической, социальной и экологической подсистемами. При этом позиция отдельных исследователей, отождествляющих устойчивое развитие со сбалансированным, является не совсем корректной ввиду того, что если устойчивость предполагает сохранение определенного состояния или заданной тенденции изменения, то сбалансированность – достижение и поддержание целевых пропорций, параметров баланса в рамках разнообразного набора факторов, характеризующих территориальную социо-эколого-экономическую систему, на основе согласования интересов участвующих субъектов.

Реализация идей сбалансированного развития, по нашему мнению, несомненно применима к современным городам, призванным обеспечивать достаточное качество жизни городского населения и являющимся при этом эпицентрами концентрации основной массы жителей, зарождения экономических, социальных, инфраструктурных, экологических и других проблем. Именно в городах, учитывая сильные и слабые стороны каждого конкретного поселения, существует реальная возможность определить, какая деятельность приведет городскую систему к сбалансированному состоянию, а какая – отдаляет ее от такового, формируя, опираясь на согласованное мнение заинтересованных сторон (жителей, бизнеса, муниципальных и региональных властей и др.), соответствующую стратегию развития. В основе системы управления сбалансированным развитием города должен быть непрерывный процесс поиска баланса, проводимый на всех уровнях – от сбора информации, обсуждения и до принятия решений.

Литература

1. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. – М.: Наука, 2004. 258 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат.сб./Росстат. – М., 2021. – 692 с.
3. Стратегия пространственного развития современного российского города. [Электронный ресурс] – URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2017/07/Buklet_Po_Strategiam_20_07_Szhaty_2.pdf (дата обращения 10.06.2023)
4. State of the World's Cities 2010/2011. Bridging the Urban Divide. UN HABITAT. 2010. 244 p. [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.4324/9781849774864> (дата обращения 10.06.2023)
5. Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. 2015. №4. С. 59-74.
6. World Population by Year. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/world-population-by-year/> (дата обращения 10.06.2023).
7. Population of Russia (2020 and historical). [Электронный ресурс] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/russia-population/> (дата обращения 10.06.2023)
8. Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб./Росстат. – М., 2021. – 256 с.
9. World Population Projections. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/world-population-projections/> (дата обращения 10.06.2023).
10. Russia Population Forecast. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/russia-population/> (дата обращения 10.06.2023)
11. Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации» за 2011-2021 гг. [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 10.06.2023).
12. Статистические бюллетени «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям». [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 10.06.2023).
13. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб./Росстат. – М., 2020. – 700 с.
14. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат.сб./Росстат. – М., 2017. – 686 с.
15. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат.сб./Росстат. – М., 2014. – 693 с.
16. Приложение к сборнику «Демографический ежегодник России. 2021» (информация в разрезе субъек-

- тов Российской Федерации) [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 10.06.2023).
17. Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., – 2002. – 397 с.
18. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. [Электронный ресурс] – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения 10.06.2023).
19. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). [Электронный ресурс] – URL: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> (дата обращения 10.06.2023).
20. Резолюция 70/1 Генассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25.09.2015 г. [Электронный ресурс] – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 10.06.2023).
21. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Президент РФ: офиц. сайт. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 10.06.2023)
22. Коптюг В.А. Избранные труды. Том 4: Информатика. Экология. Устойчивое развитие / отв. ред. Б.С. Елепов. – М., Наука, 2006. 503 с.
23. Урсул А.Д., Романович А.Л. Глобализация, устойчивое развитие и безопасность: системно-синергетический подход // Глобализация: синергетический подход. В 2-х ч. Ч. 1. – М.: РАГС, – 2002. – С. 106-123.
24. Калинин М.Ю. Теоретико-методические основы концепции устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2005. – №9. – С. 14-18.
25. Васикова А. Ф. Некоторые аспекты формирования устойчивого развития как сбалансированного развития общества и природы // Вестник НВГУ. – 2011. – №2. – С. 39-42.
26. Татаркин А.И., Дорошенко С.В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис // Экономика региона. – 2011. – С. – 15-23.
27. Киркорова Л.А., Тимофеева Р.А. К вопросу устойчивого сбалансированного развития регионов // Проблемы современной экономики. – 2016. – №. 4 (60). – С. 132-134.
28. Чудинова Л.Н. Инвестиционное обеспечение устойчивого сбалансированного развития региона: концепция, стратегия, механизм // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2016. – №1. – С. 17-22.
29. Желюк Т.Л., Ревун К.И. Парадигма управления сбалансированным развитием национальной экономики // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – №1-2. – С. 133-139.
30. Гончаров А.Ю. Концепция управления сбалансированным развитием региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2015. – №. 4. – С. 70-74
31. Кузнецова О.В., Чепляева О.К. Совершенствование инструментария федеральной региональной политики, направленной на обеспечение сбалансированного развития субъектов Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2012. – №4. – С.149-160.
32. Arushanyan Y., Ekener E., Moberg A. Sustainability assessment framework for scenarios – SAFS // Environmental Impact Assessment Review. Volume 63. 2017. P. 23-34. [Электронный ресурс] – URL: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2016.11.001>. (дата обращения: 10.06.2023)

References:

1. Pchelincev O.S. Regional'naya ekonomika v sisteme ustojchivogo razvitiya. – М.: Nauka, 2004. 258 s.
2. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2021: Stat.sb./Rosstat. – М., 2021. – 692 s.
3. Strategiya prostranstvennogo razvitiya sovremennogo rossijskogo goroda. [Elektronnyj resurs] – URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2017/07/Buklet_Po_Strategiam_20_07_Szhaty_2.pdf (data obrashcheniya 10.06.2023)
4. State of the World's Cities 2010/2011. Bridging the Urban Divide. UN HABITAT. 2010. 244 p. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://doi.org/10.4324/9781849774864> (data obrashcheniya 10.06.2023)
5. Kolomak E.A. Resurs urbanizacii v Rossii // Prostranstvennaya ekonomika. 2015. №4. S. 59-74.
6. World Population by Year. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/world-population-by-year/> (data obrashcheniya 10.06.2023).
7. Population of Russia (2020 and historical). [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/russia-population/> (data obrashcheniya 10.06.2023)
8. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2021: Stat.sb./Rosstat. – М., 2021. – 256 с.
9. World Population Projections. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/world-population-projections/> (data obrashcheniya 10.06.2023).
10. Russia Population Forecast. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/russia-population/> (data obrashcheniya 10.06.2023)
11. Statisticheskie byulleteni «CHislennost' i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii» za 2011-2021 gg. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (data obrashcheniya 10.06.2023).
12. Statisticheskie byulleteni «CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po municipal'nym obrazovaniyam». [Elektronnyj resurs] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (data obrashcheniya 10.06.2023).
13. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2020: Stat.sb./Rosstat. – М., 2020. – 700 s.
14. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017: Stat.sb./Rosstat. – М., 2017. – 686 s.
15. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2014: Stat.sb./Rosstat. – М., 2014. – 693 s.
16. Prilozhenie k sborniku «Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2021» (informaciya v razreze sub»ektov Ros-

- sijskoj Federacii) [Elektronnyj resurs] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (data obrashcheniya 10.06.2023).
17. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2002: Stat. sb. / Goskomstat Rossii. – M., – 2002. – 397 c.
18. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (data obrashcheniya 10.06.2023).
19. Nashe obshchee budushchee. Doklad Mezhdunarodnoj komissii po okruzhayushchej srede i razvitiyu (MKOSR). [Elektronnyj resurs] – URL: <http://ustojchivoerazvitie.rf/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> (data obrashcheniya 10.06.2023).
20. Rezolyuciya 70/1 Genassamblei OON «Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda» ot 25.09.2015 g. [Elektronnyj resurs] – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (data obrashcheniya 10.06.2023).
21. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.04.1996 g. № 440 «O koncepcii perekhoda Rossijskoj Federacii k ustojchivomu razvitiyu» // Prezident RF: ofic. sajт. [Elektronnyj resurs] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (data obrashcheniya: 10.06.2023)
22. Koptyug V.A. Izbrannye trudy. Tom 4: Informatika. Ekologiya. Ustojchivoe razvitie / otv. red. B.S. Elepov. – M., Nauka, 2006. 503 s.
23. Ursul A.D., Romanovich A.L. Globalizaciya, ustojchivoe razvitie i bezopasnost': sistemno-sinergeticheskij podhod // Globalizaciya: sinergeticheskij podhod. V 2-h ch. CH. 1. – M.: RAGS, – 2002. – S. 106-123.
24. Kalinnikov M.YU. Teoretiko-metodicheskie osnovy koncepcii ustojchivogo razvitiya regiona // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. – 2005. – №9. – S. 14-18.
25. Vasikova A. F. Nekotorye aspekty formirovaniya ustojchivogo razvitiya kak sbalansirovannogo razvitiya obshchestva i prirody // Vestnik NVGU. – 2011. – №2. – S. 39-42.
26. Tatarkin A.I., Doroshenko S.V. Region kak samorazvivayushchayasya social'no-ekonomicheskaya sistema: perekhod cherez krizis // Ekonomika regiona. – 2011. – S. – 15-23.
27. Kirkorova L.A., Timofeeva R.A. K voprosu ustojchivogo sbalansirovannogo razvitiya regionov // Problemy sovremennoj ekonomiki. – 2016. – №. 4 (60). – S. 132-134.
28. CHudinova L.N. Investicionnoe obespechenie ustojchivogo sbalansirovannogo razvitiya regiona: koncepciya, strategiya, mekhanizm // FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya. – 2016. – №1. – S. 17-22.
29. ZHelyuk T.L., Revun K.I. Paradigma upravleniya sbalansirovannym razvitiem nacional'noj ekonomiki // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – №1-2. – S. 133-139.
30. Goncharov A.YU. Koncepciya upravleniya sbalansirovannym razvitiem regiona // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. – 2015. – №. 4. – S. 70-74
31. Kuznecova O.V., Cheplyaeva O.K. Sovershenstvovanie instrumentariya federal'noj regional'noj politiki, napravlennoj na obespechenie sbalansirovannogo razvitiya sub»ektov Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika. – 2012. – №4. – S.149-160.
32. Arushanyan Y., Ekener E., Moberg A. Sustainability assessment framework for scenarios – SAFS // Environmental Impact Assessment Review. Volume 63. 2017. P. 23-34. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2016.11.001>. (data obrashcheniya: 10.06.2023)

УДК 338.22(930.23)

АЗАРОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА

к.э.н., доцент кафедры мировой и национальной экономики
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет
имени Г.Ф. Морозова», г. Воронеж, Россия,
e-mail: azarovarsd@rambler.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-29-37

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие инновационного потенциала социально-экономических систем, которое является ключевым фактором реализации преобразований, необходимых для достижения стратегических целей в области устойчивого развития. Исследованы существующие концепции управления инновационным потенциалом социально-экономических систем, реализация которых обеспечивает возможности для качественного и количественного экономического развития регионов в целях устойчивого развития. В данном исследовании используется конструктивный метод исследования для построения управленческого подхода, который исследует управление инновационным потенциалом для достижения устойчивого развития регионов с учетом тенденций цифровизации и создания дополнительных рабочих мест, снижающие воздействие неопределенности и обеспечивающие устойчивость развития региона. Предполагается, что данный подход позволит региональным властям оценить свои возможности и ресурсы при достижении устойчивого развития, изучить и расставить приоритеты возможностей и стратегий, и соответствующим образом сформулировать единую стратегию инноваций для успешного функционирования региональных социально-экономических систем. Предлагаемая концепция разработана в целях преобразования региональной политики как источника для взаимодействия бизнеса, власти и населения территорий, ориентированного на достижение целей устойчивого развития. Полученные в статье выводы позволяют определить управление инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем, как концепцию, формируемую по созданию ценности существующему и потенциальному населению, проживающему на данной территории, с помощью оптимальной организации взаимодействия бизнеса, власти и социума для создания экономической и социальной ценности, с помощью ресурсов и инфраструктуры, обеспечивающих реализацию эффективного функционирования для достижения целей устойчивого развития региона. Данная концепция отражает научные достижения, с помощью которых региональные власти могут стимулировать развитие инноваций в регионах.

Ключевые слова: инновационный потенциал, регион, социально-экономические системы, управленческая стратегия, инновационное преимущество, цифровизация, НИОКР.

AZAROVA NATALIA ANATOLYEVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of
World and National Economics, Voronezh State University
named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia,
e-mail: azarovarsd@rambler.ru

DEVELOPMENT OF THEORETICAL PROVISIONS OF MANAGEMENT CONCEPTS INNOVATIVE POTENTIAL OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. This article examines the development of the innovative potential of socio-economic systems, which is a key factor in the implementation of the transformations necessary to achieve strategic goals in the field of sustainable development. The existing concepts of managing the innovative potential of socio-economic systems, the implementation of which provides opportunities

for qualitative and quantitative economic development of regions for sustainable development, are investigated. This study uses a constructive research method to build a management approach that explores the management of innovative potential to achieve sustainable development of regions, taking into account the trends of digitalization and the creation of additional jobs that reduce the impact of uncertainty and ensure the sustainability of the development of the region. It is assumed that this approach will allow regional authorities to assess their capabilities and resources in achieving sustainable development, to study and prioritize opportunities and strategies, and accordingly formulate a unified innovation strategy for the successful functioning of regional socio-economic systems. The proposed concept has been developed in order to transform regional policy as a source for interaction between business, government and the population of territories focused on achieving sustainable development goals. The conclusions obtained in the article allow us to define the management of the innovative potential of regional socio-economic systems as a concept formed to create value for the existing and potential population living in this territory, using the optimal organization of interaction between business, government and society to create economic and social value, with the help of resources and infrastructure that ensure the implementation of effective functioning for achieving the sustainable development goals of the region. This concept reflects the scientific achievements with which regional authorities can stimulate the development of innovations in the regions.

Keywords: *innovation potential, region, socio-economic systems, management strategy, innovation advantage, digitalization, R&D.*

1. Введение

В современной экономике, которая в значительной степени зависит от глобализации, цифровизации, инноваций, растущей важности интеллектуального капитала и принципов устойчивого развития, достижение устойчивого развития стало не только обязательным условием, но и все более сложной задачей. Практика управления инновациями быстро развивается, и постоянно в научной литературе разрабатываются новые инновационные подходы. Например, в последние годы активно изучаются открытые инновации, стратегические инновации, которые стали основными направлениями научных исследований. Системность подхода в изучении основных направлений позволяет сделать заключение о необходимости разработки тех научных исследований, которые динамичны, изменчивы и нуждаются в постоянном углубленном осмыслении этих изменений на региональном уровне и стимулировании эффективных механизмов управления ими. По мере появления новых управленческих концепций возникает необходимость в поиске современных исследований с точки зрения построения современных научных теорий.

Следовательно, данные исследования являются основой используемой методологии в изучении некоторых вопросов инновационного менеджмента. Учитывая различия в традициях, культуре, научных и производственных возможностях, техническом потенциале, а также готовности к инновационным преобразованиям для регионов Российской Федерации, формирование и управление инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем должно строиться на основе селективности и учета региональных особенностей. Именно региональная экономика, по мнению многих авторов, является источником инновационных преобразований, основным звеном инновационных региональных процессов.

Однако перед изучением формирования данных теоретических концепций выделим универсальные составляющие региональных социально-экономических систем, которые определяются с учетом цикличности мировой экономики, тенденций импортозамещения в целях формирования нового технологического уклада. Как следствие, первостепенную роль в инновационной политике региональных социально-экономических систем играют стратегические инструменты, создающие и совершенствующие системные решения, такие как: региональные инновационные стратегии, региональное планирование, инструменты бенчмаркинга или мониторинга инновационных процессов. Они позволят региональным властям в долгосрочной перспективе смотреть на формирование инновационного потенциала регионов, а хозяйствующие субъекты получают знания и информацию об инновационных процессах, тем самым ослабляя рыночную неопределенность их функционирования в условиях внешней среды и изменчивости.

2. Основная часть

2.1 Исследование взаимодействия инноваций, социально-экономических систем и устойчивого регионального развития

Само понятие инновация является основным понятием научных трудов, государственных документов, нормативно-разработанной основой для стимулирования развития региональной экономики. Для единства понимания социально-экономических систем определим данное понятие как совокупность взаимосвязанных в единые целые процессов, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением товаров и услуг в целях достижения устойчивого конкурентного преимущества. Локализация социально-экономических систем в региональном аспекте обуславливает наличие очерченных границ единого территориального пространства, обусловленных историческими, географическими, этническими, духовными, политическими и экономическими процессами.

Поэтому концепции регионального развития обусловлены социально-экономическими системами, результат формирования в которых отображается в виде конкретных экономических действий. Социально-экономические системы возникают как результат сложного взаимодействия, многообразия форм производственных отношений, в рамках устойчивого регионального развития [1]. В настоящее время существуют известные мировые центры инноваций как в технологическом, так и в информационном ракурсе. Исчерпаемость экономических ресурсов, развитие традиционных отраслей в виде металлургической промышленности в некоторых регионах Германии позволило заложить основу функционирования современным технопаркам и техно-центрам в середине прошлого века. А в целях повышения конкурентоспособности продукции, выпускаемой французскими предприятиями, были разработаны инновационные проекты технопарков и технополисов в Лионе и Софии-Антиполисе. Максимизация занятости в обществе является одним из главных приоритетов правительств во всем мире. В Китае, например, цель регионального правительства по обеспечению создания дополнительных рабочих мест глубоко укоренена в логике, согласно которой минимизация безработицы является важным фактором социальной стабильности.

Устойчивое региональное развитие обеспечивается формированием устойчивого инновационного преимущества. Задача формирования инновационного преимущества в рамках регионального развития социально-экономических систем обуславливает появление инноваций, функционирующих в рамках жизненного цикла инновационных технологий. Устойчивое инновационное преимущество – это «способность организации создавать и доставлять потребителям высшую ценность, а также создавать и получать более высокую прибыль для себя по сравнению с долгосрочной прямой или косвенной конкуренцией». Устойчивое инновационное преимущество основано на возможностях организации развития интеллектуального капитала и потенциала сотрудников, а также на успешном применении инноваций [3]. Региональные инновации в области устойчивого развития могут привести к созданию новых бизнес-моделей, поскольку они часто включают в себя новые комбинации продуктов и услуг, а также ценность, которую создают новые бизнес-модели на ограниченной территории.

Как видно из данных определений, организации все больше развивают свое будущее инновационного преимущества и опираются на успешное создание и внедрение инноваций во всех сферах бизнеса, но особенно за счет развития потенциала своих сотрудников. Это обуславливает инновационность развития в современной бизнес-среде, отмечая, что уровень инноваций ниже там, где в культуре пронизывает стремление избегать неопределенности, чем там, где неопределенность обусловлена культурой общества. Растущая важность использования инновационного потенциала, развития эмоционального интеллекта, когнитивных навыков и одновременного снижения влияния неопределенности становится все более сложной задачей.

Развитие данной тематики рассматривалось в неошумпетерианской литературе [4]. Следуя описанию Шумпетера, инновационная конкуренция является двигателем экономического роста и процветания, что подчеркивает положительные эффекты инновационности [5]. Предлагая новые возможности трудоустройства и выплачивая более высокую заработную плату, инновационные фирмы и отрасли в регионах позволяют расти национальному доходу на душу населения и, таким образом, повышать уровень жизни.

Такая точка зрения действительно оправдана, поскольку инновации не вызывают каких-либо негативных внешних эффектов, то есть эффектов снижения благосостояния, которые коррелируются или не полностью коррелируются с системой ценообразования. Однако это часто игнорируемое условие далеко не всегда выполняется. Инновации, которые вызывают негативные внешние эффекты, не являются чем-то исключительным. Фактически, инновации могут «нанести ответный удар» и вызвать существенные потери. Эволюционная экономиче-

ская теория и институциональная экономика обеспечивают прочную теоретическую основу развития инноваций. Цифровая трансформация и, как следствие, повсеместная цифровизация инновационной функции часто ассоциируются с увеличением возможностей управления инновационным потенциалом.

2.2 Изучение инновационного потенциала и современных концепций его управления

Инновационный потенциал – это не просто управленческий инструмент для достижения конкурентного доминирования, это сформированность системы к определенной динамике изменений, превращение в основную организационную способность, которая становится все более важным отличительным признаком и доминирующим фактором успеха [6]. Поэтому трактовку понятия инновационный потенциал можно разделить на три группы:

1. Это некая общая совокупность факторов, с помощью которых обеспечивается формирование условий и результатов в инновационном развитии экономики.

2. Это элементы структуры, деятельность которых направлена на развитие социально-экономических систем с помощью научно-технического прогресса и цифровизации (вузы, проектные и научные предприятия, комплексы, полигоны, персонал в виде человеческого капитала).

3. Результаты исследований и разработок научно-технических работ, изобретений, проектной техники, конструкторских решений и т.д. [7].

В результаты, согласно проведенным исследованиям, выделим следующие составляющие инновационного потенциала:

– Инновационно-интеллектуальный потенциал. В него входят все исследования и разработки, которые генерируют новые разработки, инновации, интеллектуальные решения и прочее.

– Природно-инновационный потенциал, исследования которого базируются на теории ограниченности природных ресурсов, с помощью которых достигаются цели устойчивого развития. Это природные социально-экологические системы, лесные и земельные ресурсы, природная инфраструктура территорий [8].

– Инновационно-производственный капитал, который формируется с помощью инновационных средств производства, инвестиционных региональных проектов, финансовых рыночных элементов, включающих в себя основные отрасли производства (строительство, машиностроение, производство товаров формата B2B).

Исходя из вышесказанного, сформулируем определение инновационного потенциала социально-экономических систем как подсистемную основу общего экономического потенциала социального развития региона, формируемую на основе синергии различных экономических ресурсов. Деятельность этих ресурсов обеспечивает инновационное развитие региона, механизм реализации которого обусловлен взаимодействием институциональных и организационных возможностей региона. Они раскрывают инновационное развитие и формируют инновационные возможности с помощью региональной инновационной экономической политики. Деятельность этой политики изменчива под влиянием различных целевых показателей или внешнего воздействия.

Поиск направлений исследований и разработок, то есть изучение деятельности в области НИОКР, осуществляемой региональными социально-экономическими системами в целях повышения регионального уровня производительности труда, имеет важное значение для управления инновационным потенциалом и разработки новых продуктов. Понимание предпосылок поиска управления инновационным потенциалом особенно важно для регионов с невысокими показателями экономического развития. Деятельность данных регионов в области стимулирования инновационных решений позволяет им «догонять технологическое отставание», когда стандартные управленческие стратегии обычно сдерживаются слаборазвитой институциональной средой.

Такие различные институциональные среды могут быть отражены в определении целей и атрибуции региональных проблем, которые представляют новые ключевые направления для изучения условий, вытекающих из внешних институтов. Это обусловлено тем, что основной целью регионального развития является не прибыльность или связанные с ней финансовые показатели, развитие региональных социально-экономических систем определяется администрацией регионов в основном нефинансовыми целями, такими как размер занятости. Кроме того, из-за экономической неопределенности правительства регионов с невысоким инновационным потенциалом обычно обладают активностью в распределении ресурсов и стремлением стимулирования экономической деятельности. Таким образом, важно решить задачу, как концепции управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических

систем с помощью факторов производства и управления обеспечивают рост экономики в регионах и устойчивость развития. Выделим основные направления выполнения данной задачи.

Во-первых, региональные власти заинтересованы в развитии инновационного потенциала в связи с недостатками роста производительности труда.

Во-вторых, важной составляющей инновационного потенциала является уровень занятости в регионе, что обеспечивает устойчивое развитие и конкурентоспособность.

В-третьих, важность функционирования социальных некоммерческих организаций, созданных для достижения социальных целей, предполагает устойчивость регионального развития в рамках социально-экономических систем.

2.3 Совершенствование теоретических положений концепций управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем в целях устойчивого развития

Предлагаемый подход к формированию концепции управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем в целях устойчивого развития можно охарактеризовать, в первую очередь, с помощью разделения исследовательского процесса на этапы, порядок которых, конечно, может варьироваться от случая к случаю. Например:

- Нахождение актуальной проблемы, которая имеет исследовательский потенциал.
- Получение общего и всестороннего понимания темы в рамках заданной концепции.
- Использование инноваций как идеи решения.
- Оценка результативности инновационного потенциала.
- Изучение результатов в виде теоретических связей и исследовательского вклада концепции в решение проблемы.
- Изучение области применимости решения.

Поэтому успешное конструктивное исследование, в котором создается инновационное решение управленческой проблемы, демонстрируется его конкретное удобство использования и теоретические связи, а также исследуется его потенциал для более общей адекватности, является возможностью реализовать наиболее важные общие характеристики науки об инновациях (т.е. объективность, критичность, автономность и прогрессивность).

Важность и актуальность изучения концепции управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем направлена на управление прогрессом устойчивого развития с точки зрения экономики мезоуровня. Например, инструмент воздействия на инновационный потенциал региональных социально-экономических систем включает концептуальный подход, состоящий из следующих элементов конгруэнтного управления:

Во-первых, соединение человеческого капитала в целях привлечения и сбора людей с разными компетенциями, чтобы укрепить междисциплинарность и целостное мышление.

Во-вторых, определение объекта и масштаба управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем.

В-третьих, изучение существующих концепций управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем, изучение которых обеспечивает особое внимание на основе их значимости согласно объекту оценки воздействия.

В-четвертых, оценка результатов управленческих решений с точки зрения влияния оцениваемого объекта на каждую цель устойчивого развития, используя следующие категории:

- 1) прямое негативное воздействие;
- 2) косвенное негативное воздействие;
- 3) никакого воздействия;
- 4) косвенное положительное воздействие;
- 5) прямое положительное воздействие;
- 6) необходимость дополнительных знаний.

В результате выбирается наилучшая концепция, способствующая реализации стратегии управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем. Таким образом, данная концепция может помочь региональным властям определить их положительное и отрицательное влияние на цели устойчивого развития и реализовать возможности принятия правильных стратегических решений. Помимо стратегий управления инновационным потенциалом в бизнес-практику региональных социально-экономических систем необходимо исследовать роль политики цифровизации в достижении устойчивого развития, рассматривая как теорию, так и практику. Ученые также обсуждают растущую роль механизмов инноваций и цифровизации для роста инновационного потенциала [9].

Кроме того, данные процессы ускоряют процессы достижения устойчивого развития по-

средством использования установленных руководящих принципов информационной трансформации, уделяя особое внимание разработке государственной и региональной инновационной политики, связанной с расстановкой приоритетов показателей, точками воздействия и взглядом на результат влияния на благосостояние населения в регионе, обусловленное процессами занятости и безработицы.

Концепция региональной модели развития инновационного потенциала стала все чаще использоваться на практике после интернет-бума и развития электронной коммерции, будучи подходящей для описания и анализа логики новых форм бизнеса и поиска управленческих решений. В течение последних двух десятилетий эта концепция также приобрела растущую актуальность в академических кругах, оказывая влияние и находясь под влиянием литературы в различных дисциплинах, таких как стратегический менеджмент, инновации, информационные системы и корпоративная устойчивость. В экономической литературе также представлено множество определений понятия управления инновационным потенциалом, объединяющих элементы различных точек зрения и теорий, от использования концепции конкурентного преимущества, стратегического позиционирования и динамических возможностей до цепочек создания стоимости и сетей создания стоимости до создания теории заинтересованных сторон.

С точки зрения регионального развития, управление инновационным потенциалом социально-экономических систем предлагается определить как определенный взаимосвязанный набор переменных решений в областях венчурной стратегии, архитектуры и экономики региона, применяемый для создания устойчивого конкурентного преимущества для устойчивого развития. В области прикладных управленческих решений концепцию управления инновационным потенциалом можно определить как «концептуальный инструмент, содержащий набор объектов, элементов и их взаимосвязей с целью достижения комплексного развития экономики региона» [10]. Иначе кратко можно рассмотреть данную теорию с точки зрения институционального взгляда на комплексное решение как «концепцию, описывающую обоснование того, как региональная экономика создает, доставляет и получает ценность, выполняя две важнейшие функции: создание стоимости и получение добавленной стоимости» [11].

Окончательное определение инновационного потенциала региональных социально-экономических систем еще не выработано, некоторые из определений все же имеют общие элементы, такие как единство взаимодействия в совокупности способностей бизнеса, власти и социума формировать, развивать и усовершенствовать инновационные возможности с помощью цифровизации и НИОКР, обеспечивающие заданный уровень конкурентоспособности региона. Однако с помощью интеграции региональной экономики в единую пространствен-

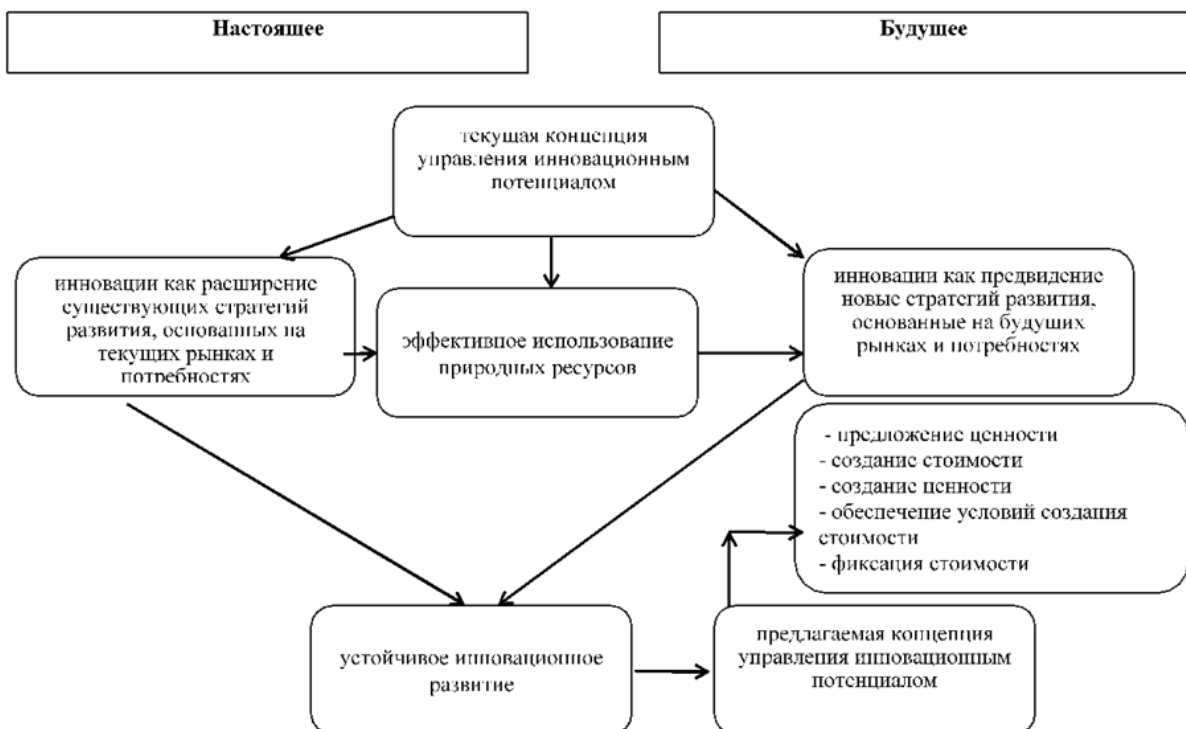

Рис. 1. Архитектура предлагаемого управленческого подхода

ную экономику обеспечивается реализация устойчивого экономического развития. С помощью формирования инновационного потенциала региональных социально-экономических систем на основе эффективного использования природных ресурсов вырабатывается стратегия развития отраслей, которые обеспечивают максимальную прибыльность в регионе и способствуют управлению потенциалом региональной инновационной системы.

Действительно, в существующих концепциях управления инновационным потенциалом механизм их реализации уже использовался на практике и исследовался в научной литературе как рычаг воздействия на цели устойчивого развития. Ученые утверждают, что существуют два основных инновационных подхода, которые могут использоваться региональными властями для достижения экономического эффекта: «[I] инновации как расширение существующих стратегий развития, основанных на текущих рынках и потребностях, или [II] инновации как предвидение новых стратегий развития, основанных на будущих рынках и потребностях». Авторы также утверждают, что, несмотря на то, что многие компании используют устойчивое развитие различными способами (например, реактивно или проактивно), не многие региональные власти явно связали их с инновационными концепциями [12].

Предлагаемые элементы концепции реализации инновационного потенциала, которые могут использоваться регионами для достижения устойчивого развития, основаны на матрице, объединяющей два фундаментальных стратегических решения, которые региональные власти должны принять при разработке своих стратегий развития. Во-первых, необходимо рассмотреть, с помощью каких экономических действий достигается цель устойчивого развития в процессе создания стоимости (т.е. режим создания стоимости, поддерживающий достижение цели устойчивого развития). Во-вторых, фокусируются экономические исследования на том, как создается ценность (т.е. коммерческий способ получения стоимости за счет рыночных доходов по сравнению с социальным способом получения стоимости посредством миссии, например, с помощью денежных или натуральных пожертвований). Однако в научной литературе и деловой практике по-прежнему отсутствуют четко разработанные подходы, помогающие властям в регионах решить проблемы устойчивого развития и осуществить инновационные стратегии.

Таким образом, для совершенствования процесса управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем на самом деле полезно определить основные составные элементы. Предлагаемую концепцию управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем возможно определить как концепцию, описывающую, какую ценность регион формирует существующему и потенциальному населению, проживающему на данной территории (предложение ценности), как схему организации взаимодействия бизнеса, власти и социума для создания добавленной стоимости (создание стоимости), выявление, с помощью каких ресурсов и инфраструктуры (создание ценности), при каких обстоятельствах (условия создания стоимости) и как данный процесс способствует достижению устойчивого развития региона (фиксация стоимости).

Соответственно, «управление инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем в целях устойчивого развития» помогает описывать, анализировать, управлять и сообщать: (1) устойчивое ценностное предложение региона своему населению и всем другим заинтересованным сторонам (в том числе государству); (2) как она создает и доставляет эту ценность; (3) и как она фиксирует экономическую ценность при сохранении или восстановлении природного, социального и экономического капитала за пределами своих организационных границ. «Управление инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем в целях устойчивого развития» (также называемые устойчивой концепцией управления инновационным потенциалом) обсуждаются в литературе по устойчивому развитию как необходимый элемент для полного раскрытия потенциала региона для решения экологических, социальных и экономических проблем [12].

В частности, основные направления в управлении инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем определяются как сознательное обновление концепции развития региона и ее составляющих элементов, которые могут помочь региональной власти изучить, решить и создать новые возможности для предложения устойчивой ценности, создания и доставки ценности, а также создания новых рабочих мест и развития перспективных направлений.

Действительно, управление инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем для устойчивого развития – это процесс создания, проектирования и восстановления функционирования «инноваций, которые создают значительные положительные и/или значительно уменьшают негативные воздействия на окружающую среду и/или об-

щество посредством изменений в способах, которыми население региона обеспечивает создание стоимости, принося объективную ценность и фиксируя ценность (т.е. создавая экономическую ценность), позволяющие получить экономический эффект и обеспечить достижение целей устойчивого развития с помощью цифровизации и НИОКР.

Достижение целей устойчивого развития в регионе является одной из крупнейших задач, стоящих перед правительством Российской Федерации. Это требует огромных инвестиций со стороны власти региона и федерального правительства, но также будет сопряжено с высокой неопределенностью и сложностью, которые по своей сути являются неотъемлемой частью сложных проблем устойчивого развития. В этом контексте управление инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем может помочь региональной власти рассматривать неопределенность как потенциальный источник возможностей развития, увеличения дополнительных рабочих мест в регионе, результативности и качества уровня жизни населения, которые можно использовать как в целях устойчивости, так и в целях управления. Таким образом, концепция управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем может сыграть решающую роль в реализации преобразований, необходимых для достижения устойчивого развития региона, одновременно поддерживая власти в их поиске новых рыночных возможностей и новых способов создания, обеспечения и получения ценности для заинтересованных сторон.

3. Выводы

Результатом данного исследования является то, что разработанная концепция процесса управления инновационным потенциалом региональных социально-экономических систем приведет к оптимальному вкладу бизнеса, власти и населения для устойчивого развития, включая ключевую роль инноваций в цели реализации преобразований, необходимых для их достижения. Фактически, в настоящее время региональные власти все планируют обеспечить значимый прогресс в достижении целей, связанных с устойчивым развитием, в то же время некоторые регионы осознают то, что в условиях ограниченности ресурсов возможен переход к более систематическому и комплексному учету устойчивого развития в реализации своих стратегических целей.

Поэтому, для того чтобы устранить этот исследовательский и практический пробел, необходимо, опираясь на академическую и практическую литературу по стратегии инновационного устойчивого развития и управлению устойчивостью, обеспечить реализацию цели разработки предлагаемого управленческого подхода. Подход, изложенный в данном исследовании, основан на изучении стратегий и результатов, связанных с устойчивым развитием, которые, наряду с оценкой текущего вклада инновационного потенциала социально-экономических систем, различаются по уровню и направленности реализации и развития и могут привести к формулированию будущего желаемого экономического результата. Формулирование желаемого вклада организации в достижение устойчивого развития используется для определения будущей желаемой стратегии и стимулирования инновационного потенциала для достижения целей устойчивого развития. В предлагаемой концепции используется трехмерная структура устойчивой социально-экономической системы, то есть устойчивое создание и предоставление ценности, ценностное предложение и получение ценности. Этот подход направлен на поддержку региональных властей и населения в рассмотрении различных способов внедрения инновационных стратегий развития для достижения устойчивого развития регионов.

Литература

1. Москвитина, Е.И. Новая модель региональной инновационной подсистемы и механизм ее реализации / Е.И. Москвитина // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2021. № 2(66).
2. Азарова, Н.А. Детерминанты когнитивного управления инновационным потенциалом социально-экономических систем: международный опыт / Н. А. Азарова // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2023. № 1. С. 3-12. – DOI 10.18101/2304-4446-2023-1-3-12.
3. Степанова Ю. Н. Совокупность системообразующих компонентов концепции развития инновационного потенциала хозяйствующих субъектов // *Регион: системы, экономика, управление*. 2021. – № 1(52). С. 224-230. DOI 10.22394/1997-4469-2021-52-1-224-230.
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер ; [предисл. В.С. Автономова ; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко ; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева]. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
5. Лаврикова Н. И., Третьякова Л. А. Концепция формирования инновационного потенциала в условиях регионального развития экономических систем // *Экономические и гуманитарные науки*. 2021. № 4(351). С. 3-11. DOI: 10.33979/2073-7424-2021-351-4-3-11.

6. Третьякова, Л. А. Особенности когнитивного управления инновационным потенциалом лесного комплекса / Л. А. Третьякова, Н. И. Лаврикова, Н. А. Азарова // *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика*. – 2023. – Т. 11, № 1(60). – С. 19-31. – DOI 10.34220/2308-8877-2023-11-1-19-31.
7. Мирсаидов А.Б., Муртазов О.К. Инновационный потенциал региональных промышленных систем // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8. №2. 2016 [Электронный ресурс] <http://naukovedenie.ru/PDF/95EVN216.pdf> Дата обращения 24.03.2023.*
8. Шешницан, С. С. Потенциал и приоритеты реализации лесных климатических проектов в Российской Федерации / С. С. Шешницан, С. С. Морковина // *Лесные экосистемы как глобальный ресурс биосферы: вызовы, угрозы, решения в контексте изменения климата : Материалы Международного лесного форума, Воронеж, 29–30 сентября 2022 года / Отв. редактор Н.В. Яковенко. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2022. – С. 128–132. – DOI 10.58168/IFF2022_128–132.*
9. Инновационное развитие и промышленный рост экономики в условиях неоиндустриализации / Ю. А. Дорошенко, И. О. Малыхина, В. В. Авилова [и др.]. – Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2022. – 352 с. – ISBN 978-5-361-01114-8.
10. Дорошенко Ю. А., Иноземцева А. А. Теоретическое обоснование усовершенствования структуры инновационного потенциала региона // *Экономический вектор*. 2021. № 4(27). С. 81-86. DOI: 10.36807/2411-7269-2021-4-27-81-86.
11. Зиновьева, И. С. Методическое обеспечение оценки устойчивого развития предприятий лесного комплекса для целей стратегического планирования / И. С. Зиновьева, А. М. Бурмистров // *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика*. 2022. Т. 10, № 2(57). С. 139–152.
12. Какоу Н. Р., Безрукова Т. Л. Аспекты управления инновационным и инвестиционным развитием сырьевого сектора: компаративный анализ, направления развития // *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика*. 2021. Т. 9, № 2(53). С. 62-75. DOI 10.34220/2308-8877-2021-9-2-62-75.
13. Попова Г. Л. Инновации и отраслевая структура экономики региона: анализ взаимовлияния // *Дайджест-финансы*. 2022. Т. 27, № 3(263). С. 283-309. DOI: 10.24891/ea.17.10.1898.
14. Rosati, F., Rodrigues, V. P., Cosenz, F., & Li-Ying, J. (2022). *Business model innovation for the Sustainable Development Goals. Business Strategy and the Environment*, 1–14. <https://doi.org/10.1002/bse.3334>.

References:

1. Moskvitina, E.I. Novaya model' regional'noj innovacionnoj podsystemy i mekhanizm ee realizacii / E.I. Moskvitina // *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2021. № 2(66).
2. Azarova, N.A. Determinanty kognitivnogo upravleniya innovacionnym potencialom social'no-ekonomicheskikh sistem: mezhdunarodnyj opyt / N. A. Azarova // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment*. 2023. № 1. S. 3-12. – DOI 10.18101/2304-4446-2023-1-3-12.
3. Stepanova YU. N. Sovokupnost' sistemoobrazuyushchih komponentov koncepcii razvitiya innovacionnogo potenciala hozhaystvuyushchih sub'ektov // *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. 2021. – № 1(52). S. 224-230. DOI 10.22394/1997-4469-2021-52-1-224-230.
4. SHumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya / J.A. SHumpeter ; [predisl. V.S. Avtonomova ; per. s nem. V.S. Avtonomova, M.S. Lyubskogo, A.YU. CHepurenko ; per. s angl. V.S. Avtonomova, YU.V. Avtonomova, L.A. Gromovoj, K.B. Kozlovoj, E.I. Nikolaenko, I.M. Osadchej, I.S. Semenenko, E.G. Solov'eva]. – M. : Eksmo, 2008. – 864 s.
5. Lavrikova N. I., Tret'yakova L. A. Koncepciya formirovaniya innovacionnogo potenciala v usloviyah regional'nogo razvitiya ekonomicheskikh sistem // *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*. 2021. № 4(351). S. 3-11. DOI: 10.33979/2073-7424-2021-351-4-3-11.
6. Tret'yakova, L. A. Osobennosti kognitivnogo upravleniya innovacionnym potencialom lesnogo kompleksa / L. A. Tret'yakova, N. I. Lavrikova, N. A. Azarova // *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij XXI veka: teoriya i praktika*. – 2023. – Т. 11, № 1(60). – С. 19-31. – DOI 10.34220/2308-8877-2023-11-1-19-31.
7. Mirsaidov A.B., Murtazoev O.K. Innovacionnyj potencial regional'nyh promyshlennykh sistem // *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» Том 8. №2. 2016 [Электронный ресурс] <http://naukovedenie.ru/PDF/95EVN216.pdf> Data obrashcheniya 24.03.2023.*
8. SHeshnican, S. S. Potencial i priority realizacii lesnykh klimaticheskikh proektov v Rossijskoj Federacii / S. S. SHeshnican, S. S. Morkovina // *Lesnye ekosistemy kak global'nyj resurs biosfery: vyzovy, ugrozy, resheniya v kontekste izmeneniya klimata : Materialy Mezhdunarodnogo lesnogo foruma, Voronezh, 29–30 sentyabrya 2022 goda / Отв. редактор Н.В. Яковенко. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2022. – С. 128–132. – DOI 10.58168/IFF2022_128–132.*
9. Innovacionnoe razvitie i promyshlennyj rost ekonomiki v usloviyah neoindustrializacii / YU. A. Doroshenko, I. O. Malyhina, V. V. Avilova [i dr.]. – Belgorod : Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V.G. SHuhova, 2022. – 352 s. – ISBN 978-5-361-01114-8.
10. Doroshenko YU. A., Inozemceva A. A. Teoreticheskoe obosnovanie usovershenstvovaniya struktury innovacionnogo potenciala regiona // *Ekonomicheskij vektor*. 2021. № 4(27). S. 81-86. DOI: 10.36807/2411-7269-2021-4-27-81-86.
11. Zinov'eva, I. S. Metodicheskoe obespechenie ocenki ustojchivogo razvitiya predpriyatij lesnogo kompleksa dlya celej strategicheskogo planirovaniya / I. S. Zinov'eva, A. M. Burmistrov // *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij XXI veka: teoriya i praktika*. 2022. Т. 10, № 2(57). С. 139–152.
12. Kakou N. R., Bezrukova T. L. Aspekty upravleniya innovacionnym i investicionnym razvitiem syr'evogo sektora: komparativnyj analiz, napravleniya razvitiya // *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij XXI veka: teoriya i praktika*. 2021. Т. 9, № 2(53). С. 62-75. DOI 10.34220/2308-8877-2021-9-2-62-75.
13. Popova G. L. Innovacii i otraslevaya struktura ekonomiki regiona: analiz vzaimovliyaniya // *Dajdzhest-finansy*. 2022. Т. 27, № 3(263). С. 283-309. DOI: 10.24891/ea.17.10.1898.
14. Rosati, F., Rodrigues, V. P., Cosenz, F., & Li-Ying, J. (2022). *Business model innovation for the Sustainable Development Goals. Business Strategy and the Environment*, 1–14. <https://doi.org/10.1002/bse.3334>.

УДК 332.12

ЯРАШЕВА АЗИЗА ВИКТОРОВНА

д.э.н., профессор, заведующий лабораторией исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: baktriana@rambler.ru

МАКАР СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: svetwn@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-38-46

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЯН

Аннотация. В статье рассмотрены материальные и нематериальные факторы, детерминирующие качество жизни человека, а также объективные (измеряемые) и субъективные (поддающиеся измерению путем систематизации результатов опросов населения) индикаторы удовлетворенности. В качестве материального фактора для изучения выбран такой фактор, как жилье (жилищный фонд), из числа нематериальных — фактор количественной обеспеченности населения медицинскими кадрами (врачами и средним медперсоналом). Как объективные индикаторы рассмотрены: 1) динамика изменения жилищного фонда в федеральных округах России (2018-2021 гг.) и удельная обеспеченность жильем; 2) численность населения (по макрорегионам), приходящегося на одного медицинского работника (2018-2021 гг.). Из субъективных индикаторов выбраны: 1) удовлетворенность качеством жилья в целом по стране и в двух (полярных, по оценкам) федеральных округах - ЦФО и ДФО; 2) самооценка состояния здоровья (по возрастным группам населения).

Ключевые слова: качество жизни, регионы/макрорегионы, жилищная обеспеченность, удовлетворенность качеством жилья, обеспеченность медперсоналом, самооценка состояния здоровья.

YARASHEVA AZIZA VIKTOROVNA

Dr.Sc of Economics, Professor, Head of the Behavioral Economics Research Laboratory, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: baktriana@rambler.ru

MAKAR SVETLANA VLADIMIROVNA

Dr.Sc of Economics, Senior Researcher, Institute of Regional Economics and Inter-Budgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: svetwn@mail.ru

REGIONAL ASPECTS OF CHANGE QUALITY OF LIFE OF RUSSIANS

Abstract. The article considers the material and non-material factors determining the quality of human life, as well as objective (measurable) and subjective (measurable by systematization of the results of population surveys) indicators of satisfaction. As a material factor for the study,

such a factor as housing (housing stock) was chosen, from among the non-material factors - the factor of quantitative provision of the population with medical personnel (doctors and average medical staff). How objective indicators are considered: 1) the dynamics of changes in the housing stock in the federal districts of Russia (2018-2021) and the specific provision of housing; 2) the population (by macro-regions) per medical worker (2018-2021). From subjective indicators selected: 1) satisfaction with the quality of housing in the whole country and in two (polar, according to estimates) federal districts - the Central Federal District and the Far Eastern Federal District; 2) self-assessment of the state of health (by age groups of the population).

Keywords: quality of life, regions/macrorregions, housing security, satisfaction with housing quality, provision of medical staff, self-assessment of health status.

1. Введение

Качество жизни населения определяется целым комплексом факторов, напрямую или косвенно воздействующих на объективную составляющую – показатели социального и экономического положения человека в обществе, а также на степень удовлетворенности индивида условиями своего существования. Актуальность и значимость изучения таких факторов подтверждается пристальным вниманием ученых, рассматривающих качество жизни как важное направление оценки уровня социально-экономического развития отдельных регионов России [1], как базы для реализации мер, способствующих достижению эффективности управления процессами территориального развития [2; 3]. В зависимости от цели исследования учеными анализируются либо интегральные показатели качества жизни, либо отдельные составляющие: уровень доходов [4], обеспеченность жильем [5; 6], доступность услуг образования [7; 8] и здравоохранения [9], устойчивость рынка труда [10], экологическая и экономическая безопасность, уровень развития инфраструктуры, особенно транспортной, уровень преступности на территории проживания [11] и др. Акценты изучения качества жизни сосредоточены как на объективных статистических показателях [12-14], так и на субъективном мнении самого населения, основанном на ощущениях и самооценке удовлетворенности жизнью [15-17]. Несмотря на относительно высокий уровень разработанности темы, востребованы новые авторские подходы, сочетающие в себе изучение комплекса факторов на пересечении нескольких векторов, в частности, как в данной статье: материальные-нематериальные и объективные-субъективные факторы.

2. Основная часть

2.1 Методы

В основе полученных результатов лежит сравнительный анализ данных официальной российской статистики, показывающей динамику изменения жилищного фонда (2018-2021 гг.) в стране и её федеральных округах, а также оценку домохозяйствами потребности в улучшении жилищных условий. Для анализа объективной ситуации с количественной обеспеченностью медицинским персоналом россиян были систематизированы данные о численности врачей и медсестер (2018-2021 гг.), приходящихся на одного человека в динамике (в разрезе макрорегионов), а рассмотрение субъективных индикаторов удовлетворенности состоянием своего здоровья изучено по возрастным когортам населения.

2.2 Результаты исследования

Наибольший интерес представляет сравнение отдельных групп факторов, детерминирующих разные стороны качества жизни населения. Рассмотрим материальные и нематериальные факторы: и те, и другие определяют ежедневную жизнь человека и могут действовать как одновременно, так и с разницей во времени - поэтапно или попеременно на разных периодах жизненного пути (табл. 1).

В данной статье из группы материальных факторов анализируются жилье (динамика изменения жилищного фонда в макрорегионах, удельная обеспеченность жильем), а из нематериальных – обеспеченность населения медицинскими кадрами (динамика в макрорегионах численности жителей, приходящихся на одного врача, и на одного специалиста со средним медицинским образованием).

На рисунке 1 представлено авторское видение, касающееся разделения индикаторов качества жизни на объективные факторы и на субъективные оценки удовлетворенности населения.

Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность жизнью

Материальные факторы	Нематериальные факторы
Возможности трудоустройства	Доступность образовательных услуг
Возможности профессионального (карьерного) роста	Обеспеченность медицинскими учреждениями (и кадрами) на территории проживания; доступность услуг здравоохранения
Условия для повышения уровня дохода	Доступность объектов культуры и отдыха (рекреации)
Наличие собственного жилья и возможности его улучшения	Природные условия жизни населения и экологическая ситуация на территории проживания
Развитие социальной инфраструктуры (в т.ч. транспортной, банковской и т.д.)	Уровень преступности на территории проживания

Источник: составлено авторами

Рис. 1. Объективные факторы и субъективные оценки удовлетворенности человека качеством жизни

Источник: составлено авторами

При оценке качества жизни и динамики его изменения именно мнение граждан страны и ее регионов, а не просто «сухие» статистические данные, играет существенную роль для определения в последующем необходимых мер управленческого воздействия на наиболее «проблемных» территориях.

Жилье, как составляющая качества жизни населения

Анализ объективной составляющей качества жизни – размер жилищного фонда – показывает, что в период 2018-2021 годов лидерами выступают ЦФО, ПФО и СФО (табл. 2). Рост жилищного фонда наблюдается во всех макрорегионах.

Таблица 2

**Жилищный фонд РФ и федеральных округов
(общая площадь жилых помещений в млн м²)**

Территория	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 ¹ г. ²	Место, занимаемое в РФ, в 2020-2021 гг.
РФ	3780	3857	3857	4044	
ЦФО	1063	1086	1104	1157	1
СЗФО	384	393	404	413	5
ЮФО	407	418	429	437	4
СКФО	212	217	222	229	7
ПФО	785	800	814	832	2
УФО	314	321	326	334	6
СФО	423	429	436	443	3
ДФО	192	194	196	199	8

Источник: составлено авторами: по стат. сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. – Москва, 2021. – 1112 с.

Дополняет и уточняет объективную составляющую качества жизни в макрорегионах анализ относительного показателя – размера площади жилых помещений, приходящегося на одного жителя (табл. 3). Удельные показатели изменяют порядок в ранжировании макрорегионов. Группа, характеризуемая показателями выше «среднестранового» уровня, включает Северо-Западный, Центральный и Поволжский федеральные округа.

Таблица 3

**Обеспеченность жильём по федеральным округам РФ
(общая площадь жилых помещений на одного жителя в м²)**

Территория	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Место, занимаемое в РФ, в 2020-2021 гг.
РФ	26,27	26,32	27,72	
ЦФО	27,56	28,09	29,59	2
СЗФО	28,13	28,96	29,65	1
ЮФО	25,39	26,05	26,55	5
СКФО	21,92	22,31	22,95	8
ПФО	26,70	27,90	28,73	3
УФО	25,97	26,40	27,13	4
СФО	25,02	25,56	26,14	6
ДФО	23,72	24,05	24,54	7

Источник: составлено авторами: на основе стат. сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. – Москва, 2021. – 1112 с.

Субъективная составляющая – ощущение потребности в улучшении жилищных условий или удовлетворённость качеством жилищных условий в 2020 году – рассмотрены в двух макрорегионах: лидирующем округе – ЦФО (табл. 4) и округе-антилидере – ДФО [18] (табл. 5).

¹ С 2021 года в общую площадь жилых помещений включаются жилые дома, расположенные на земельных участках, предназначенных для ведения садоводства

² По материалам Росстата на 20.06.2022 «Жилищный фонд по субъектам Российской Федерации» (Общая площадь жилых помещений по субъектам Российской Федерации по состоянию на конец 2021 года <https://rosstat.gov.ru/search?q=%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%89%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4+2021> (дата обращения 22.07.2022).

Таблица 4

Оценка домохозяйствами потребности в улучшении жилищных условий в 2020 гг. в ЦФО, в % от общего числа домохозяйств, проживающих во всех типах жилых помещений

Территория	Удельный вес домохозяйств, указавших, что при проживании:		
	жилищные условия в целом устраивают	испытывают потребность в улучшении жилищных условий	затруднились ответить
РФ	73,9	25,8	0,2
Белгородская область	74,5	25,4	0,1
Брянская область	82,1	17,9	0,0
Владимирская область	79,0	21,0	0,0
Воронежская область	72,2	27,8	0,0
Ивановская область	69,3	30,7	0,0
Калужская область	85,9	14,1	0,0
Костромская область	78,2	21,8	0,0
Курская область	72,1	27,9	0,0
Липецкая область	71,4	28,6	0,0
Московская область	74,7	24,1	1,2
Орловская область	72,6	27,4	0,0
Рязанская область	80,7	19,3	0,0
Смоленская область	73,4	26,4	0,2
Тамбовская область	71,6	28,4	0,0
Тверская область	69,2	30,8	0,0
Тульская область	85,3	14,6	0,1
Ярославская область	74,4	25,4	0,2
г. Москва	78,1	21,1	0,8

Источник: составлено авторами на основе Федерального статистического наблюдения по социально-демографическим проблемам «Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020». – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения 12.05.2023)

Таблица 5

Оценка домохозяйствами потребности в улучшении жилищных условий в 2020 гг. в ДФО, в % от общего числа домохозяйств, проживающих во всех типах жилых помещений

Территория	Удельный вес домохозяйств, указавших, что при проживании:		
	жилищные условия в целом устраивают	испытывают потребность в улучшении жилищных условий	затруднились ответить
РФ	73,9	25,8	0,2
Республика Бурятия	60,7	39,3	0,0
Республика Саха (Якутия)	72,6	27,4	0,0
Забайкальский край	58,5	41,5	0,0
Камчатский край	65,2	34,8	0,0
Приморский край	77,9	22,1	0,0
Хабаровский край	73,9	25,8	0,0
Амурская область	55,8	43,8	0,0
Магаданская область	80,0	20,0	0,0
Сахалинская область	75,3	24,7	0,0
Еврейская АО	65,6	34,4	0,0
Чукотский АО	80,3	19,3	0,4

Источник: составлено авторами на основе Федерального статистического наблюдения по социально-демографическим проблемам «Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020». – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 22.04.2023)

В ЦФО наиболее высокая субъективная оценка удовлетворенности жилищными условиями в Калужской, Тульской и Брянской областях (более 80% респондентов). Ниже «среднестранового» значения удовлетворенность жилищными условиями в Липецкой, Курской, Воронежской, Тамбовской, Смоленской областях. Самая высокая доля «неудовлетворенных» своим жильем у домохозяйств в Ивановской и Тверской областях – около трети респондентов.

В ДФО домохозяйства большинства входящих регионов неудовлетворены жилищными условиями (табл. 5). Наиболее высока доля домохозяйств, испытывающих потребность в улучшении жилищных условий, в Амурской области, Забайкальском крае, Республике Бурятия. Отметим, что наиболее «северные» по местоположению регионы – Чукотский АО и Магаданская область – отмечены удовлетворительными жилищными условиями для 80% домохозяйств-респондентов.

Состояние здоровья населения как элемент качества жизни

Одним из значимых факторов влияния и, одновременно, индикаторов качества жизни человека является его физическое и психологическое состояние. Важную роль в поддержании здоровья играет количественная обеспеченность граждан врачами (табл. 6) и средним медицинским персоналом (табл. 7) на территории проживания населения. В данном случае – это один из объективных показателей качества жизни людей.

Таблица 6

Численность населения на одного врача (на конец года, человек)

Территория	год				Место макрорегиона в 2021 г.
	2018	2019	2020	2021	
РФ	208,6	205,3	198,2	196,2	
ЦФО	209,7	201,5	186,6	182,4	2
СЗФО	170,3	167,1	162,4	159,2	1
ЮФО	229,1	230,9	224,3	223,3	7
СКФО	234,4	233,0	226,8	227,0	8
ПФО	216,1	214,1	210,2	209,8	5
УФО	219,4	217,2	212,5	211,1	6
СФО	204,4	204,8	203,4	202,4	4
ДФО	187,6	185,7	185,3	186,5	3

Источник: составлено авторами на основе данных Росстат.

Таблица 7

Численность населения на одного работника среднего медицинского персонала (на конец года, человек)

Территория	год				Место макрорегиона в 2021 г.
	2018	2019	2020	2021	
РФ	98,4	98,4	98,1	99,2	
ЦФО	108,8	107,4	104,9	106,0	7
СЗФО	93,3	93,7	94,1	95,2	4
ЮФО	106,1	107,0	106,7	108,8	8
СКФО	106,5	106,0	104,5	104,0	6
ПФО	93,2	93,6	94,4	95,5	5
УФО	88,7	88,7	88,3	89,7	1
СФО	91,3	92,1	93,3	94,2	3
ДФО	91,6	91,4	92,0	93,1	2

Источник: составлено авторами на основе данных Росстат.

По данным таблицы 6 сокращается «нагруженность» на одного врача (исключение представляет СКФО и ДФО). В отношении «нагруженности» среднего медицинского персонала на четырехлетнем периоде тенденция противоположна: в большинстве макрорегионов нагрузка растет, исключением являются ЮФО и СКФО. Такая ситуация объясняется высоким естественным приростом населения в СКФО и миграционным притоком в ЮФО. По показателям обеспеченности врачами и средним медперсоналом макрорегионы не «совпадают»: так, ситуация с минимальной «нагруженностью» врачей наилучшая в СЗФО, ЦФО и ДФО, а минимальная «нагруженность» среднего медперсонала – в УФО, ДФО, СФО. Максимальные значения нагрузки на одного врача в СКФО и ЮФО, на средний медперсонал – в СКФО, ЦФО и ЮФО.

Субъективные ощущения населения – оценка россиянами состояния своего здоровья – детерминирована, в первую очередь, возрастом человека, напрямую связанным с физическим и психологическим состоянием. В связи с этим в таблице 8 представлена самооценка состояния здоровья в разрезе возрастных диапазонов.

Таблица 8

Оценка россиянами состояния своего здоровья, %

	очень хорошее	хорошее	удовлетворительное	плохое	очень плохое	затрудняюсь ответить
все население	9,8	47,4	35,5	6,4	0,7	0,1
в том числе в возрасте:						
0-2	29,6	63,5	6,7	0,2	0	0,0
3-6	27,0	66,3	6,4	0,3	0	0,0
7-14	20,7	69,3	9,3	0,6	0,1	0,0
15-19	29,1	61,4	9,0	0,4	0,1	0,1
20-24	25,3	64,2	9,8	0,6	0,1	0,0
25-29	19,2	69,1	10,9	0,4	0,2	0,1
30-34	12,9	69,6	16,6	0,7	0,1	0,0
35-39	9,0	68,8	21,0	1,0	0,1	0,0
40-44	6,3	62,4	29,6	1,5	0,1	0,1
45-49	4,4	54,5	38,7	2,3	0,2	0,0
50-54	2,4	45,6	47,8	3,7	0,4	0,1
55-59	1,5	33,9	58,4	5,7	0,4	0,0
60-64	0,8	22,2	68,0	8,2	0,6	0,1
65-69	0,6	15,8	70,3	12,2	0,9	0,2
70-74	0,5	9,7	66,3	21,7	1,7	0,2
75-79	0,2	6,0	62,1	28,6	3,0	0,1
80 и более	0,2	3,4	49,2	40	7,0	0,1
Моложе трудоспособного	23,5	65,9	9,9	0,3	0,3	0,1
Трудоспособный возраст	10,9	60,6	26,6	1,7	0,2	0,1
Старше трудоспособного возраста	0,6	15,7	64,4	17,2	1,9	0,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстат
<https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-healthage-2021> (дата обращения 12.05.2023).

Анализ полученных данных свидетельствует о высокой удовлетворенности своим здоровьем в группах, соответствующих молодым возрастам (особенно в возрастных группах 7-14, 30-34, 35-39 лет). В целом, удовлетворенность своим здоровьем снижается после 50 лет, и наиболее чувствительны в отношении ощущения своего «нездоровья» возрастные группы 75-79, 70-74 и 80 и более лет. Такие субъективные ощущения вполне соответствуют объективному биологическому статусу человека в данных возрастах. Что же касается разделения россиян по принципу «возраста трудоспособности», то «хорошее» и «очень хорошее» самочувствие ожидаемо отмечают лица моложе трудоспособного возраста, но, одновременно с этим, коли-

чество ответивших, что здоровье «очень плохое» и «плохое» практически не отличается в группах трудоспособного и моложе трудоспособного возраста.

3. Заключение

Категория «качество жизни населения» имеет интегрированные характеристики. К их оценке может применяться и объективный, и субъективный подход. В данном исследовании представлен пример такого метода в отношении двух параметров - «жилье» и «здоровье». Различные показатели качества жизни населения рассматриваются на разных масштабных уровнях: от уровня индивида до странового уровня. В статье представлен уровень макрорегионов - федеральных округов РФ и уровень домохозяйств в отношении параметра «жилье». Более детально проанализированы аспекты удовлетворенности жилищными условиями домохозяйств для Центрального и Дальневосточного федеральных округов. В отношении параметра «здоровье» использована возрастная оценка субъективных ощущений, которая подтверждает объективные данные. Динамика объективных показателей свидетельствует о сокращении «нагруженности» врачей и увеличении нагрузки на средний медперсонал.

Независимо от применяемых научных подходов, обусловленных задачами конкретного исследования, востребован дальнейший мониторинг и сравнительный анализ динамики изменения показателей качества жизни россиян (в стране в целом и в ее регионах), особенно в современных сложных условиях нестабильности социально-экономического развития.

Финансирование: исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Едророва В.Н., Соловьева Н.В. Оценка качества жизни как актуальное направление оценки уровня социально-экономического развития региона // *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 40. С. 2-7.
2. Паришков Д.В., Колоскова Ю.И., Шапорова З.Е. Оценка качества жизни и социально-экономической дифференциации на сельских территориях Красноярского края // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2022. Т. 18. № 2 (407). С. 253-276.
3. Макар С.В., Ярашева А.В., Симагин Ю.А. Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы // *Народонаселение*. 2021. Т. 24. № 1. С. 117-130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11
4. Чекулина Т.А., Лясковская О.В., Барбашова Е.В. Оценка качества жизни населения на региональном уровне с учетом дифференциации денежных доходов // *Вестник ОрелГИЭТ*. 2019. № 2 (48). С. 208-219.
5. Голова Е.Е., Гончаренко Л.Н., Зайцева О.П., Блинов О.А. Жилищные условия как критерий оценки качества и уровня жизни населения (на примере Омской области) // *Сибирская финансовая школа*. 2018. № 6 (131). С. 29-32.
6. Ярашева А.В., Макар С.В. Региональные жилищные проблемы населения: Дальневосточный федеральный округ // *Народонаселение*. 2022. Т. 25. № 3. С. 89-102. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.7
7. Рябова С.В., Логинова И.В. Качество образования как базовый фактор качества жизни: проблемы оценки и управления // *Финансовая экономика*. 2020. № 2. С. 420-425.
8. Хаджалова Х.М. Образовательный потенциал как стратегический ориентир социально-экономического развития // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2023. №5(151). С. 109-115. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-5-109-115
9. Александрова О.А., Ярашева А.В., Ненахова Ю.С. Подготовка сестринского корпуса для столичных медицинских организаций: проблемы и решения // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2020. Т. 28. № 5 (специальный выпуск). С. 680-686. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s1-680-686
10. Антонова О.А. Качество жизни населения и качество трудовой жизни // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 6 (464). С. 30-41.
11. Шипов А.В., Терехов О.И. Индекс преступности как индикатор уровня и качества жизни населения (на примере Центрального Федерального округа РФ) // В сборнике: *Образование в пространстве культуры. Сборник научных трудов. Под редакцией Э.Ю. Майковой*. Тверь, 2019. С. 191-199.
12. Ярашева А.В. Региональные различия качества жизни населения // В сборнике: *В поисках утраченного роста. Сборник научных статей*. 2016. С. 100-106.
13. Заусаев В.К., Кручак Н.А., Пиханова С.А. Статистические и социологические оценки качества жизни на Дальнем Востоке // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. 2017. № 1. С. 15-24.
14. Россошанский А.И. Типология регионов России по показателям качества жизни населения // *Государственный советник*. 2018. № 3 (23). С. 5-9.
15. Щербаков С.Д., Леонова М.А. Субъективные оценки качества жизни // *Гуманитарные научные исследования*. 2017. № 12 (76). С. 46.
16. Ярашева А.В. Качество жизни населения: проблемы социологического измерения // В сборнике: *«От качества жизни - к качеству народонаселения»*. Сборник статей участников Конференции в рамках

программы «МЭФ-2016». Ответственный редактор В.В. Локосов, редактор-составитель Е.В. Моргунов. 2017. С. 122-138.

17. Лукьянова А.А., Кононова Е.С., Подвербных О.Е. Актуальные подходы к оценке качества жизни коренного населения мультиэтничных регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. №4(138). С. 35-41. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-4-35-41

18. Шнейдерман И.М., Ярашева А.В., Макар С.В. Обеспеченность жильем жителей Дальнего Востока: статистический анализ // Вопросы статистики. 2023. Т. 30. № 3. С. 53-63. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-3-53-63

References:

1. Edronova V.N., Solov'eva N.V. Ocenka kachestva zhizni kak aktual'noe napravlenie ocenki urovnya social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2010. № 40. S. 2-7.

2. Parshukov D.V., Koloskova YU.I., SHaporova Z.E. Ocenka kachestva zhizni i social'no-ekonomicheskoy differenciacii na sel'skih territoriyah Krasnoyarskogo kraya // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2022. T. 18. № 2 (407). S. 253-276.

3. Makar S.V., Yarasheva A.V., Simagin YU.A. Prostranstvennoe razvitie Dal'nego Vostoka Rossii: demograficheskie i social'no-ekonomicheskie faktory // Narodonaselenie. 2021. T. 24. № 1. S. 117-130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11

4. CHEkulina T.A., Lyaskovskaya O.V., Barbashova E.V. Ocenka kachestva zhizni naseleniya na regional'nom urovne s uchetom differenciacii denezhnyh dohodov // Vestnik OrelGIET. 2019. № 2 (48). S. 208-219.

5. Golova E.E., Goncharenko L.N., Zajceva O.P., Blinov O.A. ZHilishchnye usloviya kak kriterij ocenki kachestva i urovnya zhizni naseleniya (na primere Omskoj oblasti) // Sibirskaya finansovaya shkola. 2018. № 6 (131). S. 29-32.

6. Yarasheva A.V., Makar S.V. Regional'nye zhilishchnye problemy naseleniya: Dal'nevostochnyj federal'nyj okrug // Narodonaselenie. 2022. T. 25. № 3. S. 89-102. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.7

7. Ryabova S.V., Loginova I.V. Kachestvo obrazovaniya kak bazovyy faktor kachestva zhizni: problemy ocenki i upravleniya // Finansovaya ekonomika. 2020. № 2. S. 420-425.

8. Hadzhalova H.M. Obrazovatel'nyj potencial kak strategicheskij orientir social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2023. №5(151). S. 109-115. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-5-109-115

9. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V., Nenahova YU.S. Podgotovka sestriinskogo korpusa dlya stolichnyh medicinskih organizacij: problemy i resheniya // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2020. T. 28. № 5 (specvypusk). S. 680-686. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s1-680-686

10. Antonova O.A. Kachestvo zhizni naseleniya i kachestvo trudovoj zhizni // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 6 (464). S. 30-41.

11. SHipov A.V., Terekhov O.I. Indeks prestupnosti kak indikator urovnya i kachestva zhizni naseleniya (na primere Central'nogo Federal'nogo okruga RF) // V sbornike: Obrazovanie v prostranstve kul'tury. Sbornik nauchnyh trudov. Pod redakciej E.YU. Majkovej. Tver', 2019. S. 191-199.

12. Yarasheva A.V. Regional'nye razlichiya kachestva zhizni naseleniya // V sbornike: V poiskah utrachennogo rosta. Sbornik nauchnyh statej. 2016. S. 100-106.

13. Zausaev V.K., Kruchak N.A., Pihanova S.A. Statisticheskie i sociologicheskie ocenki kachestva zhizni na Dal'nem Vostoke // Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2017. № 1. S. 15-24.

14. Rossoshanskij A.I. Tipologiya regionov Rossii po pokazatelyam kachestva zhizni naseleniya // Gosudarstvennyj sovetnik. 2018. № 3 (23). S. 5-9.

15. SHCHerbakov S.D., Leonova M.A. Sub»ektivnye ocenki kachestva zhizni // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2017. № 12 (76). S. 46.

16. Yarasheva A.V. Kachestvo zhizni naseleniya: problemy sociologicheskogo izmereniya // V sbornike: «Ot kachestva zhizni - k kachestvu narodonaseleniya». Sbornik statej uchastnikov Konferencii v ramkah programmy «MEF-2016». Otvetstvennyj redaktor V.V. Lokosov, redaktor-sostavitel' E.V. Morgunov. 2017. S. 122-138.

17. Luk'yanova A.A., Kononova E.S., Podverbnyh O.E. Aktual'nye podhody k ocenke kachestva zhizni korenogo naseleniya mul'tietnichnyh regionov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. №4 (138). S. 35-41. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-4-35-41

18. SHnejderman I.M., Yarasheva A.V., Makar S.V. Obespechennost' zhil'em zhitelej Dal'nego Vostoka: statisticheskij analiz // Voprosy statistiki. 2023. T. 30. № 3. S. 53-63. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-3-53-63

УДК: 332.122

ГАЗАЛИЕВА НАПИСАТ ИМАНГАЗАЛИЕВНА

к.э.н., старший научный сотрудник, Институт
социально-экономических исследований ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия,
e-mail: gazalieva1@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-47-54

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В современных условиях развития экономики сбалансированное развитие регионов является главной задачей социально-экономической политики государства. На конкурентоспособность в рамках всей страны, на повышение уровня рейтинговых показателей в глобальном мировом пространстве оказывает влияние стабильное развитие регионов. Сокращение разрывов в развитии регионов, выбор направлений оптимального использования региональных ресурсов, развитие малого и среднего бизнеса обуславливают состояние развития регионов. Среди факторов, оказывающих влияние на рост социально-экономических показателей, выделяют позитивные и негативные, которые показывают проблемы и возможные стратегические направления решения вопросов вывода регионов на новый уровень развития. Постоянство и уровень качества жизни в регионах, ресурсный и человеческий потенциал, формирование системы мер и программ, социальная включенность населения, инвестиционная активность определяют актуальность вопросов состояния регионального развития. Для оценки условий сбалансированного развития регионов Северо-Кавказского федерального округа необходимо изучить исследования теоретических подходов российских и зарубежных ученых по определению сущности и содержания понятия «сбалансированное развитие регионов», проанализировать экономические, социальные и экологические показатели развития регионов, провести оценку влияния позитивных и негативных факторов на сбалансированное развитие регионов, определить направления развития.

Ключевые слова: сбалансированное развитие, факторы, оценка, экономические, социальные, экологические, направление.

GAZALIEVA NAPISAT IMANGAZALIEVNA

Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Institute of
Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia,
e-mail: gazalieva1@mail.ru

ASSESSMENT OF CONDITIONS FOR BALANCED DEVELOPMENT OF REGIONS NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Abstract. In modern conditions of economic development, the balanced development of regions is the main task of the socio-economic policy of the state. The stable development of regions has an impact on competitiveness throughout the country, on increasing the level of rating indicators in the global world space. The reduction of gaps in the development of regions, the choice of directions for the optimal use of regional resources, the development of small and medium-sized businesses determine the state of regional development. Among the factors influencing the growth of socio-economic indicators, there are positive and negative ones, which show the problems and possible strategic directions for solving the issues of bringing regions to a new level of development. The constancy and level of quality of life in the regions, resource and human potential, the formation of a system of measures and programs, social inclusion of the population, investment activity determine the relevance of the issues of the state of regional development. To assess the conditions for the balanced development of the regions of the North Caucasus Federal District, it is necessary to study the research of theoretical approaches of Russian and foreign scientists to determine the essence and content of the concept of «balanced development of regions», analyze economic, social and environmental indicators of regional development, assess the impact of positive and negative factors on the balanced development of regions, determine the directions of development.

Keywords: balanced development, factors, assessment, economic, social, environmental, direction.

Введение

Развитие экономики регионов России имеет важное значение в целом в экономике страны. Регионы, в современных условиях развития, в реалиях постпандемийного периода, в условиях западных санкций, развиваются неравномерно. Особенно это касается регионов Северо-Кавказского округа, где, в основном, в последние годы нестабильно развивается сельское хозяйство, торговля, общественное питание и туризм. Слабыми темпами развивается промышленность, существуют проблемы с привлечением инвестиций. Несмотря на трудности и различные условия, субъекты развиваются динамично и устойчиво. Актуальность исследования определяется тем, что в этих условиях выявляется влияние различных социально-экономических факторов, некоторые из которых влияют или позитивно, или негативно на развитие экономик регионов. Руководство регионов уделяет внимание сбалансированному развитию с учетом их потенциала и разного рода ресурсов.

Цель исследования - оценить условия сбалансированного развития регионов Северо-Кавказского федерального округа.

Материал и методы исследования: анализ научной литературы, статистических показателей регионов России, методы сравнительного и логического анализа экономических явлений.

Результаты исследования и их обсуждение. Устойчивая окружающая среда, устойчивое общество и устойчивая экономика требуют процветающих сообществ по всей стране, но особенно в сельской местности. Устойчивая экономика требует сбалансированного регионального развития [1]. «Обеспечение устойчивого развития страны возможно только за счет существенного повышения темпов сбалансированного социально-экономического развития ее регионов. Экономическое развитие государства неотделимо от устойчивого и сбалансированного развития отдельно взятого региона» [2].

Сбалансированный рост означает равноправное развитие в различных секторах экономики. Это означает достижение баланса между экономическим и человеческим развитием, при котором экономический рост дополняет развитие человеческого потенциала. Сбалансированный рост имеет два измерения: пространственный (внутригосударственный) и межрегиональный дисбаланс. Развитые регионы обладают рядом привлекательных черт с точки зрения местоположения, климата, почвы, гидрологии, обеспеченности природными ресурсами, доступности и т.д. Помимо этих природных преимуществ, такие регионы включают в себя развитие инфраструктуры, создание промышленных предприятий, транспортную и коммуникационную сеть, близость к рынку и т.д. Создание одной отрасли прокладывает путь для развития других отраслей, предоставляя им общие возможности, такие как энергетика, транспорт, рабочая сила и т.д. Таким образом, проявляется агломерационный эффект. Развитые регионы также имеют ряд социальных удобств [3].

Пояснению понятия «сбалансированное развитие» посвящены труды многих ученых, таких как [4, 2, 5]. Ученые рассматривают систему критериев и факторов оценки устойчивого сбалансированного развития экономики регионов и сбалансированное региональное развитие как одну из основных целей своей политики [6].

Региональное развитие не следует рассматривать как изолированную проблему: оно зависит от взаимодействия между физическим капиталом, природным капиталом, человеческим капиталом, бизнес-средой и институциональной структурой, которые работают вместе в рамках более крупной экосистемы. Устойчивое развитие предполагает сохранение (в идеале - повышение) возможностей для повышения благосостояния будущих поколений. Именно использование нынешним поколением активов, которые в конечном счете создают потоки будущего благосостояния, запасы природного, физического, социального и человеческого капитала, а также степень технологического прогресса и институционального качества определяют возможности будущего благосостояния [7].

В современных условиях развития регионам Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) необходимо сбалансированное развитие, которое обеспечивает устойчивое положение в экономике страны.

Сбалансированное региональное развитие приведет к достижению следующих преимуществ: сокращение региональных различий в распределении доходов и богатства; повышение уровня жизни людей; предоставление возможностей трудоустройства на справедливой основе; оптимальное использование национальных ресурсов и т. д. [8].

Анализ экономических, социальных и экологических факторов позволяет определить их влияние на развитие регионов округа.

Региональное развитие не следует рассматривать как изолированную проблему: оно зависит от взаимодействия между физическим капиталом, природным капиталом, человеческим

капиталом, бизнес-средой и институциональной структурой, которые работают вместе в рамках более крупной экосистемы.

Валовой региональный продукт в субъектах СКФО значительно различается (таблица 1) – с 863 млрд. руб. в Ставропольском крае до 73 млрд. руб. в Ингушетии, что говорит о состоянии промышленности в регионах. Большая часть регионов – аграрные республики и высока возможность развития агропромышленного сектора, который в определенной мере, имеет большие преимущества для динамичного роста. В 2021 году значения промышленного производства в субъектах СКФО варьировались от 134,3% в Республике Северная Осетия – Алания до 102,6% в Республике Ингушетия, что говорит о неравномерном развитии промышленности регионов [9].

Таблица 1

**Основные социально-экономические показатели
Северо-Кавказского федерального округа, 2021 год**

	Валовой региональный продукт в 2020 г., млрд руб.	Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млрд руб.	Продукция сельского хозяйства - всего, млрд руб.	Оборот розничной торговли, млрд руб.
СКФО	2 404	7 851	670,6	1 868,5
Республика Дагестан	748	1 679	178,5	657,6
Республика Ингушетия	73	217	15,5	29,9
Кабардино-Балкарская Республика	183	571	68,0	189,0
Карачаево-Черкесская Республика	97	453	38,6	44,2
Республика Северная Осетия – Алания	186	410	37,9	133,5
Чеченская Республика	254	884	45,0	213,0
Ставропольский край	863	3 637	287,2	601,3

Составлено автором по данным стат. сб. «Регионы России: Социально-экономические показатели». Стат. сб. / Росстат. М. 2022. 1122 с.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости наибольшую долю занимает оптовая торговля - 15,3% и сельское (лесное, охота, рыболовство) хозяйство - 14%, соответственно. По субъектам: Ставропольский край - 15,8% и 10,1%, КБР - 15,6% и 16,5%, РД - 18% и 18,4%. Менее всего представлена доля добычи полезных ископаемых - 0,5%; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений - 0,6%.

По структуре стоимости основных фондов по видам экономической деятельности на конец 2021 года основную долю в СКФО, в том числе в Ставропольском крае и РД, занимает транспортировка и хранение; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха. По субъектам, сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство занимают важное место. Среди всех видов деятельности меньше всего - стоимость водоснабжения; водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений.

Рассматривая развитие отраслей экономики регионов округа, наблюдается тенденция увеличения доли сельского хозяйства, торговли, общественного питания, туристического сектора.

Объем производства продукции сельского хозяйства в 2022 году в СКФО увеличился на 1,7% по сравнению с 2021 годом - до 678,569 млрд рублей, следует из данных Северо-Кавказстата (22 февраля 2023 г.). Увеличение оборота зафиксировано во всех субъектах округа [10].

Отрасль туризма является для развития субъекта одним из отраслей, которая приводит в целом к развитию эффективной экономики. В 2022 году в первой десятке «золотой» группы - Ставропольский край – 14 место. Во вторую, «серебряную» группу рейтинга с названием «Крепкие профи» вошли регионы, занявшие позиции – Республика Дагестан 45 место, Кабардино-Балкарская Республика – 54 и Чеченская Республика – 65 место [11].

В СКФО оборот ресторанный рынок превысил допандемийный уровень. По таким показателям

телям, как рост оборота общественного питания среди регионов СКФО, на Республику Дагестан приходилось 56%, а на Ставропольский край - 26,6% [12].

В структуре валового регионального продукта СКФО большую долю занимает торговля, как составляющая воспроизводственного процесса. «При условном разделении ВВП по сферам, где он создается, доля материального сектора в РФ составляет 55,2%, а нематериального или сферы услуг – 44,8%, а по Северо-Кавказскому округу: 48,2% – материальный сектор, 51,8% – сфера услуг. В Российской Федерации важная доля валового внутреннего продукта создается в материальном секторе, а в Северо-Кавказском федеральном округе большая часть формируется в сфере торговли и низкопродуктивных секторах, которые не могут стать локомотивами или драйверами развития» [9].

По показателю - оборот розничной торговли, среди регионов СКФО в 2021 году, на первое место вышла Республика Дагестан, обогнав Ставропольский край, в аутсайдерах находятся Ингушетия и Карачаево-Черкессия.

По распределению инвестиций в основной капитал по субъектам СКФО (таблица 2) в 2018-2021 годах наблюдается наибольшее число инвестиций и их увеличение (более 250 млн. руб.) в Ставропольском крае и Республике Дагестан [13].

Соотношение инвестиций в основной капитал по регионам неравномерно: изменения произошли во всех регионах, при общей тенденции увеличения инвестиций - в 2021 году в Республике Ингушетии они уменьшились на 3,5% относительно 2018 года и просели в 2020 «пандемийном» году; в Кабардино-Балкарской Республике также после 2020 года уменьшились на 1,0%.

По итогам оценки инвестиционной привлекательности регионов, умеренную инвестиционную привлекательность имеют 6 регионов СКФО (ИК7 - КБР и ЧР, а ИК8 – РД, РСО-Алания, КЧР, РИ), а Ставропольский край имеет среднюю инвестиционную привлекательность - ИК5 [14].

Таблица 2

**Инвестиции в основной капитал по субъектам РФ
(в фактически действовавших ценах, миллионов рублей)**

Регионы	2018	2019	2020	2021
Республика Дагестан	200007	229489	273438	257188
Республика Ингушетия	22359	24158	20354	21572
Кабардино-Балкарская Республика	35472	42287	49060	48579
Карачаево-Черкесская Республика	22686	23828	22732	32341
Республика Северная Осетия – Алания	31435	33887	31172	35786
Чеченская Республика	74368	79777	76463	83282
Ставропольский край	158230	196247	232377	254164
СКФО	544557	629673	705596	732912

Составлено автором по данным стат. сб. «Регионы России: Социально-экономические показатели». Стат. сб. / Росстат. М. 2022. 1122 с.

По мнению Зотикова Н.З., «субъекты Северо-Кавказского федерального округа по-прежнему занимают низкие позиции в рейтинге социально-экономического положения, пять из семи регионов федерального округа занимают места ниже 70. Среднее значение интегрального рейтинга регионов СКФО по итогам 2018 г. составило 25,04 балла» [15, с.30]. По итогам 2019 года составило 26,01 балла, а по итогам 2022 года - 32,9, что говорит о росте показателей и динамичном развитии регионов (рис. 1).

В СКФО, в 2021 году ухудшил свою позицию регион - Республика Ингушетия. При этом следует отметить, что у некоторых регионов показатели стали намного лучше. В 2022 году, например, Республика Дагестан имела рейтинговый балл – 43,118, который несущественно изменился, всего на два балла [17].

Только Республика Северная Осетия – Алания имеет качество жизни населения выше среднего и уровень теневой экономики ниже среднего уровня. В Республиках Дагестан и Ингушетия качество жизни ниже среднего и теневая экономика выше среднего уровня, а в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках и Ставропольском крае индексы качества жизни и теневой экономики находятся в пределах среднего уровня [18].

Качество жизни - это широкое понятие. Измерение качества жизни для различных групп населения и стран сопоставимым образом является сложной задачей, и для этой цели необходима система показателей, охватывающая ряд соответствующих аспектов [19].

Социальное и экологическое положение регионов СКФО определяется различными индикаторами (рис. 2).

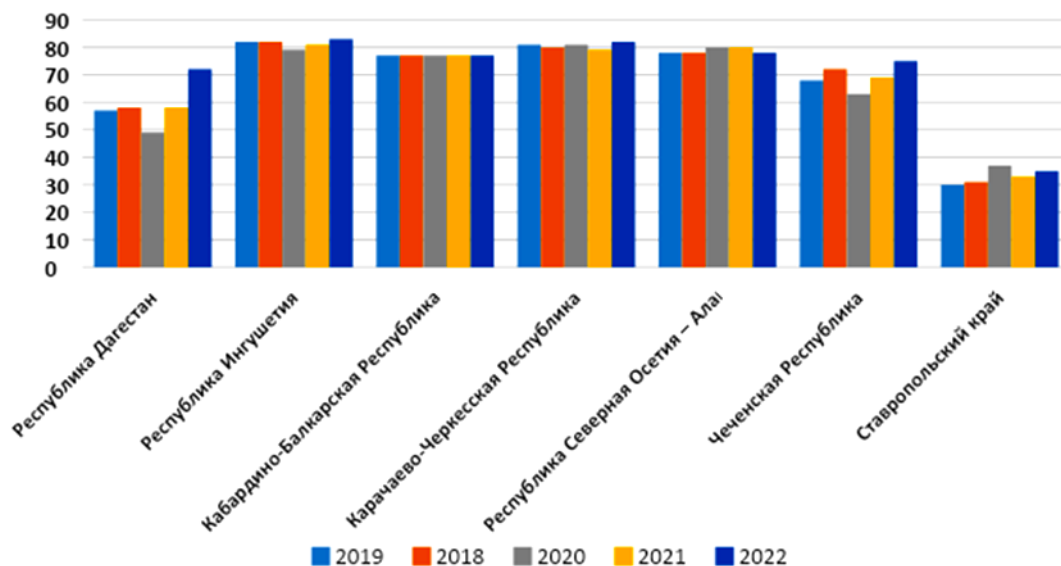

Рис. 1. Динамика позиции регионов Северо-Кавказского федерального округа в Рейтинге социально-экономического положения субъектов Российской Федерации [16]

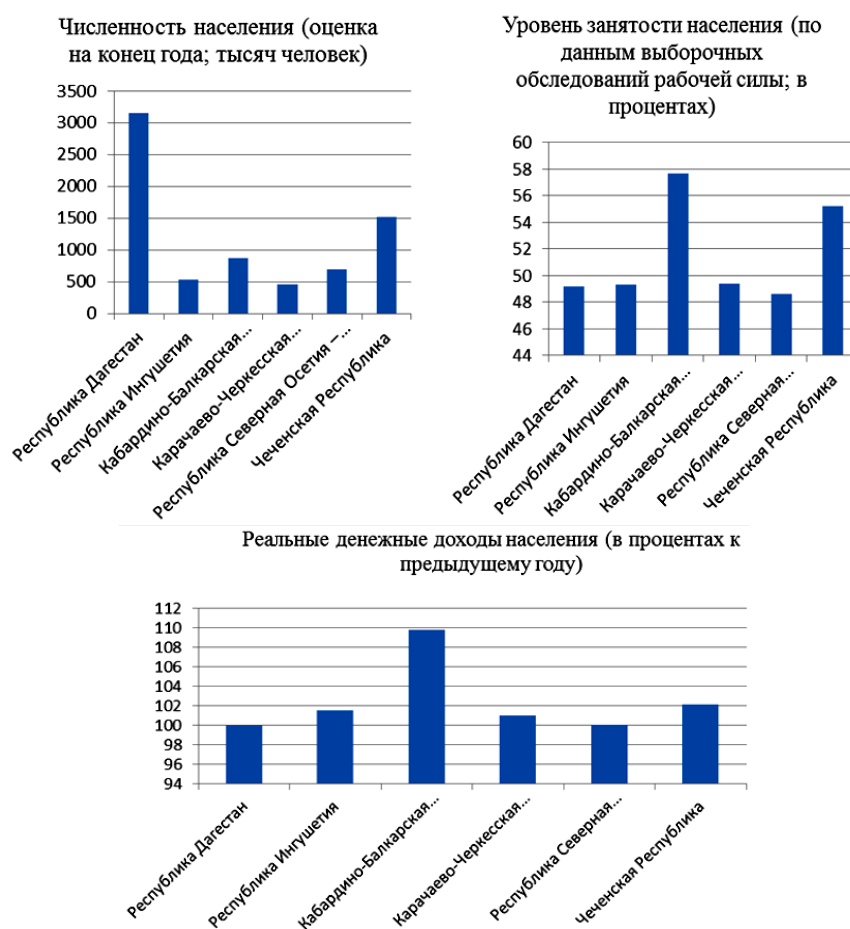

Рис.2. Показатели качества жизни регионов СКФО, 2022 год. [8].

По численности населения в регионах СКФО (по оценкам на конец 2021 года) Республика Дагестан опережает другие регионы – 31,6% от общего населения округа. Ставропольский край по уровню занятости населения занимает первое место, а по потребительским расходам на душу населения идет примерно одинаково с Республикой Дагестан. Менее всего безработных относительно численности населения в Республике Ингушетия - 0,2%, в Чеченской Республике - 0,3% и в Кабардино-Балкарской Республике - 0,4%.

Экологические показатели в регионах сильно отличаются в 2021 году: по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников - 124 тыс. тонн в Ставропольском крае и 2 тысячи тонн в Ингушетии; расходы на охрану окружающей среды относительно высокие в Северной Осетии-Алании - 2699 млн. руб., тогда как в Дагестане всего 522 млн. руб.; индекс физического объема природоохранных расходов в той же РСО-Алания увеличился в два раза (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году); земельная площадь по видам угодий от общей площади СКФО особо не отличается в Ингушетии, Дагестане, Чечне (60%-66%), составляет наименьший процент в Карачаево-Черкессии - 46,6%. [9].

Каждый регион СКФО отличается конкурентными преимуществами:

- По географическому положению – только Республика Дагестан имеет прямой выход к морю.

- По объему производства с/х продукции в лидерах - Ставропольский край (более 40% в общем объеме производства). Животноводство развито в РД, Ставропольском крае и в КЧР, а племенное скотоводство развивается при господдержке в Ставропольском крае, республиках Северная Осетия–Алания и Республике Дагестан.

- Среди обрабатывающих производств СКФО лидирующая роль принадлежит производству пищевых продуктов, включая напитки и табак.

- По объему отгруженной продукции обрабатывающих производств Ставропольский край занимает основную долю.

В соответствии с общей стратегией развития РФ руководители регионов прилагают усилия для перевода экономики на инновационный путь развития. Так, уровень инвестиций в основной капитал на душу населения по состоянию на 2020 год составлял в СКФО 52% от среднероссийского показателя, а объем ВРП на душу населения - 36%.

Результаты исследования и их обсуждение

По мнению многих авторов, региональным органам управления необходимы коммуникации с фирмами, реализующими экологические программы[21]; механизм управления региональной социально-экономической системой необходим для обеспечения эффективного использования своих ресурсов[22]; стоит сделать упор на формирование и развитие позитивного имиджа СКФО и стратегическое планирование[23]; добиться сбалансированного регионального развития можно только, если все субъекты региональной экономики могли бы добиваться своих поставленных целей[2].

Анализируя состояние развития регионов СКФО, выявляется, что регионы развиваются неравномерно, к чему привело: отсутствие крупных производственных предприятий, высокая степень износа имеющихся основных фондов, низкая инвестиционная привлекательность, высокий уровень безработицы; реальные доходы населения ниже прожиточного минимума, при том, что регионы отчитываются о росте доходов.

Заключение

Среди факторов, влияющих на сбалансированное развитие, можно отметить много различных факторов, среди которых такие негативные факторы, как падение доли ВВП как показателя экономической деятельности регионов относительно общего уровня ВВП РФ, отсутствие обрабатывающей промышленности, при том, что имеется определенный потенциал, например, развитие сельского хозяйства, низкий уровень качества жизни, исходя из соотношения с занятостью населения, количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, снижение индекса физического объема природоохранных расходов, низкая инновационная активность. Некоторые из этих факторов меняются, проявляется динамика роста.

К позитивным факторам можно отнести развитие животноводства, сельского хозяйства, рыбоводства и пчеловодства, садоводства, где есть достаточный потенциал для развития, увеличение объемов строительства и рост показателей ввода жилья, представляющий вторичный сектор экономики, развитие сферы услуг, которая сегодня занимает устойчивое положение на

рынке, особенно торговля и общественное питание, где работает большинство населения регионов, и отрасль туризма, которая развивается наибольшими темпами в условиях санкций, но и наличие земельных ресурсов и запасов пресной воды является важным фактором развития экономики субъектов СКФО.

Результаты проведенного анализа сбалансированного развития субъектов СКФО позволили выявить, что отмечается стабильный и динамичный рост социально-экономических показателей регионов, где в перспективе точками роста может быть развитие логистики, сельского хозяйства, промышленности.

Литература

1. *Time for balanced regional development* Posted on Monday, 22 June 2020. URL: <https://www.socialjustice.ie/content/policy-issues/time-balanced-regional-development> (дата обращения: 16.03.2023).
2. Дохолян С. В. Сбалансированное развитие экономики региона: теоретический аспект // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2022. – № 10 (144). С. 57-65.
3. *Unit 10 balanced regional growth*/ URL: <https://egyankosh.ac.in/bitstream/123456789/84862/3/Unit-10.pdf>
4. Бессонов А., Сальникова Ю. Экономика Северного Кавказа намерена расти. // *Эксперт ЮГ №12*. 2022. URL: <https://expertsouth.ru/articles/ekonomika-severnogo-kavkaza-namerena-rasti> (дата обращения 07.04.2023).
5. Куркорова Л.А., Тимофеева Р. А. К вопросу устойчивого сбалансированного развития регионов. // *Проблемы современной экономики*, N 4 (60), 2016. – С. 132-134.
6. *Promoting balanced regional growth*. URL: <https://www.kdevelopedia.org/Development-Overview/all/promoting-balanced-regional-growth--86.do> (дата обращения: 16.03.2023).
7. *Balanced Regional Development. Policy Briefing No. 10. Linking Sustainable Regional Development. with the National Well-Being Framework*. Dr Luke McGrath. May 2023 <https://westerndevelopment.ie/policy/policy-areas/balanced-regional-development/>
8. *Need for Balanced Regional Development* URL: <https://www.tutorhelpdesk.com/homeworkhelp/Management-/Need-For-Balanced-Regional-Development-Assignment-Help.html> (дата обращения: 16.03.2023).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022год. Статсборник. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf
10. Батов Г. Х. Императивы технологического развития проблемного макрорегиона (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // *Проблемы прогнозирования*, 2021, №4 (187), С. 123 - 133. DOI: 10.47711/0868-6351-187-123-133
11. Объем производства продукции сельского хозяйства в СКФО по итогам 2022 года увеличился на 1,7%. URL: <https://www.google.com/>
12. Национальный туристический рейтинг – 2022. URL: <https://russia-rating.ru/info/21283.html>. Дата обращения 16.03.2023.
13. Газалиева Н.И. Направления инвестиционной деятельности в регионах СКФО. // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, научно-практический журнал, №2 (68) 2023 год, с.47-54.
14. Сводный анализ инвестиционной привлекательности Северо -Кавказского федерального округа. Пятигорск, 2020. URL: <http://skfo.gov.ru/media/files/file/9Zep1AUM4huRfv7S2LLpES8omPkx48fo.pdf>
15. Зотиков Н.З. Роль и место федеральных округов в социально-экономическом развитии страны. // *OECONOMIA ET JUS*. 2019, №4 С.21-32. <https://cyberleninka.ru/journal/n/oeconomia-et-jus>
16. X ежегодная оценка регионов России инвестиционной привлекательности. Декабрь, 2022. URL: <http://www.ra-national.ru/>
17. Регионы Северо-Кавказского федерального округа в Рейтинге социально-экономического положения. Итоговый рейтинг регионов РФ – 2018, 2019, 2020, 2021, 2022. URL: <https://riarating.ru/regions/20221226/630235161.html>
18. Колесникова О.С. Оценка масштабов распространения теневой экономики в регионах России. // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. ISSN 1999- 2645. – №4 (72). Номер статьи: 7218. Дата публикации: 14.11.2022. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/7218/>
19. *Quality of life indicators – measuring quality of life* URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=\(date%20of%20access\):%2019.06.2023](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=(date%20of%20access):%2019.06.2023)
20. Газалиева Н.И. Оценка конкурентных преимуществ регионов Северо-Кавказского федерального округа. «Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы»: Сборник научных статей участников 22-й Международной научно-практической конференции (12 мая 2023 года, г. Курск)/Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. В 2-х томах, Том 1. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. – с.113-117.
21. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 17(1), 2021. URL: www.economyofregion.com (дата обращения: 16.03.2023).
22. Ильина Т.С. Развитие региональной социально-экономической системы с учетом стадий среднесрочного цикла. Диссертация по ВАК РФ 08.00.05. 8 апреля 2015. 237с.
23. Шуваев Д. И. Факторы обеспечения стабильности и формирование позитивного имиджа Северо-Кавказского федерального округа. // *Общество: политика, экономика, право* 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24158/per.2019.8.10> (дата обращения: 07.03.2023).

References:

1. Time for balanced regional development Posted on Monday, 22 June 2020. URL: <https://www.socialjustice.ie/content/policy-issues/time-balanced-regional-development> (data obrashcheniya: 16.03.2023).
2. Doholyan S. V. Sbalansirovannoe razvitie ekonomiki regiona: teoreticheskij aspekt //Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2022. – №. 10 (144). S. 57-65.
3. Unit 10 balanced regional growth/ URL: <https://egyankosh.ac.in/bitstream/123456789/84862/3/Unit-10.pdf>
4. Bessonov A., Sal'nikova YU. Ekonomika Severnogo Kavkaza namerena rasti. //Ekspert YUG №12. 2022. URL: <https://expertsouth.ru/articles/ekonomika-severnogo-kavkaza-namerena-rasti> (data obrashcheniya 07.04.2023).
5. Kirkorova L.A., Timofeeva R. A. K voprosu ustojchivogo sbalansirovannogo razvitiya regionov. //Problemy sovremennoj ekonomiki, N 4 (60), 2016. – S. 132-134.
6. Promoting balanced regional growth. URL: <https://www.kdevelopedia.org/Development-Overview/all/promoting-balanced-regional-growth--86.do> (data obrashcheniya: 16.03.2023).
7. Balanced Regional Development. Policy Briefing No. 10. Linking Sustainable Regional Development. with the National Well-Being Framework. Dr Luke McGrath. May 2023 <https://westerndevelopment.ie/policy/policy-areas/balanced-regional-development/>
8. Need for Balanced Regional Development URL: <https://www.tutorhelpdesk.com/homeworkhelp/Management-/Need-For-Balanced-Regional-Development-Assignment-Help.html> (data obrashcheniya: 16.03.2023).
9. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022god. Statsbornik. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf
10. Batov G. H. Imperativy tekhnologicheskogo razvitiya problemnogo makroregiona (na primere Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga) //Problemy prognozirovaniya, 2021, №4 (187), S. 123 - 133. DOI: 10.47711/0868-6351-187-123-133
11. Ob»em proizvodstva produkcii sel'skogo hozyajstva v SKFO po itogam 2022 goda uvelichilsya na 1,7%. URL: <https://www.google.com/>
12. Nacional'nyj turistichekij rejting – 2022. URL: <https://russia-rating.ru/info/21283.html>. Data obrashcheniya 16.03.2023.
13. Gazaliev N.I. Napravleniya investicionnoj deyatelnosti v regionah SKFO. //Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya, nauchno-prakticheskij zhurnal, №2 (68) 2023 god, s.47-54.
14. Svodnyj analiz investicionnoj privlekatel'nosti Severo -Kavkazskogo federal'nogo okruga. Pyatigorsk, 2020. URL: <http://skfo.gov.ru/media/files/file/9Zep1AUM4huRfv7S2LLpES8omPcx48fo.pdf>
15. Zotikov N.Z. Rol' i mesto federal'nyh okrugov v social'no-ekonomicheskom razvitii strany. //OECONOMIA ET JUS. 2019, №4 S.21-32. <https://cyberleninka.ru/journal/n/oeconomia-et-jus>
16. X ezhegodnaya ocenka regionov Rossii investicionnoj privlekatel'nosti. Dekabr', 2022. URL: <http://www.ra-national.ru/>
17. Regiony Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga v Rejtinge social'no-ekonomicheskogo polozheniya. Itogovyj rejting regionov RF – 2018, 2019, 2020, 2021, 2022. URL: <https://riarating.ru/regions/20221226/630235161.html>
18. Kolesnikova O.S. Ocenka masshtabov rasprostraneniya tenevoj ekonomiki v regionah Rossii. // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. ISSN 1999- 2645. – №4 (72). Nomer stat'i: 7218. Data publikacii: 14.11.2022. Rezhim dostupa: <https://eee-region.ru/article/7218/>
19. Quality of life indicators – measuring quality of life URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title> (date of access: 19.06.2023).
20. Gazaliev N.I. Ocenka konkurentnyh preimushchestv regionov Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. «Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, tendencii, perspektivy»: Sbornik nauchnyh statej uchastnikov 22-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (12 maya 2023 goda, g. Kursk)/Kurskij filial Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve RF. V 2-h tomah, Tom 1. – Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2023. – s.113-117.
21. Ekonomika Regiona [Economy of Region], 17(1), 2021. URL: www.economyofregion.com (data obrashcheniya: 16.03.2023).
22. Il'ina T.S. Razvitie regional'noj social'no-ekonomicheskoy sistemy s uchetom stadij srednesrochnogo cikla. Dissertaciya po VAK RF 08.00.05. 8 aprelya 2015. 237s.
23. SHuvaev D. I. Faktory obespecheniya stabil'nosti i formirovanie pozitivnogo imidzha Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. //Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo 2019. [Elektronnyj resurs].URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.8.10> (data obrashcheniya: 07.03.2023).

УДК 330.322

АРСЛАНОВ ШАМИЛЬ ДЖАВАДОВИЧ

к.э.н., доцент, старший научный сотрудник отдела
социально-экономической политики региона, Институт
социально-экономических исследований ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия,
e-mail: ars_dgu@mail.ru

ШАХТАМАНОВА ЛЕЙЛА ГАДЖИКУРБАНОВНА

младший научный сотрудник ФГБУН «Институт
социально-экономических исследований ДФИЦ РАН»,
e-mail: leylashka-n@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-55-61

ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РД

Аннотация. *Цель исследования* состоит в анализе и исследовании инвестиционного развития Республики Дагестан как фактора повышения её экономического суверенитета. *Методология исследования* основана на корректном использовании методов анализа и синтеза, а также систематизации, сравнения, экономического и логического анализа. **Результаты:** установлено, что современное состояние инвестиционного развития Республики Дагестан является недостаточным и требует своей интенсификации на основе внедрения альтернативных механизмов осуществления инвестиционной деятельности на основе реализации положений нового регионального инвестиционного стандарта. **Выводы:** в достаточно сложных условиях инвестиционного развития республики для повышения её экономического суверенитета необходимо интенсивно наращивать объёмы привлечения частных инвестиционных ресурсов на основе внедрения и развития новых экспериментальных механизмов активизации инвестиционной деятельности в республике.

Ключевые слова: инвестиционное развитие, регион, инвестиционные ресурсы, инвестиционная привлекательность.

ARSLANOV SHAMIL DJAVADOVICH

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher
of the Department of Socio-Economic Policy of the Region,
Institute of Socio-Economic Research of the Russian
Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: ars_dgu@mail.ru

SHAKHTAMANOVA LEYLA GADZHICURBANOVNA

Junior Researcher at the Institute of Socio-Economic
Research of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: leylashka-n@mail.ru

INVESTMENT DEVELOPMENT AS A FACTOR OF IMPROVEMENT ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE RD

Abstract. *The purpose* of the study is to analyze and study the investment development of the Republic of Dagestan as a factor in increasing its economic sovereignty. *The research methodology* is based on the correct use of methods of analysis and synthesis, as well as systematization, comparison, economic and logical analysis. **Results:** it is established that the current state of investment development of the Republic of Dagestan is insufficient and requires its intensification based on the introduction of alternative mechanisms for investment activities based on the implementation of the provisions of the new regional investment standard. **Conclusions:** in the rather

difficult conditions of the investment development of the republic, in order to increase its economic sovereignty, it is necessary to intensively increase the volume of attracting private investment resources through the introduction and development of new experimental mechanisms for activating investment activity in the republic.

Keywords: investment development, region, investment resources, investment attractiveness.

Введение

Актуализация поиска новых направлений и инновационных механизмов инвестиционного развития экономики регионов связана с формированием принципиально новых общегосударственных и политико-экономических условий, призванных противостоять секционному давлению на отечественную экономику, а также направленных на повышение экономического суверенитета страны. Обозначенная Президентом РФ политика повышения экономического суверенитета страны выступает одним из ключевых факторов корректировки, действующих государственно-правовых и организационно-экономических инструментов реализации инвестиционного развития регионов. В современных условиях инвестиционное развитие региона понимается как непрерывный процесс накопления и распределения инвестиционных ресурсов, направленный на рост благосостояния и качества жизни населения, реализуемый путем повышения эффективности и конкурентоспособности социально-экономической системы [1]. Реализация государственной политики регионального инвестиционного развития с января 2023 года строится на основе единой общегосударственной системы поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах РФ (утверждена Приказом Министерства экономического развития РФ от 30.09.2021 года № 591 [2]).

Основная часть

Принятая единая система инвестиционного развития регионов предполагает значительное усиление государственных институтов управления и контроля за осуществлением инвестиционной деятельности в регионах, а скорректированная на её положения централизованная государственная инвестиционная политика может привести к активации процесса девальвации собственных уникальных возможностей инвестиционного развития самих регионов. Усиление государственного контроля за инвестиционной деятельностью в стране связано с возникшей необходимостью повышения уровня исполнения государственных программ, который в 2018 и 2019 годах имел отрицательную динамику (рисунок 1).

Рис. 1. Расходы на исполнение федеральных адресных инвестиционных программ
Источник: составлено автором на основе данных СП РФ [3]

В условиях реализации мер и механизмов повышения экономического суверенитета регионов и страны в целом, особого внимания заслуживает инвестиционное развитие Республики Дагестан, которая на сегодняшний день характеризуется как регион дотационный (уровень дотационности бюджета более 70%), аграрный (доля сельского населения 54,8%, уровень занятости сельского населения 51%) и высокорисковый для частных инвестиций (уровень инвестиционной привлекательности оценён как - высокие риски/низкий потенциал), но в то же время социально-экономическая система региона обладает достаточным потенциалом для ин-

тенсификации своего инвестиционного развития.

Республика Дагестан одна из первых реализовала методические рекомендации по подготовке: (таблица 1)

– Методических рекомендации по подготовке инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации [2];

– Методические рекомендации по созданию агентства развития субъекта Российской Федерации [2];

– Методические рекомендации по созданию инвестиционного комитета субъекта Российской Федерации [2].

Таблица 1

Этапы реализации нового инвестиционного стандарта в РД

Регион	Инвестиционная декларация региона	Свод инвестиционных правил	Инвестиционный комитет	Инвестиционная карта	Агентство развития	URL
РД	+	+	+	+	+	http://dagestaninvest.ru/

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

Современные политические и стратегические ориентиры инвестиционного развития Республики Дагестан, как и других регионов СКФО, сконцентрированы на реализации федеральных государственных программ (таблица 2), так исполнение федеральной программы Развития СКФО за 2022 год составило 99,4%, в том числе:

1. Исполнение Федерального проекта «Социально-экономическое развитие субъектов СКФО» составило 98,53%.

2. Исполнение Федерального проекта «Повышение инвестиционной и туристической привлекательности СКФО» составило 99,86%.

Таблица 2

Сведения об исполнении федерального бюджета в части бюджетных ассигнований, предусмотренных на финансовое обеспечение реализации государственной программы (2022г.)

Наименование государственной программы, структурного элемента и источника финансового обеспечения	Объем финансового обеспечения, тыс. рублей			Исполнение, тыс. рублей		Процент исполнения (6)/(3)*100
	Предусмотрено паспортом	Сводная бюджетная роспись	Лимиты бюджетных обязательств	Принятые бюджетные обязательства	Кассовое исполнение	
1	2	3	4	5	6	7
Федеральный проект «Социально-экономическое развитие субъектов СКФО» (всего), в том числе:	4 165 492,4	4 165 452,9	4 165 452,9	4 165 452,9	4 104 218,6	98,53
федеральный бюджет	3 872 446,2	3 872 446,2	3 872 446,2	3 872 446,2	3 815 495,7	98,53
консолидированные бюджеты субъектов РФ	4 165 492,4	4 165 452,9	4 165 452,9	4 165 452,9	4 104 218,6	98,53
внебюджетные источники	0,0	-	-	-	0,0	0,00
Федеральный проект «Повышение инвестиционной и туристической привлекательности СКФО» (всего), в том числе:	11 884 065,9	11 884 065,9	11 884 065,9	11 884 065,2	11 867 987,8	99,86
федеральный бюджет	11 857 350,1	11 857 350,1	11 857 350,1	11 857 349,4	11 841 272,0	99,86
консолидированные бюджеты субъектов РФ	531 715,8	531 715,8	531 715,8	531 715,8	531 715,8	100,00
внебюджетные источники	0,0	-	-	-	0,0	0,00

Источник: составлено автором на основе данных Минэкономразвития РФ [5].

В то же время при исключительно высоких процентах исполнения государственных программ и освоения бюджетных инвестиций Республика Дагестан остаётся регионом со значительными рисками для частных инвесторов что сказывается на рейтинге социально-экономического положения республики (таблица 3) согласно которому по итогам 2022 года РД занимает 58 среди регионов страны, удерживая эту же позицию и в 2021 и в 2020 годах.

Таблица 3

Рейтинг социально-экономического положения РД

Место по итогам 2022г.	Регион	Место по итогам 2018г.	Место по итогам 2019г.	Интегральный рейтинг по итогам 2021/22гг., баллы
58	Республика Дагестан	58	57	34,910

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

Инвестиционная привлекательность Республики Дагестан (таблица 3) находится на одном из самых низких уровней среди регионов РФ.

Таблица 4

Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов СКФО

Регион	Рейтинг 2022	Действие
Республика Дагестан	С	подтвержден

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

Рассматривая инвестиционные риски республики, необходимо отметить, что они присущи практически всем республикам Северного Кавказа. Из общей совокупности факторов, определяющих инвестиционный риск, только экологический фактор имеет положительное/благоприятное значение. Все остальные факторы (социальные, криминальные, управленческие и т.д.) отмечены максимальными показателями. Наличие высокого инвестиционного риска у республики свидетельствует о необходимости усиления работы государства по снижению инвестиционных рисков на основе корректировки всей государственной политики социально-экономического развития региона. Следом за уровнем развития экономики и инвестиционной привлекательности проанализируем уровень жизни населения регионов СКФО. Рассмотрим рейтинг «Качество жизни населения в регионах СКФО» (таблица 5).

Таблица 5

Рейтинг качества жизни населения регионов

Регион	Место 2022	Место 2021	Место в 2019	Место в 2018
Республика Дагестан	68	69	64	69

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

По рейтингу качества жизни населения регионов РД с 2018 года занимает место в седьмом десятке среди регионов РД, итоговое место за 2022 год – 69.

Доходы населения в рейтинге регионов по Республике Дагестан имеют показатель - 50 (таблица 6), что показывает снижение уровня доходов населения. Рейтинг опустился на 50 позицию относительно 46 места в 2019 году. Доля населения за чертой бедности в республике на 2022 г. составила 14,2%, а доля населения за чертой крайней бедности снизилась на полпроцента.

Таблица 6

Рейтинг регионов СКФО по доходам населения (2023г)

Место	Регион	Отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Доля населения за чертой бедности в 2022г., %	Доля населения за чертой крайней бедности в 2022г., %
50	Республика Дагестан	1,50	14,2	-0,5

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

Рейтинг Республики Дагестан среди регионов РФ по показателю уровень благосостояния семей (таблица 7) также является довольно низким и на 2022 год имеет показатель – 80.

Таблица 7

Рейтинг регионов СКФО по уровню благосостояния семей (2022г.)

Место	Регион	Максимально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с 2 детьми после минимальных расходов в 2022г., руб в месяц	Максимально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с 1 ребенком после минимальных расходов в 2022г., руб в месяц
80	Республика Дагестан	7456	21890

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

В республике зафиксирована один из самых высоких показателей по уровню безработицы среди населения – 11,6% (таблица 8.).

Таблица 8

Рейтинг регионов СКФО по уровню безработицы (2022г.)

Место	Регион	Уровень безработицы, %	Изменение уровня безработицы к аналогичному периоду 2021г. п.п.	Среднее время поиска в 3 квартале 2022г., мес.
83	Республика Дагестан	11,6	-1,9	8,8

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

При столь высоком уровне безработицы в Республике Дагестан наблюдается один из самых низких уровней по численности среднего класса (таблица 9.) – 82 место, а доля семей, относящихся к среднему классу – 2,6%..

Таблица 9

Рейтинг регионов СКФО по численности среднего класса (2022г.)

Место	Регион	Доля семей относящихся к среднему классу, %
82	Республика Дагестан	2,6

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

Таблица 10

Рейтинг регионов по закредитованности населения (2023 г.)

Место	Регион	Соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты в 2023 г., %	Объем задолженности перед банками в среднем на 1 человека, тыс. руб	Изменение задолженности на 1 человека за год, тыс. руб.
2	Республика Дагестан	24,3	89,6	11

Источник: составлено автором на основе данных «РИА Рейтинг» [4]

Население республики имеет самый высокий уровень задолженности среди регионов РФ (таблица 10). На втором месте находится соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплате в 2023 году, которое составило 23%. Объем задолженности перед банками в среднем на одного человека составил 89,6 тысячи рублей. Отмечается снижение числа семей, которые могут позволить себе купить квартиру в ипотеку, с 9,6% на 8,6%. Согласно данным РИА Рейтинг, на сегодняшний день республика Дагестан имеет один из невысоких уровней социально-экономического развития и один из самых низких показателей уровня жизни населения. Инвестиционная привлекательность Республики Дагестан характеризуется также низким показателем, что связано с высокими инвестиционными рисками, низкими доходами населения, высоким уровнем безработицы и лидирующими позициями в рейтинге «задолженности населения». В сложившихся условиях достижение благоприятного уровня развития инвестиционной деятельности в регионе становится не только стратегически важным вопросом, но и жизненно важным для всей социально-экономической системы.

В условиях негативного влияния как пандемии, так и санкционной политики недружественных стран, задача достижения благоприятного уровня развития инвестиционной деятельности в регионе приобретает характер жизнеобеспечивающей и стратегически приоритетной, достижение которой напрямую зависит от интенсификации всех инвестиционных процессов. Современные вызовы, с которыми сталкивается республика, привели к ситуации, при которой ключевые индикаторы инвестиционного климата становятся не только объектом постоянного мониторинга со стороны государства, но и непосредственным объектом регулирования, посредством реализации общегосударственной политики поддержки новых инвестиционных проектов.

Однако анализ СП РД [6] показал, что исполнение национальных проектов в республике, как и контроль за ходом исполнения мероприятий региональных проектов, реализуется на недостаточном уровне, что не позволяет большинству ответственных исполнителей (министерства и ведомства) достичь запланированной результативности и эффективности освоения бюджетных инвестиций. Поэтому главной целью инвестиционного развития республики является поиск новых возможностей интенсификации инвестиционной деятельности и поиск актуальных решений для трансформации организационно-экономических и политико-правовых основ поддержки как традиционных, так и инновационных форм осуществления инвестиционной деятельности.

Необходимая перестройка региональной инвестиционной сферы, согласно требованиям нового регионального инвестиционного стандарта, должна в первую очередь основываться на принятии новых нормативно-правовых актов по формированию и регулированию единых ориентиров инвестиционного развития республики [7]. Главенствующая роль государства в создании организационно-экономических основ осуществления инвестиционной деятельности должна быть направлена на поддержку наиболее перспективных и инновационных способов осуществления инвестиционной деятельности (цифровые инвестиции).

Выводы

В достаточно сложных условиях инвестиционного развития республики (санкционная политика стран Запада, усиление контроля за осуществлением инвестиционной деятельности, дотационность, высокорисковость, постоянная необходимость в притоке новых инвестиционных ресурсов) в первую очередь необходимо наращивать объемы привлечения частных инвестиционных ресурсов на основе внедрения и развития инновационно-экспериментальных механизмов активации и интенсификации инвестиционной деятельности. Принятый государством новый инвестиционный стандарт, усиливая контроль за инвестиционной деятельностью, все же оставляет возможность регионам поддерживать собственных инвесторов при осуществлении как традиционных форм, так и альтернативных форм инвестирования.

Литература

1. Арсланов, Ш. Д. Инвестиционное развитие регионов СКФО: новый инвестиционный стандарт / Ш. Д. Арсланов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 5(151). – С. 55-65. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-5-55-65. – EDN TEBKQS
2. Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)» URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_30_sentyabrya_2021_g_591.html (дата обращения: 09.10.2023).
3. Оперативный доклад об исполнении ФБ РФ январь-декабрь 2022 г. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/28c/biseitkt3xdjgp8pxvbdup33xq3a7uw.pdf> (дата обращения: 09.10.2023).
4. Регионы России. Рейтинговое агентство РИА Рейтинг. [Электронный ресурс], URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения 21.10.2020г.)
5. Годовой отчет исполнения государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» за 2022 год. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ae5b63b1f5b1d63b2171b5761183f2c/godovoy_otchet_2022.pdf (дата обращения 21.10.2020г.)
6. СП РД Мониторинг реализации национальных проектов. URL: <https://spdag.ru/nacproekty> (дата обращения 21.10.2020г.)
7. Арсланов, Ш. Д. Современная инвестиционная политика региона: проблемы и перспективы (на примере РД) / Ш. Д. Арсланов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 2(124). – С. 123-131. – DOI 10.26726/1812-7096-2021-2-123-131. – EDN OUIJWI

References:

1. Arslanov, SH. D. Investicionnoe razvitie regionov SKFO: novyy investicionnyj standart / SH. D. Arslanov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2023. – № 5(151). – S. 55-65. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-5-55-65. – EDN TEBKQS
2. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 30 sentyabrya 2021 g. № 591 «O sisteme podderzhki novyh investi-

- cionnyh projektov v sub»ektah Rossijskoj Federacii («Regional'nyj investicionnyj standart»)* URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_30_sentyabrya_2021_g_591.html (data obrashcheniya: 09.10.2023).
3. *Operativnyj doklad ob ispolnenii FB RF yanvar'-dekabr' 2022 g.* URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/28c/biseitkt3xdjgp8pxvbdup33xq3a7yw.pdf> (data obrashcheniya: 09.10.2023).
4. *Regiony Rossii. Rejtingovoe agentsvo RIA Rejting.* [Elektronnyj resurs], URL: <https://riarating.ru/> (data obrashcheniya 21.10.2020g.)
5. *Godovoj otchet ispolneniya gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga» za 2022 god.* URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ae5b63b1f5b1d63b2171b5761183f2c/godovoy_otchet_2022.pdf (data obrashcheniya 21.10.2020g.)
6. *SP RD Monitoring realizacii nacional'nyh projektov.* URL: <https://spdag.ru/nacproekty> (data obrashcheniya 21.10.2020g.)
7. *Arslanov, SH. D. Sovremennaya investicionnaya politika regiona: problemy i perspektivy (na primere RD) / SH. D. Arslanov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2021. – № 2(124). – S. 123-131. – DOI 10.26726/1812-7096-2021-2-123-131. – EDN OUIWJ*

УДК 332.12

ЩЕГОЛЬКОВА АСЯ АЛЕКСАНДРОВНА

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, Апатиты, Мурманская область, Россия, e-mail: szfmgei@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-62-68

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАПАСОВ ПРИРОДНОГО ГАЗА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Цель настоящей статьи* — решение научной задачи, заключающейся в оценке пространственной организации освоения газовых ресурсов Арктической Зоны РФ. Основные задачи: оценка воспроизводства запасов природного газа; анализ уровня промышленной газоносности нефтегазоносных областей Арктической Зоны РФ. Результаты и выводы. Сделан вывод о сохранении паритета между добычей и приростом разведанных запасов природного газа. Дана оценка степени разведанности месторождений природного газа в Арктике. Определено, что с учетом сложившейся экономической конъюнктуры освоения арктических запасов природного газа обоснованным и перспективным на данный момент времени видится расширение ресурсной базы за счет освоения в Ямальской и Гыданской нефтегазоносных областях месторождений-спутников, имеющих развитую добывающую, перерабатывающую, транспортную и социальную инфраструктуру, а также за счет доразведки открытых и разрабатываемых месторождений и залежей.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, природный газ, месторождения природного газа, промышленная газоносность.

SHCHEGOLKOVA ASYA ALEXANDROVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, G.P. Luzin Institute of Economic Problems — a separate division of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Murmansk Region, Russia, e-mail: szfmgei@mail.ru

SPATIAL DISTRIBUTION OF NATURAL GAS RESERVES ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The purpose* of this article is to solve the scientific problem of assessing the spatial organization of the development of gas resources in the Arctic Zone of the Russian Federation. Main tasks: assessment of reproduction of natural gas reserves; analysis of the level of industrial gas content of oil and gas-bearing regions of the Arctic Zone of the Russian Federation. Results and conclusions. It is concluded that the parity between the production and the growth of proven natural gas reserves is maintained. The assessment of the degree of exploration of natural gas deposits in the Arctic is given. It is determined that, taking into account the current economic situation of the development of Arctic natural gas reserves, expansion of the resource base due to the development of satellite deposits in the Yamal and Gydan oil and gas regions with developed mining, processing, transport and social infrastructure, as well as due to additional exploration of open and developed fields and deposits, is considered reasonable and promising at the moment.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, natural gas, natural gas deposits, industrial gas content.

1. Введение

Актуальность. Документы стратегического развития и планирования нефтегазовой промышленности РФ определяют основные параметры устойчивого развития отрасли, включающие, в числе прочего, расширение и рациональное использование ресурсной базы углеводородов [1, 2, 3]. Одной из стратегических задач газовой отрасли РФ является сохранение равновесия между добычей и воспроизводством углеводородов. По оценкам экспертов «объем извлекаемых запасов углеводородов на арктических месторождениях России составляет 245 млрд т условного топлива» [4], однако уровень добычи природного газа в настоящее время находится на пиковых значениях. Для достижения планируемых стратегических показателей, согласно Генсхеме развития нефтегазовой отрасли до 2035 г. (2021 г.), необходимо компенсировать падающую добычу природного газа. Плановые показатели Генсхемы предполагают уровень добычи природного газа в диапазоне от 838,3 млрд м³ до 1048 млрд м³ в год в зависимости от сценария - низкого, среднего и высокого, которые разработаны исходя из наличия потенциальных промышленных мощностей нефтегазового сектора. В этих условиях исследования в области пространственного распределения запасов природного газа в нефтегазоносных областях арктического региона, оценка стратегического резерва газовых ресурсов, являются своевременными и актуальными, поскольку выделены в качестве приоритетных задач в стратегических документах, определяющих схему развития газовой отрасли России в перспективе.

Изученность проблемы. Неоценимый вклад в области оценки перспектив нефтегазоносности, геологического строения продуктивных отложений месторождений, позволяющие скорректировать стратегию освоения нефтегазовых ресурсов Арктической Зоны РФ (АЗРФ), внесли ученые и практики - Богоявленский В.И., Конторович А.Э., Лаверов Н.П., Скоробогатов В.А. и др. в своих работах [5, 6, 7]. Пространственная организация экономического освоения углеводородных ресурсов АЗРФ, стратегическое управление нефтегазовым комплексом, исследования его устойчивого развития применяются в качестве методологического подхода в научных работах [8, 9, 10] и др.

Фактологическая и практическая основа исследования обеспечена данными государственного баланса запасов полезных ископаемых, отраслевыми документами стратегического планирования, официальными данными газопромышленных компаний, результатами собственных исследований и пр. В процессе исследования использовались сравнительно-аналитические методы интерпретации геолого-геофизических материалов, сбор и систематизация фактологических данных, статистические методы экономического анализа.

2. Основная часть

2.1. Оценка воспроизводства запасов природного газа в РФ

По объему добычи природного газа Россия продолжает занимать второе место, уступая США (в 2022 году объем добычи в США достиг 967 млрд м³). По итогам 2022 года, несмотря на беспрецедентные санкции в энергетическом секторе, давление на партнеров, диверсии на экспортном ГП «Северный поток 1, 2», доля в мировой добыче снизилась незначительно. Падение в 2022 году пришлось на ПАО «Газпром» - 19,8% (объем добычи - 412,6 млрд м³), при этом независимые газодобывающие компании показали в текущем году рост добычи природного газа: ПАО «НОВАТЭК» - 2,8% (объем добычи - 82,14 млрд м³), ПАО «НК Роснефть» - 15% (объем добычи - 74,4 млрд м³). В таблице 1 по данным Минэнерго РФ, Минприроды РФ, госбаланса запасов полезных ископаемых Федерального агентства по недропользованию (ГБЗ РФ), статистики ВР за 2013-2021 гг. [11] представлена оценка равновесного соотношения между добычей и приростом запасов природного газа за 2013-2022 года.

По состоянию на 2023 год РФ располагает 23,6% мировых запасов природного газа, при этом благодаря сохранению паритета между добычей и приростом разведанных запасов данный показатель неуклонно растет. Средний коэффициент воспроизводства за период с 2013 по 2022 годы на уровне 1,207 иллюстрирует паритет между добычей и приростом, свидетельствует о сохранении данного равновесия и обеспечении воспроизводства природного газа в перспективе.

За исследуемый период в целом прирост запасов свободного газа опережает его добычу, однако в 2018 и 2019 годах паритет был не в пользу воспроизводства. Зафиксированное снижение извлекаемых запасов природного газа по категориям А+В1+С1 произошло за счет пересчета коэффициента извлечения газа. На территории АЗРФ в 2019 году отмечено уменьшение извлекаемых запасов природного газа на Западно-Таркосалинском НКМ, Северо-Каменномысском ГКМ, а также на шельфе Карского моря. Несмотря на общее снижение запасов ресурсная база природного газа Ямальского центра газодобычи (ЦГД) заметно возросла

благодаря открытию на приямальском шельфе двух новых месторождений - им. В. А. Динкова и Нярмейское, их общие суммарные запасы составляют более 500 млрд м³ [12].

Таблица 1

Оценка воспроизводства запасов природного газа в РФ (рассчитано автором)

Год	добыча, млрд. м ³	доля в мировой добыче, %	прирост разведанных запасов, млрд. м ³	K_R^*	доказанные запасы, трлн. м ³	доля в общемировом объеме	R/P***
2013	668	19,85	1000	1,5	31,3	16,8	51,7
2014	642	18,7	900	1,4	32,6	17,4	56,4
2015	634	18,06	1095	1,73	32,3	17,3	56,3
2016	641	18,08	702	1,1	32,3	17,3	55,7
2017	690	18,78	890	1,29	35	18,1	55
2018	725	18,82	673	0,93	38,9	19,8	58,2
2019	738	18,6	560	0,76	38	19,1	55,9
2020	693	17,95	747	1,08	37,4	19,9	58,6
2021	762	18,88	1017	1,33	46,1**	22,3	64,2
2022	673,8	16,68	705	1,05	46,1**	23,6	68,4
Коэффициент воспроизводства (K_R) с 2013 по 2022 годы – 1,207							

Примечание: * K_R – коэффициент воспроизводства. **По данным ГБЗ РФ. *** R/P – соотношение запасов к добыче, показывает количество лет, в течение которого сохранится продуктивность, исходя из текущих темпов добычи.

В последние годы серьезные перспективы открытия высокопотенциальных месторождений и залежей углеводородного сырья, включая уникальные по объемам извлекаемых ресурсов, связывают с пятью арктическими НГО Западно-Сибирской НПП (ЗСНПП) - Ямальской, Надым–Пурской, Пур-Тазовской, Гыданской и Южно-Карской [13]. По данным Федерального агентства по недропользованию за период 2020-2022 года было открыто 108 месторождений углеводородов. Основной рост текущих извлекаемых запасов природного газа пришелся на АЗРФ. Так, на Карском шельфе в 2020 г. в пределах Предновоземельской НГО открыты месторождения – им. М. Жукова, с суммарными запасами свыше 800 млрд м³ и относящиеся к категории уникальных, а также им. М. Рокоссовского, с оценочными запасами газа в 514 млрд м³ и конденсата - 53 млн тонн. Ранее, в 2014 году на участках Карского моря Предновоземельской НГО было открыто месторождение «Победа» с запасами нефти по категории C1+C2 -130 млн т, газа категории A+B1+C1 - 21,7 млрд м³, B2+C2 - 477,5 млрд м³ и отнесенных к категории уникальных. На приямальском шельфе Карского моря в пределах Южно-Карской НГО открыто газовое месторождение, получившее название «75 лет Победы», с предварительной оценкой запасов природного газа - 202,4 млрд. м³. В 2022 году на п-ве Гыдан открыто ГКМ, относящиеся к категории крупных, с извлекаемыми запасами 52 млрд м³ – им. В.И. Гири [13].

2.2. Оценка уровня промышленной газоносности нефтегазоносных областей Арктической Зоны РФ

Основная характерная особенность сырьевой базы природного газа в РФ – неравномерность территориального распределения. В таблице 2, на основании данных государственного баланса запасов полезных ископаемых, отраслевых документов стратегического планирования, официальных данных газопромышленных компаний, результатов собственных исследований, представлен анализ пространственного распределения запасов природного газа в АЗРФ.

Оценка пространственного распределения запасов природного газа в АЗРФ показала, что несмотря на то, что промышленное освоение арктических месторождений природного газа насчитывает свыше 50 лет, отдельные НГО, в первую очередь Восточная Арктика, характеризуются слабой степенью геолого-геофизической изученности. Как видно из анализа пространственного распределения запасов природного газа арктического региона, основная доля извлекаемых запасов относится к ЗСНПП, на долю арктических территорий данной провинции приходится 66% российских запасов природного газа.

Таблица 2

**Пространственное распределение запасов природного газа Арктической Зоны РФ
(составлено и рассчитано автором)**

Нефтегазоносные области	Географическое положение нефтегазового региона	Зона ответственности	Степень освоения / Перспективность	Объем извлекаемых запасов ABC_{1+C_2} , млрд м ³
Западно- и Восточно-Баренцевоморская НГП (ЗВБМНГП)				
Штокмановско-Лунинская НГО	Западно-Арктический шельф Баренцева моря	ПАО «Газпром»	Степень разведанности – 12,8% Крупнейшее месторождение ЗВБМНГП – ГК Штокмановское – находится в стадии разведки, его разработка заморожена на неопределенный срок	>5000
Южно-Баренцевская НГО				
Финмаркенская НГО				
Тимано-Печорская НГП (ТПНГП)				
Печоро-Колвинская НГО	Западно-Арктический шельф Печорского моря	ПАО «НК Роснефть»	Степень разведанности – 12%	73,7
Хорейверская НГО				
Западно-Сибирская НГП (ЗСНГП)				
Свердрупская ПНГО	Шельф Карского моря	ПАО «НК Роснефть»	По результатам поисково-оценочного бурения доказана промышленная нефтегазоносность, открыто восемь НГКМ на шельфе в пределах данных НГО / Высокая себестоимость добычи, отсутствие необходимой инфраструктуры, технологий добычи	>1300
Предновоземельская НГО		ПАО «НК Роснефть»		>500
Южно-Карская НГО		ПАО «Газпром»		>2600
Ямальская НГО	Крайний северо-запад ЗСНГП. По-в Ямал, акватория Обской и Байдарацкой губ	ПАО «Газпром» ПАО «НОВАТЭК»	Степень разведанности – 70% / Ресурсная стратегическая база проектов «Ямал»; Ресурсная база комплекса по переработке этансодержащего газа (КПЭГ) в Усть-Луге; Каменномыское море с применением ЛСП - ПАО «Газпром». Ресурсная стратегическая база Проекта «Ямал СПГ», а также планируемых проектов: «Арктик СПГ 2, 3», «Обский ГХК и СПГ» - ПАО «НОВАТЭК»	>16000
Гыданская НГО	Северная часть ЗСНГП. По-в Гыдан, акватория Обской, Юрацкой, Гыданской и Тазовской губ	ПАО «Газпром» ПАО «НОВАТЭК» ПАО «НК «Роснефть»	Степень разведанности - 22% / Ведется разработка Северо-Каменномыского ГКМ - ПАО «Газпром», ГМ Семаковского - ООО «РусГазАльянс». Ресурсная стратегическая база проекта «Арктик СПГ 1» - ПАО «НОВАТЭК»	>2200
Надым-Пур-Тазовский регион	Надым-Пурская НГО - северо-восточная часть ЗСНГП Пур-Тазовская НГО - восток центральной части ЗСНГП	ПАО «Газпром» ПАО «НОВАТЭК» ПАО «НК «Роснефть» ПАО «Лукойл»	Извлекается 70% объема природного газа России / находится в стадии падающей добычи, выработка >75%. Разработка проектов по извлечению ТриЗ	начальные запасы: 32000
Енисей-Хатангская НГО, в части АЗРФ	Крайний северо-восток ЗСНГП, акватория Гыданской губы и Енисейского залива	ПАО «НОВАТЭК» ПАО «НК «Роснефть» ООО «Ермак Нефтегаз»	ГРП носят несистемный х-р, степень разведанности <10% / Ведутся ГРП по подготовке ресурсной базы Восток-Ойл (добыча нефти и производство СПГ) - ПАО «НК «Роснефть»	450
Западно-Лаптевская ПНГП				
ПНГО: Северо-Лаптевская, Южно-Лаптевская, Восточно-Лаптевская, Центрально-Лаптевская,	Западная и центральная часть шельфа моря Лаптевых	ПАО «НК «Роснефть» владеет отдельными лицензионными участками	Ведется оценка нефтегазоносности. ГРП носят несистемный х-р, степень разведанности – 0,02%/ одно разведываемое НГМ Центрально-Ольгинское	Ресурсы $D_0+D_{1л}+D_2 - 4200$
Новосибирско-Чукотская ПНГП				
Новосибирская ПНГО, Южно-Чукотская ПНГО, Усть-Индибирская ПНГО	Восточная часть шельфа моря Лаптевых, южная часть шельфа Чукотского и Восточно-Сибирского морей	ПАО «НК «Роснефть» владеет отдельными лицензионными участками	Ведется оценка нефтегазоносности, ГРП ведется в границах лицензионных участков степень разведанности – 0	Ресурсы $D_0+D_{1л}+D_2 - 1100$
Восточно-Арктическая ПНГП				
Де-Лонга ПНГО, Северо-Чукотская ПНГО	Северная часть шельфа Чукотского и Восточно-Сибирского морей	ПАО «НК «Роснефть» владеет отдельными лицензионными участками	Ведется оценка нефтегазоносности, ГРП ведется в границах лицензионных участков степень разведанности – 0	Ресурсы $D_0+D_{1л}+D_2 - 4700$

Промышленная газоносность в настоящее время установлена в нефтегазоносных областях Западной Арктики, в первую очередь Ямальской и Гыданской НГО. Степень промышленной «разведанности запасов природного газа Ямальской НГО достаточно высока» [13], коэффициент разведанности по всей НГО достигает 0,7, что говорит о том, что нефтегазоносность на данной НГО установлена и достаточно плотно изучена. Зона Гыданской НГО характеризуется неравномерностью распределения ресурсов свободного газа как по разрезу, так и по площади. Степень промышленной разведанности запасов природного газа всей Гыданской НГО невысока, коэффициент разведанности - 0,22. Основная причина кроется в том, что на сегодняшний день ГРП имеют преимущественно локальный характер, концентрируются в границах лицензионных участков нефтегазовых компаний на конкретных нефтегазоперспективных объектах и месторождениях. Структура запасов данных нефтегазоносных областей достаточно сложная и неравнозначная, как по глубине залегания и характеру продуктивности, так и по причине удаленности от ЕСГ России, районов с развитой социальной и транспортной инфраструктурой.

3. Выводы

Промышленная газоносность с высокой концентрацией апт-альб-сеноманских отложений на сегодняшний день зафиксирована в Западной части АЗРФ. Истощение базовых месторождений в Пур-Тазовской и Надым-Пурской НГО ставит вопрос о развитии сырьевой базы газовой отрасли в труднодоступных районах северо-западной части ЗСНГП - Ямальской и Гыданской НГО, включая акваторию Карского моря, Обской, Тазовской и Гыданской губ.

Освоение месторождений углеводородов Ямальской и Гыданской НГО неоднократно откладывалось по причине труднодоступности районов арктической зоны, экологической составляющей, выраженной, в первую очередь, слабой восприимчивостью природной среды к техногенным нагрузкам и длительным периодом самовосстановления, полным отсутствием промышленной и социальной инфраструктуры [12, 14]. Сложные природно-климатические условия - распространение вечномерзлых, пучинистых и засоленных грунтов, термоэрозионных и термокарстовых процессов, большое количество озер и рек со сложным гидрологическим режимом - усугубляют проблему освоения региона.

Смещение сырьевой базы газовой отрасли в труднодоступные районы Западной части АЗРФ требует создания с нуля добывающей, транспортной и социальной инфраструктуры с обязательной синхронизацией в части: поисково-разведочных работ, ввода комплекса мощностей в добыче и освоении месторождений, транспортировке, хранении, переработке природного газа и его ценных компонентов, распределения среди потребителей. Исходя из горно-геологических характеристик месторождений, природно-климатических условий, экологической безопасности [12, 15], наличия промышленной и социальной инфраструктуры, а также с учетом сложившейся экономической конъюнктуры освоения арктических запасов природного газа, наиболее обоснованным и перспективным на данный момент времени видится расширение ресурсной базы за счет освоения в Ямальской и Гыданской НГО месторождений-спутников и ряда прибрежных месторождений, уже имеющих развитую добывающую, перерабатывающую, транспортную и социальную инфраструктуру, а также за счет доразведки открытых и разрабатываемых месторождений и залежей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках темы НИР FMEZ-2023-0009 №123012500051-8 Института экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук «Стратегическое планирование развития Арктики в новых геоэкономических и политических условиях» по государственному заданию Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук».

Литература

1. Распоряжение Правительства №1523-р от 09.06.2020 г. «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).
2. Распоряжение Правительства № 2914-р от 22.12.2018 г. «Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/WXRSEBj6jnRWNrumRkDakLcqfAzY14VE.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).
3. Распоряжение Правительства № 640-р от 16.03.2021 г. «Долгосрочная программа развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/l6DePkb3cDKTgzxbb6sdFc2npEPAd7SE.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).

21.06.2023).

4. Конторович В.А. Модель геологического строения и перспективы нефтегазоносности неокомских (берриас-нежнеаптских) отложений арктических регионов Западной Сибири и Шельфа Карского моря // *Геология и геофизика*. – 2020. – Т.61. – No 12. – С.1735-1755. – DOI: 10.15372/GiG2020154 – EDN: BGYMLQ

5. Лаверов Н.П., Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Фундаментальные аспекты рационального освоения ресурсов нефти и газа Арктики и шельфа России: стратегия, перспективы и проблемы // *Арктика: экология и экономика*. 2016. No2(22). С.4-13. – EDN: ZBHYKH

6. Kontorovich A.E. Ways of developing oil and gas resources in the Russian sector of the Arctic // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2015. vol. 85. no. 3, pp. 213-222. DOI:10.1134/S1019331615030120

7. Skorobogatov V.A., Kabalin M.YU. Западно-Арктический шельф Северной Евразии: запасы, ресурсы и добыча углеводородов до 2040 и 2050 гг. // *Neftegaz.RU*. 2019. No 11(95). С.36-51. – EDN: LSWMB

8. Agarkov S.A., Saveliev A.N., Kozmenko S.Y., Ulchenko M.V., Shchegolkova A.A. Spatial organization of economic development of energy resources in the Arctic region of the Russian Federation // *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2018. vol. 9. no. 3(27), pp. 605- 623. DOI: 10.14505/jemt.v9.3(27).21 – EDN: YBJYX

9. Фадеев А. М., Череповицын А. Е., Ларичкин Ф. Д. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике. Анапиты: Кольский научный центр Российской академии наук, 2019. 289 с. DOI: 10.25702/KSC.978.5.91137.407.5 – EDN: QFNESS

10. Глобальные тенденции освоения энергетических ресурсов Российской Арктики. Часть. I. Тенденции экономического развития Российской Арктики / под науч. ред. д.э.н. Агаркова С.А., чл.корр. РАН Богоявленского В.И., д.э.н. Козьменко С.Ю., д.т.н. Маслобоева В.А., к.э.н. Ульченко М.В. – Анапиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2019. – 170 с. DOI: 10.25702/KSC.978.5.91137.397.9-1 – EDN: SFQZPL

11. BP Statistical Review of World Energy 2022 71st edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf?ysclid=l697io2kpm813837085> дата обращения: 21.06.2023).

12. Щеголькова А.А. Пространственная организация освоения газовых ресурсов Арктического шельфа Российской Федерации // *Арктика и Север*. – 2022. – No 49. – С.86-104. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.86. – EDN: BHUSVG

13. Щеголькова А.А. Пространственная организация освоения газовых ресурсов Ямальской нефтегазодобывающей области // *Арктика и Север* No 45. С.61-74. DOI: 10.37482/issn2221- 2698.2021.45.61. – EDN: SZENNM

14. Bogoyavlenny V. *The Arctic and World Ocean: Current State, Prospects and Challenges of Hydrocarbon Resources Development / 21st World Petroleum Congress, Moscow, Russia, June 2014. Responsibly energising a growing world. Abstract book*. 2014.

15. Kozmenko S., Saveliev A., Teslya A. Impact of global and regional factors on dynamics of industrial development of hydrocarbons in the Arctic continental shelf and on investment attractiveness of energy projects / *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*. 2019. 302:012124. DOI:10.1088/1755-1315/302/1/012124

References:

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva No1523-r ot 09.06.2020 g. «Energeticheskaya strategiya Rossijskoj Federacii na period do 2035 goda». [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2023).

2. Rasporyazhenie Pravitel'stva No 2914-r ot 22.12.2018 g. «Strategiya razvitiya mineral'no-syr'evoj bazy Rossijskoj Federacii do 2035 goda» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/WXRSEBj6jnRWNrumRkDakLcqfAzY14VE.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2023).

3. Rasporyazhenie Pravitel'stva No 640-r ot 16.03.2021 g. «Dolgosrochnaya programma razvitiya proizvodstva szhizhennogo prirodnoho gaza v Rossijskoj Federacii». [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/l6DePkb3cDKTgzxb6sdFc2npEPAd7SE.pdf> (data obrashcheniya: 21.06.2023).

4. Kontorovich V.A. Model' geologicheskogo stroeniya i perspektivy neftegazonosnosti neokomskih (berrias-nezhneaptskih) otlozhenij arkticheskikh regionov Zapadnoj Sibiri i Shel'fa Karskogo morya // *Geologiya i geofizika*. – 2020. – Т.61. – No 12. – С.1735-1755. – DOI: 10.15372/GiG2020154 – EDN: BGYMLQ

5. Laverov N.P., Bogoyavlenskij V.I., Bogoyavlenskij I.V. Fundamental'nye aspekty racional'nogo osvoeniya resursov nefiti i gaza Arktiki i shel'fa Rossii: strategiya, perspektivy i problemy // *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2016. No2(22). S.4-13. – EDN: ZBHYKH

6. Kontorovich A.E. Ways of developing oil and gas resources in the Russian sector of the Arctic // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2015. vol. 85. no. 3, pp. 213-222. DOI:10.1134/S1019331615030120

7. Skorobogatov V.A., Kabalin M.YU. Zapadno-Arkticheskij shel'f Severnoj Evrazii: zapasy, resursy i dobycha uglevodorodov do 2040 i 2050 gg. // *Neftegaz.RU*. 2019. No 11(95). S.36-51. – EDN: LSWMB

8. Agarkov S.A., Saveliev A.N., Kozmenko S.Y., Ulchenko M.V., Shchegolkova A.A. Spatial organization of economic development of energy resources in the Arctic region of the Russian Federation // *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2018. vol. 9. no. 3(27), pp. 605- 623. DOI: 10.14505/jemt.v9.3(27).21 – EDN: YBJYX

9. Fadeev A. M., Cherepovicyn A. E., Larichkin F. D. Strategicheskoe upravlenie neftegazovym kompleksom v Arktike. Apacity: Kol'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2019. 289 s. DOI: 10.25702/KSC.978.5.91137.407.5 – EDN: QFNESS

10. Global'nye tendencii osvoeniya energeticheskikh resursov Rossijskoj Arktiki. CHast'. I. Tendencii

ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Arktiki / pod nauch. red. d.e.n. Agarkova S.A., chl.korr. RAN Bogoyavlenskogo V.I., d.e.n. Koz'menko S.YU., d.t.n. Masloboeva V.A., k.e.n. Ul'chenko M.V. – Apatity: izd. Kol'skogo nauchnogo centra RAN, 2019. – 170 s. DOI: 10.25702/KSC.978.5.91137.397.9-1 - EDN: SFQZPL

11. BP Statistical Review of World Energy 2022 71st edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf?ysclid=1697io2kpm813837085> data obrashcheniya: 21.06.2023).

12. SHCHegol'kova A.A. Prostranstvennaya organizaciya osvoeniya gazovyh resursov Arkticheskogo shel'fa Rossijskoj Federacii // *Arktika i Sever*. - 2022. - No 49. - S.86-104. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.86. - EDN: BHUSVG

13. SHCHegol'kova A.A. Prostranstvennaya organizaciya osvoeniya gazovyh resursov Yamal'skoj neftegazonosnoj oblasti // *Arktika i Sever* No 45. S.61-74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.45.61. - EDN: SZENNM

14. Bogoyavlenny V. *The Arctic and World Ocean: Current State, Prospects and Challenges of Hydrocarbon Resources Development / 21st World Petroleum Congress, Moscow, Russia, June 2014. Responsibly energising a growing world. Abstract book. 2014.*

15. Kozmenko S., Saveliev A., Teslya A. *Impact of global and regional factors on dynamics of industrial development of hydrocarbons in the Arctic continental shelf and on investment attractiveness of energy projects / IOP Conference Series Earth and Environmental Science. 2019. 302:012124. DOI:10.1088/1755-1315/302/1/012124*

УДК 332.14

ИДЗИЕВ ГАДЖИМУРАД ИДЗИЕВИЧ

д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт
социально-экономических исследований ДФИЦ РАН,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: textima@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-69-78

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ СКФО

Аннотация. Определение промышленного потенциала регионов является важным этапом в комплексе задач по созданию условий для обеспечения роста и развития промышленности с учетом региональной специфики. Это позволит управлять характеристиками потенциала, выявлять проблемы, препятствующие обеспечению адекватного вклада промышленности в обеспечение стратегической конкурентоспособности регионов и экономики страны в целом. В статье проводится анализ современного состояния и потенциальных возможностей промышленной сферы регионов СКФО в целях выявления предпосылок инновационного развития промышленности. При формировании промышленной политики региона на инновационной основе она может и должна иметь свои особенности, и данные особенности необходимо учитывать, в первую очередь, при формировании и реализации долгосрочных целей, приоритетов, задач и конкретных проектов развития промышленности, что должно быть обозначено и в законе о промышленной политике региона и в стратегии его социально-экономического развития. Диверсификация, расширение масштабов предприятий и рост объемов продукции промышленности является материальной основой инновационного развития и повышения производительности труда во всех других сферах деятельности, следовательно, обеспечения конкурентоспособности всей экономики. Именно промышленность создает мультипликативность, современные средства и орудия труда, являющиеся базой высоких технологий во всех сферах жизнедеятельности, следовательно, перевода всей экономики на инновационный путь развития.

Ключевые слова: экономика региона, промышленность, инновационное развитие, конкуренция, модернизация.

IDZIEV GADZHIMURAD IDZIEVICH

Dr.Sc of Economics, Leading Researcher, Institute
of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia,
e-mail: textima@mail.ru

CURRENT STATE, POTENTIAL OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Abstract. Determining the industrial potential of regions is an important stage in the complex of tasks to create conditions for ensuring the growth and development of industry, taking into account regional specifics. This will make it possible to manage the characteristics of the potential, identify problems that hinder the adequate contribution of industry to ensuring the strategic competitiveness of the regions and the economy of the country as a whole. The article analyzes the current state and potential of the industrial sphere of the regions of the North Caucasus Federal District in order to identify the prerequisites for the innovative development of industry. When forming the industrial policy of the region on an innovative basis, it can and should have its own characteristics, and these features should be taken into account, first of all, when forming and implementing long-term goals, priorities, tasks and specific industrial development projects, which should be indicated both in the law on industrial policy of the region and in the strategy of its

socio-economic development. development. Diversification, expansion of the scale of enterprises and the growth of industrial output is the material basis for innovative development and increasing labor productivity in all other spheres of activity, therefore, ensuring the competitiveness of the entire economy. It is industry that creates multiplicativity, modern tools and tools that are the basis of high technologies in all spheres of life, therefore, the transfer of the entire economy to an innovative path of development.

Keywords: regional economy, industry, innovative development, competition, modernization.

1. Введение

Сложившиеся в настоящее время экономические условия объективно требуют от государства новых механизмов реализации социально-экономической политики, ориентированных на экономический рост, основанный на инновациях, как на макро-, так и на мезоуровнях экономики. Без высокотехнологичной промышленности инновации не станут реальным товаром. Эти проблемы могут быть решены только на основе ускоренной комплексной технологической модернизации экономики, особенно на уровне региона. В этих условиях особенно актуальным становится исследование вопросов, связанных с развитием отраслей, производящих наукоемкую, высокотехнологичную продукцию [1].

В современных условиях развивающегося процесса регионализации особо важен учет региональных аспектов экономического развития. Когда мы говорим о регионализации, то имеем в виду не только промышленный комплекс отдельного региона - субъекта федерации, имеются в виду объективно складывающиеся промышленные комплексы нескольких граничащих и экономически тесно взаимосвязанных регионов, т.е. речь идет о мезоуровне [2].

Для примера рассмотрим республики Северо-Кавказского федерального округа, одной из острых проблем которых является сокращение и постепенное преодоление дотационности. Промышленность играет решающее значение для наращивания налоговой базы. К примеру, в 2022 г. промышленность давала около 30% собственных налоговых поступлений в консолидированный бюджет Республики Дагестан. Именно развитие промышленности может стать реальным и надежным источником налоговых поступлений и обеспечения финансовой самостоятельности республиканского бюджета. Необходимость развития промышленности диктуется и перспективой освоения месторождений минерального сырья, более полного использования сельскохозяйственного сырья, расширения масштабов добывающей и перерабатывающей промышленности. Крайне важно для Дагестана развитие топливно-энергетического комплекса за счет добычи и переработки нефти и газа, создания дополнительных мощностей по гидроэнергетике и т.д. Сейчас, в условиях депрессивной экономики, энергетический баланс Дагестана отрицательный. Чтобы выйти на средний уровень России, например, по производству и потреблению электроэнергии на душу населения, Дагестану необходимо увеличить ее производство в 2-3 раза. Поэтому важнейшим приоритетным направлением реструктуризации промышленности является развитие ТЭК [3].

Приоритетными также являются традиционные для Дагестана пищевая и легкая промышленность. Современная развитая пищевая промышленность должна обеспечивать занятость значительной части населения (причем не только в городах, но и в некоторых районах), создавать рынок сбыта сельхозпродукции (следовательно, способствовать занятости в сельском хозяйстве и его развитию), гарантировать продовольственную безопасность республики. Особая роль развития легкой промышленности для экономики как трудоемкой отрасли также заключается в обеспечении занятости. Наряду с этим она имеет в Северо-кавказском регионе собственную сырьевую базу, использование которой весьма актуально.

Представляется также бесспорным, что одной из приоритетных отраслей промышленности Дагестана является машиностроение, особенно наиболее трудоемкие и наукоемкие ее подотрасли (электроника, приборостроение и др.). Возможно, для республики не перспективно создание масштабных металлоемких производств, но весьма актуально развитие адаптированного к дагестанским условиям сельхозмашиностроения, производства оборудования для переработки сельхозпродукции, бытовой техники и т.д., обеспечивая мультипликативность [4, 5, 6]. Необходимо также учитывать активную роль промышленности в повышении общего профессионального и культурного уровня населения [7].

2. Основная часть

Зарождение промышленности нашей республики начиналось еще в шестидесятые годы двадцатого века, когда было принято решение сосредоточиться на развитии базовых отраслей

экономики тогда еще Дагестанской АССР, которые способствовали бы росту всего промышленного производства. Такими отраслями стали нефтяная, газовая, а также гидроэнергетика, одновременно началось строительство новых промышленных предприятий, на которых планировалось выпускать необходимые для народного хозяйства республики современные машины и оборудование, приборы и аппараты.

Было очевидно, что индустриальное развитие Дагестана даст толчок всему народному хозяйству на основе повышения производительности труда и общей производственной культуры, и главным условием трансформаций в сельском хозяйстве республики. Примечателен тот факт, что за десятилетний период с 1957 года по 1966 год капитальные вложения в развитие промышленного комплекса Дагестана более чем в 3 раза превысили стоимость основных производственных фондов республиканской промышленности на начало 1957 года. За четыре года с 1961 по 1965 г. объем промышленного производства увеличился почти в два раза, что стало результатом вложения в отрасль более 600 млн. рублей. В целом за 10 лет с 1960 по 1970 годы объем капиталовложений увеличился в 2,6 раза по сравнению с предыдущим десятилетием и составил 1273 млн. руб. Это привело к высоким показателям прироста промышленного производства в республике. В городах республики были построены такие крупные промышленные предприятия, как Хасавюртовский приборостроительный завод, в Дербенте завод шлифовальных станков, в Махачкале «Завод им. М. Гаджиева» и «Завод сепараторов», в Избербаше «Электроаппарат» и Дагестанский завод электротермического оборудования «ДагЗЭТО», в Кизилюрте «Дагэлектроавтомат».

На севере Дагестана было открыто новое месторождение нефти, на котором в 1965 году добывали в 2,5 раза больше нефти, чем все прежние нефтепромысловые районы Дагестана вместе взятые, а ее себестоимость была в 3 раза дешевле, чем, например, в Избербаше. Параллельно с нефтяной развивались винодельческая, консервная, рыбная отрасли, что в 70-м году привело к увеличению объемов производства виноделия на 74%, рыбного производства на 34% по отношению к 1965 году, вырос выпуск продукции такими предприятиями консервной промышленности как «Консервный комбинат Нагорного Дагестана», «Дербентский консервный завод» и «Хасавюртовский консервный завод». Объем валовой продукции химической промышленности в 1979 году более чем в 30 раз превысил данный показатель 1960 года.

Можно говорить о том, что в конце 60-х годов XX века в экономике Дагестана произошли качественные изменения, которые продолжались до начала 80-х, в результате чего республика сделала крупный шаг по пути дальнейшей индустриализации. Достаточно сказать, что в этот период в республике были введены в строй более 50 крупных заводов машиностроения, металлообработки, гидроэнергетики и других отраслей, составляющих основу технического прогресса, десятки производственных комплексов, цехов и других промышленных объектов. За счет увеличения государственных капитальных вложений с 219 млн. руб. в 1966 г. до 329 млн. руб. в 1970 году, стоимость основных производственных фондов выросла на 63%. Внедрение новой техники и технологии в промышленном комплексе Дагестана позволило в 2,5 раза уменьшить трудозатраты и увеличить производительность труда.

Также, в 60-80-е годы в республике проводилась комплексная программа развития сельского хозяйства, особенно таких видов деятельности, как виноградарство, рисосево, строительство механизированных животноводческих комплексов и мелиорация земель. Результатом осуществления данных мероприятий стало превращение Дагестана в один из существенных регионов страны по производству винограда, риса, плодов и овощей, мяса, шерсти и других сельхозпродуктов.

Следует подчеркнуть, что в 60-80-е годы Дагестан перешел из разряда дотационной республики в доноры. К примеру, согласно отчету об исполнении Государственного бюджета ДАССР за 1979 год, сумма доходов составила 296598 тысяч рублей, а расходов – 278683 тысяч рублей, то есть превышение доходов над расходами составило 17906 тысяч рублей.

Стоит отметить, что в последние годы объем промышленной продукции в целом растет. Индекс промышленного производства в России, Северо-Кавказском федеральном округе и Республике Дагестан с 2016 по 2021 годы в процентах к предыдущему году показан на рисунке 1.

Доля промышленности в ВВП России составляет 31,1%, а в ВРП СКФО – 11,4%. При таких темпах роста индекса промышленного производства доля промышленности в ВРП Республики Дагестан снизилась с 18,5% в 2000 г. до 6% в 2021 г. Это свидетельствует о том, что значимость промышленности для экономики Дагестана существенно снижается.

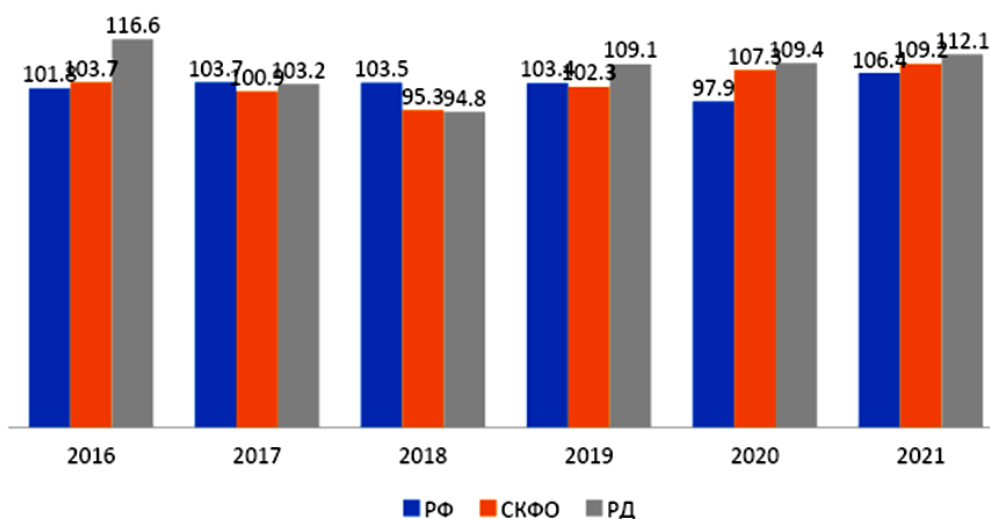

Рис. 1. Индекс промышленного производства по РФ, СКФО и РД в процентах к предыдущему году за 2016-2021 гг.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

О существенном отставании развития экономики Дагестана от уровня Российской Федерации и СКФО, а также регионов СКФО свидетельствуют данные объема производства промышленной продукции в расчете на душу населения, а также негативная тенденция по сравнению с 2015 годом, приведенные в таблице 1. По этим показателям Дагестан отстает соответственно от России в 29,2 раза, от СКФО – в 3,7 раза, а также от всех регионов СКФО, кроме Республики Ингушетия.

Таблица 1

Объем промышленной продукции в расчете на душу населения регионов СКФО, сравнение 2015 г. и 2021 г.

	2015г.		2021г.	
	Сумма, т. р.	В % к РД	Сумма, т. р.	В % к РД
Российская Федерация	334,99	21,2 р.	651,9	29,2 р.
Северо-Кавказский федеральный округ	52,17	3,3 р.	83,4	3,7 р.
Республика Дагестан	15,82	100	22,3	100
Республика Ингушетия	12,86	81,3	11,6	52,0
Кабардино-Балкарская Республика	46,81	2,9 р.	64,4	2,9 р.
Карачаево-Черкесская Республика	77,36	4,9 р.	101,7	4,6 р.
Республика Северная Осетия - Алания	38,14	2,4 р.	63,4	2,8 р.
Чеченская Республика	17,98	113,7	31,2	139,9
Ставропольский край	115,91	7,3 р.	202,5	9,1 р.

Источник: Рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. - 1326 с. и Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

В 2021 году объем промышленной продукции составил 70,3 млрд рублей и в сопоставимых ценах (с учетом инфляции) увеличился на 4,8% по сравнению с 2015 годом. Высокие темпы роста наблюдаются в швейном производстве, производстве пищевых продуктов, включая напитки, издательской и полиграфической деятельности, производстве прочих неметаллических минеральных продуктов, производстве готовых металлических изделий, производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производстве транспортных средств и оборудования, производстве резиновых и пластмассовых изделий.

Несомненно, важной составляющей экономики являются имеющиеся основные фонды. В таблицах 2 и 3 проводится анализ стоимостного объема всех основных фондов в расчете на

душу населения по регионам СКФО и их изменение с 2005 года по 2021 год, а также процентное соотношение стоимостного объема всех основных фондов в расчете на душу населения каждого региона СКФО к показателям Российской Федерации.

Таблица 2

Стоимостной объем всех основных фондов в расчете на душу населения по регионам СКФО 2005-2021 годы (тыс. рублей).

	2005	2010	2015	2021
Российская Федерация	289,50	652,26	1096,76	2749,74
Северо-Кавказский федеральный округ	116,58	245,50	414,91	785,30
Республика Дагестан	115,98	241,11	449,70	532,36
Республика Ингушетия	58,85	110,26	186,97	414,59
Кабардино-Балкарская Республика	98,25	184,59	278,50	655,62
Карачаево-Черкесская Республика	141,96	244,69	404,21	975,87
Республика Северная Осетия - Алания	136,53	240,61	329,79	595,07
Чеченская Республика	-	181,28	305,55	583,04
Ставропольский край	171,27	319,83	535,48	1308,34

Источник: Рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

Таблица 3

Основные фонды в расчете на душу населения по регионам СКФО 2005-2021 годы в % к РФ

	2005	2010	2015	2021
Северо-Кавказский федеральный округ	40,27	37,64	37,83	28,56
Республика Дагестан	40,06	36,97	41,00	19,36
Республика Ингушетия	20,33	16,90	17,05	15,08
Кабардино-Балкарская Республика	33,94	28,30	25,39	23,84
Карачаево-Черкесская Республика	49,04	37,51	36,86	35,49
Республика Северная Осетия - Алания	47,16	36,89	30,07	21,64
Чеченская Республика	-	27,79	27,86	21,20
Ставропольский край	59,16	49,03	48,82	47,58

Источник: Рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

Анализируя данные таблиц 2 и 3, можно сделать вывод, что все регионы СКФО по показателю основные фонды в расчете на душу населения существенно отстают от России. Более того, наблюдается устойчивая тенденция снижения данного показателя за последние 15 лет. Особенно это видно по Республике Дагестан, где основные фонды в расчете на душу населения в 2005 году составляли 40,06% от российского показателя, а в 2021 году всего 19,36%.

Отставание индустриального развития Республики Дагестан наглядно видно из состояния основных фондов по промышленным видам деятельности, представленного в таблице 4. Основные фонды промышленности республики составляют всего 0,27% всех аналогичных фондов России. Ничтожную долю в объеме основных фондов России (0,03%) имеет республика по виду деятельности «добыча полезных ископаемых».

Продолжающееся, особенно видно по сравнению с 2015 годом, отставание объема инвестиций в основной капитал промышленности республики привело к тому, что основные фонды в расчете на душу населения в среднем в России больше в 8 раз, чем в Республике Дагестан.

На рисунке 2 представлены основные фонды промышленности в расчете на душу населения по регионам СКФО в 2021 году. По этому показателю Дагестан отстает от всех регионов СКФО, кроме Республики Ингушетия.

Таблица 4

Основные фонды по промышленным видам деятельности, 2015г., 2021г.

	2015		2021	
	РД	РФ	РД	РФ
Основные фонды по полной учетной стоимости, млн. руб.	175477	46563453	231573	85771335
Уд. вес РД, %	0,38	100	0,27	100
в т. ч. по видам деятельности:				
добыча полезных ископаемых	9132	18518184	11542	35484744
Уд. вес РД, %	0,05	100	0,03	100
обрабатывающие производства	104316	15099981	64618	27135736
Уд. вес РД, %	0,69	100	0,24	100
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	62029	12945288	155413	23150855
Уд. вес РД, %	0,48	100	0,67	100
Основные фонды промышленности в расчете на душу населения, тыс. руб.	58,19	317,74	73,43	589,26
% к РД	100	5,5 р.	100	8,0 р.

Источник: Рассчитано автором на основе данных Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. - 1326 с. и Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

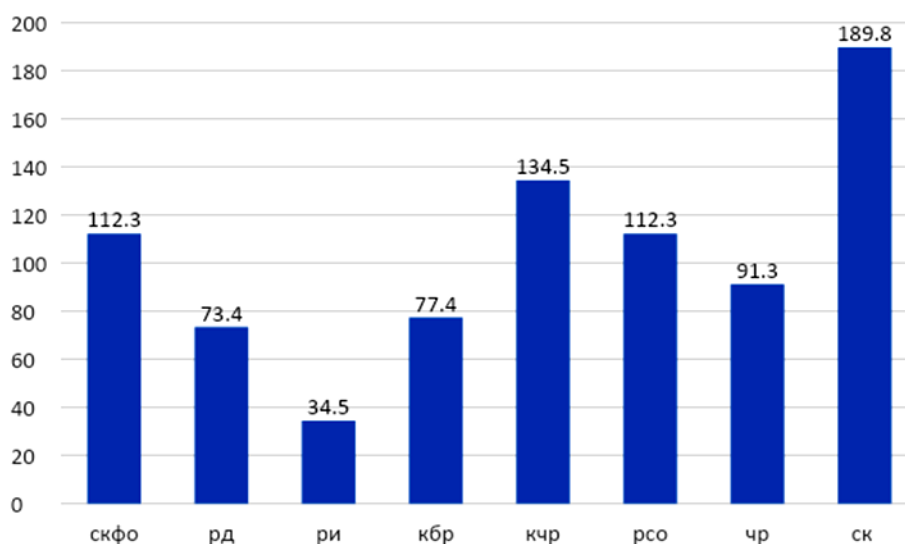

Рис. 2. Основные фонды промышленности в расчете на душу населения по регионам СКФО 2021 г., тыс. руб.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

Неудовлетворительным следует считать состояние основных фондов в промышленности республики, представленное в таблице 5. Особую тревогу вызывает то, что износ основных фондов по добыче полезных ископаемых составляет 78,8%, а 53,2% основных фондов здесь изношены полностью.

Научно-технический и инженерно-конструкторский потенциал промышленности республики в дореформенные годы был сконцентрирован на оборонных предприятиях машиностроительного комплекса. В среднем загрузка производственных мощностей машиностроения составляет в пределах 15-20%, что характеризует наличие огромного потенциала развития отрасли. В последние годы справедливо отметить увеличение оборонзаказа в свете современных событий, но через год-два ситуация может измениться, поэтому предприятиям необходимо наращивать производство наукоемкой высокотехнологичной продукции, востребованной на рынке для своего дальнейшего существования. В частности, имеется возможность для повышения доли наукоемкой продукции, создания системы поддержки инновационной деятельности предприятий, реализации инновационных проектов, использования потенциала науки в развитии промышленности республики.

Степень износа основных фондов по промышленным видам деятельности на конец 2021 г., %.

	РД		СКФО		РФ	
	всего	полностью изношенные	всего	полностью изношенные	всего	полностью изношенные
Добыча полезных ископаемых	78,8	53,2	60,6	36,4	58,5	25,5
Обрабатывающие производства	48,2	15,7	53,9	13,8	51,7	18,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	46,8	7,6	40,8	11,2	46,8	14,3
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	52,9	5,9	50,5	15,7	42,5	18,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

Из отраслей региональной специализации можно выделить, например, легкую промышленность, которая всегда была одной из ведущих отраслей экономики республики. Большие перспективы в развитии легкой промышленности связаны с развитием народных художественных промыслов, где в настоящее время из более 40 предприятий функционируют только 9. В республике Дагестан существенный потенциал развития имеет также пищевая промышленность, в частности, производство плодоовощной, цельномолочной, мясной, мукомольно-крупяной, рыбной, кондитерской, винно-коньячной и безалкогольной продукции, производство минеральной воды и т.д. Республика располагает практически неограниченными запасами сырья для развития промышленности строительных материалов.

Особо следует подчеркнуть, что в республике имеется необходимый человеческий потенциал: неиспользуемые трудовые ресурсы, средние и высшие учебные заведения для подготовки современных специалистов, все еще сохранились опытные кадры в отдельных отраслях промышленности [9].

Вышесказанное выдвигает необходимость развития промышленности, ее модернизации и перевода на инновационную модель как одну из важнейших приоритетных задач для органов власти республики. В республике была разработана и утверждена Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года [10], имеющая важнейшее значение для повышения уровня жизни граждан, обеспечения устойчивого развития экономики региона и его базовых отраслей.

Однако всесторонний анализ стратегии, проведенный главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН А.Ш. Ахмедуевым, выявил ряд недостатков, которые усложняют как восприятие, так и ее реализацию. Например, разделы «Стратегии – 2025», включая доктрину, стратегические цели, индикаторы, механизмы реализации, разработаны по комплексам: торгово-транспортно-логистическому, промышленному, агропромышленному, топливно-энергетическому, социально-инновационному, туристско-рекреационному. Поскольку статистический учет в стране и регионах ведется по ОКВЭД, то анализ, оценка динамики и сравнение показателей социально-экономического развития как внутри региона, так и с другими регионами, среднероссийскими и мировыми показателями возможны только по разделам ОКВЭД, а не по комплексам, предложенным в «Стратегии 2025». Промышленный комплекс, представленный в «Стратегии - 2025», охватывает лишь малую часть промышленных видов деятельности по республике. Судьбоносная для республики отрасль расчленена по комплексам: промышленному (в основном машиностроение и легкая промышленность), агропромышленному (пищевая промышленность), строительному (промышленность строительных материалов), топливно-энергетическому (добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производство электроэнергии и др.). Таким образом, промышленность как базовая отрасль народного хозяйства республики рассыпается по многим комплексам, следовательно, и стратегическое, и программно-целевое управление развитием отрасли из единого центра становится невозможным [11].

12 октября 2022 г. принят закон РД № 70 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года». Важнейшей целью Стратегии обозначена: «обеспечение стабильного повышения качества и продолжительности

жизни людей, а также роста численности населения Республики Дагестан». Далее указывается: «Реализация поставленной стратегической цели будет происходить в рамках основных стратегических направлений...», в которых промышленность не выделяется.

Также авторы актуальной «Стратегии РД 2030» справедливо отмечают: «Реализация Стратегии-2025 СКФО за истекший период не обеспечила республике (как и остальным субъектам СКФО) опережающих темпов социально-экономического развития...: не удалось переломить тенденцию отставания в таких показателях, как развитие промышленного производства, производство ВРП на душу населения... Различные преференциальные режимы и льготы, применяемые на территории региона, не обеспечили приток инвестиций и создание значимого количества новых рабочих мест...» [12].

Промышленная сфера, как приоритет региональной экономики, не выделяется и в общем стратегическом видении социально-экономического развития региона. Главной целью «Стратегии РД 2030» является обеспечение стабильного повышения качества и продолжительности жизни людей, а также роста численности населения Республики Дагестан. «Реализация поставленной стратегической цели будет происходить в рамках следующих основных стратегических направлений: ...», в которых промышленность не выделяется.

За счет чего будут достигнуты следующие цели социально-экономического развития Республики Дагестан до 2030 года: Производительность труда, в % к 2020 году – 186,3%; Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом региональном продукте с 14,4% до 27,3%; Индекс промышленного производства, в % к 2020 году – 235,0%, если развитие промышленности в проекте стратегии не рассматривается как стратегический приоритет для региона.

И авторы стратегии сами на это указывают: «В перспективной специализации региона еще более усилится аграрно-полисервисный характер экономики региона. Лидирующие позиции в объемах производства товаров и услуг и вновь созданной стоимости сохранятся за видами экономической деятельности: сельское и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство (роль последнего растет), строительство и торговля. Возрастет доля промышленности, в особенности обрабатывающей...». Однако возникает вопрос, с помощью каких импульсов «возрастет доля промышленности, в особенности обрабатывающей», если данная сфера слабо обозначена в разделе III. «Стратегические направления комплексного социально-экономического развития: цели, задачи и мероприятия», в котором лишь обозначен краткий перечень основных направлений перспективной экономической специализации региона.

Общий вывод: в Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2030 года касаясь промышленной сферы видится несоответствие современного состояния промышленности и динамики ее развития за последние 10 лет, стратегических направлений комплексного социально-экономического развития, а также показателей оценки достижения целей Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан.

Тем не менее, можно говорить о достаточном потенциале региональной экономики, однако современное ее состояние свидетельствует об отсутствии четкой координированной экономической политики федеральных и региональных органов власти, направленной на развитие данной сферы [13]. Анализ прогнозных расчетов показывает, что для преодоления имеющего место отставания, темпы роста макроэкономических показателей социально-экономического развития Республики Дагестан должны существенно превышать среднероссийские [14].

В связи с этим, по нашему мнению, на федеральном уровне следует уделить больше внимания региональной специфике экономической политики. Необходимо рассматривать, в нашем случае регионы СКФО, как целостную, единую экономическую систему, в которой развитие отдельных территорий (республик Северного Кавказа) должно увязываться с планами развития Российской Федерации. В то же время, они (регионы) должны формироваться в значительной степени под влиянием внутренних факторов и условий, объективно присущих тому или иному региону [15].

3. Заключение

Диверсификация, расширение масштабов предприятий и рост объемов продукции промышленности являются материальной основой инновационного развития и повышения производительности труда во всех других сферах деятельности, следовательно, обеспечивают конкурентоспособность всей экономики. Именно промышленность создает мультипликативность, современные средства и орудия труда, являющиеся базой высоких технологий во всех сферах жизнедеятельности, следовательно, перевода всей экономики на инновационный путь развития.

По нашему мнению, в специфических условиях рассматриваемого региона нецелесообразно придерживаться концепции, основанной на выделении «точек роста», что может привести к концентрации ресурсов в регионах с более развитой промышленной базой и инфраструктурой в ущерб остальным. Однако нежелательно придерживаться и политики выравнивания региональных экономических, в том числе промышленных, потенциалов, так как неравномерность развития сферы производства обусловлена объективными внешними и внутренними условиями, а также исторической специализацией экономики регионов. На наш взгляд, в рамках регионов СКФО необходима разработка и реализация социально-экономической политики, направленной на интеграцию экономического пространства и основанной на принципе взаимного дополнения, создания межрегиональной цепочки кластеров.

Литература

1. Селезнев А.З. Инновационная концепция конкурентных преимуществ // Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции. М.: LSP, 2017. С. 220-230.
2. Бухвальд Е.М. Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития // Федерализм. 2023. Т. 28. № 1 (109). С. 80-98.
3. Ахмедуев А.Ш. Экономический и налоговый потенциал теневого сектора экономики Республики Дагестан // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 3 (384). С. 547-565.
4. Курбанов К.К. Организационно-экономические основы повышения инновационной активности южного региона России // Экономика и предпринимательство. 2022. № 8 (145). С. 520-522.
5. Baliyants K.M., Dokholyan S.V., Hidirova S.Z., Zhamolatova Z.N. The resource potential of the agro-industrial complex of the North-Caucasian federal district as a factor of innovative development of the macro-region // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. Т. 7. № S1. С. 339-347.
6. Velibekova L.A., Dogeev G.D., Kaziev M.-R.A. Increasing the efficiency of horticulture in Russia under globalization of the agricultural economy // В сборнике: The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Heidelberg, 2021. С. 409-415.
7. Сагидов Ю.Н. Нормативно-правовая регламентация отраслевой специализации регионов как фактор торможения экономического развития // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 4. С. 128-137.
8. Бухвальд Е.М., Идзиев Г.И. Планирование индустриального развития отсталых территорий России: от первого плана до современных стратегий (на примере Республики Дагестан) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 3 (101). С. 20-27.
9. Ахмедуев А.Ш. Промышленность Дагестана: узловые проблемы и приоритеты развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 8 (46). С. 64-72.
10. Закон Республики Дагестан от 15.07.2011 N 38 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года».
11. Ахмедуев А.Ш. Проблемы актуализации и направления корректировки Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 г. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 2. С. 128-140.
12. Закон РД № 70 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года».
13. Идзиев Г.И., Цапиева О.К. Анализ воспроизводственного потенциала республик Северокавказского федерального округа // Проблемы современной экономики. СПб. 2012. № 2. С. 281-284.
14. Арсланов Ш.Д. Современная инвестиционная политика региона: проблемы и перспективы (на примере РД) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 2 (124). С. 123-131.
15. Сагидов Ю.Н. Саморазвитие регионов как фактор политического и экономического обустройства России // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 3 (486). С. 429-450.
16. Batkovsky A.M., Fomina A.V., Semenova E.G., Khrustalev E.Yu., Khrustalev O.E. Models and methods for evaluating operational and financial reliability of high-tech enterprises // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Т. 11. № 7. С. 1384-1394.

References:

1. Seleznev A.Z. Innovacionnaya koncepciya konkurentnyh preimushchestv // Fenomen rynochnogo hozyajstva: vektory i osobennosti evolyucii. M.: LSP, 2017. S. 220-230.
2. Buhval'd E.M. Institucional'nye problemy strategirovaniya prostranstvennogo razvitiya // Federalizm. 2023. T. 28. № 1 (109). S. 80-98.
3. Ahmeduev A.SH. Ekonomicheskij i nalogovyj potencial tenevogo sektora ekonomiki Respubliki Dagestan // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2020. T. 16. № 3 (384). S. 547-565.
4. Kurbanov K.K. Organizacionno-ekonomicheskie osnovy povysheniya innovacionnoj aktivnosti yuzhnogo regiona Rossii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2022. № 8 (145). S. 520-522.
5. Baliyants K.M., Dokholyan S.V., Hidirova S.Z., Zhamolatova Z.N. The resource potential of the agro-industrial complex of the North-Caucasian federal district as a factor of innovative development of the macro-region // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. T. 7. № S1. S. 339-347.
6. Velibekova L.A., Dogeev G.D., Kaziev M.-R.A. Increasing the efficiency of horticulture in Russia under globalization of the agricultural economy // V sbornike: The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Heidelberg, 2021. S. 409-415.
7. Sagidov YU.N. Normativno-pravovaya reglamentaciya otraslevoj specializacii regionov kak faktor

- tormozheniya ekonomicheskogo razvitiya // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2022. T. 10. № 4. S. 128-137.*
8. Buhval'd E.M., Idziev G.I. *Planirovanie industrial'nogo razvitiya otstalyh territorij Rossii: ot pervogo plana do sovremennyh strategij (na primere Respubliki Dagestan) // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2019. № 3 (101). S. 20-27.*
9. Ahmeduev A.SH. *Promyshlennost' Dagestana: uzlovye problemy i priority razvitiya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2014. № 8 (46). S. 64-72.*
10. *Zakon Respubliki Dagestan ot 15.07.2011 N 38 «Ob utverzhdenii Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Dagestan do 2025 goda».*
11. Ahmeduev A.SH. *Problemy aktualizacii i napravleniya korektirovki Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Dagestan do 2025 g. // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2012. № 2. s. 128-140.*
12. *Zakon RD № 70 «Ob utverzhdenii Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Dagestan na period do 2030 goda».*
13. Idziev G.I., Capiyeva O.K. *Analiz vosproizvodstvennogo potenciala respublik Severokavkazskogo federal'nogo okruga // Problemy sovremennoj ekonomiki. SPb. 2012. № 2. S. 281-284.*
14. Arslanov SH.D. *Sovremennaya investicionnaya politika regiona: problemy i perspektivy (na primere RD) // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2021. № 2 (124). S. 123-131.*
15. Sagidov YU.N. *Samorazvitie regionov kak faktor politicheskogo i ekonomicheskogo obustrojstva Rossii // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2021. T. 19. № 3 (486). S. 429-450.*
16. Batkovsky A.M., Fomina A.V., Semenova E.G., Khrustalev E.Yu., Khrustalev O.E. *Models and methods for evaluating operational and financial reliability of high-tech enterprises // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. T. 11. № 7. S. 1384-1394.*

УДК 333.45

ВОЕВОДСКИЙ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Институт
государственной службы и управления, Кафедра
государственного регулирования экономики,
e-mail: vovodskiy.vlad@gmail.com

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-79-84

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОЗНИЧНОГО БИЗНЕСА НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

***Аннотация.** На сегодняшний день цифровая трансформация является ключевым драйвером развития нефтегазовой отрасли. Статья посвящена исследованию применения цифровых технологий в розничном бизнесе нефтегазового сектора. В статье, в соответствии с поставленной целью, проанализированы современные тенденции развития цифровизации в нефтегазовой сфере, выделены особенности розничного бизнеса в нефтегазовых компаниях. По результатам исследования были очерчены направления для применения цифровых технологий в розничном сегменте нефтегазового сектора. Полученные в результате исследования выводы показывают, что использование цифровых технологий в розничном сегменте нефтегазового бизнеса может привести к сокращению временных и финансовых расходов на доставку продукции конечному потребителю, повысить качество обслуживания клиентов, эффективно управлять запасами и логистическими операциями.*

***Ключевые слова:** цифровая трансформация, розничный бизнес, нефтегазовый сектор, бизнес-процессы, цифровые технологии, продажи, логистика, клиенты.*

VOIVODSKY VLADISLAV VLADIMIROVICH

Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Institute of Public
Administration and Management, Department
of State Regulation of Economics,
e-mail: vovodskiy.vlad@gmail.com

DIGITALIZATION OF THE RETAIL BUSINESS OF OIL AND GAS COMPANIES

***Abstract.** Today, digital transformation is a key driver of the development of the oil and gas industry. The article is devoted to the study of the use of digital technologies in the retail business of the oil and gas sector. In accordance with this goal, the article analyzes the current trends in the development of digitalization in the oil and gas sector, highlights the features of retail business in oil and gas companies. According to the results of the study, the directions for the use of digital technologies in the retail segment of the oil and gas sector were outlined. The conclusions obtained as a result of the study show that the use of digital technologies in the retail segment of the oil and gas business can lead to a reduction in time and financial costs for delivering products to the end consumer, improve the quality of customer service, effectively manage inventory and logistics operations.*

***Keywords:** digital transformation, retail business, oil and gas sector, business processes, digital technologies, sales, logistics, customers.*

1. Введение

Активное развитие глобализационных процессов в мире ускорило цифровую трансформацию практически всех сфер хозяйственной деятельности предприятий, включая и нефтегазовую отрасль. В то же время, несмотря на огромные возможности использования искусственного интеллекта, роботизации и других цифровых технологий в нефтегазовой сфере, в рейтинге цифровой зрелости данная отрасль находится на 14 позиции из 18, после телекоммуникационной сферы, розничной торговли и других сфер хозяйствования [1]. Учитывая важность нефте-

газовой отрасли для мировой экономики, вектор ее дальнейшего развития непосредственно связан с активизацией цифровизации бизнес-процессов компаний данной сферы.

Теоретические и практические аспекты развития цифровизации в нефтегазовом секторе представлены в трудах отечественных и зарубежных исследователей, таких как: Ерёмин, Н. А., Линник Ю.Н., Кирюхин М.А., Соколова Ю.Д., Куклина Е.А., Миловидов К.Н., Разманова С.В., Андрухова О.В., Т. Р. Ванасингхе, Ф. Грийпинк, Н. Кацап и др. Однако, несмотря на постоянно растущий интерес со стороны исследователей к проблемам и перспективам развития цифровой трансформации нефтегазового сектора, большинство публикаций раскрывают аспекты внедрения цифровых технологий при разработке месторождений и добычи нефти и газа. В то же время цифровизации розничного бизнеса в нефтегазовой сфере практически не уделяется внимания, что и актуализировало тему исследования.

Целью исследования является изучение общих тенденций цифровизации в нефтегазовом секторе, выявление особенностей розничного бизнеса в нефтегазовых компаниях и определение цифровых решений для розничного сегмента.

2. Основная часть

2.1 Общие тенденции цифровизации в нефтегазовом секторе

На сегодняшний день цифровая трансформация в нефтегазовом секторе проходит в рамках концепции «Индустрия 4.0», способствуя автоматизации операций, оптимизации расходов и получению дополнительного дохода предприятиями данной отрасли. Так, согласно прогнозам компании McKinsey, ожидается, что к 2030 году цифровизация операций по разведке и добыче нефти и газа может принести дополнительные 250 млрд. долл. США нефтегазовому сектору. При этом от 160 до 180 млрд долл. планируется получить за счет существующей инфраструктуры, а дополнительные 70 млрд. долл. возможно было бы получить за счет внедрения спутников на низкой околоземной орбите (НОО) и технологий 5G следующего поколения. Также благодаря использованию цифровых инструментов и аналитики офшорные операторы смогут сократить затраты, включая операционные и капитальные, на 20–25% за баррель (рис. 1) [2].

Рис. 1. Прогноз дополнительной прибыли за счет внедрения цифровых технологий в нефтегазовом секторе, млрд. долл. США

Источник: составлено по данным [2]

В мире зафиксировано 240 цифровых месторождений, из которых 27 находятся в Российской Федерации [3, с. 47]. При этом около 40% объемов морской добычи, например, в Канаде, Норвегии и глубоководных объектах в Соединенных Штатах, подключено к берегу с помощью оптоволоконной линии, а 56% связано с помощью микроволновой связи. Сети 4G LTE уже покрывают большую часть Северного моря и Мексиканского залива, предоставляя всем судам и беспилотному транспорту, проходящим через эти регионы, доступ к надежному и высокоэффективному покрытию. Только 5% морских операций подключаются к базовой сети с помощью терминалов с очень малой апертурой (VSAT), которые характеризуются малой пропускной способностью и надежностью [2].

Лидирующие позиции по внедрению цифровых технологий в нефтегазовом секторе занимают такие иностранные корпорации, как «Shell», «BP», «ExxonMobil». К примеру, компании «Shell» и «ExxonMobil» одними из первых начали применять цифровую технологию для контроля развития проектов с использованием мобильных устройств [4, с. 38]. Благодаря этой технологии данные о разработке месторождения изучаются и круглосуточно отправляются на мобильные устройства лицам, которые заинтересованы в данном проекте. Как следствие, у предприятий появляется возможность в режиме реального времени контролировать реализацию проекта и принимать своевременные решения.

Среди отечественных предприятий лидерами по внедрению инновационных цифровых технологий являются ПАО «НК «Роснефть» (10 цифровых месторождений), ПАО «Газпром» (7 цифровых месторождений), ПАО «Лукойл» (5 цифровых месторождений) [4, с. 38]. В то же время, более зрелые наземные активы в таких регионах, как Ближний Восток и Мексика, где добывается порядка 75% мирового объема нефти, имеют проблемы со связью и используют мало цифровых технологий. Около 60% этого объема добычи на суше связано с помощью микроволнового сигнала, а остальная часть - с помощью VSAT. То же самое происходит с газом из плотных пород, сланцевой нефтью и легкой нефтью из плотных пластов (также известными как «нетрадиционные») в районах, где связь с помощью VSAT и микроволновой связи имеет ограничения по пропускной полосе, например, в Пермском бассейне. Для 30% мировой добычи нефти и газа на суше, связанных с VSAT, любой существенный потенциал роста от использования цифровых технологий и аналитики будет невозможен при нынешних условиях подключения [2].

На сегодняшний день в мировой практике нефтегазового сектора используются следующие виды цифровых технологий: big data (большие данные и их обработка); Digital Twin (цифровые двойники) - (создание интегрированной модели месторождения); blockchain (блокчейн); нейротехнологии и Artificial intelligence (искусственный интеллект); IoT (Интернет вещей); квантовые технологии; аддитивные технологии, такие как 3D-печать, роботизация (например, «Robotic process automation»); технологии беспроводной связи; виртуальная и дополненная реальность; Smart materials (умные материалы); Cloud Computing (облачные вычисления) [4-7].

2.2 Особенности розничного бизнеса в нефтегазовых компаниях и направления для применения цифровизации в розничном сегменте нефтегазового сектора

Помимо цифровизации операций по разведке и добыче нефти, немаловажную роль в деятельности нефтегазовых компаний играет развитие цифровых технологий в розничном бизнесе, заключающегося в продаже нефтепродуктов и газа непосредственно конечным потребителям. Данный сегмент является важным для отрасли, поскольку обеспечивает связь между производителями нефтепродуктов и конечными потребителями.

Отметим, что розничный бизнес в нефтегазовых компаниях имеет свои особенности в этой индустрии:

1. Глобальный характер рынка и географическая диверсификация. Розничные сети нефтегазовых компаний обычно представлены по всей стране и даже в других государствах, что усиливает необходимость внедрения цифровых технологий для управления розничными точками продаж в разных регионах. Важное значение также имеет внедрение систем мониторинга и управления заправочными станциями, позволяющим в реальном времени отслеживать состояние оборудования и заправочных станций, своевременно реагировать на возможные проблемы и планировать техническое обслуживание. Особое внимание стоит уделить маркетингу, логистике и аналитике с использованием цифровых решений.

В частности, в компании «Газпром нефть» принята стратегия цифровой трансформации, которая также охватывает всю цепочку логистики и сбыта. С целью управления транспортировкой нефти с арктических месторождений предприятие использует цифровые системы и математические модели для разработки календарного графика всей цепочки поставок нефтепродуктов к потребителям. Внедрение единой цифровой среды в компании дает возможность повысить эффективность управления логистикой и реализацией продуктов нефтяной отрасли, как единым процессом [8].

Также компанией «Газпром нефть» запланировано внедрение технологии RFID-меток совместно с беспилотниками и другими цифровыми инструментами, с помощью которых будет контролироваться перемещение грузов на всех стадиях, начиная с отгрузки с завода до момента поступления их на склад и дальнейшей передачи заказчику [9].

В компании «Лукойл» в 2018 г. была утверждена Программа цифрового развития в бизнес-

сегменте «Переработка, торговля и сбыт», целью которой является рост эффективности и повышение надежности оборудования, качества обслуживания клиентов, а также уровня контроля влияния на внешнюю среду. В частности, в рамках программы одним из направлений в бизнес-сегменте «Переработка, торговля и сбыт» являются «цифровые поставки» [10].

В свою очередь, в компании «Роснефть» в 2017 г. был разработан план цифровизации, включающий такие программы, как «цифровая цепочка поставок» и «цифровая АЗС» [11].

Отметим, что доставка нефтепродуктов особенно затратная для удаленных нетрадиционных и морских объектов, составляя от 10 до 15% общих производственных затрат. По данным компании McKinsey использование цифровых технологий в управлении логистикой может снизить стоимость обслуживания транспортных средств на 20%, а стоимость материалов - на 2%. Также данные технологии могут снизить потребности в персонале и объемы выбросов в окружающую среду [2].

2. Значительные объемы товарооборота в нефтегазовом секторе. Наличие огромного количества клиентов, использующих ежедневно топливо, требует использования таких технологий, как: big data - для обработки большого количества данных; технологий беспроводной связи; blockchain - для ускорения взаиморасчетов с клиентами нефтегазовых компаний; систем автоматизации POS (точки продаж) для обработки и регистрации транзакций продаж, позволяющих повысить эффективность операций, включая прием оплаты, выдачу квитанций и ведение учета товаров; систем мониторинга запасов и спроса, позволяющих автоматизировано отслеживать уровень запасов топлива и нефтепродуктов, а также анализировать спрос клиентов; Интернет вещей (IoT) для мониторинга запасов, поскольку датчики и IoT-решения позволяют в реальном времени отслеживать уровень топлива в резервуарах и уведомлять о необходимости пополнения; систем электронного документооборота и учета, которые упрощают обработку документации, включая заказы, накладные и другие документы.

Так, к примеру, компания «Газпромнефть-Аэро», занимающая лидирующую позицию в российском розничном сегменте продаж авиатоплива, создала и внедрила собственную блокчейн-платформу «Smart Fuel» для цифровизации авиатопливного бизнеса. Данная платформа позволяет ускорить бизнес-процессы, в частности: повысить уровень безопасности финансовых операций и снизить общие издержки в сегменте заправки воздушных судов [12]. Компания «Газпром нефть» в ноябре 2020 года для инвентаризации грузов на складах стала применять беспилотные летательные аппараты [9].

3. Строгие стандарты качества и безопасности, экологические стандарты. Продаваемая в розницу продукция должна соответствовать высоким стандартам качества и безопасности, что требует дополнительных затрат на тестирование и контроль качества. В связи с этим актуальным является внедрение таких технологий, как: big data, искусственный интеллект, роботизация бизнес-процессов. В частности, в компании «Газпромнефть» качество и количество нефтепродуктов на всех стадиях производства и доставки до конечного потребителя контролируется с помощью системы «Нефтеконтроль-Газпромнефть» [9].

4. Сезонность и цикличность спроса. В нефтегазовой отрасли спрос на товары часто зависит от сезона (например, спрос на топливо для отопления зимой) и экономических колебаний. Также, учитывая тот фактор, что большинство нефтегазовых продуктов являются стандартными, конкурентными являются те компании, которые предлагают более низкие цены и, на фоне более высокого качества обслуживания. Внедрение систем аналитики и отчетности позволит анализировать данные о продажах, запасах, расходах и других аспектах бизнеса для принятия информированных управленческих решений.

Так, к примеру, в компании Лукойл в рамках Программы цифрового развития ключевыми направлениями бизнес-сегмента «Переработка, торговля и сбыт» являются: цифровой маркетинг и управление клиентским спросом; динамическое управление предложением [10].

5. Клиентоориентированность. Клиентская поддержка и обслуживание имеют большое значение, поскольку уровень конкуренции в розничном бизнесе всегда очень высокий. Поэтому популярность приобретает внедрение систем управления лояльностью и программ верности. Они позволяют внедрять программы для привлечения и удержания клиентов, предоставляя им скидки, бонусы и другие преимущества. Разработка мобильных приложений для заказа топлива и других товаров, а также для удобной оплаты, также позволяет облегчить взаимодействие с клиентами.

Характеристика направлений для использования цифровых технологий в розничном бизнесе нефтегазовых предприятий представлена в табл. 2.

Направления для применения цифровизации в розничном сегменте нефтегазового сектора

Направление	Характеристика и цифровые технологии
Автоматизация учета и управления запасами	Использование цифровых систем позволяет в реальном времени отслеживать уровень запасов топлива и других товаров в точках продаж, автоматически обновлять запасы и обеспечивать своевременное пополнение. Например, использование технологии RFID (radio frequency identification) позволит распознать товар на расстоянии и эффективен в крупных торговых точках и складах, при инвентаризации или быстрой оплате на кассе. С помощью датчиков и систем IoT (Интернет вещей) можно в режиме реального времени, например, отслеживать уровень топлива в резервуарах или количество других продуктов и уведомлять о необходимости пополнения.
Оптимизация логистического маршрута	Использование, таких технологий, как искусственный интеллект и интернет вещей позволит сократить транспортные расходы.
Аналитика и прогнозирование спроса и предложения	Использование инструментов, основанных на аналитике Big Data, и с помощью машинного обучения позволяет прогнозировать спрос на топливо и другие товары, что способствует эффективному управлению запасами и избеганию накопления чрезмерных запасов.
Управление продажами	Внедрение электронной точки продаж (POS) системы позволяет автоматизировать обработку продаж, управлять оплатами и ведением отчетности. Дополнительно она может обеспечивать информацию о спросе на товары и другие аналитические данные. Использование блокчейна для безопасных транзакций и облачных вычислений для централизации данных ведет к росту бизнеса.
Клиентский сервис и коммуникация	С помощью цифровых каналов коммуникации можно улучшить обслуживание клиентов, предоставить быстрый отклик и обеспечить удобство взаимодействия. К примеру, разработка мобильных приложений для заказа и оплаты топлива и других продуктов розничных предприятий нефтегазового сектора, программ лояльности, может облегчить жизнь клиентов и повысить качество обслуживания.
Управление персоналом	Цифровые инструменты могут упростить процессы найма, обучения и управления персоналом, а также повысить уровень коммуникации внутри команды. Так, внедрение технологии Workforce Management (WFM), базирующейся на аналитике Big Data и технологии машинного обучения, позволяет формировать график работы сотрудников с учетом загруженности по дням недели и в определенные часы.
Удаленный мониторинг и управление	Искусственный интеллект, машинное обучение, аналитика данных, облачные вычисления и интернет вещей (IoT) позволяют управлять бизнесом удаленно в реальном времени, включая диагностику и управление оборудованием. Это позволяет сократить временные и финансовые затраты на обслуживание розничных точек продаж. Оснащение сотрудников личными цифровыми устройствами, помогающими в работе, также позволит увеличить производительность труда.
Управление качеством продукции	Внедрение цифровых технологий (big data, искусственный интеллект, роботизация бизнес-процессов) позволит контролировать продукцию на соответствие стандартам качества и безопасности.

Источник: составлено по данным [11; 13]

3. Выводы

Таким образом, активизация внедрения цифровых технологий способствует автоматизации многих бизнес-процессов, позволяет значительно улучшить эффективность и конкурентоспособность розничного нефтегазового бизнеса, уменьшить риски и обеспечить высокий уровень обслуживания клиентов. В ходе проведения цифровой трансформации розничного бизнес-сегмента в нефтегазовой сфере компаниям необходимо учитывать такие факторы, как усиление конкуренции со стороны лидеров в сфере цифровых решений, используемых на этапе поставок и обслуживания клиентов, а также усиление ценового давления; возможность обеспечения скорости и прозрачности проводимых компанией операций; модификация поведенческой модели современного покупателя в сторону усиления ориентации на использование цифровых решений. Среди ключевых проблем, замедляющих процесс цифровизации розничного бизнеса нефтегазовых предприятий, являются низкий уровень финансирования цифровых проектов, высокие риски и нестабильность экономической среды. Тем не менее, для обеспечения конкурентоспособной деятельности компаниям необходимо адаптироваться к новой реальности и сформировать стратегию развития в соответствии с предпочтениями потребителей.

Литература

1. Цифровая трансформация в нефтегазовом секторе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/kz/ru/pages/energy-and-resources/articles/2017/digital-transformation-in-oil-and-gas.html> (дата обращения 07.10.2023).
2. Grijpink F., Katsap N., Verre F., Ward R. Price and demand pressures in the oil and gas sector make the potential value embedded in advanced connectivity for exploration and production more important than ever. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/how-tapping-connectivity-in-oil-and-gas-can-fuel-higher-performance#/> (дата обращения 07.10.2023).
3. Ерёмин Н. А., Дмитриевский А. Н., Тихомиров Л. И. Настоящее и будущее интеллектуальных месторождений // Нефть. Газ. Новации. – 2015. – № 12. – С. 44-49.
4. Линник Ю.Н., Кирюхин М.А. Цифровые технологии в нефтегазовом комплексе // Вестник университета. – 2019. – № 7. – С. 37-40.
5. Соколова Ю.Д., Куклина Е.А. Процесс цифровой трансформации нефтегазовой отрасли Российской Федерации: состояние, барьеры, перспективы // Управленческое консультирование. – 2021. – №3 (15). – Т. 7. С. – 66-77.
6. Разманова С.В. Андрухова О.В. Нефтесервисные компании в рамках цифровизации экономики: оценка перспектив инновационного развития // Записки Горного института. – 2020. – Т. 244. – С. 482– 492. DOI: 10.31897/PMI.2020.4.11
7. Wanasinghe T. R. et al. Digital Twin for the Oil and Gas Industry: Overview, Research Trends, Opportunities, and Challenges// IEEE Access. 2020. vol. 8, pp. 104175–104197, doi: 10.1109/ACCESS.2020.2998723.
8. Миловидов К.Н. Инновационные технологии в зарубежной нефтегазовой отрасли // Neftegaz.RU. – 2021. – №8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/nefteservis/694455-innovatsionnye-tehnologii-v-zarubezhnoy-neftegazovoy-otrasli/> (дата обращения 04.10.2023), свободный.
9. Информационные технологии в Газпром нефть. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 05.10.2023).
10. Программа цифрового развития. Официальный сайт компании Лукойл. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rspp.ru/download/5d98ecd640b_a91a9773cd68f729ed6c1/ (дата обращения 05.10.2023).
11. Цифровизация нефтегазового сектора в России и мире: краткий обзор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/742636/> (дата обращения 05.10.2023).
12. «Газпром нефть» разработала блокчейн-платформу для цифровизации авиатопливного бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11455507>. (дата обращения 05.10.2023)
13. Смотров Т.И., Наролина Т.С. Тенденции цифровизации в розничной торговле // Экономинфо. – 2020. – №1. – Т17. – С. 55-60.

References:

1. Cifrovaya transformaciya v neftegazovom sektore. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www2.deloitte.com/kz/ru/pages/energy-and-resources/articles/2017/digital-transformation-in-oil-and-gas.html> (data obrashcheniya 07.10.2023).
2. Grijpink F., Katsap N., Verre F., Ward R. Price and demand pressures in the oil and gas sector make the potential value embedded in advanced connectivity for exploration and production more important than ever. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/how-tapping-connectivity-in-oil-and-gas-can-fuel-higher-performance#/> (data obrashcheniya 07.10.2023).
3. Eryomin N. A., Dmitrievskij A. N., Tihomirov L. I. Nastoyashchee i budushchee intellektual'nyh mestorozhdenij // Neft'. Gaz. Novacii. – 2015. – № 12. – S. 44-49.
4. Linnik YU.N., Kiryuhin M.A. Cifrovyte tekhnologii v neftegazovom komplekse // Vestnik universiteta. – 2019. – № 7. – S. 37-40.
5. Sokolova YU.D., Kuklina E.A. Process cifrovoj transformacii neftegazovoj otrasli Rossijskoj Federacii: sostoyanie, bar'ery, perspektivy // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2021. – №3 (15). –T. 7. S. – 66-77.
6. Razmanova S.V. Andruhova O.V. Nefteservisnye kompanii v ramkah cifrovizacii ekonomiki: ochenka perspektiv innovacionnogo razvitiya // Zapiski Gornogo instituta. – 2020. – T. 244. – S. 482– 492. DOI: 10.31897/PMI.2020.4.11
7. Wanasinghe T. R. et al. Digital Twin for the Oil and Gas Industry: Overview, Research Trends, Opportunities, and Challenges// IEEE Access. 2020. vol. 8, pp. 104175–104197, doi: 10.1109/ACCESS.2020.2998723.
8. Milovidov K.N. Innovacionnye tekhnologii v zarubezhnoj neftegazovoj otrasli // Neftegaz.RU. – 2021. – №8. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/nefteservis/694455-innovatsionnye-tehnologii-v-zarubezhnoy-neftegazovoy-otrasli/> (data obrashcheniya 04.10.2023), svobodnyj.
9. Informacionnye tekhnologii v Gazprom nef't'. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.tadviser.ru/index.php> (data obrashcheniya 05.10.2023).
10. Programma cifrovogo razvitiya. Oficial'nyj sajt kompanii Lukojl. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://rspp.ru/download/5d98ecd640b_a91a9773cd68f729ed6c1/ (data obrashcheniya 05.10.2023).
11. Cifrovizaciya neftegazovogo sektora v Rossii i mire: kratkij obzor. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/742636/> (data obrashcheniya 05.10.2023).
12. «Gazprom nef't'» razrabotala blokhejn-platformu dlya cifrovizacii aviatoplivnogo biznesa [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/ekonomika/11455507>. (data obrashcheniya 05.10.2023)
13. Smotrova T.I., Narolina T.S. Tendencii cifrovizacii v roznichnoj trgovle // Ekonominfo. – 2020. – №1. – T17. – S. 55-60.

УДК 333.45

АМИРОВА ЭЛЬМИРА АМИРОВНА

младший научный сотрудник, Институт
социально-экономических исследований, ДФИЦ РАН»,
Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала,
e-mail: emulya7@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-85-92

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПАРКОВ В РОССИИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация. В статье подчеркивается приоритетность и рентабельность малого инновационного предпринимательства для российской экономики, а также подтверждается значение технопарков для развития малого инновационного бизнеса. **Цель данной работы** — выявить проблемы формирования и развития технологических парков в республиках Северного Кавказа. **Методологической основой** послужили такие общенаучные методы исследования, как сравнительный, логический и статистический анализ. С помощью данных методов анализируется деятельность технопарков как по РФ в целом, так и по республикам Северного Кавказа. На основе анализа деятельности технопарков как по РФ в целом, так и по республикам Северного Кавказа выявлены современные проблемы формирования и развития технологических парков. Технопарки несомненно дают возможность организовать производство в гораздо более короткие сроки. Помимо аренды производственных, офисных и складских помещений, управляющая компания обеспечивает резидентов автотранспортом, охраной, коммуникациями, электричеством, теплом, водой и т.д. Кроме того, управляющая компания гарантирует контроль за состоянием дорог и подъездных путей, позволяя компаниям-резидентам полностью сосредоточиться на своей основной деятельности — производстве.

Ключевые слова: технопарк, промышленный парк, оценка эффективности, Ассоциация индустриальных парков.

AMIROVA ELMIRA AMIROVNA

Junior Researcher, Institute of
Socio-Economic Research, DFC RAS»,
Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala,
e-mail: emulya7@mail.ru

THE ROLE OF TECHNOLOGY PARKS IN RUSSIA AND THEIR EFFECTIVENESS

Abstract. The article emphasizes the priority and profitability of small innovative entrepreneurship for the Russian economy, and also confirms the importance of technoparks for the development of small innovative business. **The purpose** of this work is to identify the problems of formation and development of technology parks in the republics of the North Caucasus. **The methodological** basis was such general scientific research methods as comparative, logical and statistical analysis. With the help of these methods, the activity of technoparks is analyzed both in the Russian Federation as a whole and in the republics of the North Caucasus. Based on the analysis of the activities of technoparks both in the Russian Federation as a whole and in the republics of the North Caucasus, modern problems of the formation and development of technology parks have been identified. Technoparks undoubtedly make it possible to organize production in a much shorter time. In addition to renting industrial, office and warehouse premises, the management company provides residents with vehicles, security, communications, electricity, heat, water, etc. In addition, the management company guarantees control over the condition of roads and access roads, allowing resident companies to fully focus on their main activity — production.

Keywords: technopark, industrial park, efficiency assessment, Association of Industrial Parks.

Как показывает опыт развитых стран, темпы как экономического, так и научно-технического развития зависят от создания малых инновационных компаний, в которых технопарки выступают своеобразными точками роста территорий.

Технопарк представляет собой «территорию со зданиями и сооружениями, с высококачественными условиями для размещения компаний, научно-исследовательских центров и лабораторий, проведения научных исследований и разработки технологий в целях коммерциализации их результатов» [1].

»Целью формирования технопарка выступает создание и ускоренное развитие инновационных компаний в приоритетных отраслях страны. Как правило, в России в качестве таких отраслей выступают: nanoиндустрия, различные виды вооружений, военной и специальной техники, информационно-телекоммуникационные системы и др. Важными критериями, без наличия которых невозможно существование и развитие технопарка, являются наличие научно-технического потенциала, квалифицированных рабочих кадров, венчурного капитала, а также выгодного географического положения» [2-5].

»Относительно разнообразия технопарков следует отметить, что они представлены исследовательскими подразделениями, деятельность которых различна. Традиционно в структуре технопарков представлены следующие виды:

- наиболее распространенным видом технопарков являются образовательные. Это институты, университеты, университетский парк, которые предоставляют следующие рода услуги: аренда помещений, компьютерный зал, электронная библиотека, обеспечение доступа к результатам НИОКР, обучение и подбор специалистов;

- научно-исследовательские технопарки, которые в отличие от образовательных технопарков дополнены технологическими знаниями и ориентированы на разработку и реализацию новых идей. Данный вид технопарков представлен исследовательскими центрами и лабораториями различной отраслевой направленности;

- торговые технопарки – один или более парков, представленные в виде средних и малых частных инновационных организаций, занимающиеся производством востребованной продукции и оказанием необходимой услуги;

- сетевые - технопарки осуществляющие свою деятельность путем объединения усилий разнотипных исследовательских центров в разных областях страны. Целью функционирования данного вида технопарков является сокращение издержек на исследования, а также максимизация синергетического эффекта в рамках взаимосвязей центров;

- сервисные технопарки, состоящие из одного или нескольких бизнес-инкубаторов для развития начинающих компаний, оказания услуг по управлению, обучению и техническому обеспечению (предоставление оборудования для моделирования, контроля, проведения инспекций)» [2].

Говоря о технопарках, нельзя не выделить такую его разновидность по отраслевому признаку, как индустриальные парки, или их еще называют промышленные, которые получили наибольшую популярность в нашей стране.

»Индустриальный (промышленный) парк – управляемый специализированной управляющей компанией комплекс объектов недвижимого имущества, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными зданиями, строениями и сооружениями, обеспеченный инженерной и транспортной инфраструктурой, необходимой для создания нового промышленного производства, а также обладающий необходимым правовым режимом для осуществления производственной деятельности» [2].

Если сравнить деятельность технопарков и индустриальных парков, то можно выделить следующую разницу: основной целью резидентов технопарков является создание благоприятных условий для развития инновационных компаний, разрабатывающих и производящих продукцию в малых масштабах, а для резидентов индустриальных (промышленных) парков, основной целью выступает создание и развитие новых предприятий по массовому производству продукции при наличии всех административных и законодательных требований, технической и транспортной инфраструктуры, энергетических ресурсов и управляющей компании.

В свою очередь, индустриальные парки делятся на:

- «Индустриальный парк, создаваемый на новом земельном участке, на территории которого ранее не проводились работы по постройке инженерной и транспортной инфраструктуры». Как правило, они носят название индустриального парка «Гринфилд» (Greenfield).

- И наоборот, индустриальный парк, формируемый на базе ранее созданных предприятий, находящихся в процессе репрофилирования или капитального ремонта. Такие индустриальные парки получили название «Браунфилд» (Braunfeld)» [6].

Как показывает практика, количество индустриальных парков в России с каждым годом увеличивается, а контроль за их деятельностью становится все более сложным. Для поддержки развития парков в 2010 году была создана некоммерческая организация «Ассоциация индустриальных парков». Ассоциация индустриальных парков в тесной взаимосвязи со всеми резидентами индустриальных (промышленных) парков страны и государством.

С 2011 года Ассоциация индустриальных парков, поддерживающая тесные связи с резидентами индустриальных (промышленных) парков и государством, проводит их добровольную сертификацию по методике, согласованной с Минэкономразвития РФ. Действующие и планируемые индустриальные (промышленные) парки получают сертификат на два и один год соответственно о достоверности сведений об индустриальном парке и этапе его развития.

Оценка эффективности деятельности технологических парков России осуществляется на основе расчета 26 статистических показателей, распределенных по критериям развития на 6 блоков (суб-индексов): инвестиционная привлекательность региона, объем затрат резидентов на НИОКР, эффективность деятельности управляющей компании технопарка, экосистема технопарка, информационная открытость технопарка, глобальные вызовы.

»После расчёта суб-индексов эффективности функционирования технопарков предлагается проводить классификацию технопарков по уровням их эффективности функционирования;

1. Наивысший уровень эффективности функционирования (свыше 110%);
2. Высокий уровень эффективности функционирования (от 100% до 109%);
3. Умеренно высокий уровень эффективности функционирования (от 90% до 99%);
4. Достаточный уровень эффективности функционирования (от 50% до 89%)» [6].

Экспертный совет по оценке деятельности технопарков состоит из представителей Государственной Думы РФ, Минпромторга России, Минэкономразвития России, Фонда развития промышленности, Фонда инфраструктурных и образовательных программ РОСНАНО, Центра отраслевой экономики ФГБУ «НИФИ Минфина России», Аналитического центра при Правительстве РФ, Российского союза промышленников и предпринимателей и др.

Следует отметить, что в отличие от особых экономических зон, где все-таки выделяются категории как эффективно, так и неэффективно функционирующих зон, в технопарках оцениваются и отображаются только технопарки с положительными результатами деятельности.

Количество технологических парков с 2015 по 2021 годы в России постепенно увеличивается, при этом количество регионов, в которых создаются и развиваются данные парки, не характеризуется положительной динамикой. Как видно из рисунка, в 2021 году численность технопарков и регионов, в которых они функционируют, сокращается (Рис. 1).

Рис. 1. Развитие технопарков в России [6]

К 2022 году в 39 регионах России действует 129 технопарков, что в 1,4 раза меньше, чем в 2020 году. Следует отметить, что значение показателя количества технопарков за 2021 год характеризуется снижением, что прежде всего связано с глобальной эпидемией, замедлившей работу технологических парков и даже способствовавшей закрытию некоторых из них.

В ходе обработки и верификации данных от 40 технопарков в 17 субъектах Российской Федерации, представленных в Ассоциацию кластеров, технопарков и особых экономических зон России, по соответствующим критериям были отобраны 33 технопарка.

В 2022 году по результатам VIII Национального рейтинга технопарков России к лидерам с наивысшими значениями показателя эффективности функционирования вошли 15 технопарков в 12 регионах страны (Рис. 2).

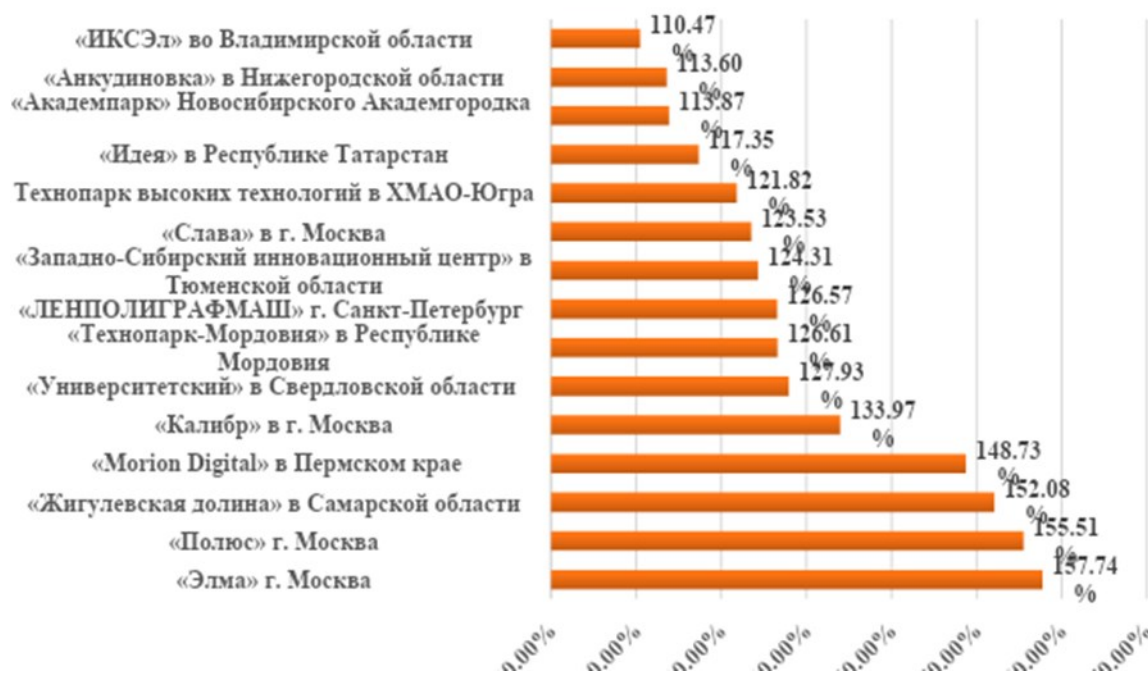

Рис. 2. Наивысший уровень эффективности функционирования технопарков в России [6]

Наивысшую строчку рейтинга заняли технопарки «Элма» и «Полюс» в г. Москва, «Жигулевская долина» в Самарской области, «Mogion Digital» в Пермском крае и другие, где показатели отношения к среднероссийскому значению составили более 100%.

К средним группам с высокой и умеренно высокой функциональной эффективностью технопарков относится наименьшее количество технопарков и, соответственно, регионов, в которых они расположены (Рис. 3).

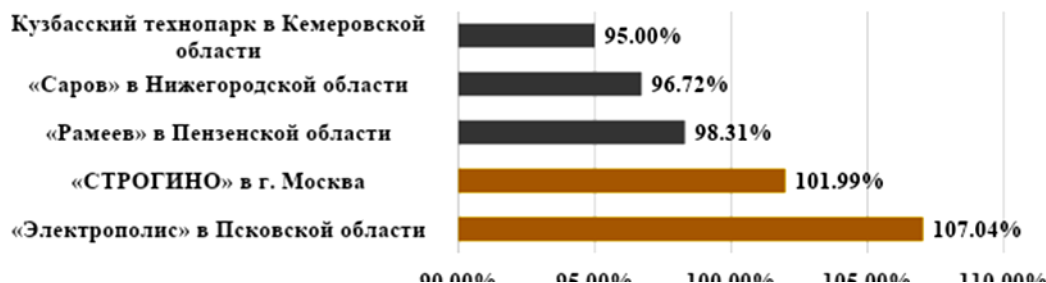

Рис. 3. Высокий и умеренно высокий уровень эффективности функционирования технопарков в России [6]

Промышленный технопарк «Электрополис» в Псковской области и технопарк «СТРОГИНО» в г. Москва вошли в группу технопарков с высоким уровнем эффективности осуществляемой деятельности. Технопарк в сфере высоких технологий «Рамеев» в Пензенской области, технопарк «Саров» в Нижегородской области и Кузбасский технопарк в Кемеровской области с незначительным отрывом значений показателя эффективности составили группу с умеренно высоким уровнем эффективности функционирования технопарков.

И наконец, группа с достаточным уровнем эффективности функционирования территориального образования включает в себя 13 технопарков в 12 регионах России (Рис. 5). Наименьшую эффективность продемонстрировали технопарки «Яблочков» в Пензенской области, «Fabrika» в Астраханской области, «ГАРО» в Новгородской области, «Синергия» в ХМАО-Югра.

Таким образом, из 129 промышленных технопарков – 33 успешно функционируют, а 22 находятся в процессе создания. При этом распределение соотношения технопарков по федеральным округам остается примерно таким же, как было ранее. Наибольшее количество технопарков приходится на Центральный (59%) и Приволжский (19%) федеральные округа.

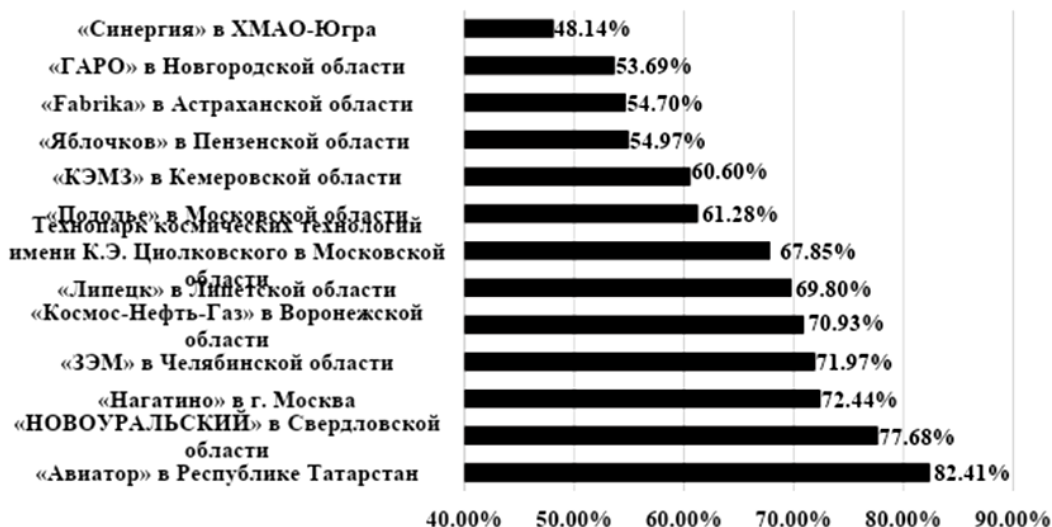

Рис. 4. Достаточный уровень эффективности функционирования технопарка в России [6]

Определено, что резиденты всех технопарков, участвующих в рейтинге, демонстрируют высокие темпы роста по ключевым показателям деятельности. Несмотря на тенденцию снижения количества технопарков и регионов их деятельности в 2021 году, а также численности резидентов и работников технопарков, темп прироста выручки резидентов, а также налоговых отчислений резидентами технопарков как за 2021 год, так и за 7-летний период только увеличивается. Так, в 2021 году резидентами технопарков уплачено налогов на сумму 106,3 млрд. рублей, при этом общий объем выручки резидентов составил 405,4 млрд. рублей, следовательно, в 2021 г. относительно 2020 г. темп прироста выручки и налоговых отчислений резидентов составил 9,0% и 9,0% соответственно (Рис. 5).

Рис. 5. Деятельность резидентов технопарков России [6]

По республикам Северо-Кавказского федерального округа данные об эффективности функционирования технопарков в национальном рейтинге отсутствуют.

На сегодняшний день в республиках Северного Кавказа по данным Минпромторга действуют или находятся в процессе создания следующие технопарки, преимущественно промышленного типа (Табл. 6).

Из всего списка индустриальных парков Северного Кавказа в настоящее время действует 13, 5 находятся в стадии создания и 3 находятся на стадии проектирования.

Большинство действующих парков расположено в Республике Дагестан - Долина новых идей и технологий (Тюбе), Эльдаг, Дагдизель, Фотон и Ставропольском крае - АПП «Ставрополье», Буденновск, Невинномысск, Ставрополь, Мастер, Энергия, Монокристалл.

Индустриальные (промышленные) парки Северо-Кавказского федерального округа, 2023 г. [7]

Статут Регион	Действующий	Создающийся	Намеревающийся
Чеченская Республика	Грозненский	Агропромышленный парк «ЮгАгро»	-
Республика Северная Осетия-Алания	-	-	Бином
Республика Дагестан	Долина новых идей и технологий (Тюбе)	КИП Пром Каспий	Аврора
	Эльдаг	Кристалл Сити	НогайПром
	Дагдизель		
	Фотон		
Ставропольский край	АПП «Ставрополье»	Новоалександровск	-
	Буденновск	Агропромышленный парк «Ипатовский»	
	Невинномысск		
	Ставрополь		
	Мастер		
	Энергия		
	Монокристалл (технопарк)		

Источник: Составлено автором по данным Минпромторг России. URL: <https://gisp.gov.ru/atlas/map/industrial>

Индустриальные действующие парки Республики Дагестан в 2022 году насчитывают 21 участника-резидента и 282856,8 кв.м. площади объектов недвижимости, находящихся на территориях парков. Основными видами деятельности промышленных парков Республики Дагестан являются: «производство прочей неметаллической минеральной продукции; производство электрического оборудования; строительство зданий; строительство инженерных сооружений; деятельность по предоставлению мест для временного проживания; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; производство мебели; производство прочих готовых изделий; ремонт и монтаж машин и оборудования; аренда и лизинг; деятельность по обеспечению безопасности и проведению расследований; деятельность административно-хозяйственная, вспомогательная деятельность по обеспечению функционирования организации» [5]. Объем промышленного производства резидентов за 2022 год превысил 6837,7 миллиона рублей, а общее количество рабочих мест на территориях промышленных парков составило 862.

Что касается оценки эффективности действующих промышленных парков Республики Дагестан, то в таблице 7 рассчитана экономическая выгода для государства от создания индустриальных парков за весь период их существования.

Действующие индустриальные (промышленные) парки Республики Дагестан, 2023 г. [7]

№	Наименование промышленного парка	Объем инвестиций в проектирование и строительство объектов промышленной инфраструктуры индустриального (промышленного) парка, млн. руб.	Налоговые и таможенные платежи предприятий, осуществляющих деятельность в индустриальном (промышленном) парке в консолидированный бюджет РФ, млн. руб.	Экономическая выгода для государства, в %
1	Долина новых идей и технологий (Тюбе)	41,3	1680,2	4068,3%
2	Фотон	84,8	104,1	122,8%
3	Эльдаг	17,8	8,3	46,6%
4	Дагдизель	10,7	3,9	36,4%

Источник: Составлено автором по данным Минпромторг России. URL: <https://gisp.gov.ru/atlas/map/industrial>

Как видно из таблицы, за весь период функционирования резидентами промышленного парка «Долина новых идей и технологий» (Тюбе) в Республике Дагестан уплачено налоговых и таможенных платежей 1680,2 млн. руб. При этом объем инвестиций в проектирование и строительство объектов промышленной инфраструктуры индустриального парка составил 41,3 млн. руб. Следовательно, экономическая выгода для государства от создания индустриального парка за весь период функционирования - 4068,3%, что, конечно, существенно.

Промышленный парк «Фотон», на территории которого размещено 5 резидентов - ООО «Стеклопроект», ООО «Шатим», ООО «Миг-Строй», ООО «ФАВВАЗ», ИП Магомедов М.Г., 6 предприятий и 2 образовательных учреждения - средняя школа «Возрождение», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса (РГУТиС)», также можно охарактеризовать как экономически выгодный парк для государства (122,8%).

Несмотря на то, что индустриальные парки «Эльдаг» и «Дагдизель» имеют статус действующих парков, их можно отнести к числу неэффективных для государства, поскольку для них характерны нулевые значения рассматриваемых показателей, и экономическая выгода для государства составляет 46,6% и 36,4% соответственно. Исключением является период с 2021 по 2022 годы, когда значения показателей объема инвестиций в проектирование и строительство объектов промышленной инфраструктуры парка и различных платежей предприятий характеризовались некоторым изменением.

Выводы

Успешной реализации данной формы территориально-производственного объединения как «точки роста» препятствуют проблемы, связанные с отсутствием необходимого количества квалифицированных кадров, нехваткой средств у существующих центров, лабораторий и других подразделений, непрозрачностью деятельности технопарков, в результате чего средства расходуются неэффективно, малой заинтересованностью в инновационном развитии, а также отсутствием четких правил ведения деятельности в законодательстве РФ» [2, 8-11].

Также недостатком реализации проекта технопарка является необходимость подробного обоснования пребывания на территории технопарка, что повышает формализацию процедуры и может потребовать привлечения дополнительных специалистов, а также загородное месторасположение технопарков на окраине города или вовсе за городом, что увеличивает транспортные расходы. Несмотря на то, что такая форма территориальных «точек роста» приобрела наибольшую популярность за последнее десятилетие, в реальности большинство проектов остается на бумаге, что в основном связано с отсутствием у управляющих компаний возможностей для привлечения частных инвесторов.

Тем не менее несомненным преимуществом технопарков является возможность организовать производство в гораздо более короткие сроки. Помимо аренды производственных, офисных и складских помещений, управляющая компания обеспечивает резидентов автотранспортом, охраной, коммуникациями, электричеством, теплом, водой и т.д. Кроме того, управляющая компания гарантирует контроль за состоянием дорог и подъездных путей, позволяя компаниям-резидентам полностью сосредоточиться на своей основной деятельности – производстве».

Литература

1. Гаврилова И.С., Загалаев У.Б. *Современные проблемы развития технопарков в России* // Наука Промышленность Оборона: труды 20 (XX) Всероссийской научно-технической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения С.А. Чаплыгина: материалы конференции / коллектив авторов; под редакцией С.Д. Саленко, г. Новосибирск, 17-19 апреля 2019. С. 36-40.
2. Амирова Э.А. Особенности реализации концепции «точек роста» в республиках Северного Кавказа // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6. С. 589-594. Национальный стандарт ГОСТ Р 56301 – 2014 «Индустриальные парки» [Электронный ресурс]. URL: www.indparks.ru/certification/NationalStandard/
3. Шахтаманова Л.Г., Развитие малого и среднего предпринимательства в России и в республиках Северного Кавказа в условиях современных вызовов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 8. С. 57-61.
4. Арсланова Х.Д., Арсланов Ш.Д., Современные взгляды и понимание инвестиционного развития регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 11. С. 66-72.
5. Межджидов З.У., Арсланов Ш.Д., Гаджиева А.Г., Оценка реализации проектов государственно-частного партнерства в сельском хозяйстве РФ // АПК: экономика, управление. 2023. № 6. С. 35-43.
6. Национальный рейтинг технопарков России - 2022 // Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России / [Электронный ресурс]. URL: <https://akitrf.ru/>
7. Обзор «Технопарки России» (2023) // Минпромторг развития России / [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/atlas/map/industrial>

8. *Commins N., Rowe D. Success factors for science parks in the developed world and emerging economics. IASP Conference, Johannesburg, South Africa, 2008.*
9. *Popkova, E.G., Bogoviz, A.V., & Ragulina, J.V. (2018). Technological parks, «green economy», and sustainable development in Russia. In B.S. Sergi (Ed.), Exploring the future of Russia's economy and markets (pp. 38-46). Bingley, West Yorkshire, UK: Emerald.*
10. *Fukugawa, Nobuja. Science parks in Japan and their value-added contributions to new-technology based firms [Текст] / Nobuja Fukugawa // International Journal of Industrial Organization. 2006. Vol. 24, Issue 2. P. 381-400.*
11. *Tyurina, I.O., Neverov, A.V., & Ulyanychev, M.A. (2017). Technoparks and scienceintensive production: An advanced experience. RUDN Journal of Sociology, 17(3), P. 387-398.*

References:

1. *Gavrilova I.S., Zagalaev U.B. Sovremennye problemy razvitiya tekhnoparkov v Rossii // Nauka Promyshlennost' Oborona: trudy 20 (XX) Vserossijskoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.A. CHaplygina: materialy konferencii / kollektiv avtorov; pod redakciej S.D. Salenko, g. Novosibirsk, 17-19 aprelya 2019. S. 36-40.*
2. *Amirova E.A. Osobennosti realizacii koncepcii «tochek rosta» v respublikah Severnogo Kavkaza // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2022. № 6. S. 589-594. Nacional'nyj standart GOST R 56301 – 2014 «Industrial'nye parki» [Elektronnyj resurs]. URL: www.indparks.ru/certification/NationalStandard/*
3. *SHahtamanova L.G., Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii i v respublikah Severnogo Kavkaza v usloviyah sovremennogo vyzovov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. № 8. S. 57-61.*
4. *Arslanova H.D., Arslanov SH.D., Sovremennye vzglyady i ponimanie investicionnogo razvitiya regionov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. № 11. S. 66-72.*
5. *Medzhidov Z.U., Arslanov SH.D., Gadzhieva A.G., Ocenka realizacii proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sel'skom hozyajstve RF // APK: ekonomika, upravlenie. 2023. № 6. S. 35-43.*
6. *Nacional'nyj rejting tekhnoparkov Rossii - 2022 // Associaciya klasterov, tekhnoparkov i O EZ Rossii / [Elektronnyj resurs]. URL: <https://akitr.ru/>*
7. *Obzor «Tekhnoparki Rossii» (2023) // Minpromtorg razvitiya Rossii / [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gisp.gov.ru/atlas/map/industrial>*
8. *Commins N., Rowe D. Success factors for science parks in the developed world and emerging economics. IASP Conference, Johannesburg, South Africa, 2008.*
9. *Popkova, E.G., Bogoviz, A.V., & Ragulina, J.V. (2018). Technological parks, «green economy», and sustainable development in Russia. In B.S. Sergi (Ed.), Exploring the future of Russia's economy and markets (pp. 38-46). Bingley, West Yorkshire, UK: Emerald.*
10. *Fukugawa, Nobuja. Science parks in Japan and their value-added contributions to new-technology based firms [Текст] / Nobuja Fukugawa // International Journal of Industrial Organization. 2006. Vol. 24, Issue 2. R. 381-400.*
11. *Tyurina, I.O., Neverov, A.V., & Ulyanychev, M.A. (2017). Technoparks and scienceintensive production: An advanced experience. RUDN Journal of Sociology, 17(3), R. 387-398.*

УДК 333.45

ПОТЕХИН СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ

бакалавр, Филиал ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»
в г. Нижневартовске, Ведущий экономист ПАО «ННК-ВНГ»,
e-mail: potehin.ru@inbox.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-93-98

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. С целью повышения конкурентоспособности на рынке в статье анализируются особенности инвестиционной деятельности предприятий в современных условиях. Продемонстрирована взаимосвязь функций управления по отношению к инвестиционной деятельности фирм. Проанализирована структура источников финансирования инвестиционной деятельности производственных компаний. Установлено, что уровень инвестиционной поддержки, который, в свою очередь, определяется уровнем инвестиционной привлекательности, определяет уровень инновационного развития предприятий. Описаны составляющие стратегии оценки инвестиционной привлекательности предприятий. В статье определены детерминанты оценки инвестиционной привлекательности компаний и основные этапы, которые должны быть включены в процессы управления инвестиционной деятельностью компаний в условиях меняющейся внешней среды.

Ключевые слова: инновации, бизнес-инновации, управление, инвестиционная деятельность, организационно-экономический механизм, инвестиционная привлекательность

POTEKHIN SERGEY YURIEVICH

Bachelor of PJSC «NNK-VNG», Leading Economist,
Nizhnevartovsk,
e-mail: potehin.ru@inbox.ru

INVESTMENT ACTIVITY IS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE

Abstract. In order to increase competitiveness in the market, the article analyzes the features of investment activity of enterprises in modern conditions. The interrelation of management functions in relation to the investment activity of firms is demonstrated. The structure of sources of financing for investment activities of manufacturing companies is analyzed. It is established that the level of investment support, which, in turn, is determined by the level of investment attractiveness, determines the level of innovative development of enterprises. The components of the strategy for assessing the investment attractiveness of enterprises are described. The article defines the determinants of assessing the investment attractiveness of companies and the main stages that should be included in the processes of managing the investment activities of companies in a changing external environment.

Keywords: innovation, business innovation, management, investment activity, organizational and economic mechanism, investment attractiveness

1. Введение

Под влиянием современных трансформационных процессов и доминирующих глобальных тенденций происходят значительные изменения во всех сферах, в том числе и в деятельности предприятий. Динамичное развитие современных технологий, инноваций и тенденций цифровизации требует от компаний развития инновационной и инвестиционной деятельности. Это позволяет снизить издержки бизнеса и повысить международную конкурентоспособность. Развитие инвестиционной деятельности компаний способствует укреплению стратегических секторов экономики в целом и повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов на внутреннем и международном рынке. Компании вынуждены искать новые способы получения конкурентных преимуществ, в частности, за счет инвестиционных процессов. Все эти факторы в совокупности указывают на необходимость изучения особенностей управления инвестиционной деятельностью предприятий. Исследователи активно изучают возможности

управления инвестиционной деятельностью предприятий, особенно в современных условиях. Тем не менее, учитывая динамику внешней среды, сохраняется необходимость дальнейшего анализа основных аспектов управления инвестиционной деятельностью предприятий. В данной статье рассматриваются теоретические и методологические вопросы, связанные с управлением инвестиционной деятельностью предприятий в целях повышения эффективности их функционирования.

2. Основная часть

2.1. Значение инвестиционной деятельности в развитии предприятия

Эффективное использование ресурсов имеет решающее значение для повышения эффективности работы компании, поэтому руководство должно уделять этому аспекту приоритетное внимание.

Инвестирование – это экономическая деятельность, осуществляемая конкретной экономической единицей с целью получения в течение определенного периода времени достаточного количества денежных средств или их физических аналогов в валюте, с целью получения дохода или увеличения стоимости средств в обозримом периоде. С разных точек зрения экономисты по-разному классифицируют международные инвестиции [3].

Инвестиционный проект – это самостоятельный объект, состоящий из мероприятий, политики, институтов и других аспектов, которые планируются и реализуются для достижения цели развития в определенный период времени. По характеру инвестиционных проектов их можно разделить на государственные, промышленные, коммерческие и сельскохозяйственные. Поскольку разные отрасли имеют различные характеристики, то и инвестиции в них также отличаются [2].

Эффективность инвестиций – это функция риска, доходности и общей стоимости управления инвестициями с учетом ограничений, в рамках которых должны действовать инвесторы. Эти ограничения включают в себя финансовые и нефинансовые элементы, такие как наличие у инвестора времени для управления инвестиционными механизмами, подотчетность как фидуциария или законодательные требования. Поэтому эффективность инвестиций следует рассматривать как сочетание финансовой и нефинансовой эффективности. Структура управления инвестициями может быть определена как структура, устанавливающая порядок распределения инвестиционных активов между различными инвестиционными подходами и различными инвестиционными менеджерами. Инвестиционные подходы могут включать в себя различные характеристики ожидаемого риска, доходности и стиля. В итоге формируется несколько слоев, каждый из которых включает в себя различные типы инвестиционных менеджеров, и желаемое количество инвестиционных менеджеров в каждом из этих слоев [2].

Для принятия эффективных инвестиционных решений компаниям необходимо учитывать ряд важнейших факторов, в том числе наличие квалифицированных и заинтересованных управленческих команд и доступ к достаточному объему капитала [2]. Понятие эффективности инвестиций для компании можно трактовать как стремление осуществлять инвестиции с положительной чистой приведенной стоимостью при отсутствии экономического трения. В связи с этим возникают фундаментальные вопросы о природе эффективности и условиях ее достижения в сфере экономической деятельности. Несмотря на вышеизложенные соображения, следует отметить, что на практике менеджеры могут действовать вразрез с интересами акционеров, что приводит к случаям как избыточного, так и недостаточного инвестирования, отклоняющегося от оптимальных инвестиционных решений. Согласно предшествующей литературе, неэффективное инвестирование представляет собой сознательный выбор в пользу отказа от инвестиционных возможностей, имеющих положительную чистую приведенную стоимость в отсутствие неблагоприятного отбора, что может привести к снижению стоимости компании [5]. С другой стороны, избыточное инвестирование демонстрирует решение реализовывать проекты с отрицательной чистой приведенной стоимостью (NPV) в соответствии с нашим предыдущим определением.

Влияние на выбор инвестиционного риска оказывают не только экономические факторы, такие как право собственности и вознаграждение, но и моральные соображения инсайдеров, стремящихся получить частные выгоды от контроля [5]. Склонность менеджеров к отказу от рискованных инвестиционных проектов, которые могли бы принести пользу акционерам, может быть обусловлена их стремлением поставить во главу угла собственные частные выгоды, а не интересы других людей [3].

В конечном счете, отказ менеджеров от более рискованных инвестиций может быть обусловлен их мотивацией, связанной с собственными интересами и потерей потенциала для уве-

личения стоимости компании. Менеджеры могут быть заинтересованы в продолжении убыточных проектов из-за возможных негативных последствий их прекращения, таких как снижение текущей прибыли или ущерб репутации или статусу менеджера. Наличие информационной асимметрии между компаниями и инвесторами может создать проблему неблагоприятного отбора, влияющую на стоимость приобретения капитала и инвестиционные решения, поскольку информационная асимметрия является одним из важнейших факторов, влияющих на способность компании привлекать средства и приобретать капитал для финансирования своих инвестиционных решений. Существование информационной асимметрии между компаниями и их инвесторами может иметь значительные последствия. Когда инвесторы обладают лишь частичной информацией о финансовом состоянии компании, они могут недооценивать ее акции, финансируя их по заниженным ценам, и требовать более высокой доходности инвестиций [6]. Ограниченный доступ внешних поставщиков капитала к информации может привести к тому, что они будут воспринимать компанию, ищущую средства, как недостаточно качественную или добросовестную, что приведет к повышению требований к доходности и, в конечном итоге, к финансовым ограничениям, которые могут привести к неэффективному инвестированию.

Под влиянием инвестиционных, экологических и отраслевых особенностей инвестиционные проекты в разных отраслях имеют различные варианты выбора показателей оценки инвестиционных проектов. Различно и использование системы распределения итоговых оценочных показателей. Среди этих показателей важную роль в инвестиционных планах предприятий играют внутренние показатели, поскольку основной целью корпоративных инвестиций является получение прибыли. В процессе инвестирования предприятия должны уделять больше внимания экономическим и рисковому аспектам инвестиционных проектов. Понимание влияния управления доходами на эффективность инвестиций жизненно важно для оценки качества инвестиционных решений и целостности финансового рынка.

2.2. Методологические основы оценки инвестиционной привлекательности предприятия

Серьезным препятствием для изучения отдельных его элементов и поиска путей совершенствования является отсутствие обоснованных направлений совершенствования организационно-экономического механизма реализации инвестиционных проектов предприятиями промышленного комплекса в России [1]. В широком смысле организационно-экономический механизм управления инвестиционными проектами представляет собой совокупность методов организации финансовых отношений, используемых компанией для обеспечения благоприятных условий инновационного развития. Механизм финансирования инвестиций включает в себя способы, формы и процедуры организации финансовых отношений и их количественной оценки. Механизмы финансирования достаточно сложны. В соответствии с многообразием финансовых отношений он включает в себя различные элементы. Многообразие финансовых отношений требует применения многих элементов системы финансирования.

Изучение отдельных ее элементов и поиск путей ее совершенствования серьезно затруднены отсутствием обоснованного механизма финансирования инвестиционной деятельности предприятий промышленного комплекса России [3]. В широком смысле механизм финансирования инвестиций - это совокупность способов организации финансовых отношений, используемых гражданским обществом в целях создания благоприятных условий для успешного экономического развития. Формы, виды, способы организации указанных отношений, а также способы их количественной оценки входят в механизм финансирования инвестиционных проектов. Механизмы финансирования достаточно сложны. В него включаются разные компоненты, которые соответствуют большому разнообразию финансовых отношений. Как раз большее число финансовых взаимосвязей и предопределяет использование множества элементов механизма финансирования.

Если суммировать классификации, связанные с разделением факторов на внутренние и внешние, то учет факторов является как можно более подробным. К внешним факторам данного типа относятся: система законов, указов, постановлений, правил, которая устанавливает рамки для отечественных и иностранных компаний, а также для отечественных и иностранных инвесторов. Этот пункт сильно влияет на инвестиционную привлекательность организации. Данный фактор содержит процедуры взаимодействия инвестора с компанией, систему защиты законных прав предприятия и миноритарных акционеров. Отметим, что инвестиционная привлекательность отрасли напрямую зависит от того, какая будет степень конкуренции, наличия и уровня барьеров входа и выхода с рынка, от наличия ресурсов, от расстояния до

поставщиков [6].

Региональная инвестиционная привлекательность включает в себя такие элементы, как социальный статус людей, проживающих в регионе. В инвестиционную привлекательность государства включаются элементы следующей стабильности: социальной и политической стабильности. Кроме того, в инвестиционную привлекательность государства включаются элементы экономического состояния, уровень научно-технического прогресса, уровень коррупции, уровень государственного вмешательства в экономическое регулирование и т.д. Также, поскольку наряду с внешними существуют и внутренние факторы, логичным шагом является описание второго. Финансовое состояние региона – это очень сильный элемент, который выступает в качестве фактора инвестиционной привлекательности [5].

Отметим, что финансовая стабильность компании проявляется в ее уровне платежеспособности, в ее способности к выполнению обязательств перед организациями, предоставляющими ей кредит, в платежеспособности перед поставщиками, организациями, предоставляющими кредит предприятию, и другими компаниями, сотрудничающими с предприятием. Финансовое состояние и его стабильность в определенной степени являются факторами, определяющими конкурентоспособность предприятия и его потенциал в деловых кругах. Эффективное управление также повышает инвестиционную привлекательность компании. Качество управления подразумевает лучшее распределение ресурсов и проведение контроля над их использованием. Кроме того, это важная гарантия того, что будут выплачены вложенные денежные средства и проценты по ним.

Стабильность рынка – это эффективная маркетинговая деятельность, продукция, диверсификация и тому подобное. Инвестиционная привлекательность компании связана с ее производственным потенциалом [7].

Конкретное определение организационно-экономического механизма управления инвестиционной привлекательностью необходимо в контексте проводимого нами исследования. Проведя изучение литературы по проблемам определения сущности организационно-экономического механизма, автору исследования удалось найти наилучшее определение этого понятия, встречающееся в работах Л.Л. Игониной [4], Г.Ф. Салахутдиновой [8]. Организационно-экономический механизм управления инвестиционной привлекательностью промышленного предприятия авторы предлагают понимать как совокупность экономических и управленческих форм и методов воздействия на инвестиционную деятельность предприятия, осуществляемую в условиях прямого заинтересованного участия инвесторов, с целью постановки целей, создания необходимых экономических, организационных и правовых условий, реализации стратегии социально-экономического развития предприятия.

Структуру организационно-экономического механизма управления инвестиционной привлекательностью в виде рис. 1 следует рассматривать в соответствии с позицией вышеупомянутых авторов.

Необходимо отметить, что на первом этапе принятия мер по повышению инвестиционной привлекательности в рамках экономического блока стоит пересмотреть политику привлечения заимствований. Ориентироваться стоит на привлечение тех ресурсов, процентные обязательства по которым не приносят ощутимых убытков предприятию. К таким ресурсам относятся долгосрочные обязательства перед кредитными организациями или органами муниципального управления, в случае если предприятием получено целевое финансирование ряда проектов. В современных экономических условиях данный метод особенно актуален, поскольку кризис в экономике ограничивает доступ компаний к заемному финансированию, а перерасход заимствований приводит к усугублению кризиса внутри самого предприятия.

Кроме того, на первом этапе представляется необходимым ориентировать экономическую политику предприятия на пополнение собственного капитала за счет полученных положительных финансовых результатов от текущей деятельности. В таких условиях предприятию необходимо пересматривать инвестиционные программы и минимизировать расходы по тем проектам, которые предполагают привлечение источников из собственных средств. Современные экономические условия кризиса диктуют необходимость наращивания собственного капитала компании, однако необходимо разумно расходовать средства и привлекать заимствования [9].

С точки зрения повышения валовой маржи предприятию стоит исследовать продуктовый портфель. Здесь экономический блок работает в тесной взаимосвязи с управленческим блоком. Необходимо проводить анализ по уровню валовой маржи продуктового портфеля, выявляя низкоприбыльные или убыточные направления деятельности. В современных кризисных экономических условиях планирование продуктового портфеля должно быть рациональным и приносить высокую доходность.

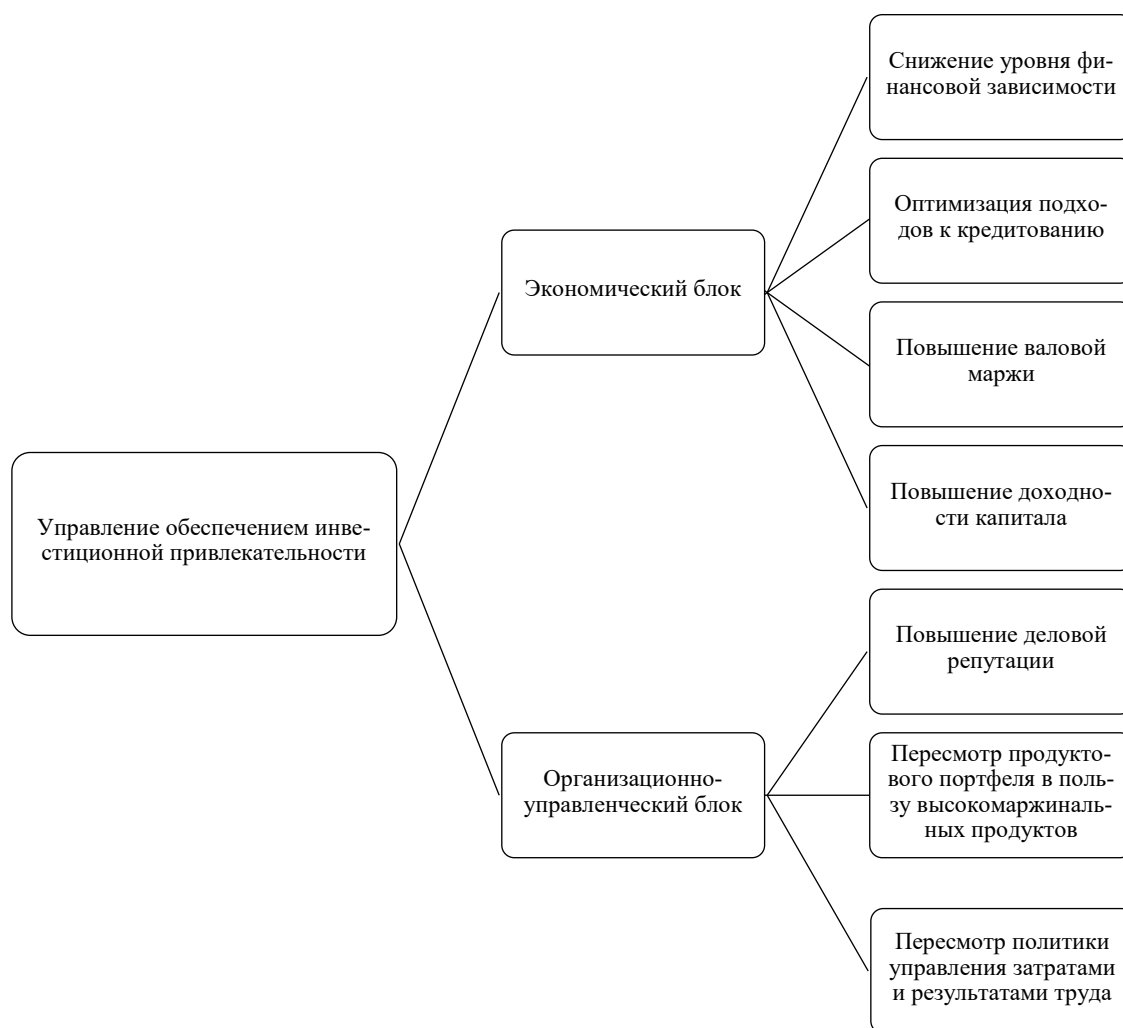

Рис. 1. Управление обеспечением инвестиционной привлекательности компании
 Источник: Составлено автором по: [8]

Оптимальная доходность капитала предприятия достигается путем увеличения пары «чистая прибыль - собственный капитал». Данный блок тесно взаимосвязан с пересмотром политики управления собственным капиталом и повышением маржинализации портфеля, что актуально в кризисных экономических условиях.

В организационно-управленческом блоке важными для предприятия являются работа с инвесторами для повышения деловой репутации, которая достигается путем повышения степени открытости финансовой информации для внешних пользователей с максимально открытыми причинами тех или иных процессов, происходящих на предприятии.

Заключительным организационно-управленческим этапом является внедрение политики оптимизации расходов. Одним из вариантов достижения цели в данном направлении является ориентация портфеля на производство низкозатратной продукции с высокой доходностью.

Управление затратами в современных экономических условиях имеет первостепенное значение, поскольку позволяет предприятию избежать дополнительных расходов, рационализируя расходы, что позволяет получить дополнительную прибыль и избежать убытков.

3. Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что оценка и повышение инвестиционной привлекательности должна проводиться, опираясь на финансово-экономические и управленческие критерии, характеризующие деятельность компании. Чем устойчивее финансовое состояние в современных нестабильных экономических условиях, чем эффективнее организована работа по управлению продуктовым портфелем, чем эффективнее принимаются управленческие решения, тем выше инвестиционная привлекательность компании.

Литература

1. Антипин, Д. А. Финансовое обеспечение инвестиционной деятельности предприятий нефтегазового комплекса на современном этапе / Д. А. Антипин // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 12 (149). – С. 1049-1053.
2. Воробьева, Е. И. Активизация инвестиционной деятельности на промышленных предприятиях Российской Федерации / Е. И. Воробьева, О. Г. Блажевич // Финансовые рынки и инвестиционные процессы : СБОРНИК ТРУДОВ, Симферополь, 23 мая 2023 года. – Симферополь: ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2023. – С. 50-53.
3. Гафуров А.А. Инвестиционная стратегия на 2021 г.: рыночные колебания в условиях неравномерного восстановления /А.А. Гафуров// Путеводитель предпринимателя. – 2021. – Том 14. – № 1. – С.92-98.
4. Игонина Л.Л. Инвестиции: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп./Л.Л. Игонина. – М.: Экономика, 2016. – 478 с.
5. Комарова, А. Н. Проблемы инновационной и инвестиционной деятельности предприятий в малом бизнесе / А. Н. Комарова, С. М. Мальцева, Д. А. Стrogанов // Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – № 11. – С. 1042-1046.
6. Коробко, М. П. Антикризисное управление предприятиями на основе инвестиционной деятельности / М. П. Коробко // Магистраль XXI век. – 2021. – № 4. – С. 10-16.
7. Надьргулова, А. Р. Оценка эффективности инвестиционной деятельности предприятия / А. Р. Надьргулова // Академическая публицистика. – 2021. – № 4. – С. 309-312.
8. Салахутдинова Г.Ф. Повышение конкурентоспособности российской экономики как фактор экономического роста в условиях глобализации информационных процессов / Г.Ф. Салахутдинова, Р.И. Эшелиоглу / Аллея науки. – 2018. – Т.2. – №2(18). – С.35-38.
9. Терехина, В. С. Проблема оценки инвестиционной деятельности промышленного предприятия / В. С. Терехина // Финансовая экономика. – 2022. – № 4. – С. 394-396.
10. Федоров, Д. С. Инвестиционная деятельность предприятий в современных условиях / Д. С. Федоров, В. В. Сильченко // Молодые ученые - развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК). – 2022. – № 1. – С. 716-717.

References:

1. Antipin, D. A. Finansovoe obespechenie investicionnoj deyatel'nosti predpriyatij neftegazovogo kompleksa na sovremennom etape / D. A. Antipin // Ekonomika i predprinimatel'stvo. – 2022. – № 12(149). – S. 1049-1053.
2. Vorob'eva, E. I. Aktivizaciya investicionnoj deyatel'nosti na promyshlennyh predpriyatiyah Rossijskoj Federacii / E. I. Vorob'eva, O. G. Blazhevich // Finansovye rynki i investicionnye processy : SBORNIK TRUDOV, Simferopol', 23 maya 2023 goda. – Simferopol': FGAOU VO «Krymskij federal'nyj universitet imeni V.I. Verнадskogo», 2023. – S. 50-53.
3. Gafurov A.A. Investicionnaya strategiya na 2021 g.: rynochnye kolebaniya v usloviyah neravnomernogo vosstanovleniya /A.A. Gafurov// Putevoditel' predprinimatel'ya. – 2021. – Tom 14. – № 1. – S.92-98.
4. Igonina L.L. Investicii: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop./L.L. Igonina. – M.: Ekonomist», 2016. – 478 s.
5. Komarova, A. N. Problemy innovacionnoj i investicionnoj deyatel'nosti predpriyatij v malom biznese / A. N. Komarova, S. M. Mal'ceva, D. A. Stroganov // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. – 2022. – № 11. – S. 1042-1046.
6. Korobko, M. P. Antikrizisnoe upravlenie predpriyatiyami na osnove investicionnoj deyatel'nosti / M. P. Korobko // Magistral' XXI vek. – 2021. – № 4. – S. 10-16.
7. Nadyrgulova, A. R. Ocenka effektivnosti investicionnoj deyatel'nosti predpriyatiya / A. R. Nadyrgulova // Akademicheskaya publicistika. – 2021. – № 4. – S. 309-312.
8. Salahutdinova G.F. Povyshenie konkurentosposobnosti rossijskoj ekonomiki kak faktor ekonomicheskogo rosta v usloviyah globalizacii informacionnyh processov / G.F. Salahutdinova, R.I. Eshelioglu / Alleya nauki. – 2018. – Т.2. – №2(18). – S.35-38.
9. Terekhina, V. S. Problema ocenki investicionnoj deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya / V. S. Terekhina // Finansovaya ekonomika. – 2022. – № 4. – S. 394-396.
10. Fedorov, D. S. Investicionnaya deyatel'nost' predpriyatij v sovremennyh usloviyah / D. S. Fedorov, V. V. Sil'chenko // Molodye uchenye - razvitiyu Nacional'noj tekhnologicheskoy iniciativy (POISK). – 2022. – № 1. – S. 716-717.

УДК: 339.544

ТАДЕВОСЯН ЗОЯ АГВАНОВНА

д.э.н., профессор кафедры международных экономических отношений
Армянского государственного экономического университета,
e-mail: zoyatad@yahoo.com

МАКАРЯН АННА РУЗВЕЛЬТОВНА

к.э.н., старший научный сотрудник Института экономики им. М. Котаняна
Национальной академии наук Республики Армения,
e-mail: anna_makaryan@yahoo.com

МКРТЧЯН ГАМЛЕТ ГРИГОРЬЕВИЧ

аспирант и преподаватель кафедры международных экономических отношений
Армянского государственного экономического университета
e-mail: hamlet.mkrtchyan21@gmail.com

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-99-109

РОЛЬ ТУРИЗМА КАК ФАКТОРА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. С 2012 по 2019 год число туристов росло, и в 2019 году Армению посетили 1,8 миллиона человек. В последующие годы эта цифра не была превзойдена, и расходы международных посетителей в 2022 году составили около 2,44 миллиарда долларов США (что составляет 12,5% ВВП). В статье предпринята попытка определить роль расходов иностранных туристов, прибывающих в Армению, в объяснении статистически значимых изменений в реальном валовом внутреннем продукте (ВВП); и роль притока туристов и обменного курса в объяснении статистически значимых изменений в поступлениях от туризма в краткосрочной перспективе на основе методов оценки наименьших квадратов и использования квартальных данных (2012кв1-2023кв2); насколько уязвима экономика Армении к внешним шокам, чтобы предложить соответствующие рекомендации по приоритетам для решения стоящих перед ней проблем на основе разработанными нами различных сценарий. Нами доказано наличие «мультипликативного эффекта» в отношении туристических поступлений и приходим к выводу, что экономика Армении уязвима к изменениям в притоке туристов (особенно приезжих из России). Небольшое сокращение числа туристов, прибывающих из России, или если их количество останется неизменным, то это может сопровождаться снижением расходов российских туристов в Армении в период 2024-2026 годов. Мы приходим к выводу, что завышенный курс армянского драма по отношению к доллару США в краткосрочной и среднесрочной перспективе негативно повлияет на конкурентоспособность Армении как привлекательного туристического направления для иностранных туристов, если только Армении не удастся предложить конкретные туристические продукты с учетом соотношения цены и качества для привлечения иностранцев. Мы подчеркиваем важность наличия 2-звездочных отелей или недорогого жилья в среднесрочной перспективе, чтобы предотвратить сокращение числа туристов, если курс армянского драма останется завышенным.

Ключевые слова: туризм, туристические поступления, турпоток, экономический рост, уязвимость экономики, Армения

ZOYA A. TADEVOSYAN

Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Chair of International
Economic Relations at the Armenian State University of Economics,
e-mail: zoyatad@yahoo.com

ANNA R. MAKARYAN

*Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the M. Kotanyan Institute
of Economics of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
e-mail: anna_makaryan@yahoo.com*

HAMLET G. MKRTCHYAN

*Ph.D. Student and Lecturer at the Chair of International
Economic Relations of the Armenian State University of Economics
e-mail: hamlet.mkrтчyan21@gmail.com*

THE ROLE OF TOURISM AS THE FACTOR ENSURING ECONOMIC GROWTH IN THE REPUBLIC OF ARMENIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

Abstract. *The tourist arrivals were growing from 2012 to 2019, and 1.8 million people visited Armenia in 2019. That number was not surpassed in subsequent years, and the expenditures by international inbound visitors amounted to about 2.44 billion US dollars in 2022 (accounting for 12.5% of GDP). The article attempts to identify the role of expenditures by international inbound visitors in Armenia in explaining the statistically significant changes in the real gross domestic product (GDP), and the role of tourist arrivals and exchange rate in explaining statistically significant changes in tourism receipts in the short run utilizing the least squares estimation techniques and using quarterly data (2012q1-2023q2); and how vulnerable the Armenian economy is to external shocks to propose respective recommendations on priorities to address the challenges faced under various scenarios we built. We find evidence of the «multiplier effect» with respect to tourism receipts and conclude that the Armenian economy is vulnerable to changes in tourist arrivals (especially visitors from Russia). The slight reduction in tourist arrivals from Russia or if their number remains unchanged could be accompanied by a decrease in expenditures by Russian visitors in Armenia in the period 2024-2026. We conclude that the overvalued Armenian dram against the US dollar in the short run and medium term would negatively affect the price competitiveness of Armenia as an attractive travel destination for foreign visitors unless Armenia succeeds in offering specific tourism products by taking into account the price-perceived quality ratio to attract foreigners. We emphasize the importance of the availability of 2-star hotels or affordable accommodation in the medium term to prevent a drop in tourist arrivals if the Armenian dram remains overvalued.*

Keywords: *tourism, tourism receipts, tourist arrivals, economic growth, vulnerability of the economy, Armenia*

Introduction

Upon overcoming the aftermath of the Global Financial Crisis of 2008, Armenia reported an increase in tourist arrivals (calculated according to the methodology of the World Tourism Organization (WTO)) from 2012 to 2019, reaching 1,894,377 international inbound visitors in 2019 and this number of tourist arrivals was not surpassed in the period 2012-2022 (see table 1). The tourist arrivals rebounded in 2021 (upon the severe decline in tourist arrivals in 2020 (y./y.) explained by imposed restrictions on tourism and travel activities owing to the pandemic) and in 2022, tourist arrivals surpassed the number of arrivals in 2018, amounting to 1,665,658 international inbound visitors, the second largest amount in ten years (see Table 1). In the case of expenditures by the international inbound visitors in Armenia, in 2022, the amount reached about 2.44 billion US dollars (see Table 1), accounting for 12.5% of the GDP, which is the highest amount during the last ten years (see Table 2).

This could support the evidence that tourism could become a vital factor for Armenia in ensuring economic growth in the medium term if tourist arrivals report steady growth. However, it emphasizes the importance of identifying the role of tourism (namely, expenditures by the international inbound visitors to Armenia) in ensuring economic growth in Armenia, mainly in the short run, to figure out how vulnerable the economy of Armenia is to changes in expenditures by visitors when a sharp decline in tourist arrivals could be reported owing to the global pandemic or financial and economic crisis.

Table 1

**Expenditures by International Inbound Visitors and Tourist Arrivals
in Armenia Classified according to the WTO Methodology**

Period	The visitors that are tourists on the WTO methodology	Expenditures by the visitors that are tourists on the WTO methodology					
		Million USD	Billion AMD (nominal)	Billion AMD (real)	Expenditures per tourist (USD)	Expenditures per tourist (AMD, nominal)	Expenditures per tourist (AMD, real)
2012	963,035	817.5	328.42	328.42	848.83	341,026	341,026
2013	1,081,984	880.4	360.63	340.86	813.68	333,309	315,037
2014	1,203,745	965.8	401.71	368.63	802.37	333,720	306,238
2015	1,192,119	935.8	447.25	395.77	785.01	375,170	331,991
2016	1,259,657	1,016.5	488.42	438.34	806.97	387,741	347,988
2017	1,494,779	1,203.7	581.05	516.32	805.27	388,722	345,413
2018	1,651,782	1,329.0	641.91	556.48	804.61	388,619	336,899
2019	1,894,377	1,528.0	734.10	627.62	806.58	387,518	331,306
2020	360,338	287.3	140.50	118.69	797.35	389,909	329,398
2021	875,772	784.2	395.06	311.33	895.44	451,096	355,493
2022	1,665,658	2,439.1	1,062.64	771.12	1,464.34	637,970	462,949
Jan-Jun 2022	588,731	718.3	333.50*	245.74*	1,220.07	566,469*	417,403*
Jan-Jun 2023	1,002,878	1,383.5	539.10*	383.01*	1,379.53	537,553*	381,910*

Sources: [15]; [16]; [19, pp. 6-7]; [20, pp. 6-7]; [18, pp. 6-7]; [21, p. 23]; [11];

* Notes: Calculated on the basis of quarterly data, taking into account the appreciation of the Armenian dram against the US dollar. 2012=100. Authors' own calculations.

These estimates could help the Government of Armenia to craft a short- and medium-term tourism development strategy to make the country more competitive and attractive to appeal to and draw tourists, to identify the vulnerability of the economy to expenditures by international inbound visitors and design crisis response measures in the short term, namely while designing industry growth scenarios.

The growth in real expenditures by international inbound visitors in Armenia in 2022 (y./y.) was namely explained by the appreciation of the Armenian dram against the US dollar, and purchase of more goods and services, since the real expenditures per tourist (AMD, 2012=100) reported an increase (see Table 1). The growing tourist arrivals in the period 2021-2022 were accompanied by an increase in real expenditures per visitor (see Table 1). Compared to the composition of geographical distribution of tourists in 2019, the share of Russian tourists visiting Armenia significantly increased accounting for 40.2% and 47.5% respectively in the period 2021-2022, whereas in 2019, the share comprised only 22.7%, and it reached 38.2% in 2020 [24, p. 144]; [23, p. 163]; [25, p. 114]. Already in the first half of 2023, tourist arrivals reported a 70.3% increase compared to the same period of 2022, amounting to 1,002,878 tourists [26, p. 158]. In the composition of the geographical distribution of tourists who visited Armenia in the first half of 2023, the share of tourists from Russia accounted for 51.7%, and tourist arrival from Russia increased 2.1 times compared to the same period of previous year [26, p. 161]. This also means that the dependence of the Armenian tourism industry from one travel market, namely Russia, increased substantially at the end of the first half of 2023.

Table 2

Tourism receipts-to-GDP (Expenditures by International Inbound Visitors-to-GDP) ratio (%)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Tourism receipts-to-GDP ratio	7.70	7.92	8.32	8.87	9.64	10.44	10.67	11.22	2.27	5.65	12.50

Sources: [14]; [15]. Authors' own calculations.

Upon the first quarter of 2020, the closure of borders during the pandemic caused a sharp decline in the tourism industry of Armenia owing to the aftermath of the global pandemic; however, the vulnerability to a single and/or major travel market was not as high as it was in the first half of 2023.

International visitors from all over the world could not visit Armenia owing to the lockdown, thus resulting in zero tourist arrivals in the second quarter of 2020, with the gradual lifting up of restrictions tourist arrivals comprised 36,277 in the fourth quarter (and 16,471 arrivals in the third quarter), while during the first quarter of 2020, 307,590 tourists visited Armenia [16]. In 2020, hotels and similar accommodation industry reported a sharp decline of 68.7% (y./y.) (the decline could have been even sharper if the people infected with COVID-19 (or that had been cured) and/or under quarantine had not lived in such amenities at the expense of the state), while the decline of the travel agency, tour operator reservation service and related activities industry was even more severe comprising 85.7% (y./y.) [24, p. 56, 58]. In 2021, both industries bounced back reporting growth of 2.3 times and 77.7% (y./y.), respectively [23, p. 56, 58], that continued in 2022 as well and reporting double-digit growth of 16.1% and 42.1% (y./y.), respectively [22, p. 57, 59]. The strong performance of hotels and similar accommodation industry was explained by the increase in the number of hotels, thus translating into higher sales turnover and or proceeds (both nominal and real) (see Table 3).

Table 3

Number of Hotels and Sales Turnover (Proceeds) thereof in Armenia from 2012 to 2022

			2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022*
Hotels	Armenia	Number	343	379	409	474	549	556	652	769	847	980	1029
	Yerevan	Number	207	226	229	274	302	320	390	410	480	567	594
	Marzes (Regions)	Number	136	153	180	200	247	236	262	359	367	413	435
Sales turnover (billion AMD)	Armenia	Nominal	15.48	17.89	18.94	22.13	22.96	28.43	34.50	41.79	16.49	35.80	51.83
		Real	15.48	16.91	17.38	19.58	20.61	25.26	29.91	35.73	13.93	28.21	37.61
	Yerevan	Nominal	13.58	15.40	15.59	18.56	18.58	22.83	27.88	33.77	11.84	26.79	40.66
		Real	13.58	14.55	14.30	16.42	16.67	20.28	24.17	28.87	10.00	21.11	29.50
	Marzes (Regions)	Nominal	1.90	2.49	3.35	3.57	4.38	5.60	6.62	8.02	4.65	9.02	11.17
		Real	1.90	2.36	3.07	3.16	3.93	4.98	5.74	6.86	3.93	7.10	8.11

Sources: [19, p. 6]; [20, p. 6]; [17]. **Notes:** * Does not include value added and other similar indirect taxes. 2012=100. Authors' own calculation

From the point of view of the Government of Armenia, at the beginning of the second quarter of 2020, it could have been of urgent importance to figure out how much the expected reduction in real expenditures per tourist could have been (estimated using data from the previous periods) to identify the expected loss of tourism receipts if, for example, a million international inbound visitors had not visited Armenia owing to travel restrictions regardless the fact of country of origin of visitors (travel market); and to have an insight on the amounts required to be allocated for funding crisis-response measures to mitigate the situation.

In the second quarter of 2022, when the Russian-Ukrainian conflict began, two scenarios could have been expected:

1. Regardless the fact, whether the economic situation in Russia would have worsened or not, an increase in the number of visitors from Russia could have been expected, taking into account the restrictions on visa issuance by several countries (especially the Western ones), etc.;

2. The expected deterioration of the economic situation in Russia could have negatively affected the tourist arrivals from Russia, thus resulting in a drop in thereof.

Therefore, in the second quarter of 2022, it could have been important for the Government of Armenia to have the expected impact of changes in the real expenditures by international inbound visitors in Armenia (classified as tourists according to the methodology of the WTO) on the real GDP (estimated using data of the previous periods) to craft respective crisis-response measures (if necessary) or to support the companies representing tourism industry to attract more tourists.

In the second quarter of 2023, when an increase in Russian tourist arrivals was reported compared to the same period of the previous year [26, p. 161]; in the third quarter of 2023, it would have been specifically important for the Armenian government to have an insight on the expected impact of changes in real expenditures by international inbound visitors in Armenia on the real GDP, by taking into consideration the following two scenarios:

1. In the short run, after the end of the Russian-Ukrainian conflict, the economic situation in Russia could worsen and a significant decrease in the number of tourist arrivals from Russia would be

reported and/or after the end of the conflict, regardless of the economic situation in Russia, restrictions on visa issuance by the Western countries could be lifted and a significant decrease in the tourist arrivals from Russia to Armenia would be reported;

2. After the end of the Russian-Ukrainian conflict, in the period 2024-2026, the economic situation in Russia could worsen and a certain but slight decrease in tourist arrivals from Russia would be reported or the arrivals would remain unchanged accompanied by a decrease in expenditures by visitors from Russia in Armenia.

Therefore, in the third quarter of 2023, the Government of Armenia might have been interested in knowing about the expected impact of changes in the real expenditures by international inbound visitors in Armenia on the real GDP (estimated using data from the previous periods) to design respective crisis-response measures (if necessary) or to support the travel & tourism industry companies to attract more tourists from the Western and upper-middle-income countries.

Therefore, our purpose is to identify the role of expenditures by international inbound visitors in explaining statistically significant changes in the real GDP, and the role of tourist arrivals and exchange rate (Armenian dram against the US dollar) in explaining statistically significant changes in tourism receipts in the short run utilizing the least squares estimation techniques and using quarterly data spanning from the first quarter of 2012 to the second quarter of 2023; to find out how vulnerable the economy is to external shocks and highlight the respective priorities to address the challenges under various scenarios we built.

Brief Literature Review

According to the tourism-led-growth hypothesis (TLGH), derived from the export-led growth hypothesis (ELGH), not only the increase in the amount of labor and capital can ensure economic growth, but also growth in exports [1, p. 2]. Based on the literature review, Brida and Pulina (2010) presented how international tourism has a positive impact on long run economic growth via various channels [1, pp. 4-6]. By reviewing numerous publications published up to 2010 (including), they conclude that except for a few countries, the TLGH is valid for both developing and developed countries [1, p. 12].

The impact of expenditures by international inbound visitors (tourism receipts) on the real GDP has been addressed and discussed by various authors. In particular, Fayissa et al. (2011), based on the estimation results using panel data from 1990 to 2005, find that a 10% increase in expenditures by international inbound visitors could cause 0.4% increase in the GDP per capita of a typical Latin American country, and conclude that the countries with comparably lower income level could ensure higher economic growth in the short run by making investments strategically in the tourism industry [6, p. 1366, 1369, 1372]. Cannonier and Burke (2018), based on the panel data from 1980 to 2015 of 15 Caribbean countries, by investigating the relationship between tourism and economic growth find that, depending on specifications, a 1% increase in tourism results could cause to an increase in the economic growth varying from 0.03% to 0.1%, and tourism multiplier is around 0.25 [2, p. 90, 103-104]. Xia et al. (2021) attempt to find evidence of the TLGH with respect to 34 countries in Europe (including Armenia) using annual data spanning from 1995 to 2015 and utilizing 8 main indicators describing tourism industry performance, indicating the degree of development of the tourism sector of the given country, and confirm the tourism-led-growth hypothesis for these countries [10, p. 239, 242, 244, 247, 255].

Many scholars attempted to confirm the tourism-led-growth hypothesis for various countries, namely, De Vita and Kyaw (2017) for 129 low-, middle-, and high-income countries [4]; Chiu and Yeh (2017) for 84 developing and developed countries [3]; Fahimi et al. (2018) for 10 micro states (Barbados, Cuba, Cyprus, the Dominican Republic, Fiji, Haiti, Iceland, Malta, Mauritania, and Trinidad and Tobago) [5]; Tang and Tan (2018) for 167 countries [9]; Sokhanvar et al. (2019) for 16 emerging-market economies (Brazil, China, Chile, Colombia, Hungary, India, Indonesia, Malaysia, Mexico, Peru, Philippines, Poland, Russia, South Africa, Thailand, and Turkey) [7]; Škrinjarić (2019) for 8 countries from the Central, Eastern and Southern Europe (Bulgaria, Croatia, the Czech Republic, Hungary, Poland, Romania, Slovakia, and Slovenia) [8]; etc.

Therefore, tourism and, in particular, expenditures by international inbound visitors have a positive impact on the economic growth of countries, in general.

Methodology and Data Description

We have defined our models as the followings to identify:

– the role of expenditures by the international inbound visitors in Armenia in explaining the statistically significant changes in the real GDP;

– and the role of tourist arrivals and the exchange rate (Armenian dram against the US dollar) in explaining the statistically significant changes in the expenditures made by tourists in the territory of the Republic of Armenia:

$Real\ GDP = f(\text{real expenditures by the international inbound visitors in Armenia})$ (1),

$Real\ expenditures\ by\ the\ international\ inbound\ visitors\ in\ Armenia = f(\text{tourist arrivals, exchange rate (Armenian dram against the US dollar)})$ (2).

Taking into account the fact that the Statistical Committee of Armenia switched to the System of National Accounts 2008, the respective data have been published starting from 2012, the data of the previous years are not compatible with the data published since 2012, especially with respect to the GDP, value added by various industries, and main expenditure components as well. Therefore, with respect to the first model, the estimation of the equation was done using quarterly data covering the period from the first quarter of 2012 to the second quarter of 2023 (i.e. 46 quarters). 2012 was considered as the base year (2012=100) for respective calculations. Seasonally adjusted quarterly data of the real GDP data were calculated by using chained indices of GDP real volume [12] and value of the GDP of 2012 [13]. To convert quarterly data (spanning from the first quarter of 2012 to the second quarter of 2023) of the nominal expenditures by the international inbound visitors (tourism receipts) [15], expressed in US dollars into the real values expressed in AMD, the nominal values were multiplied by the average exchange rates (calculated based on the monthly data) of the Armenian dram against the US of the respective period [11] and then these values were adjusted by the Consumer Price Indices [19, p. 7]; [20, p. 7]; [18, p. 7]; [21, p. 23] of the respective period (CPI) calculated for each quarter (2012=100).

In the case of the first model, the regression equations were estimated for two separate periods (2012q1-2022q2 and 2012q1-2023q2). The selection of the first period is explained by the fact that when the Russian-Ukrainian conflict started in the first quarter of 2022, from the point of view of the vulnerability of the economy of Armenia, it was important to get an insight into the expected impact of changes in the expenditures by the international inbound visitors classified as tourists on the WTO methodology [16] on the real GDP of Armenia. The choice of the second period is explained by the fact that based on the estimation results, it could be possible to figure out how vulnerable the Armenia economy is to the tourism receipts, and to compare the estimated coefficients with the coefficients of the first period as well. Before estimating the equations, the real expenditures by international inbound visitors expressed in Armenian drams were seasonally adjusted, using the moving average method.

As for the second model, taking into account the fact that during the lockdown owing to the pandemic, tourist arrivals were non-existent and amounted to nil in the second quarter of 2020 the time series thereof could not be seasonally adjusted in the case of the two periods of interest, we have added 0.0000000001 to the values of all the variables for the entire sample period, and this does not affect the estimation results. In the case of this model, the estimation of the regression equations was carried out for three separate periods: 2012q1–2020q1; 2012q1–2022q1; and 2012q1–2023q2. The choice of the first period is conditioned by the fact that when travel restrictions were introduced at the end of the first quarter of 2020, it would have been necessary to find out what the expected impact of the absence of tourists could have been on the decrease in the expenditures of international inbound visitors in Armenia.

Before estimating the regression equations, the stationarity of the variables included in the equations was tested, and finding the evidence that the given time series were not stationary, they were taken in the first difference to ensure the stationarity thereof. We also found that the correlation coefficients between the independent variables included in the equations did not exceed 0.5 (an absolute value) for all periods, which was evidence of no multicollinearity problem. The regression equations were estimated utilizing the least squares techniques for different periods.

We have estimated the following equations:

$$dgdpt = \alpha_0 + \alpha_1 * dtssa_t + \varepsilon_t \quad (3)$$

Where:

$dgdpt$ is the first difference of the seasonally adjusted value of the real GDP in period t .

$dtssa_t$ is the first difference of the seasonally adjusted value of the real expenditures by international inbound visitors in Armenia classified as tourists, according to the WTO methodology in period t .

α_0, α_1 are model unknown parameters.

ε_t is the error term in period t .

$$dtssa_t = \beta_0 + \beta_1 * dtnssa_t + \beta_2 * dexr + v_t \quad (4)$$

Where:

$dtssa_t$ is the first difference of the seasonally adjusted value of the real expenditures by international

inbound visitors in Armenia classified as tourists, according to the WTO methodology in period t .

$dtnsa_t$ is the first difference of the seasonally adjusted tourist arrivals according to the WTO methodology in period t .

$dextr_t$ is the first difference of the exchange rate (3-month average) of the Armenian dram against the US dollar in period t .

$\beta_0, \beta_1, \beta_2$ are model unknown parameters.

v_t is the error term in period t .

We tested for the evidence of autocorrelation and found the evidence thereof, therefore, we incorporated respective MA order processes in the equations to deal with the problem

Then, upon incorporating the respective MA order processes into equations we tested for the evidence of autocorrelation, heteroskedasticity, and normal distribution of error term, by performing the following tests: Breusch-Godfrey Serial Correlation LM (lags included: 4); Breusch-Pagan-Godfrey; and Jarque-Bera.

Results and Discussion

Real expenditures by international inbound visitors to Armenia – the real GDP nexus. In general, the variables included in both models explain about 50% of the changes in the real GDP (see Table 4, Estimation #1, 2), which is conditioned by the fact that our purpose was not to include other variables in the regression equations to identify the role of those factors in explaining the statistically significant change in the real GDP.

After the end of the first quarter of 2022 (when the Russian-Ukrainian conflict started), according to estimation results using quarterly data spanning from the first quarter of 2012 to the first quarter of 2022, the Government of Armenia could have expected, on average, that the change in the real expenditures by the international inbound visitors in Armenia classified as tourist according to the methodology of the WTO by 1 dram in period t (quarter) could have caused an increase in the real GDP by 1.119 Armenian drams in the same period (see Table 4, Estimation #1).

Table 4

Estimation Results-1 (Method: Least Squares)

Dependent variable $dgdpt$	Estimation #1: Sample: 2012q1-2022q1 Adjusted sample: 2012q2-2022q1	Estimation #2: Sample: 2012q1-2023q2 Adjusted sample: 2012q2-2023q2
$dtssa_t$	1.11947429924 (7.347)***	1.15534423675 (9.235)***
Constant	9,375,962,479.17 (4.319)***	10,099,615,458.5 (5.146)***
MA(1)	-0.505 (-3.617)***	-0.541 (-4.275)***
R-squared	0.509	0.518
Adjusted R-squared	0.483	0.495
Included Quarters	40	45

Notes: t statistics values in parentheses. *** denotes significant at 1 percent significance level

This indicates the «multiplier effect» of expenditures by the international inbound visitors in Armenia since an increase in real expenditures by one dram causes a greater increase in the real value added in Armenia (exceeding 1 dram), which means that tourism contributes to the development of related sectors of the economy and to ensuring higher economic growth rates. Therefore, the increase in tourist arrivals from other countries especially from Russia would contribute to the economic growth. After the first quarter of 2022, a sharp increase in the number of visitors compared to 2021 (in 9 months) [16] was reported, mainly explained by the first scenario mentioned by us, that regardless of the macroeconomic stance in Russia, an increase in the number of visitors from Russia could have been expected, taking into account restrictions on the visa issuance by several of countries (especially the Western countries), etc.

After the end of the second quarter of 2023 (when the number of visitors from Russia had already sharply increased), according to the results of estimation using the quarterly data from the first quarter of 2012 to the second quarter of 2023, the Government of Armenia could expect, on average, that a change in the real expenditures by international inbound visitors in Armenia by 1 Armenian dram

in period t (quarter) could cause an increase in the real GDP by 1.155 Armenian drams in the same period (see Table 4, Estimation #2). Based on these results, we could conclude with the deepening «multiplier effect» of expenditures by international inbound visitors in Armenia, which meant that growth in tourist arrivals could increase the impact of expenditures by visitors on the real GDP of Armenia with respect to the real value added generated.

Based on these results, we could also conclude that after the second quarter of 2023, the dependence of the Armenian economy on the tourism industry has increased, which means that the economy would become more vulnerable to the Russian economy, especially in terms of the changes in tourist arrivals from Russia. On the other hand, taking into account the fact that in the first half of 2023, compared to the same period of the previous year, an 11.2% decline was reported by the hotels and similar accommodation industry accompanied by a sharp increase in tourist arrivals (especially from Russia) [26, p. 48, 158, 161] and increase in the number of hotels (see Table 3), we could suppose that especially in the case of visitors from Russia, the latter did not prefer to stay at hotels, but, for example, preferred accommodation and/or apartments for daily rent, or rented apartments of those who had already moved from Russia to Armenia.

That means that after the second quarter of 2023, the second scenario indicated by us for the period 2024-2026 could be expected, under which the economic situation in Russia would worsen, thus resulting in some, but not large, decrease in tourism arrivals from Russia, or the number would remain unchanged to a certain extent and that would be accompanied by a reduction in expenditures by Russian visitors in Armenia. It turns out that an increase in tourist arrivals in the short run and medium term might not result in an increase in the real expenditures by international inbound visitors in Armenia and might even lead to a reduction, which would negatively affect the economic growth in Armenia.

Therefore, the priority of the Government of Armenia should be diversification in the short run and medium term with respect to the export markets, in case if tourist arrivals from Russia at least remain at the same level and/or report a slight reduction, to ensure the increase in tourist arrivals from other countries, and desirably from the high- and upper-middle-income countries.

Tourist arrivals and the exchange rate-the real tourism receipts nexus in Armenia. Taking into account the fact that in the case of two periods (2012q1-2022q1 and 2012q1-2023q2), the estimation results cannot be considered reliable, only the results of estimation for the first period (2012q1-2020q1) are presented here (see Table 5, Estimation #3).

Table 5

Estimation results-2 (method: Least Square)

Dependent variable` dtssa _t	Estimation #3: Sample: 2012q1-2020q1 Adjusted Sample: 2012q2-2020q1
dtnsa _t	334544.9 (23.945)***
dexr _t	117773790.4 (2.559)**
Constant	-604101566.56 (-0.660)
MA(4)	0.862 (-11.324)***
R-squared	0.960
Adjusted R-squared	0.955
Included quarters	32

Notes: t statistics values in parentheses. ** denotes significant at 5 percent significance level; *** denotes significant at 1 percent significance level.

In general, the variables included in the model explain about 95% of the changes in real expenditures by international inbound visitors in Armenia (see Table 5, Estimation #3).

At the beginning of the second quarter of 2020, during the lockdown, the Government of Armenia could have expected (based on the data from the first quarter of 2012 to the first quarter of 2020) that the decrease in tourist arrivals by 1 in period t (quarter) could have caused a reduction in the real tourism receipts in Armenia by 334,545 AMD during that same period (see Table 5, Estimation #3).

Therefore, if, for example, 400,000 tourists had not visited Armenia in the second quarter of 2020, the expected amount of «losses in tourism receipts» i.e. the decrease in expenditures by international inbound visitors in Armenia could have reached 133.82 billion AMD, on average.

As for the depreciation of the Armenian dram against the US dollar, it becomes clear from the results of the estimation that if the Armenian dram depreciates by 1 Armenian dram against the US dollar, that could cause an increase in the real expenditures by international inbound visitors in Armenia by 117,773,790.4 Armenian drams, on average (see Table 5, Estimation #3). On the contrary, based on the estimation results, it becomes clear that the appreciation of the Armenian dram against the US dollar leads to a reduction in the real expenditures of tourists in Armenia. Therefore, the appreciation of the Armenian dram to quite a large extent against the US dollar might lead to a reduction in the real expenditures by tourists in Armenia, and this would negatively affect the economic growth in Armenia.

If we compare the estimation results (see Table 5, Estimation #3) with the real expenditures per tourist in Armenia, especially with the amount of 2022 (see Table 1), it becomes clear that the depreciation of the Armenian dram [11] was not considered as the key factor that could have had a negative impact on the tourism receipts. This also indicates the following:

1. Visa restrictions for Russian citizens reduced the number of acceptable (favorable) countries for Russian tourists (probably also from the point of view of friendly treatment), that they could visit in 2022. It could be supposed that still having some savings, visitors from Russia were able to increase their expenditures in 2022 in order to spend their vacation in Armenia. Based on the performance of hotels and similar accommodation industry in the first half of 2023 (compared to the same period of 2022) [26, p. 48, 161] and the changes in the tourism arrivals [16], we could conclude that the deteriorating economic situation in the Russian Federation (especially from the second quarter of 2022 to the second quarter of 2023) [27] along with the overvalued Armenian dram [11] would lead to the decline in the real expenditure by visitors from Russia in the short run and medium term.

2. The number of visitors with Armenian roots probably comprised a significant share in the composition of tourist arrivals in Armenia in 2022, in which case (regardless of the appreciation of the Armenian drams) a significant reduction in their planned expenditures was not recorded.

3. The overvalued Armenian dram against the US dollar would negatively affect the price competitiveness of Armenia as an attractive destination for foreign tourists (who do not have Armenian roots) in the short run and medium term, if Armenia fails to offer its unique tourist products that will be attractive for foreigners, taking into account the price-perceived quality ratio, etc.

Taking into account the arguments presented above, the availability of 2-star hotels, and cheap accommodation (in the suburbs of Yerevan and nearby settlements, and next to attractive tourist centers as well) is highly stressed for Armenia in the medium term if the Armenian dram remains overvalued, and this would not cause a certain decline in tourist arrivals.

Therefore, in 2012-2023 (as of the first half of 2023), the increase in tourism receipts in Armenia had a «multiplier effect» on the economy, by deepening the dependence of the economy on the increase in expenditures by the international inbound visitors, and making the economy more vulnerable to the fall in tourist arrivals in the short run and medium term (2024-2026). The price competitiveness (if the Armenian dram against the US dollar remains overvalued), would be a challenge for Armenia in terms of both facing competition with other destinations and attracting tourists and positioning Armenia as a more attractive place through the availability of cheap accommodation, and the supply of unique tourism products especially in the Western, high- and upper-middle-income countries as well. At the same time, in the short run and medium term, the increase in tourism arrivals might not result in an increase in the real expenditures by international inbound visitors and could cause a decrease in expenditures, thus negatively affecting the economic growth of Armenia.

In the case of external shocks, especially in the case of the recurrence of the global pandemic in 2024-2026, a larger amount of state support might be required than the support of about 6 billion AMD provided by the government of Armenia to 1,421 business entities representing the sectors of economy directly related to the tourism industry and allocated in the period 2020-2021 within the framework of only crisis-response measure N 23. In the period 2024-2026, in the case of a possible sharp decline in tourist arrivals from Russia, the Government of Armenia can increase the funding (according to the state budget) to be allocated to the Tourism Committee and to co-fund certain marketing campaigns and activities of the companies representing the tourism industry aimed at attracting visitors from other countries.

Conclusion

Armenia, upon overcoming the aftermath of the Global Financial Crisis of 2008 reported an increase from 2012 to 2019, that the amount of 2019 wasn't surpassed in the period 2012-2022. In 2022,

the highest amount of expenditures by international inbound visitors was recorded, accounting for 12.5% of the GDP. The results indicate that the role of the tourism industry in the Armenian economy increased, and at the same time, the economy became vulnerable to a sharp decrease in tourism receipts. Therefore, we aimed to find out the role of expenditures by international inbound visitors in Armenia in explaining the statistically significant changes in the real GDP, and the role of tourist arrivals and the exchange rate (the Armenian dram against the US dollar) in explaining the statistically significant changes in tourism receipts in the short run by utilizing econometric estimation techniques (method: least squares) and using quarterly data spanning from the first quarter of 2012 to the second quarter of 2023 to highlight the vulnerability of the economy to external shocks and to stress the respective priorities to face the challenges under the scenarios we built.

According to the results of the first estimation (2012q1–2022q1), the increase in the real expenditures by international inbound visitors in Armenia by 1 Armenian dram in period t (quarter) could lead to an increase in the real GDP by 1.119 drams, on average, in the same period, meanwhile according to the second estimation results (2012q1 – 2023q2) the increase would amount to 1.155 Armenian drams. We conclude with the deepening «multiplier effect» of tourism receipts in terms of generating real value added and increase in the vulnerability of the Armenian economy to tourist arrivals (especially visitors from Russia). We can expect the second scenario we built for the period 2024–2026, under which the economic situation in Russia would worsen, thus resulting in a certain, but not large, decrease in the number of visitors from Russia, or their number would remain unchanged to a certain extent, accompanied by the fall in tourism receipts.

Based on the results of the third estimation (2012q1 – 2020q1), a decrease in the number of international inbound visitors by 1 in period t (quarter) could lead to a reduction in the real expenditures made by visitors in Armenia by 334,545 Armenian drams, on average, in the same period, and the depreciation of the Armenian dram against the US dollar by one dram could cause an increase in real expenditures by visitors by 117,773,790.4 Armenian drams, in general. We conclude that the overvalued Armenian dram against the US dollar in the short run and medium term could negatively affect the price competitiveness of Armenia as an attractive tourism and travel destination for foreign visitors, if Armenia fails to offer unique tourism products attractive to foreigners, taking into account price-perceived quality ratio, etc. On the other hand, the availability of 2-star hotels and affordable accommodation in the medium term is highly important to prevent a certain decrease in tourism arrivals if the Armenian dram remains overvalued.

References:

1. Brida, J. G., & Pulina, M. (2010). *A Literature Review on the Tourism-Led Growth*. Centre For North South Economic Research Working Paper # 2010/17. Cagliari, Italy: CRENoS. 26p. Retrieved from: <https://crenos.unica.it/crenos/sites/default/files/WP10-17.pdf> (Date of access: August 30, 2023).
2. Cannonier, C., & Burke, M. G. (2018). *The economic growth impact of tourism in Small Island Developing States—evidence from the Caribbean*. *Tourism Economics*, 25(1), 85–108. doi: 10.1177/1354816618792792
3. Chiu, Y.-B., & Yeh, L.-T. (2017). *The Threshold Effects of the Tourism-Led Growth Hypothesis: Evidence from a Cross-sectional Model*. *Journal of Travel Research*, 56(5), 625–637. doi: 10.1177/0047287516650938
4. De Vita, G., & Kyaw, K. S. (2017). *Tourism Specialization, Absorptive Capacity, and Economic Growth*. *Journal of Travel Research*, 56(4), 423–435. doi:10.1177/0047287516650042
5. Fahimi, A., Akadiri, S. S., Seraj, M., & Akadiri, A. C. (2018). *Testing the role of tourism and human capital development in economic growth. A panel causality study of micro states*. *Tourism Management Perspectives*, 28, 62–70. doi: 10.1016/j.tmp.2018.08.004
6. Fayissa, B., Nsiah, C., & Tadesse, B. (2011). *Research Note: Tourism and Economic Growth in Latin American Countries – Further Empirical Evidence*. *Tourism Economics*, 17(6), 1365–1373. doi:10.5367/te.2011.0095
7. Sokhanvar, A., Çiftçiöğlü, S., & Javid, E. (2018). *Another look at tourism- economic development nexus*. *Tourism Management Perspectives*, 26, 97–106. doi:10.1016/j.tmp.2018.03.002
8. Škrinjarić, T. (2019). *Examining the Causal Relationship between Tourism and Economic Growth: Spillover Index Approach for Selected CEE and SEE Countries*. *Economies*, 7(1), 19. doi:10.3390/economies7010019
9. Tang, C. F., & Tan, E. C. (2018). *Tourism-Led Growth Hypothesis: A New Global Evidence*. *Cornell Hospitality Quarterly*, 59(3), 304–311. doi: 10.1177/1938965517735743
10. Xia, W., Doğan, B., Shahzad, U., Adedoyin, F. F., Popoola, A., & Bashir, M. A. (2021). *An empirical investigation of tourism-led growth hypothesis in the European countries: evidence from augmented mean group estimator*. *Portuguese Economic Journal*, 21(2), 239–266. doi: 10.1007/s10258-021-00193-9
11. Central Bank of Armenia, «Average and end of period exchange rates of several foreign currencies against AMD» online database. Data retrieved from: <https://www.cba.am/en/sitepages/statexternalsector.aspx> (Date of access: October 6, 2023).
12. Statistical Committee of Armenia, «Calculation of quarterly data of GDP with seasonal adjustment» online database according to the System of National Accounts 2008. Data retrieved from: <https://www.armstat.am/en/?nid=202> (Date of access: October 6, 2023).
13. Statistical Committee of Armenia, «Expenditure of GDP (by main consumption elements)» online database

according to the System of National Accounts 2008. Annual data were retrieved from: <https://www.armstat.am/en/?nid=202> (Date of access: October 6, 2023).

14. Statistical Committee of Armenia, «Gross domestic product (GDP) and GDP per capita» online database according to the System of National Accounts 2008. Data were retrieved from: <https://www.armstat.am/en/?nid=202> (Date of access: October 13, 2023).

15. Statistical Committee of Armenia, «Balance of Payments 6» online database as of October 5, 2023. Data retrieved from: <https://www.armstat.am/en/?nid=203> (Date of access: October 6, 2023). online database.

16. Statistical Committee of Armenia, «International tourism» online database. Data retrieved from: <https://www.armstat.am/en/?nid=14> (Date of access: October 6, 2023).

17. ArmStatBank, Statistical Committee of Armenia, «Hotels* by marzes, indicators and years» online database. Data retrieved from: https://statbank.armstat.am/pxweb/en/ArmStatBank/ArmStatBank_4%20Transport%20and%20tourism_43%20Tourism/TT-tu-1-2022.px/?rxid=9ba7b0d1-2ff8-40fa-a309-fae01ea885bb (Date of access: October 21, 2023).

18. National Statistical Service of Armenia, Prices and Prices Indexes in the Republic of Armenia 2008-2012. Statistical Handbook. Yerevan, 2013, 93p.

19. Statistical Committee of Armenia, Prices and Prices Indexes in the Republic of Armenia 2013-2017. Statistical Handbook. Yerevan, 2018, 88p.

20. Statistical Committee of Armenia, Prices and Prices Indexes in the Republic of Armenia 2018-2022. Statistical Handbook. Yerevan, 2023, 117p.

21. Statistical Committee of Armenia, Food Security and Poverty, January-June 2023. Statistical Bulletin. Yerevan, 2023, 108p.

22. Statistical Committee of Armenia, Socio-Economic Situation of RA, January-December 2022, Monthly Statistical Report. Yerevan, 2023, 389p. (in Armenian)

23. Statistical Committee of Armenia, Socio-Economic Situation of RA, January-December 2021, Monthly Statistical Report. Yerevan, 2022, 356p. (in Armenian)

24. Statistical Committee of Armenia, Socio-Economic Situation of RA, January-December 2020, Monthly Statistical Report. Yerevan, 2021, 322p. (in Armenian)

25. Statistical Committee of Armenia, Socio-Economic Situation of RA, January 2021, Monthly Statistical Report. Yerevan, 2021, 190p. (in Armenian)

26. Statistical Committee of Armenia, Socio-Economic Situation of RA, January-June 2023, Monthly Statistical Report. Yerevan, 2023, 438p. (in Armenian)

27. Federal State Statistics Service, «GDP quarters (since 1995)» online database, Data retrieved from: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (Date of access: October 22, 2023). (in Russian) [Федеральная служба государственной статистики, «ВВП кварталы (с 1995 г.)» онлайн база данных, <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (вход: 22.10.2023г.)]

28. State Revenue Committee of the Republic of Armenia (September 06, 2021). State Revenue Committee summed up the results of the 23rd measure to neutralize the economic consequences of the coronavirus. Retrieved from: https://petekamutner.am/mdNews.aspx?sid=src&nid=8334&fbclid=IwAR2BkLhGi36JFY2Kz3F6Hw1_TMLY-CEII_QaOgyRPfsfOnrGtFbFTToaYUYE (last accessed: 10/26/2023).

УДК: 339.544

БЕРДИН АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ

старший преподаватель кафедры экономики высокотехнологичных производств, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
e-mail: berdin07@mail.ru

БЕРДИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры международного предпринимательства, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
e-mail: svitkova_marina@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-110-119

РОЛЬ «ЗНАНИЯ» В ПРОЦЕССЕ КОММЕРЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ¹

Аннотация. Целью работы является теоретическое исследование по анализу трактовок и места такого понятия, как «Знание», в системе международного трансфера объектов интеллектуальной собственности. Исследование основывается на общенаучной методологии, которая предусматривает применение системного подхода к решению проблем. Основой работы являются труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам интеллектуальной собственности, трансферу технологий и знаний, а также применение авторской концепции к трактовке понятия «Знания». Выступая элементом экономических отношений, знание имеет различные материальные и нематериальные формы существования. В отличие от других объектов интеллектуальной собственности, Знание почти никогда не продается и не покупается изолированно. Объектом купли-продажи являются товары/услуги, а особенно решения, получаемые при помощи знаний. Полезность знания для покупателя зависит от полезности этих решений. Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в учебных и теоретических целях при написании учебной литературы по вопросам интеллектуального капитала, трансфера научно-технических и коммерческих знаний. В качестве экономического блага знание является объектом купли-продажи как на товарном рынке, так и на рынке ресурсов и подпадает под действие экономических законов, хотя и с определенной спецификой. С учетом смены вектора развития мировой экономики с товарной на интеллектуальную составляющую, в мире будет наблюдаться рост торговли различными видами овеществленного знания, составляя дополнительный и основной источник прибыли для компаний, желающих получить на рынке конкурентное преимущество.

Ключевые слова: Знание, трансфер знаний, интеллектуальный капитал, коммерциализация знаний, знание как фактор производства, знание как товар.

BERDIN ALEXANDER EDUARDOVICH

Senior Lecturer of the Department of Economics of High-tech Industries,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
e-mail: berdin07@mail.ru

BERDINA MARINA YURYEVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of International Entrepreneurship, St. Petersburg
State University of Aerospace Instrumentation,
e-mail: svitkova_marina@mail.ru

¹ Контактное лицо: Бердина М.Ю. тел. 8-921-339-50-36, svitkova_marina@mail.ru.

THE ROLE OF «KNOWLEDGE» IN THE PROCESS OF COMMERCIAL TRANSFER OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Abstract. The purpose of the work is a theoretical study on the analysis of interpretations and the place of such a concept as «Knowledge» in the system of international transfer of intellectual property objects. The research is based on a general scientific methodology, which provides for the application of a systematic approach to problem solving. The basis of the work is the works of domestic and foreign scientists on intellectual property, technology and knowledge transfer, as well as the application of the author's concept to the interpretation of the concept of «Knowledge». Acting as an element of economic relations, knowledge has various material and non-material forms of existence. Unlike other intellectual property objects, Knowledge is almost never sold or bought in isolation. The object of purchase and sale are goods/services, and especially solutions obtained with the help of knowledge. The usefulness of knowledge for the buyer depends on the usefulness of these solutions. The scope of the results. The results of the research can be used for educational and theoretical purposes when writing educational literature on intellectual capital, transfer of scientific, technical and commercial knowledge. As an economic good, knowledge is an object of purchase and sale both in the commodity market and in the resource market and is subject to economic laws, although with certain specifics. Taking into account the change in the vector of development of the world economy from a commodity to an intellectual component, there will be an increase in trade in various types of materialized knowledge in the world, constituting an additional and main source of profit for companies wishing to gain a competitive advantage in the market.

Keywords: Knowledge, knowledge transfer, intellectual capital, commercialization of knowledge, knowledge as a factor of production, knowledge as a commodity.

Знание в том виде, в котором его целесообразно понимать в предпринимательских целях, представляет собой ценный интеллектуальный ресурс. Экономика, если понимать ее широко, как присущий людям общественный способ производства, всегда была основана на знаниях. Знания, энергия и организация – это в конечном счете те первичные факторы, которыми неотъемлемо располагали и располагают люди. Все, что они имеют сверх того – природные ресурсы, орудия труда, общественные институты, это все те же знания и энергия, но воплощенные в материальной, организационной или символической формах [5]. Знание – это своего рода база интеллектуальных ресурсов, замыкающая на себе все структурные связи их формирования и использования. Существовая в форме индивидуального знания, оно является одновременно частью интеллектуального, или человеческого капитала, в форме кодифицированного знания оно обслуживает процесс производства на предприятиях. В объективированной форме оно становится частью основного капитала и экономическим благом, вступающим в хозяйственный оборот.

Знания базируются и создаются из имеющейся информации, посредством анализа. Чтобы создать новое знание, организации должны получить информацию и преобразовать её в различные виды знаний. Например, информация подразумевает знание значения чего-либо (факт), в то время как ноу-хау означает знание того, как сделать что-либо (действие). Новое знание появляется во всех отраслях человеческой деятельности и изменяет основные условия жизни и поведение людей. Быстрый рост знания ведёт к конкурентной борьбе за него, так как практически каждый может получить новую информацию благодаря её быстрому распространению в обществе. Те организации, которые наиболее быстро создают новое знание, могут обрести долгосрочное конкурентное преимущество. Помимо создания нового знания внутри узких границ организации существует также возможность получать знания от других организаций той же отрасли. Организации вступают в стратегические альянсы, зачастую с конкурентами, чтобы совместно использовать и создать новые знания [2].

Как лаконично отметил П. Друкер, «...теперь мы знаем, что источником богатства является нечто, присущее только человеку, а именно - Знание. Если мы применяем знания к задачам, которые уже знаем, как выполнять, то такое явление называется «продуктивностью». Если мы применяем знания к новым и другим задачам, то мы называем это «инновацией». И только знание позволяет нам достичь этих двух целей» [11].

Поскольку знания являются движущей силой экономического роста и создания богатства,

их приобретение и использование стали важными целями для организаций, стремящихся к достижению устойчивого конкурентного преимущества и успеха в бизнесе. Следовательно, способность управлять знаниями стала решающей в современной экономике знаний [12]. Поскольку управление знаниями превращается в междисциплинарную область - от антропологии, науки управления, информационных технологий и организационного поведения до когнитивной науки и социологии - в настоящее время нет единого мнения относительно его определения. Так, А. Джашапара [16] определяет его как «эффективные процессы обучения, связанные с исследованием, использованием и обменом человеческими знаниями (неявными и явными), которые используют соответствующие технологии и культурную среду для повышения интеллектуального капитала и производительности организации». С точки зрения управления бизнесом, управление знаниями можно рассматривать либо как организационную стратегию, либо как систематический процесс использования знаний для получения конкурентного преимущества и повышения ценности организации.

Как отмечает В.З. Ямпольский с коллегами [9], «Знание – это информация в контексте», т.к. именно контекст делает информацию знанием, если она (информация) согласуется и полезна в ситуационном контексте.

По определению В. Аппельханса, «Знание – это способность превращать информацию и данные в эффективные действия» [10].

Достаточно лаконичное и емкое определение Знания дается в Европейской Схеме по управлению знаниями: «Знание – это комбинация данных и информации, к которым добавлено мнение, мастерство и опыт эксперта, что в результате дает ценный актив, который может быть использован для оказания помощи в принятии решений». [13]

Нам больше всего импонирует определение знания по Р. Майеру: «Знание (knowledge)» - представляет собой ключевое понятие, предназначенное объяснить, в общем виде, возрастающую скорость трансформации социальной жизни и, в частности, способ, с помощью которого компании и социальные институты осуществляют свою деятельность» [18]. Это определение охватывает практически все области использования информации. Однако в разных контекстах знания определяются по-разному. Все они различаются по важным аспектам их использования, будь то социальная направленность знаний или их применение в деловой практике. С позиций международного бизнеса понимание сущности Знания сводится к восприятию компаниями их отношения к знаниям, а также возможностям и способам, где и как знания могут быть применены. Для того чтобы компании могли определить свое место и выделиться среди конкурентов, им необходимо различать следующие три категории знаний, в зависимости от области их компетенции или характера стратегической бизнес-единицы (SBU), подразделения, продуктовой линейки или рыночной позиции [2]:

– Стержневое знание (core knowledge) – минимальные самостоятельные знания, которыми обладают представители определенного вида бизнеса для организации своей производственной/маркетинговой деятельности, также рассматриваются в качестве фундаментального барьера для входа в этот вид бизнеса.

– Усовершенствованное знание (advanced knowledge) – позволяет компаниям «выживать» в конкурентной среде. Хотя конкуренты, как правило, обладают одинаковым уровнем, объемом и качеством знаний, дифференциация знаний и обладание определенными типами знаний обеспечивает конкурентное преимущество перед соперниками.

– Инновационное знание (innovative knowledge) – имеет ярко выраженное иное качество и содержание, способное сделать организацию лидером в своей отрасли, значительно отдалить ее от конкурентов и даже создать ситуацию гиперконкуренции в условиях межотраслевой конкуренции [7].

Организационное знание, являющееся в настоящее время основным источником получения прибыли, может быть классифицировано (по Е.С. Слесареву) следующим образом [2, 8]:

Операционное знание - 'то знания о продукции и рынках, то есть все знания, связанные с производством и маркетингом. Большая часть этих знаний формализована и поддается изменению. Партнеры по контракту ожидают получить готовые к использованию бизнес-знания. Например, японская компания Fujitsu поставляет американской компании Sun Microsystems многопроцессорные блоки (MPU), а взамен получает технологию рабочих станций. Такой обмен товарами относится к бизнес-знаниям, количественным знаниям, а не к абстрактным формам знаний, таким как стратегии и ценности компании (социальные принципы, цели и стандарты). Fujitsu часто предпочитает использовать контракты на сборку (ОЕМ) или создавать продуктовые линейки. Таким образом, Fujitsu стремится к развитию продуктовых линеек. Аналогичные условия существуют между японской компанией Hitachi и американской Texas

Instruments. Hitachi поставляет SRAM для Texas Instruments и получает технологию производства полупроводников от своего американского партнера. Руководство Fujitsu и Hitachi стремится к успешной интернационализации своих знаний о бизнесе.

Стратегическое знание - менее конкретное и явное. Знания представляют собой ключевые компетенции и политику организации, и компании могут совершенствовать свои стратегии, обмениваясь этими знаниями. Знания играют ключевую роль в создании и поддержании ключевых компетенций организации, которые отличают и превосходят конкурентов. Hitachi подписала соглашение с Texas Instruments о расширении своих знаний в области разработки 64- и 256-мегапиксельной оперативной памяти DRAM. Обе компании объединят свой опыт в области исследований и разработок для создания новых продуктов. Hitachi также заключила альянс с Motorola с целью снижения затрат на НИОКР и уменьшения рисков. Hitachi стремится получить стратегические преимущества от этих соглашений [2].

Специфическое знание - оно содержит базовые, основные неявные знания, характерные для данной организации, часто связанные с координирующей и нормативной сторонами, и определяет поведение и ценности организации. Пересмотр этих базовых знаний может изменить ценности компании. По сравнению с другими компаниями корпорация NEC находится в сильной позиции для получения информации о своих внутренних базовых ценностях (специфических знаниях). Например, в альянсе с AT&T компания NEC не только поставляла готовую продукцию и патенты, но и приобретала знания за счет человеческих ресурсов; NEC направляла человеческие ресурсы в другие компании (например, в лаборатории AT&T); NEC «переманивала» наиболее полезные человеческие ресурсы из других компаний; NEC также приобретала знания в ходе собственных исследований и разработок. При этом NEC училась тому, как можно генерировать знания в других странах. Американский подход к фундаментальным исследованиям был перенесен на японские компании. Таким образом, NEC приобрела материальные знания [2].

Однако недостаточно просто обладать знаниями. Как отмечает К. Далкир [12]: «Знаний много, но возможностей их использовать мало». Эффективное и действенное управление ими может повысить эффективность бизнеса и стать катализатором инноваций новых продуктов и услуг, что является ключом к процветанию и устойчивости бизнеса [17]. Аргумент о том, что «если знание - сила, тогда управление знаниями должно быть еще более мощным», отражает внутреннюю ценность управления знанием, преобразуя знания в «силу» или конкурентное преимущество компании, чтобы использовать эту власть для создания экономической и деловой ценности всего бизнеса компании.

В бизнесе существует два типа знаний: знания как фактор производства и знания как товар, поскольку знания могут быть объектом торговли:

Знания как фактор производства (knowledge as production factor) - знания можно рассматривать как нематериальный потенциальный фактор [18] наряду с креативностью, деловой репутацией, имиджем, умением решать проблемы или другими факторами, которые трудно измерить. Однако знания - это услуга, которую можно предложить, а также предоставление управленческих решений, создающих конкурентные преимущества [15].

Знания как товар (knowledge as product) - знания не только служат руководством и направлением организационного поведения, но и могут быть проданы. Например, профессиональные сервисные фирмы продают знания в сфере услуг. Например, фармацевтические компании владеют лицензиями и патентами на производство лекарств. Знания могут быть частью интеллектуальных, «умных» (smart), наукоемких товаров, которые затем можно рассматривать как среда знания (knowledge medium), как «замороженное знание» («frozen knowledge») [2, 18].

В нашем случае мы исходим из того, что знания и технологии являются товарами. Знания, будучи созданными, распространенными, институционализированными и примененными в цикле организационного обучения, могут быть «доработаны» (очищены) и «переупакованы» (перекомпонованы) и, таким образом, использованы для создания товаров и услуг, связанных с знаниями. С одной стороны, эти товары и услуги могут быть коммерциализованы, реализованы на рынке и распространены в окружающей среде. С другой стороны, они могут передаваться внутри организации как форма «официальной документации» и форма «проталкивания знаний». Особенно в крупных организациях знания выделяются (дистиллируются), обобщаются и затем передаются всем проектам или рабочим группам, занятым в одной и той же области деятельности. В компании Ernst & Young, например, такие знания называются «силовыми пакетами» (power packs).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что коммерциализованные знания - это

проявление инноваций, которое компания может успешно применить на рынке, предварительно превратив эти знания в инновационный продукт/услугу. Однако следует отметить, что чем более инновационным является продукт/услуга для покупателя (особенно с точки зрения маркетинга и в зависимости от стадии жизненного цикла продукта), тем больше трудностей может возникнуть с принятием этого продукта/услуги на рынке. Характеристики любого «нового» продукта/услуги (включая не только прямые инновации, но и новые детали и функции в существующих продуктах/услугах) должны соответствовать следующим инновационным характеристикам [20]:

1. Относительное преимущество - предельная выгода нового товара по сравнению со старым товаром. Например, преимущество мобильных телефонов воспринимается как большая свобода для пользователей. При этом по мере развития цифровых технологий они насыщаются новыми функциями (например, играми, доступом в Интернет, определением местоположения в пространстве, приемом/передачей изображений, музыкой) [2].

2. Релевантность (совместимость) - соответствие инновационного продукта приемлемым моделям поведения, нормам, ценностям и другим характеристикам, определяемым качественным составом покупателей на данном рынке. Например, было установлено, что мобильные телефоны (смартфоны) соответствуют большинству характеристик целевого рынка. Однако иногда инновационные характеристики мобильных телефонов могут противоречить поведенческим нормам пользователей (например, пользователи не всегда хотят, чтобы их положение в пространстве определялось другими людьми).

3. Сложность - степень сложности понимания покупателем использования инновационного продукта. Смартфоны, как и компьютеры (например, голосовое управление, использование символьных дисплеев), по своему устройству и рабочим функциям все больше приближаются к естественному языку.

4. Испытываемость (опробуемость) - степень экономического и социального риска, который создает в сознании покупателя использование инновационного продукта. Использование мобильных телефонов, несмотря на их расширенные возможности, становится все более доступным для рядового пользователя, что снижает степень экономического и социального риска для покупателя [2].

5. Коммуникабельность - преимущества инновационного продукта легко доносятся до покупателей. Например, преимущества смартфонов, несмотря на их инновационность, сразу же осознаются пользователями, и их число растет. Важным каналом коммуникабельности является передача информации об их преимуществах от существующих пользователей к потенциальным.

Таким образом, завершая краткий обзор подходов к определению знания в международном бизнесе, мы синтезируем наше определение знания: знание включает в себя все когнитивные ожидания – наблюдения, которые были многозначительно организованы, аккумулированы и реализованы на практике, что позволяет индивидуумам или организациям его использовать для интерпретации ситуаций и генерации действий, поведения или принятия решений вне зависимости от того, являются ли эти ожидания рациональными или намеренными [3].

Систематизируя подходы к определению и классификации знаний, можно выделить следующие основные ключевые элементы процесса управления знаниями (рис. 1):

1) создание (генерирование), идентификация и приобретение (сбор) организационных знаний (knowledge creation and capture);

2) совместное применение (использование) и преумножение знаний (knowledge sharing and enrichment);

3) хранение знаний, поиск и выдача информации (information storage and retrieval);

4) распределение (трансфер и распространение) знаний (knowledge dissemination). Систематизируя подходы к определению и классификации знания, можно выделить следующие основные ключевые элементы процесса управления знаниями (рис. 1):

1) создание (генерирование), идентификация и приобретение (сбор) организационных знаний (knowledge creation and capture);

2) совместное применение (использование) и приумножение знаний (knowledge sharing and enrichment);

3) хранение знаний, поиск и выдача информации (information storage and retrieval);

4) распределение (трансфер и распространение) знаний (knowledge dissemination).

Рис.1. Колесо процесса управления Знаний [21]

В зависимости от масштабов бизнеса, сложившейся организационной структуры и корпоративной культуры каждая компания выбирает ту или иную модель управления знаниями. В условиях развивающейся экономики знаний [1] конкурентоспособность компании определяется ее способностью создавать, обрабатывать, распространять и обмениваться знаниями и информацией как в микро-, так и в макросреде бизнеса, а также способностью защищать свои идеи от конкурентов. Таким образом, качественные изменения в экономике и ее структурах происходят на основе и за счет «новых знаний», причем между внедрением новых знаний и их появлением проходит достаточно времени. Для успешного внедрения нового знания необходимо правильно им управлять.

Существуют различные модели процесса управления знаниями, разработанные с разных точек зрения (например, для разных отраслей и разных видов бизнеса). Процесс управления знаниями следует рассматривать с целостной точки зрения как открытую, интегрированную систему, которая включает в себя ключевые элементы среды (корпоративная культура и информационные технологии).

Например, в условиях современного развития экономики (цифровизации) управлять знаниями современных компаний и поддерживать их высокую конкурентоспособность можно с помощью модели Х. Крмара и Дж. Рейхойзера (рис. 2). Эта модель включает каждый элемент системы управления знаниями (от приобретения и распознавания знаний до их использования) в единый процесс [19].

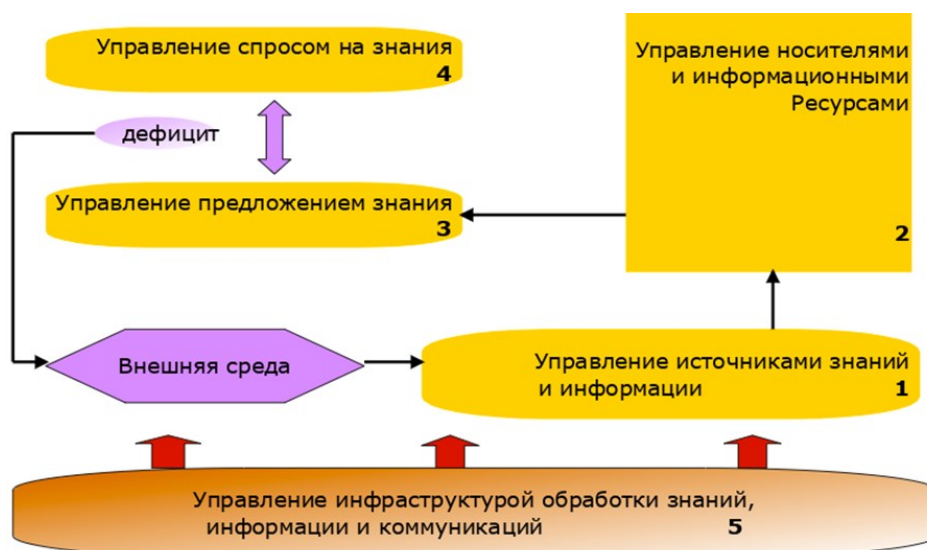

Рис.2. Модель Х. Крмара и Дж. Рейхойзера по управлению знаниями [6]

Согласно данной модели, процесс управления знанием состоит из 5 этапов.

Первый этап - управление источниками знаний и информации - предполагает взаимодействие предприятия с микро- и макросредой, распознавание и приобретение новой, ранее не использовавшейся информации. Получив информацию, предприятие интерпретирует ее и устанавливает логические связи с уже имеющимися знаниями и информацией. На втором этапе - управление носителями знаний и информационными ресурсами - происходит структурирование полученных знаний и определение их места в производственных или управленческих процессах предприятия.

В соответствии с нормами и правилами, принятыми на конкретном предприятии, представленная информация должна храниться, к ней должен быть обеспечен интеллектуальный и физический доступ. На третьем этапе - управление предложением знаний - на основе этих знаний создаются продукты и услуги. Для этого знания анализируются и модифицируются, т.е. подвергаются определенным процедурам для их адаптации к конкретным производственным ситуациям или к решению конкретных проблем предприятия. Четвертый этап - управление спросом на знания - позволяет потребителям знаний интерпретировать предложение знаний (товаров и услуг, основанных на знаниях) и устанавливать логические связи с собственными элементами знаний. Сопоставление спроса и предложения знаний позволяет выявить пробелы в знаниях предприятия. Пятый этап - управление инфраструктурой обработки знаний, информации и коммуникаций - аккумулирует решения всех предыдущих этапов.

Речь идет о внедрении новейших технологий обработки информации и информационного обмена, а также управленческих и мотивационных решений, способствующих обмену знаниями, опытом, наблюдениями и идеями между сотрудниками и подразделениями. Кроме рассмотренной модели, представим открытую интегрированную модель управления знаниями, также состоящую из 5 взаимосвязанных этапов (рис. 3).

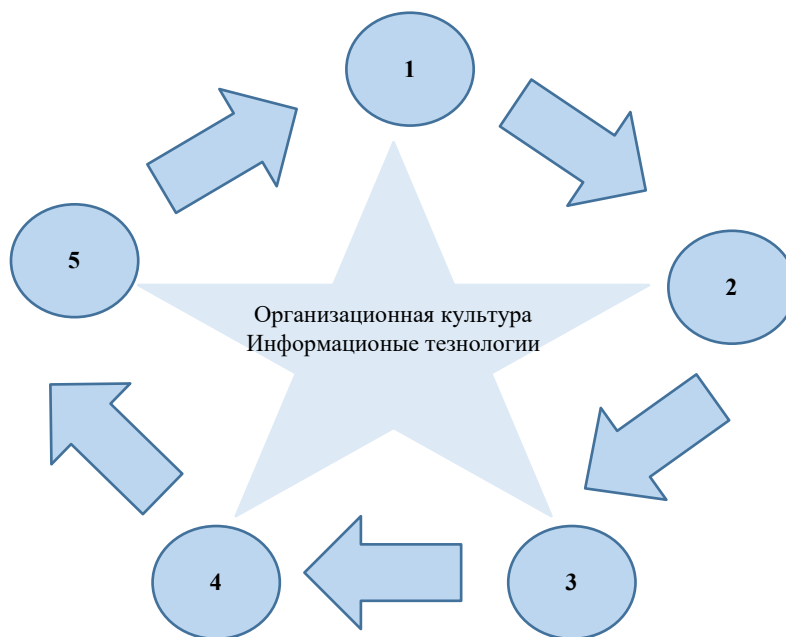

Рис.3. Открытая интегрированная модель управления знаниями [23]

Этап 1 - «Идентификация и приобретение знаний» - включает в себя определение того, какие знания нужны организации (правильные знания), поиск этих знаний (эксплуатация и исследование знаний) и приобретение знаний (внутри и/или за пределами организации).

Этап 2 - «Поддержание и организация знаний» - охватывает процессы анализа, классификации и хранения полученных знаний (где измерения знаний включают в себя маркетинговые знания, управленческие знания и финансовые знания), как правило, при поддержке информационных технологий.

Этап 3 - «Обмен, передача и распространение знаний». В то время как явные знания (в основном документы) можно легко сформулировать, разделить и распространить, сделать это сложнее и труднее для неявных знаний (которые находятся в сознании людей). Однако неявные знания (например, ноу-хау, понимание, интуиция, отношение и опыт) являются более

ценным компонентом гуманитарного капитала. Приобретение, совместное использование и распространение неявных знаний требует своего собственного набора конкретных знаний и навыков, и для организаций постоянно возникает проблема их приобретения, поддержания и развития.

Этап 4 – «Применение и реализация знаний» для создания ценностного преимущества для компании.

Этап 5 - «Повторное использование и разработка знаний» – аккумулирует в себе результаты четырех предыдущих этапов, что приводит к повторному использованию знаний (для лучших практик) и созданию (извлеченные уроки, появляются новые идеи и новые способы ведения дел, а также инновации на горизонте) новых усовершенствованных знаний.

Поскольку действия на каждом этапе взаимосвязаны друг с другом, то эффективность процесса и качество результатов на каждом этапе имеют решающее значение для каждого последующего этапа. Например, качество результатов этапа 1 «Идентификация и приобретение знаний» должно быть «правильным» знанием, прежде чем оно перейдет на этап 2 «Поддержание и организация знаний». В свою очередь, это правильное знание следует поддерживать и организовывать должным образом, чтобы оно могло обеспечить наибольшую ценность, когда оно входит в этап 3 «Обмен знаниями, передача и распространение», то есть предоставление правильных знаний нужному человеку в правильном месте и в нужное время. Кроме того, синергия между этими процессами также в значительной степени влияет на успех создания стоимости с помощью процессов управления знаниями. Наконец, независимо от того, рассматривается ли процесс управления знаниями комплексно или как набор процессов, общий результат во многом определяется средой управления, особенно организационной культурой и информационными технологиями.

Итак, подводя итог нашим размышлениям о роли знаний в передаче объектов интеллектуальной собственности, можно сказать, что знания редко покупаются и продаются в первоначальном смысле этого термина, характерном для определенных групп объектов интеллектуальной собственности. Исключение составляет процесс приобретения знаний в процессе обучения, но и в этом случае объектом купли-продажи являются не сами знания, а образовательная услуга. Объектом продажи в этом случае является товар или услуга, которые в первую очередь представляют собой решение, полученное с помощью знаний. Полезность знаний для покупателя зависит от полезности этих решений. Знание как экономическое благо имеет различные формы существования, как материальные, так и нематериальные. Субъективные знания - это индивидуальный ресурс, особое качество человеческого капитала, которое ценится на рынке труда. Объективированные знания проявляются в виде программных продуктов, промышленных образцов, завершенных научных разработок, технических решений и т.д. Как экономическое благо, знания могут обращаться как на товарных, так и на ресурсных рынках, и на них распространяется действие экономических законов, хотя и со специфическими особенностями.

Знания и интеллектуальный капитал являются ключевыми ресурсами для организаций, стремящихся получить конкурентное преимущество для создания стоимости и богатства в экономике знаний. Тем не менее, преобразование знаний в реальную «силу» (способность создавать ценность) и поддержание прибыльной отдачи от интеллектуальной собственности - сложные и трудные задачи для организаций. Изучив и проанализировав ключевые элементы интеллектуальной собственности с их тонкими взаимосвязями, встроенными в структуру интеллектуального капитала, и проработав процессы системы управления знаниями с их динамическими взаимодействиями между компонентами и этапами, предполагается, что важные созидательные связи существуют между знаниями, интеллектуальным капиталом и управлением знаниями, а также между элементами и компонентами интеллектуального капитала и управлением знаниями. Достижение цели компании по созданию конкурентной ценности определяется не только объемом интеллектуального капитала и знаний, но и интеллектуальной способностью компании управлять этими знаниями.

Литература

1. Бабинцева Н.С. *Мировая экономика*. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003
2. Бердина М.Ю., Бердин А.Э. *Международный франчайзинг: пути трансфера нематериальных активов бизнеса. Монография*. – Польша, IScience, 2019 // [https://sciencecentrum.pl/wp-content/uploads/2019/10/monograf%20Berdina%20\(web\).pdf](https://sciencecentrum.pl/wp-content/uploads/2019/10/monograf%20Berdina%20(web).pdf)
3. Бердина М.Ю., Бердин А.Э. *Специфика рынка объектов интеллектуальной собственности в международном бизнесе* // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2019. №3 (101)
4. Кауфман Н.Ю. *Трансформация управления знаниями в условиях развития цифровой экономики* //

- Journal of Creative Economy. Vol.3. 2018 (March), p.261-270/*
5. Климов С.М. Интеллектуальные ресурсы общества. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002, с. 40
 6. Паникарова С. В. Управление знаниями и интеллектуальным капиталом : [учеб. пособие] / С.В. Паникарова, М.В.Власов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 140 с.
 7. Сингер А. Гиперконкуренция // Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М.Желены. – СПб.: Питер, 2002.
 8. Слесарев Е.С. Воздействие международных альянсов на процесс создания организационного знания // Менеджмент в России и за рубежом, 1999, №4.
 9. Тузовский А.Ф., Чириков С.В., Ямпольский В.З. Системы управления знаниями (методы и технологии) / Под общ. ред. В.З. Ямпольского. – Томск: Изд-во НТЛ, 2005. – 260 с
 10. Applehans W., Globe A., Laugero G. *Managing knowledge: a practical web- based approach.* – Addison Wesley Professional, 1999. – 115 p.
 11. Drucker P. F. (2000). *The Ecological Vision, Reflections on the American Condition.* Transaction Publishers, New Brunswick and London.
 12. Dalkir, K. (2017). *Knowledge Management in Theory and Practice.* 3rd Edition, The MIT Press, London.
 13. *European Guide to good Practice in Knowledge Management, Part1: Knowledge Management Framework*, <ftp://cenfpl1.cenorm.be/PUBLIC/CWAs/e-Europe/KM/CWA14924-01-2004-Mar.pdf>
 14. Ezingcard, J.-N., Leigh, S., Chandler-Wilde, R. (2000): *Knowledge Management at Ernst&Young UK: Getting Value Through Knowledge Flows*, 2000, in: *Proceeding of the 21st International Conference on Information Systems – ICIS 2000, Brisbane (Queensland, AU), December, 10th–13th 2000, 807-816.*
 15. Grant, R.M. *Prospering in Dynamically-competitive Environments: Organizational Capability as Knowledge Integration.* – *Organization Science*, July-August 1996, vol. 7, №4, p. 375-387.
 16. Jashapara A. (2011), *Knowledge Management an Integrates Approach.* 2nd Edition, Pearson Education Limited, England
 17. Liu S. (2020). *Knowledge Management: An interdisciplinary approach for business decisions.* Kogan Page Limited, London
 18. Maier, R. *Knowledge management systems: information and communication technologies for knowledge management.* – Springer-Verlag Berlin, Heidelberg, 2002, p. 1.
 19. Mohajan H.K. *The Impact of Knowledge Management Models for the Development of Organizations // Journal of Environmental Treatment Techniques 2017, Volume 5, Issue 1, Pages: 12-33*
 20. Rogers, E.M. *Diffusion of Innovations.* 4th ed. – NY: The Free Press, 1995, 520 p.
 21. Schiuma, G. and Marr, B. *Managing Knowledge in e-Businesses: The Knowledge Audit Cycle. Profit with People,* Russell Publishing, London, in *Deloitte & Touche.* 2001.
 22. Zack, M.H. *Developing a Knowledge Strategy.* – *California Management Review*, 1999, Vol. 41, №3, p. 133f.
 23. Xi R. *Intellectual capital, knowledge, and knowledge management: exploring the value creation link // UBSS Publications.* 5.10.21. Issue 2, Article 9, <https://www.ubss.edu.au/articles/2021/october/intellectual-capital-knowledge-and-knowledge-management-exploring-the-value-creation-link/>

References:

1. Babinceva N.S. *Mirovaya ekonomika.* – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003
2. Berdina M.YU., Berdin A.E. *Mezhdunarodnyj franchajzing: puti transfera nematerial'nyh aktivov biznesa. Monografiya.* – Pol'sha, IScience, 2019 // [https://sciencecentrum.pl/wp-content/uploads/2019/10/monograf%20Berdina%20\(web\).pdf](https://sciencecentrum.pl/wp-content/uploads/2019/10/monograf%20Berdina%20(web).pdf)
3. Berdina M.YU., Berdin A.E. *Specifika rynka ob»ektov intellektual'noj sobstvennosti v mezhdunarodnom biznese // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki.* 2019. №3 (101)
4. Kaufman N.YU. *Transformaciya upravleniya znaniyami v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki // Journal of Creative Economy. Vol.3. 2018 (March), p.261-270/*
5. Klimov S.M. *Intellektual'nye resursy obshchestva.* – SPb.: IVESEP, Znanie, 2002, s. 40
6. Panikarova S. V. *Upravlenie znaniyami i intellektual'nym kapitalom : [ucheb. posobie] / S.V. Panikarova, M.V.Vlasov.* – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. – 140 s.
7. Singer A. *Giperkonkurenciya // Informacionnye tekhnologii v biznese / Pod red. M.ZHeleny.* – SPb.: Piter, 2002.
8. Slesarev E.S. *Vozdejstvie mezhdunarodnyh al'yansov na process sozdaniya organizacionnogo znaniya // Menedzhment v Rossii i za rubezhom,* 1999, №4.
9. Tuzovskij A.F., CHirikov S.V., Yampol'skij V.Z. *Sistemy upravleniya znaniyami (metody i tekhnologii) / Pod obshch. red. V.Z. Yampol'skogo.* – Tomsk: Izd-vo NTL, 2005. – 260 s
10. Applehans W., Globe A., Laugero G. *Managing knowledge: a practical web- based approach.* – Addison Wesley Professional, 1999. – 115 p.
11. Drucker P. F. (2000). *The Ecological Vision, Reflections on the American Condition.* Transaction Publishers, New Brunswick and London.
12. Dalkir, K. (2017). *Knowledge Management in Theory and Practice.* 3rd Edition, The MIT Press, London.
13. *European Guide to good Practice in Knowledge Management, Part1: Knowledge Management Framework*, <ftp://cenfpl1.cenorm.be/PUBLIC/CWAs/e-Europe/KM/CWA14924-01-2004-Mar.pdf>
14. Ezingcard, J.-N., Leigh, S., Chandler-Wilde, R. (2000): *Knowledge Management at Ernst&Young UK: Getting Value Through Knowledge Flows*, 2000, in: *Proceeding of the 21st International Conference on Information Systems – ICIS 2000, Brisbane (Queensland, AU), December, 10th–13th 2000, 807-816.*
15. Grant, R.M. *Prospering in Dynamically-competitive Environments: Organizational Capability as Knowledge Integration.* – *Organization Science*, July-August 1996, vol. 7, №4, r. 375-387.

16. Jashapara A. (2011), *Knowledge Management an Integrates Approach*. 2nd Edition, Pearson Education Limited, England
17. Liu S. (2020). *Knowledge Management: An interdisciplinary approach for business decisions*. Kogan Page Limited, London
18. Maier, R. *Knowledge management systems: information and communication technologies for knowledge management*. – Springer-Verlag Berlin, Heidelberg, 2002, p. 1.
19. Mohajan H.K. *The Impact of Knowledge Management Models for the Development of Organizations* // *Journal of Environmental Treatment Techniques* 2017, Volume 5, Issue 1, Pages: 12-33
20. Rogers, E.M. *Diffusion of Innovations*. 4th ed. – NY: The Free Press, 1995, 520 p.
21. Schiuma, G. and Marr, B. *Managing Knowledge in e-Businesses: The Knowledge Audit Cycle. Profit with People*, Russell Publishing, London, in *Deloitte & Touche*. 2001.
22. Zack, M.H. *Developing a Knowledge Strategy*. – *California Management Review*, 1999, Vol. 41, №3, r. 133f.
23. Xi R. *Intellectual capital, knowledge, and knowledge management: exploring the value creation link* // *UBSS Publications*. 5.10.21. Issue 2, Article 9, <https://www.ubss.edu.au/articles/2021/october/intellectual-capital-knowledge-and-knowledge-management-exploring-the-value-creation-link/>

УДК 314

ДОХОЛЯН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

д.э.н, проф., главный научный сотрудник,
заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни
Института социально-экономических проблем
народонаселения имени Н.В. Римашевской — обособленного
подразделения Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
(ИСЭПН ФНИСЦ РАН),
e-mail: sergsvd@mail.ru

ВЕРШИНИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

научный сотрудник, лаборатории проблем уровня и качества жизни
Института социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.В. Римашевской — обособленного подразделения Федерального
государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН),
e-mail: marieversh@gmail.com

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-120-128

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. *Цель статьи* заключается в развитии теоретико-прикладных положений качества жизни населения на региональном уровне. На основе учета дефиниций качества жизни, которыми оперируют отечественные и зарубежные ученые, предложено данную категорию понимать как индикатор степени обеспечения населения благами в количественной и качественной оценке, учитывающей условия среды и ее стабильности для длительного удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей. В результате исследования было выявлено отличие понятия качества жизни от других оценочных индикаторов жизнедеятельности человека, а именно: уровня жизни, благосостояния, человеческого и устойчивого развития. Качество жизни предполагает сочетание количественной и качественной оценки степени обеспечения благами и удовлетворения потребностей населения, учета условий среды и достижения ее стабильного состояния со свойствами резильентности. Систематизированы критерии оценки качества жизни, что позволило выделить специфику ее обеспечения на уровнях государства и регионов. Определены основные задачи политики обеспечения качества жизни населения в контексте создания среды возможностей — создание конкурентной среды в условиях глобальной мобильности, обеспечение стабильности, предоставление качественных социальных услуг и развитие социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: качество жизни населения, общество, потребности, политика обеспечения качества жизни, регион.

DOKHOLYAN SERGEY VLADIMIROVICH

Dr.Sc of Economics, Professor, Chief Researcher,
Head of the Laboratory of problems of the level and quality of life
Institute of Socio-Economic Problems of Population named after
N.V. Rimashevskaya — a separate subdivision of the Federal State

*Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNISTC RAS),
e-mail: sersgsvd@mail.ru*

VERSHININA MARIA ALEXANDROVNA

*Researcher, Laboratory of problems of the level and quality of life of the Institute of Socio-Economic Problems of Population named after N.V. Rimashevskaya — a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNISTC RAS),
e-mail: marieversh@gmail.com*

FEATURES OF QUALITY OF LIFE ASSESSMENT POPULATION AT THE REGIONAL LEVEL

***Abstract.** The purpose of the article is to develop theoretical and applied provisions of the quality of life of the population at the regional level. Based on the definitions of quality of life used by domestic and foreign scientists, it is proposed to understand this category as an indicator of the degree to which the population is provided with benefits in a quantitative and qualitative assessment, taking into account environmental conditions and its stability for long-term satisfaction of material, cultural and spiritual needs. As a result of the study, the difference between the concept of quality of life and other evaluative indicators of human activity was revealed, namely: standard of living, well-being, human and sustainable development. The quality of life involves a combination of quantitative and qualitative assessment of the degree of provision of benefits and satisfaction of the needs of the population, taking into account environmental conditions and achieving its stable condition with the properties of resistance. The criteria for assessing the quality of life are systematized, which made it possible to highlight the specifics of its provision at the levels of the state and regions. The main objectives of the policy of ensuring the quality of life of the population in the context of creating an environment of opportunity are defined — creating a competitive environment in conditions of global mobility, ensuring stability, providing high-quality social services and developing social infrastructure.*

***Keywords:** quality of life of the population, society, needs, quality of life policy, region.*

Постановка проблемы. В настоящее время активно развиваются концепции и теории, обосновывающие рост роли человека в экономических процессах. В результате все более распространенными являются категории уровня и качества жизни, благополучия и устойчивого развития. «Качество» в экономике рассматривается через призму прогресса и перехода от удовлетворения чисто материальных потребностей населения к высшим нематериальным целям. Понятие «качество жизни» начало использоваться в науке и практике с 60-х годов XX века. Сегодня это одна из самых популярных оценочных категорий. В то же время распространенность использования термина «качество жизни» привело к потере точности его определения, что сохраняет актуальность научных дискуссий по этому поводу.

Данное исследование развивает теоретико-прикладные положения качества жизни населения с выявлением специфики оценивания и обеспечения на различных пространственных уровнях. Процесс децентрализации в нашей стране актуализирует научные обоснования региональной политики обеспечения качества жизни населения, в связи с чем востребованными являются научные результаты по поводу роли регионов в данных процессах.

Статья обобщает выводы российских (Л.А. Беляева [2], И.В. Бестужева-Лада [3], Б.И. Герасимов [6], В.Н. Бобков [4], П.Б. Мстиславский [4]) и зарубежных (Дж.К. Гэлбрейт [5], Дж. Форрестер [8], П. Эбботт [9]) авторов по вопросам качества жизни.

Цель статьи заключается в развитии теоретико-прикладных положений качества жизни населения на региональном уровне.

Результаты исследования. Качество жизни является индикатором степени обеспечения населения благами в количественной и качественной оценке, учитывающей условия среды и ее стабильности для длительного удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей. В своей работе Л.А. Беляева указывает: «Качество жизни представляет собой бо-

лее широкий комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни, а также такие составляющие, которые относятся к экологической среде обитания, социальному благополучию, политическому климату, психологическому комфорту» [2].

Качество жизни является индикатором степени обеспечения населения благами в количественной и качественной оценке, учитывающей условия среды и ее стабильности для длительного удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей.

Термин «качество жизни» начал активно употребляться в западной науке и практике государственного регулирования примерно со второй половины XX века и на начальных этапах не имел определенного смысла и содержания. В этой связи М.Ю. Присяжный указывает: «Несмотря на активные разработки в этой сфере в трактовках понятия наблюдается большая пестрота и разноречивость» [7]. В России на уровне нормативно-правового регулирования качество жизни рассматривается как одна из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1].

Данная дефиниция конкретизирует подходы ведущих международных организаций к пониманию качества жизни: качество жизни как понятие благосостояния человека, измеряемое не количественными показателями дохода и производства, а социальными показателями [11]; качество жизни как восприятие человеком своей жизненной позиции в культурном и ценностном измерениях, в которых она находится, в связи с целями, ожиданиями, стандартами и проблемами [12]. Качество жизни позволяет измерить счастье, однако, как и в отношении уровня жизни, является относительным понятием для различных территорий и социально демографических групп [10]. Качество жизни в условиях его повышения обеспечивает человеческое развитие как концептуальный вектор прогрессивных изменений (рис. 1).

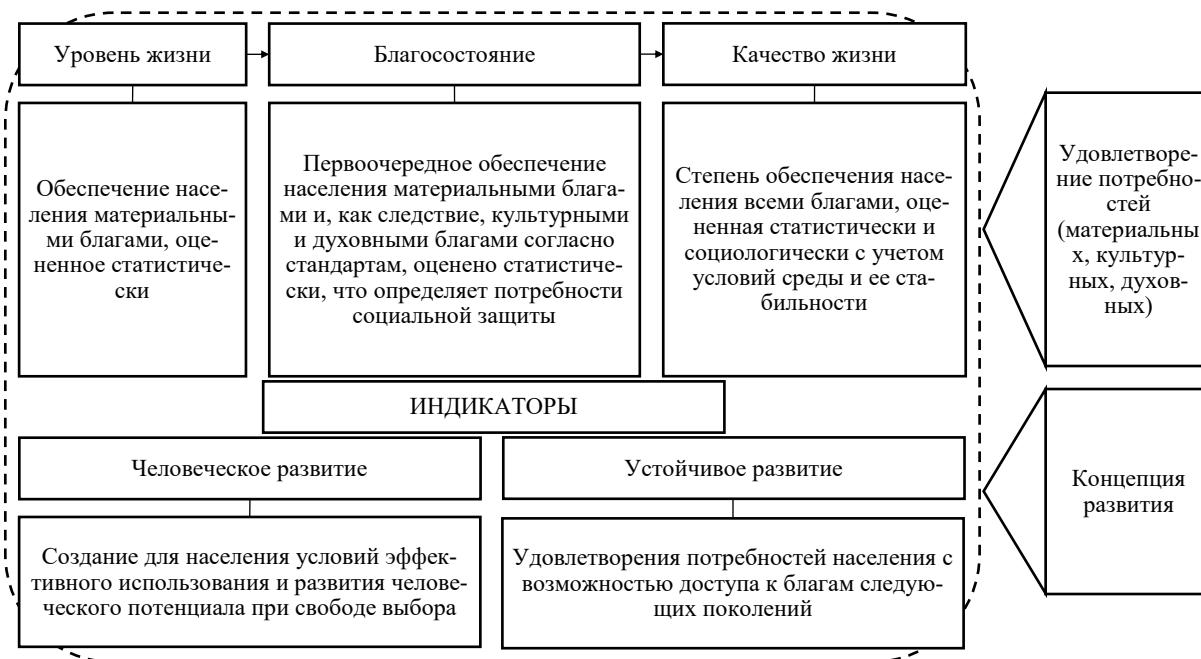

Рис. 1. Категория качества жизни среди других оценочных индикаторов жизнедеятельности человека

Источник: составлено автором на основе [2].

На представленном рисунке акцентируется внимание на том, что качество жизни и другие указанные составляющие являются индикаторами, оценка которых (как правило, интегральная) требует применения методов количественного и/или качественного анализа обеспечения населения благами.

Блага как средства удовлетворения потребностей человека могут быть индивидуальными и общественными. Потребности как осознанное выражение необходимости в чем-то для человека и общества могут приобретать материальные, культурные и духовные признаки. Удовлетворение потребностей субъективно и зависит от целей человека и его ценностей.

Принципиальными отличиями категории качества жизни от других индикаторов являются: – сочетание количественной и качественной оценки, то есть статистическая оценка степени

удовлетворения потребностей населения следует дополнять самооценкой степени обеспечения такими благами, детерминированную целями и ценностями;

– учет условий среды, определяющей наличие и возможности доступа к благам и обеспечение определенного материального уровня для удовлетворения культурных и духовных потребностей;

– достижение стабильного состояния среды жизнедеятельности человека со свойствами устойчивости.

Исследование качества жизни охватывает различные проблемные направления:

– качество жизни, связанное со здоровьем (определение состояния физического и психического здоровья, влияние состояния здоровья на качество жизни);

– качество трудовой жизни (определение перспективы и последствий занятости, соответствия квалификации как условия производительности труда и социальной сплоченности, создание надлежащих условий труда для квалифицированной рабочей силы);

– социальное качество (определение качества социального контекста повседневной жизни как результата диалектического соотношения между формированием коллективных идентичностей и самореализацией человека);

– с позиции экологии и окружающей среды (определение влияния состояния окружающей среды на качество жизни, сосуществование человека с естественной, социальной средой и средой обитания).

Качество трудовой жизни важно для обоснования затрат на поддержание высокой удовлетворенности сотрудников. То есть важность качества трудовой жизни заключается в поддержании комфортности рабочих мест и условий труда, а также конкурентоспособности организации. Как правило, под качеством трудовой жизни понимают удовлетворенность важных личных потребностей работника через трудовую деятельность в компании. Однако, к сожалению, многие из них уделяют недостаточно внимания трудовой жизни персонала, а как следствие, – недополучают прибыль.

Качество трудовой жизни, как метод управления компанией, направлено на проектирование и создание комфортной рабочей среды для работников всех уровней. Эта среда должна обеспечить не только более высокую удовлетворенность персонала, но и повышение экономической эффективности компании. Сотрудники компании – это ее интеллектуальный потенциал, который включает в себя опыт сотрудников, их ценности, организационные процессы и многое другое. Качество трудовой жизни влияет на полноту его реализации. Поэтому предприятия должны быть заинтересованы в повышении удовлетворенности персонала. Качество трудовой жизни связано не только со счастливыми сотрудниками, но и с лучшими бизнес-результатами. А они, в свою очередь, связаны с интеллектуальными возможностями сотрудников. Когда качество работы и жизнь стабильны, производительность обязательно возрастет.

Есть много факторов, которые влияют и определяют качество трудовой жизни. Но основные из них были определены с помощью опроса. Численность людей, участвовавших в опросе, – 120. Возрастная категория колеблется от 19 до 45 лет (от 19 до 25 лет – 57%, от 25 до 30 лет – 32%, от 30 до 45 лет – 11%), пол преимущественно женский (женщины – 67%, мужчины – 33%). Подавляющая часть участников опроса уже работают на предприятиях, а некоторые студенты проходили стажировку или совмещают работу и учебу (студенты, которые не работают, – 24%, студенты, которые совмещают работу и учебу, – 47%, работают – 25%, не работают – 4%). По результатам опроса [13] можно увидеть, что основными являются три фактора: характер работы, люди, уровень стресса.

Регулярная оценка качества трудовой жизни потенциально может предоставить организациям важную информацию о благополучии своих сотрудников, такую как удовлетворенность работой, общее самочувствие, стресс и многое другое.

Высокое качество трудовой жизни является не только сферой здравоохранения, но и предполагает реализацию комплексных стратегий благосостояния персонала. В таблице 1 представлены четыре уровня стратегий, которые компании чаще всего используют для улучшения трудовой жизни сотрудников на предприятии. Эти стратегии могут сочетаться (табл. 1). Пандемия в 2020 г. повлияла на разновидности программ развития качества трудовой жизни в большинстве организаций. Работодатели сосредоточились на обеспечении удаленной занятости и расширении программ страхования. Также распространены стратегии обеспечения безопасного пребывания сотрудников в офисе, в том числе: обеспечение работников средствами индивидуальной защиты (маски, перчатки, дезинфицирующие средства); закрытые столовые; финансовая компенсация за лечение от коронавируса, изменение параметров связи, на период карантина предоставление офисным работникам услуг такси (для тех, кто не мог работать до-

ма); улучшение условий работы в офисах (безопасность), введение дополнительных бонусов.

Условия труда в компании позволяют понять, что это за компания, поскольку отношение к сотрудникам поддерживает бренд работодателя. Большинству компаний, по проведенным исследованиям, удалось улучшить самочувствие сотрудников в 2020 г., и лишь 7% респондентов указали, что работодатели не достигли никакого результата.

Таблица 1

Уровни стратегий работодателей для повышения качества трудовой жизни

Уровень стратегии	Содержание стратегии
Уровень 1 «Здравоохранение»	Предупреждение несчастных случаев; снижение расходов на здравоохранение; обеспечение комфортных условий труда
Уровень 2 «Условия для личного совершенствования»	Мотивация и поддержка; комфортная рабочая среда; нормированный график работы; предоставление финансовой помощи; предоставление возможности для развития
Уровень 3 «Эффективность корпоративной стратегии»	Сосредоточенность на помощи людям; меры по повышению производительности персонала; справедливость оценки результатов работы работников
Уровень 4 «Общественное благо»	Общность интересов работодателя и работников; оценка эффективности программ развития качества трудовой жизни

Источник: разработано автором на основе [13].

Качество трудовой жизни – это уровень счастья и удовлетворенности сотрудников организации своей работой. С каждым годом вопрос качества трудовой жизни становится более важным, и у работников появляются новые требования к комфортной трудовой жизни как в офисе, так и вне его. Работники хотят получать удовольствие от работы. Поэтому организации начали сосредотачиваться на ментальном благополучии сотрудников. Продуманный график трудовой деятельности помогает сотрудникам сбалансировать работу и личную жизнь.

Сложность исследования качества жизни дополняет относительность ее анализа на различных пространственных уровнях:

– качество жизни на мировом уровне акцентирует на проблематике глобального неравенства и сохранения окружающей среды;

– качество жизни на уровне государства поднимает вопрос соответствия ресурсных возможностей и экономических результатов с отражением на субъективных оценках со стороны населения условий жизни при возможностях миграционной мобильности (табл. 1);

– качество жизни на уровне региона раскрывает его конкурентоспособность (трансграничную, внутреннюю межрегиональную) в создании благоприятных условий жизни населения при возможностях миграционной мобильности (табл. 2);

– качество жизни на уровне общины раскрывает ее конкурентоспособность (между сельскими и городскими) в поддержании благоприятных условий жизни населения за счет внутренних ресурсов и эффективного привлечения внешних;

– качество жизни на уровне домохозяйства определяет его способность адаптироваться к условиям окружающей среды, быть активным и удовлетворять потребности всех членов домохозяйства;

– качество жизни на уровне человека указывает на его деятельностную позицию по использованию возможностей среды в удовлетворении базовых потребностей и потребностей высшего порядка (собственных и других членов домохозяйства, к которому человек принадлежит) через доступ к благам и их продуцирование с целью самореализации, формирования родственных, профессиональных, общественно-политических отношений.

Специфику качества жизни на разных пространственных уровнях раскрывают ее критерии. Они являются основой для подбора показателей оценивания с сочетанием методов статистического и социологического анализа. Критерии качества жизни различных пространственных уровней очень тесно связаны между собой. Отдельные из них, в частности экологические и безопасности, сильно зависимы от внешних (глобальных) условий, обуславливая потребность межгосударственного сотрудничества на пути решения проблем.

Таблица 1

Критерии качества жизни на уровне государства

Сфера качества жизни	Составляющая обеспечения качества жизни			
	Наличие и доступность благ	Удовлетворение потребностей	Условия стабильности	Резильентность
Экология	Наличие природных ресурсов (природное богатство) и их истощенность	Экологическая ситуация	Экологическая ответственность, культура, сознание (власти, бизнеса, населения)	Характер использования ресурсов (ответственное, ограничительное, экстенсивное, хищническое и т.д.)
Здоровье	Национальная система здравоохранения	Стандарты предоставления медицинских услуг	Регулируемая эпидемиологическая ситуация	Общая демографическая ситуация (численность населения, ожидаемая продолжительность жизни и т. д.)
Экономика	Специализация экономики (ресурсная, производственная, услуги)	Производственная производительность. Прибыльность бизнеса	Концепция развития экономики (зеленая, инновационная, информационная, цифровая и др.)	Валютные резервы. Материальные резервы
Занятость	Экономическая активность, стандарты занятости (оплата труда, карьера, безопасность)	Справедливость в распределении доходов	Продуктивная занятость. Инновационные результаты труда	Высокая мобильность кадров (пространственная, профессиональная)
Социальная инфраструктура	Национальная сеть объектов согласно государственным стандартам	Пересмотр (повышение) государственных стандартов услуг	Бюджетное финансирование (поддержка и развитие)	Сочетание бюджетного и частного финансирования
Гражданская среда	Развитие гражданского общества (право, формы, опыт)	Национальная ментальность	Уверенность в будущем	Национальное единство и идейность
Безопасность	Оборона (военная, гражданская)	Политическая культура и эффективность	Международная и политическая стабильность	Законность и верховенство права

Источник: разработано автором на основе [2; 6].

Таблица 2

Критерии качества жизни на региональном уровне

Сфера качества жизни	Составляющая обеспечения качества жизни			
	Наличие и доступность благ	Удовлетворение потребностей	Условия стабильности	Резильентность
Экология	Антропогенная нагрузка на экосистемы	Экологические последствия	Экологический контроль	Восстановление экосистем (очистные сооружения, рекультивация и т.д.)
Здоровье	Региональная система здравоохранения	Инклюзивность среды	Продолжительность жизни и регулируемая заболеваемость	Развитие рекреационной сферы
Экономика	Структура экономики по соотношению производственной и непроизводственной сфер	Экономическое поведение населения (потребительское, инвестиционное)	Стратегия развития экономики (зеленая, инновационная, информационная, цифровая и др.)	Инвестиционная привлекательность
Занятость	Уровень, условия занятости	Соответствие стандартам, уровень бедности	Миграционная привлекательность	Нагрузка на трудоспособное население безработных, лиц пенсионного возраста
Социальная инфраструктура	Сеть объектов согласно региональной специфике	Качество услуг (образовательных, медицинских, транспортных, коммунальных, культурных и др.)	Обоснованное ценообразование на услуги с бюджетными компенсаторными механизмами	Привлечение внешних и мобилизация внутренних инвестиций в развитие
Гражданская среда	Публичность власти. Электронное управление	Общественно-политическая ситуация	Институциональное доверие	Общественная сплоченность
Безопасность	Критическая и виртуальная инфраструктура и их технологическая безопасность	Криминогенная среда и ситуация	Эффективность и авторитет правоохранительных органов	Социальная защищенность, правовая ответственность

Источник: разработано автором на основе [2; 6].

Категория качества жизни актуальна для современного общества возможностей в противовес идеологии патернализма. Рассмотрение качества жизни на уровне человека подчеркивает его индивидуальную ответственность в использовании условий среды в отношении занятости, организации быта, демографического воспроизводства, рекреации и т. п. Задача государства (региона, территориальной общины) при этом заключается в создании среды возможностей, характерными признаками которой являются:

- рыночная среда создания благ с эффективным использованием ресурсного потенциала (природного, демографического, знаниевого, информационного) – производства, предоставления услуг, труда, других видов деятельности;
- конкурентная среда в условиях глобальной мобильности – в борьбе за человеческие, финансовые, материальные, информационные ресурсы;
- условия стабильности – политической, макроэкономической, социальной безопасности;
- предоставление качественных социальных услуг – защиты (социального, правового), поддержки, профилактики, социального обслуживания;
- развитие социальной инфраструктуры с предоставлением качественных услуг образования, здравоохранения, культуры, торговли, транспорта, коммунального обслуживания и др.

Определенные признаки среды возможностей очерчивают задачи политики обеспечения качества жизни населения, реализуемую на уровне государства, региона и общины (табл. 3).

Таблица 3

Специфика обеспечения качества жизни населения на уровне государства и регионов

Специфика	Уровень государства	Уровень региона
Общий подход	Концепция государственной политики обеспечения качества жизни. Стратегия развития сфер качества жизни	Стратегия реализации и адаптации государственных приоритетов обеспечения качества жизни
Задача: мотивация рыночной среды к созданию благ	Создание и накопление общественных благ	Создание условий доступа к общественным благам, доступа и продуцирования индивидуальных благ
Задача: создание конкурентной среды в условиях глобальной мобильности	Учет глобальных процессов и межгосударственной конкуренции	Учет национальных процессов и межрегиональной конкуренции
Задача: обеспечение условий стабильности	Обеспечение экономического равенства и социальной справедливости независимо от места (региона, типа поселения) проживания и других социальных признаков (возрастных, национальных, религиозных и т.д.)	Обеспечение уважения и чувства достоинства населения независимо от места жительства и социальных признаков
Задачи: предоставление качественных социальных услуг	Регламентация перечня и государственных стандартов	Обеспечение функциональности инфраструктуры предоставления социальных услуг
Задачи: развитие социальной инфраструктуры с предоставлением качественных услуг	Строительство и модернизация национальной сети с включением в международную	Развитие и модернизация региональной сети с включением в национальную

Источник: разработано автором на основе [2; 6].

Региональный уровень обеспечения качества жизни определяет региональную политику в данной сфере. Одной из показательных особенностей регионального уровня является направление по созданию благ. Если на уровне государства ставится задача создания и накопления общественных благ (охрана общественного порядка, законодательство, развитие образования, обеспечение национальной безопасности, международные отношения и др.), то перед региональными властями стоят задачи по созданию условий доступа к таким благам и продуцирования индивидуальных благ. Это означает, что должна создаваться среда для индивидуального развития, связанная с благоприятными условиями ведения бизнеса и самозанятости, творчества, общественной активности. Следствием этого будет высокая самооценка населения в отношении условий удовлетворения потребностей высшего порядка и возможностей удовлетворения базовых потребностей благодаря активной жизненной стратегии.

Приоритетом региональной политики обеспечения качества жизни населения является учет условий межрегиональной конкуренции. В условиях развития инфраструктуры перемещений возрастает внутренняя мобильность населения, что сказывается на разрывах фактического

(зарегистрированного) места жительства и труда, обучения, потребления социальных услуг. Миграционные потери для региона представляют собой угрозу вымывания человеческого потенциала и экономического упадка вследствие неконтролируемой миграции. Среда возможностей региона должна быть на таком уровне, чтобы население с высоким мобильным потенциалом не принимало решения относительно безвозвратного выезда. Высокая миграция из региона ослабляет конкурентную среду на рынке труда, снижает потребительский спрос и, что основное, нивелирует положительные демоэкономические процессы.

Выводы. Следовательно, качество жизни является оценочной категорией, раскрывающей степень обеспечения населения благами и удовлетворения потребностей, подтвержденный количественно и качественно. При этом должны быть учтены условия среды и ее стабильности для длительного удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей. Оценка и обеспечение качества жизни населения на разных пространственных уровнях имеет свою специфику. Качество жизни населения региона определяется не только по субъективным оценкам, но и по сравнению со средним национальным показателем и показателями других регионов, в частности соседних и со схожими ресурсными характеристиками. Поэтому качество жизни населения региона в определенной степени является «вторичным» индикатором макротенденций. В то же время децентрализация власти усиливает роль регионов в процессах развития. При таких условиях региональная политика обеспечения качества жизни населения повышает свое значение и требует научного обоснования приоритетов, мер и инструментов согласно специфике конкретного региона.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/.
2. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – № 1. – 2009. – С. 33–42.
3. Бестужев Лада И.В. Современные концепции уровня, качества и образа жизни. – М.: – 1978.
4. Бобков В.Н., Мстиславский П.Б. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд. – 1996. – № 6.
5. Гэлбрейт Дж.К. Общество изобилия. – М., – 1968.
6. Герасимов Б.И. Управление качеством: введение в экономический анализ: метод. рекомендации. – Тамбов: Тамбов. гос. техн. ун-та, – 2000. – 56 с
7. Присяжный М.Ю. Понятие «качества жизни» в системе смежных понятий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных проблем. – 2011. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiekachestvo-zhizni-v-sisteme-smezhnyh-ponyatiy/viewer>.
8. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, – 1978. – 134 с.
9. Abbott P., Wallace C. Social Quality: A Way to Measure the Quality of Society. Social Indicators Research. – 2012. – Vol. 108. – Iss. 1. – P. 153–167.
10. Fontinelle A. Standard of Living vs. Quality of Life: What's the Difference? Investopedia. 21.07.2020. – URL: <https://www.investopedia.com/articles/financial-the-ory/08/standard-of-living-quality-of-life.asp>
11. Quality of life. Glossary of statistical terms: OECD. – URL: <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=2218>
12. WHOQOL: Measuring Quality of Life. – URL: <https://www.who.int/tools/whoqol>
13. Sabonete S. A., Lopes H. S. C., Rosado D. P., Dos Reis J. C. G. Quality of Work Life According to Walton's Model: Case Study of the Higher Institute of Defense Studies of Mozambique. Social Sciences. – 2021. – Vol. 10. – Iss. 7. – P. 244–258.

References:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. № 208 «O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». Konsul'tantPlyus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/.
2. Belyaeva L.A. Uroven' i kachestvo zhizni. Problemy izmereniya i interpretacii [Elektronnyj resurs] // Sociologicheskie issledovaniya. – № 1. – 2009. – S. 33–42.
3. Bestuzhev Lada I.V. Sovremennyye koncepcii urovnya, kachestva i obraza zhizni. – M.: – 1978.
4. Bobkov V.N., Mstislavskij P.B. Kachestvo zhizni: sushchnost' i pokazateli // CHelovek i trud. – 1996. – № 6.
5. Gelbrejt Dzh.K. Obshchestvo izobiliya. – M., – 1968.
6. Gerasimov B.I. Upravlenie kachestvom: vvedenie v ekonomicheskij analiz: metod. rekomendacii. – Tambov: Tambov. gos. tekhn. un-ta, – 2000. – 56 s
7. Prisyazhnyj M.YU. Ponyatie «kachestva zhizni» v sisteme smezhnyh ponyatij // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh problem. – 2011. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiekachestvo-zhizni-v-sisteme-smezhnyh-ponyatiy/viewer>.
8. Forrester Dzh. Mirovaya dinamika. – M.: Nauka, – 1978. – 134 s.
9. Abbott R., Wallace S. Social Quality: A Way to Measure the Quality of Society. Social Indicators Research. –

2012. – Vol. 108. – Iss. 1. – P. 153–167.

10. Fontinelle A. *Standard of Living vs. Quality of Life: What's the Difference?* Investopedia. 21.07.2020. – URL: <https://www.investopedia.com/articles/financial-the-ory/08/standard-of-living-quality-of-life.asp>

11. *Quality of life. Glossary of statistical terms: OECD.* – URL: <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=2218>

12. WHOQOL: *Measuring Quality of Life.* – URL: <https://www.who.int/tools/whoqol>

13. Sabonete S. A., Lopes H. S. C., Rosado D. P., Dos Reis J. C. G. *Quality of Work Life According to Walton's Model: Case Study of the Higher Institute of Defense Studies of Mozambique. Social Sciences.* – 2021. – Vol. 10. – Iss. 7. – P. 244–258.

УДК 314

АБДУЛМАНАПОВ ПИРМАГОМЕД ГАБИБУЛЛАЕВИЧ

к.э.н., старший научный сотрудник, Институт
социально-экономических исследований, ДФИЦ РАН»,
Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала,
e-mail: raha77@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-129-136

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. *Целью исследования* является оценка существующих теоретических подходов к исследованию демографических процессов с точки зрения их полезности в формировании корпуса теоретических утверждений, необходимого для обеспечения интерпретационной основы описательных результатов демографического поведения, а также поиск теоретических элементов и разработок в других социальных и поведенческих дисциплинах. В исследовании используется дедуктивный подход — формирование общей теоретической структуры на основе явных поведенческих предпосылок, которые можно использовать в качестве концептуального ориентира для модели исследования и интерпретации наблюдений. Рассмотрены и оценены основные теоретические подходы к изучению поведения человека в рамках демографии, и представлены их сильные и слабые стороны. В обзоре последовательно выделяются Мальтузианская теория, теория перехода, биологические подходы, микроэкономические теории, социально-психологические теории, теория диффузии и культуроструктурные подходы. **Результаты** этой оценки указывают на то, что многие дисциплинарные точки зрения не соответствуют уровню развития теории в их соответствующих науках. Однако социально-психологические и институциональные подходы, а также биологические модели промежуточных детерминант, считаются ценными, хотя их вклад является недостаточным в формировании целостной структуры теории рождаемости. Для того, чтобы рассматривать демографические явления и демографические изменения в перспективе, необходимы теоретико-поведенческие предпосылки, допускающие их адекватную интерпретацию. Такие предпосылки необходимы для ответа на самый фундаментальный вопрос научных усилий: почему? В этом аспекте актуальными становятся исследования, предоставляющие интерпретационную основу демографического поведения.

Ключевые слова: демографическая теория, демографическое поведение, репродуктивное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение.

ABDULMANAPOV PIRMACOMED GABIBULLAYEVICH

Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Institute
of Socio-Economic Research, DFC RAS,
Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala,
e-mail: raha77@mail.ru

THEORETICAL DEMOGRAPHY: FORMATION, BASIC APPROACHES AND CURRENT STATE

Abstract. *The aim of the study* is to evaluate existing theoretical approaches to the study of demographic processes in terms of their usefulness in forming a body of theoretical statements necessary to provide an interpretative basis for descriptive results of demographic behavior, as well as to search for theoretical elements and developments in other social and behavioral disciplines. The study uses a deductive approach — the formation of a general theoretical structure based on explicit behavioral assumptions that can be used as a conceptual guideline for the research model and interpretation of observations. The main theoretical approaches to the study of human behavior within the framework of demography are considered and evaluated, and their strengths and weaknesses are presented. The review consistently highlights Malthusian theory, transition theory,

biological approaches, microeconomic theories, socio-psychological theories, diffusion theory and cultural structural approaches. The results of this assessment indicate that many disciplinary points of view do not correspond to the level of theory development in their respective sciences. However, socio-psychological and institutional approaches, as well as biological models of intermediate determinants, are considered valuable, although their contribution is insufficient in shaping the holistic structure of fertility theory. In order to consider demographic phenomena and demographic changes in perspective, theoretical and behavioral prerequisites are necessary that allow for their adequate interpretation. Such prerequisites are necessary to answer the most fundamental question of scientific efforts: why? In this aspect, studies providing an interpretative basis for demographic behavior are becoming relevant.

Keywords: demographic theory, demographic behavior, reproductive behavior, self-preservation behavior, migration behavior.

Введение

Многих исследователей в области воспроизводства населения беспокоит состояние демографической теории. В то время как эмпирических данных существует множество, а анализ может опираться на значительный набор передовых статистических методов, соответствующая теоретическая основа интерпретации часто оказывается неадекватной. Отсутствие надежной концептуализации препятствует накоплению фундаментального и полезного понимания демографических процессов. Соответственно, плохие результаты в разработке эффективных мер стимулирования рождаемости и сохранения здоровья в значительной степени объясняются недостатком связи с соответствующей теоретической базой.

Цель исследования - оценка существующих теоретических подходов к исследованию демографических процессов с точки зрения их полезности в деле формирования корпуса теоретических утверждений, необходимого для обеспечения интерпретационной основы описательных результатов демографического поведения, а также поиск теоретических элементов и разработок в других социальных и поведенческих дисциплинах.

Предметом исследования является современное состояние демографической теории, в большей степени, касающееся рождаемости.

В исследовании используется дедуктивный подход – формирование общей теоретической структуры на основе явных поведенческих предпосылок, которые можно использовать в качестве концептуального ориентира для модели исследования и интерпретации наблюдений.

Мальтузианская теория

Мальтус впервые всесторонне рассмотрел понятие населения, подчиненного общим законам, регулирующим факторы его увеличения и уменьшения. Мысли Томаса Мальтуса ушли корнями в политические, экономические, социальные и моральные проблемы своего времени. Ядро его первого «Очерка о принципе народонаселения», опубликованного в 1798 г., состоит в идее, что способность человеческих популяций к воспроизводству неограниченна и пропорциональна геометрической пропорции, в то время как способность производить средства к существованию обязательно ограничено и увеличивается в лучшем случае арифметически.

Мальтус рассматривал глобальную систему населения, которая по своей природе склонна к расширению. Его вера в то, что население и средства к существованию увеличиваются в разных пропорциях, подразумевала, что население будет расти там, где увеличивается производство продуктов питания, но в конечном итоге оно столкнется с уровнем, при котором больше нельзя будет поддерживать жизнь людей, а любое избыточное население умирает от голода. Основное решение, которое Мальтус видел в деле ограничения количества детей, заключалось в том, чтобы отсрочить брак или вообще воздержаться от брака.

История доказала, что некоторые первоначальные предположения мальтузианской теории населения были слишком простыми или неверными. Одно из основных направлений атаки касается предположения Мальтуса о возможности увеличения сельскохозяйственного производства. Еще одним недостатком мальтузианского рассуждения является его неспособность отличить способность популяций к увеличению от их склонности к этому. Более фундаментальное опровержение идеи Мальтуса о том, что население всегда стремится к пределам, установленным средствами к существованию, вытекает из наблюдаемого в настоящее время близ-

кого к нулю или ниже нуля прироста населения в большинстве высокоразвитых стран.

Пытаясь обнаружить основные законы народонаселения, Мальтус мало обращал внимания на роль индивидуального поведения. Там, где люди попадают в поле зрения, они разрываются между влечением к противоположному полу, навязанным обществом контролем над рождаемостью и голодом. Нет никакой основы для понимания человеческих стратегий и соображений в отношении фертильности или для объяснения большого разнообразия моделей воспроизводства в рамках сходных ограничений окружающей среды. Кроме того, мало возможностей для разработки социального, экономического, культурного и политического контекста, помимо проверки рождаемости и уровня средств к существованию. Следовательно, мальтузианскую теорию нельзя считать подходящей концептуальной основой для понимания рождаемости или практических рекомендаций демографических программ.

Теория демографического перехода

Явление снижения рождаемости в целом, как в прошлом, так и в настоящем, озадачило демографов и социологов и побудило их искать закономерности, лежащие в основе изменений рождаемости. Возникшая в результате теория демографического перехода стала ведущей точкой зрения в социальной демографии. Фактически, поскольку теория обеспечила основу для научного изучения рождаемости, ее можно рассматривать как демографическую парадигму в том смысле, что другие концепции в демографии имеют дело с частью общего объяснения обычно наблюдаемой тенденции от высокой к низкой рождаемости [18]. Теория имеет некоторую общую привлекательность из-за глобальной перспективы, которую она обеспечивает.

Процесс демографического перехода протекает в ходе модернизации и экономического развития от ситуации, характеризующейся высокой смертностью и высокой рождаемостью, к ситуации, где смертность и рождаемость низки, через стадию с отставанием в снижении смертности и снижении рождаемости. Классическое представление демографического перехода, как, например, набросал Нотестейн, утверждало, что «смертность снизилась после промышленной революции, которая принесла материальные изменения в смысле сельскохозяйственных инноваций, улучшения связи, повышения производительности и улучшения состояния здоровья» [14].

Понятие демографического перехода встретило существенную критику, и даже среди его сторонников. Слабость концепции заключается в «...трудности определения точного порога модернизации, который позволит надежно определить население, в котором рождаемость готова упасть...» [3]. Последовательность снижения смертности и рождаемости, которую предполагала теория демографического перехода, также подвергалась сомнению.

В исторической перспективе Франция является классическим примером анализа, противоречащего идее о том, что снижение смертности предшествовало снижению рождаемости. Еще одна слабость теории демографического перехода, общая с великой традицией эволюционизма, – это иногда предполагаемое различие между традиционными и современными людьми. В некоторых случаях представление о человеке, населяющем допереходные общества (исторические общества, современные развивающиеся страны), производится в терминах пассивных рецепторов культуры и нормативных правил, а населяющих постпереходные общества (современные, западные страны) – как активных и независимых лиц, принимающих решения [6].

Хотя некоторые формулировки в рамках господствующей теории демографического перехода пытаются спуститься на индивидуальный уровень, концепция в основном остается на макроуровне и никогда не включает микроосновы социальной теории.

Биологические особенности репродуктивного поведения

Несмотря на то, что рождаемость в решающей степени связана с социальной и культурной средой и зависит от многих индивидуальных факторов, в основном это биологический феномен, который включает плодovitость, зачатие, беременность, внутриутробную смертность и рождение. Луи Генри определил концепцию естественной фертильности как рождаемость, которая существовала в отсутствие преднамеренного контроля с помощью абортот или противозачаточных методов, подразумевая, что репродуктивное поведение не зависит от количества уже рожденных у пары детей. В этих условиях воспроизводство определяется биологическими факторами. Слабость концепции естественной фертильности заключается в том, что не всегда легко установить, является ли поведение социальным или определяется индивидуально, и учитываются ли соображения контроля над рождаемостью или нет.

Концепция естественной рождаемости развивалась с течением времени и нашла свою куль-

минацию в модели ближайших детерминант, разработанной Бонгаартсом [2]. Ранее Дэвис и Блейк внесли конструктивный вклад в разработку аналитической основы промежуточных детерминант фертильности, которые влияли на зачатие и успешные роды. «Это привело к простой модели для анализа того, как рождаемость меняется с течением времени или отличается от одной группы к другой: любой уровень рождаемости в популяции всегда можно проследить по вариациям одного или нескольких из следующих детерминант: доля женщин репродуктивного возраста, состоящих в браке; использование и эффективность контрацепции; искусственный аборт; послеродовая неоплодотворяемость; частота половых актов; наступление стойкого бесплодия; спонтанная внутриутробная смертность» [4].

Ценность этой интеграции в том, что рождаемость рассматривается не как результат одного единственного решения, а как возможные комбинированные эффекты многочисленных решений в отношении поведенческих непосредственных детерминант, таких как брак и развод, использование противозачаточных средств, аборт, частота и характер половых контактов и практика грудного вскармливания. Эта переформулировка представляет собой средство повышения актуальности концепции индивидуального выбора для ситуаций в условиях естественного плодородия.

Модель Бонгаартса, даже в ее переформулировке на индивидуальном уровне, не уделяет внимания роли индивидуумов и поведенческим процессам, которые вовлечены, кроме того факта, что она объясняет, в какой степени рождаемость подвержена поведенческому влиянию или в какой степени она подчиняется биологическим законам [2]. Совершенно не упоминаются аспекты потребностей, мотивации, ожиданий, адаптации и работы социальных и культурных институтов, которые определяют спрос на детей и контроль над рождаемостью.

Микроэкономические теории

Теории рождаемости, исходящие из микроэкономической перспективы, предполагают, что решения, касающиеся деторождения, аналогичны более обычному потребительскому выбору, поскольку обеспокоены последствиями дефицита. Харви Лейбенштейн можно назвать родоначальником представления о том, что количество детей является результатом индивидуального принятия решений в экономическом контексте доходов и цен. Этот микроэкономический подход включает не только традиционные переменные дохода и цен, но также качество детей и бюджетные ограничения с точки зрения распределения времени и альтернативных издержек. «С учетом этих переменных предполагается, что домохозяйства приобретают набор потребительских товаров (среди которых дети) в соответствии с максимизацией полезности для домохозяйства» [9].

Модель связывает решения о рождаемости с другими решениями домохозяйств, включая участие в рабочей силе и потребление. Дети могут рассматриваться с точки зрения издержек, таких как фактические расходы и упущенные возможности, и выгод, поскольку они могут внести вклад в производственные функции домохозяйства, которые могут, например, обеспечивать безопасность в старости, эмоциональное поощрение или дополнительный доход домохозяйства.

Экономический подход к рождаемости был оспорен по нескольким причинам. Частично замечания касаются игнорирования большинством экономистов социальной, культурной и политической среды принятия решений. Выбор рассматривается как действие изолированных индивидуумов, и мало внимания уделяется рассмотрению того, как на содержание и процесс выбора влияет социальная структура окружающей среды, культурные смыслообразующие системы, сети или институты [8; 13].

Экономисты, представляющие ведущее направление исследований в области демографии, действительно верят, что люди действуют, руководствуясь набором целей, но обычно объясняют это бессодержательной концепцией максимизации полезности. «Они ничего не говорят о лежащей в основе структуре предпочтений, которая считается стабильной во времени и одинаковой для всех людей, и делают выводы о предпочтениях людей на основе реально наблюдаемого поведения, которое, как предполагается, строго зависит от ситуационных ограничений» [16]. Другие дисциплины, занимающиеся объяснением человеческого поведения, отвергают ситуационный детерминизм и утверждают, что ограничения - это только часть дела. По их мнению, поведение в значительной степени зависит от убеждений людей и от их построения целей и значения ситуации.

»Микроэкономические подходы к изучению рождаемости лучше всего определяются с точки зрения методологии, применяемой к изучению поведения» [17]. Эта методология основывается на утверждении, что основная проблема людей состоит в том, чтобы распределять

ограниченные ресурсы так, чтобы наилучшим образом удовлетворить свои желания, и, следовательно, на принятии концепции выбора. В то время как такая точка зрения на принятие решений является чрезвычайно ценной и универсально применимой отправной точкой для оценки микроуровневых основ репродуктивного поведения, экономическая разработка выбора не особенно подходит в качестве общей теории индивидуального поведения, особенно если основной целью является понимание механизмов формирования поведения.

Воздержание от любого мотивационного содержания представляет собой фундаментальный барьер для полного понимания поведения рождаемости и изменения рождаемости. Помимо игнорирования процессов, присущих самому выбору, существующие микроэкономические модели рождаемости недостаточно отражают динамику на протяжении всей жизни, связанную с принятием решений. Наконец, экономические подходы неполны в том смысле, что они игнорируют контекст, в котором действуют лица, принимающие решения, по крайней мере, поскольку этот контекст не может быть выражен в экономических терминах.

Социально-психологические теории

»По сравнению с влиянием экономики, социологии, антропологии и биологии вклад психологии в демографическую теорию весьма ограничен» [12]. Однако совмещение демографии и психологии привело к возникновению двух основных теоретических подходов: подхода ценности детей и применения психологических моделей «ценности-ожидания».

Первую линию мысли можно проследить до появления точки зрения Маслоу на мотивацию. Взяв это за основу, Хоффман построил концептуальную схему, изображающую способ, которым дети могут способствовать удовлетворению ряда материальных, социальных и внутренних потребностей. «В соответствии с этой структурой мотивация деторождения зависит от оценки этих удовлетворений и экономических и неэкономических затрат на детей» [7]. Связанная с этим воспринимаемая ценность детей выступает в качестве промежуточной переменной в объяснении взаимосвязи между социально-экономическими, культурными и гендерными аспектами и поведением в отношении рождаемости. Эта структура была разработана и введена в действие в рамках проекта «Ценность детей» в начале и середине семидесятых годов Джеймсом Фосеттом.

Модели «ожидание-ценность» и, в частности, модель обоснованного действия Фишбейна-Айзена [5] были введены в демографию, в области рождаемости, использования противозачаточных средств и женского рынка труда. Модель Фишбейна-Айзена утверждает, что «намерение выполнить определенное поведение является надежным индикатором выполнения этого поведения» [5]. В свою очередь, это намерение может быть оценено путем измерения убеждений о последствиях поведения и оценки этих последствий, с одной стороны, и восприятия мнений других в сочетании с важностью, приписываемой этим мнениям, с другой.

Преимущество модели заключается в том, что она в определенной степени учитывает влияние социальной среды, включая нормативный компонент с точки зрения мнения значимых других. В отличие от подхода ценности детей, эти модели установок не формулируют априори набор целей, связанных с поведением в отношении рождаемости. Они также не ставят универсальных целей для человеческого поведения, как общие потребности Маслоу. Хотя психологические теории принятия решений разделяют этот бессодержательный характер с микроэкономическими подходами, они эмпирически ищут мотивационные аспекты вместо того, чтобы полагаться на бессодержательную концепцию максимизации полезности.

Культура, структура и социальная организация

Корпус теории рождаемости охватывает ряд интерпретаций и подходов, которые сосредоточены на структурном уровне общества: культуре, институтах или социальной организации. Считается, что культура представляет собой разделяемые и передаваемые из поколения в поколение убеждения и оценки о мире и месте людей в нем. «Предполагается, что роль культуры в изменении рождаемости заключается, в частности, в этой особенности передачи ценностей и информации внутри культурно идентифицируемой группы» [10]. Связь между культурой как системой идей или значений и социальной организацией заключается в том общем порядке, который они обеспечивают для определения социальных отношений и оценки индивидуального поведения.

В демографии можно выделить несколько широких направлений размышлений о довольно неувловимых концепциях культуры и социальной структуры. Единственным направлением мысли, которое может претендовать на статус «демографической теории», и пока единственным, которое может концептуально соперничать с традиционной теорией перехода (особенно

в условиях современных менее развитых стран), является теория потоков богатства Колдуэлла. Теория утверждает, что уровень рождаемости в первую очередь определяется направлением потока доходов - потоками между родителями и детьми, которые включают в себя все настоящие и ожидаемые блага на протяжении всей жизни. Результатом этого экономического обоснования является либо максимальная, либо нулевая рождаемость, но это регулируется влиянием личных, социальных и физиологических причин. Руководящим принципом, лежащим в основе направления межпоколенческих потоков богатства, является социальная организация общества и, в частности, семейные структуры.

Другое направление мысли касается института семьи. Здесь семья является прежде всего результатом крупномасштабных исторических социально-экономических и культурных процессов, а не исключительным фокусом демографических изменений. Эта традиция наиболее ярко выражена в работах Лестеге. «Суть его работы лучше всего выражается его вниманием к анализу первых двух предпосылок Коула для демографического перехода: во-первых, само обсуждение плюсов и минусов дополнительных детей в семье должно быть приемлемой формой поведения, а во-вторых, предполагаемые социальные и экономические обстоятельства должны сделать снижение рождаемости преимуществом для отдельных пар» [3].

»Чтобы прийти к снижению уровня рождаемости, должна существовать благоприятная среда, придающая значение или идеальная среда, чтобы направлять предпочтения и соображения, которые обеспечивают легитимность индивидуального контроля над рождаемостью, а также желательность меньших размеров семьи» [10]. В этом отношении подход Лестеге к идее и социальной организации представляет собой серьезную модификацию классического понятия демографического перехода.

Новым направлением интерпретации является институциональный анализ рождаемости. Этот подход можно рассматривать как реакцию на теорию демографического перехода. В то время как классическая теория перехода искала общие процессы и фокусировалась на макроуровне и социально-экономических аспектах, новый институциональный подход ищет ситуационную и зависящую от пути специфику и чувствителен к культурным интерпретациям и взаимодействию между структурой и агентством.

Ведущими демографами в этой области отвергается возможность общих схем изменения рождаемости: «Не существует единого демографического перехода, вызванного силами, общими для всех мест и всех времен. Скорее, существует множество демографических переходов, каждый из которых обусловлен комбинацией сил, которые в какой-то степени являются институционально, культурно и временно специфичными» [6].

Рассматривая социальные институты как социальную конструкцию, можно обеспечить ощутимое открытие для психологических и экономических соображений выбора и, таким образом, уникальную возможность сократить разрыв между макро- и микроподходами. Институциональный подход находит понимание рождаемости, по крайней мере, частично, в исторической эволюции специфической смеси институтов: он рассматривает их как эволюционирующие процессы, которые зависят не только от текущих обстоятельств, но и, что особенно важно, от их прошлого.

Заключение

Большинство теоретических подходов, применяемых при изучении демографических процессов, делают упор либо на макро-, либо на микроперспективы (рис. 1). Мальтузианские подходы наиболее ясно выражают интерес на макроуровне. Их внимание сосредоточено на развитии населения и его связи с производством продуктов питания или, в более широком аспекте, с ресурсами окружающей среды.

Наряду с подходами макроуровня следует отнести и теорию демографического перехода, хотя включение большого количества дополнительных теоретических понятий размывает эту картину. В классической формулировке страны описывались переменными макроуровня, прежде всего социально-экономическими. Индивиды появлялись в картине только в той мере, в какой они реагировали на изменение стимулов и возможностей, сопровождавших развитие этих социальных переменных.

Социально-биологические подходы занимают дистантную позицию в своей ориентации на микро- и макроуровни изучения. Версия Дэвиса и Блейка четко определяет промежуточные переменные рождаемости в социологическом подходе, делая упор на объяснение рождаемости с макроперспективы. В этом отношении они фактически относятся к селекции культурно-структурных подходов. Модель Бонгаарта практически лишена какой-либо социальной или теоретико-поведенческой основы. Его цель состоит исключительно в объяснении рождаемо-

сти на уровне популяции, но входные данные модели состоят из агрегированных индивидуальных данных и понимания биологических принципов (на микроуровне).

Микроэкономические и психологические теории представляют другой конец микро-макроспектра. Ни экономический, ни психологический подходы (насколько они появились в демографической мысли) не подходят для представления роли социального контекста. Их основной вклад заключается в теоретических взглядах на индивидуальное поведение как основу демографических явлений и, в частности, в разработке концепций выбора и мотивации: люди должны распределять ограниченные ресурсы по множеству предметов; их решения можно интерпретировать с точки зрения мотивации; наличие детей занимает позицию в этой перспективе мотивированного выбора, представляя ряд затрат и выгод. Такие предположения способствуют фундаментальному пониманию поведения человека в отношении фертильности, хотя ни в коем случае не дают достаточного понимания.

Рис. 1. Основные теоретические подходы к исследованию демографических процессов.

Демографическая наука нуждается в теоретических основаниях. Для того, чтобы рассматривать демографические явления и демографические изменения в перспективе, необходимы предпосылки, позволяющие их адекватно интерпретировать. Такие предпосылки необходимы для ответа на самый фундаментальный вопрос научных усилий: почему? В этом аспекте актуальными становятся исследования, предоставляющие интерпретационную основу демографического поведения.

Литература

1. Becker, S. 1993 *The determinants of adolescent fertility with special reference to biological variables*. In: Gray, R., Leridon, H. and Spira, A.: *Biomedical and demographic determinants of reproduction*. Clarendon Press, Oxford, pp. 21-49.
2. Bongaarts, J. 1978 *A framework for analyzing the proximate determinants of fertility*. *Population and Development Review*, Vol. 4, No. 1, pp. 105-132.
3. Coale, A. 1973 *The demographic transition reconsidered*. In: *IUSSP International Population Conference, Liège 1973, Vol. 1*. IUSSP, Liège, Belgium, pp. 53-72.
4. Davis, K. and Blake, J. 1956 *Social structure and fertility: an analytical framework*. *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 4, No. 4, pp. 211-235.
5. Fishbein, M. and Ajzen, I. 1975 *Belief, attitude, intention and behaviour: an introduction to theory and research*. Addison-Wesley, Reading (Mass.).
6. Greenhalgh, S. 1995 *Anthropology theorizes reproduction: integrating practice, political economic, and feminist perspectives*. In: Greenhalgh, S.: *Situating fertility. Anthropology and demographic inquiry*. Cambridge University Press, Cambridge, pp. 3-28
7. Huffman, S.L. 1984 *Determinants of breastfeeding in developing countries: overview and policy implications*. *Studies in Family Planning*, Vol. 15, No. 4, pp. 170-183.
8. Langlois, R.N. 1986a *Economics as a process. Essays in the new institutional economics*. Cambridge University Press, Cambridge.
9. Leibenstein, H.A. 1957 *Economic backwardness and economic growth: studies in the theory of economic development*. John Wiley, New York.
10. Lesthaeghe, R.J. (ed.) 1989d *Reproduction and social organization in sub-Saharan Africa*. University of

California Press, Berkeley.

11. Malthus, T.R. 1976 *An essay on the principle of population*. P. Appleman). Norton & Company, New York.
12. McNicoll, G. 1994 *Institutional analysis of fertility*. Working Paper No. 62, The Population Council, New York.
13. North, D.C. 1994 *Economic performance through time*. *American Economic Review*, Vol. 84, No. 3, pp. 359-368.
14. Notestein, F. 1945 *Population: the long view*. In: Schultz, T.W.: *Food for the world*. Chicago University Press, Chicago, pp. 36-57.
15. Retherford, R.D. and Palmore, J.A. 1983 *Diffusion processes affecting fertility regulation*. In: Bulatao, R.A. and Lee, R.D.: *Determinants of fertility in developing countries: a summary of knowledge*, Vol. 2. Academic Press, New York, pp. 295-339
16. Stigler, G.J. and Becker, G.S. 1977 *De gustibus non est disputandum*. *American Economic Review*, Vol. 67, No. 2, pp. 76-90/
17. Stiglitz, J.E. 1991 *Another century of economic science*. *The Economic Journal*, Vol. 101, pp. 134-141.
18. Van de Kaa, D.J. 1996 *Anchored narratives: the story and findings of half a century of research into the determinants of fertility*.

References:

1. Becker, S. 1993 *The determinants of adolescent fertility with special reference to biological variables*. In: Gray, R., Leridon, H. and Spira, A.: *Biomedical and demographic determinants of reproduction*. Clarendon Press, Oxford, pp. 21-49.
2. Bongaarts, J. 1978 *A framework for analyzing the proximate determinants of fertility*. *Population and Development Review*, Vol. 4, No. 1, pp. 105-132.
3. Coale, A. 1973 *The demographic transition reconsidered*. In: IUSSP International Population Conference, Liège 1973, Vol. 1. IUSSP, Liège, Belgium, pp. 53-72.
4. Davis, K. and Blake, J. 1956 *Social structure and fertility: an analytical framework*. *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 4, No. 4, pp. 211-235.
5. Fishbein, M. and Ajzen, I. 1975 *Belief, attitude, intention and behaviour: an introduction to theory and research*. Addison-Wesley, Reading (Mass.).
6. Greenhalgh, S. 1995 *Anthropology theorizes reproduction: integrating practice, political economic, and feminist perspectives*. In: Greenhalgh, S.: *Situating fertility*. Anthropology and demographic inquiry. Cambridge University Press, Cambridge, pp. 3-28
7. Huffman, S.L. 1984 *Determinants of breastfeeding in developing countries: overview and policy implications*. *Studies in Family Planning*, Vol. 15, No. 4, pp. 170-183.
8. Langlois, R.N. 1986a *Economics as a process*. *Essays in the new institutional economics*. Cambridge University Press, Cambridge.
9. Leibenstein, H.A. 1957 *Economic backwardness and economic growth: studies in the theory of economic development*. John Wiley, New York.
10. Lesthaeghe, R.J. (ed.) 1989d *Reproduction and social organization in sub-Saharan Africa*. University of California Press, Berkeley.
11. Malthus, T.R. 1976 *An essay on the principle of population*. P. Appleman). Norton & Company, New York.
12. McNicoll, G. 1994 *Institutional analysis of fertility*. Working Paper No. 62, The Population Council, New York.
13. North, D.C. 1994 *Economic performance through time*. *American Economic Review*, Vol. 84, No. 3, pp. 359-368.
14. Notestein, F. 1945 *Population: the long view*. In: Schultz, T.W.: *Food for the world*. Chicago University Press, Chicago, pp. 36-57.
15. Retherford, R.D. and Palmore, J.A. 1983 *Diffusion processes affecting fertility regulation*. In: Bulatao, R.A. and Lee, R.D.: *Determinants of fertility in developing countries: a summary of knowledge*, Vol. 2. Academic Press, New York, pp. 295-339
16. Stigler, G.J. and Becker, G.S. 1977 *De gustibus non est disputandum*. *American Economic Review*, Vol. 67, No. 2, pp. 76-90/
17. Stiglitz, J.E. 1991 *Another century of economic science*. *The Economic Journal*, Vol. 101, pp. 134-141.
18. Van de Kaa, D.J. 1996 *Anchored narratives: the story and findings of half a century of research into the determinants of fertility*.

УДК 930.2.

КУРБАНОВ МАГОМЕДЗАГИР ЮСУПОВИЧ

к.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории,
археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия,
e-mail: kurbanov57@yandex.ru

ГИМБАТОВ ШАМИЛЬ МАГОМЕДОВИЧ

к.э.н., ведущий научный сотрудник,
Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: gimba@list.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-137-143

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ ДАРГИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

Аннотация. Целью работы является анализ причин и факторов трудовой миграции даргинцев в Ставропольский край на протяжении XX века до сегодняшнего дня. В ходе исследования нами использованы общенаучные методы и приемы. Исходной теоретической базой исследования явились работы дагестанских и ставропольских авторов в области изучения проблем дагестанского переселения на Ставрополье. Выявлены причины и факторы трудовой миграции, ее динамика и прослежена динамика нарастания конфликтов в сфере землепользования с течением времени, начиная с ее заострения в 80-х годах XX века и до наших дней. Речь идет о жилищных и территориальных потерях даргинцев. Результаты проведенного исследования могут использоваться в работе региональных органов управления при разработке и реализации программ сохранения межэтнического согласия людей за пределами Дагестана.

Ключевые слова: безземелье, перенаселенность, безработица, трудовая миграция, овцеводство, Ставропольский край.

KURBANOV MAGOMEDZAGIR YUSUPOVICH

Ph.D. in Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: kurbanov57@yandex.ru

GIMBATOV SHAMIL MAGOMEDOVICH

Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of
Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia,
e-mail: gimba@list.ru

SOCIAL CAUSES AND FACTORS OF MIGRATION OF THE DARGINSKY POPULATION TO THE STAVROPOL TERRITORY

Abstract. The purpose of the work is to analyze the causes and factors of labor migration of Dargins to the Stavropol Territory during the twentieth century to the present day. In the course of the research, we used general scientific methods and techniques. The initial theoretical basis of the study was the work of Dagestani and Stavropol authors in the field of studying the problems of Dagestani resettlement in Stavropol. The causes and factors of labor migration are identified, its dynamics and the dynamics of the increase in conflicts in the field of land use over time, starting with its sharpening in the 80s of the twentieth century and up to the present day. We are talking about housing and territorial losses of Dargins. The results of the conducted research can be used in the work of regional government bodies in the development and implementation of programs for the preservation of interethnic harmony of people outside Dagestan.

Keywords: landlessness, overpopulation, unemployment, labor migration, sheep farming, Stavropol Territory.

Введение. Этническая миграция, как часть миграционного процесса на протяжении XX и начала XXI веков, вызывается целым комплексом взаимосвязанных факторов в исторических судьбах народов, с политическими и этнодемографическими процессами на постсоветском пространстве. Исходя из такого понимания сути этнической миграции, мы можем отнести Дагестан к этой категории, так как на протяжении XX-начала XXI веков он являлся регионом-донором миграции для Ставрополья, откуда уехало десятки тысяч человек. Основной причиной такой миграции была относительно большая плотность населения в горной зоне республики и невозможность его рационального трудоустройства, в то время как в Ставропольском крае ощущался недостаток трудовых резервов. Следовательно, актуальным и полезным является конкретное изучение причин и факторов переселения даргинцев в Ставропольский край, их социальной и этнокультурной адаптации, а также трансформации в новых условиях.

Из всех дагестанских народов, проживающих в Ставропольском крае, наиболее весомо представлены даргинцы, их численность составляет 11,7% [1]. Но стоит отметить, что статистика не всегда отражает реальную существующую картину. По мнению Ю.Ю. Карпова, в 1959 году в Ставропольском крае проживало 748 даргинцев, в 2002 году официально их там было более 40 тысяч человек, а в 2008 году, по оценочным данным, их численность составляла 78 тысяч человек [2]. В городах краевого подчинения даргинцы фактически отсутствуют или составляют 0,1-0,3% от общего населения. Повышенный удельный вес даргинцев фиксируется в основном в Александровском и Грачевском районах, где их численность превышает на 0,1-0,2%. Остальные даргинцы расселены в сельской местности по всему Ставропольскому краю, где они заняты в животноводстве, а в городах - в строительстве, торговле и различных сферах образования.

Реальная картина расселения даргинцев в статистических справках фигурирует по месту постоянного жительства в селах и не учитывает даргинцев, живущих на живущих на «чабанских точках». По ориентировочным подсчетам, в Ставропольском крае проживает около 80 тысяч даргинцев [3].

Основная часть

1. Факторы развития процессов переселения даргинцев на равнину

1.1. Малоземелье

И литературные источники, и все информаторы (независимо от этнической принадлежности) в общем едины в объяснении причин миграции даргинцев из основного ареала на Ставрополье.

Один из главных факторов – нехватка земельных ресурсов в районах обитания дагестанских этносов, и в частности, даргинцев. При том, что на каждого жителя приходилось около трех гектаров, но большинство земель оказываются в итоге непригодными для использования в земледелии и сельскохозяйственной деятельности. Если сельскохозяйственные угодья составляли 3 млн гектаров из общей площади 5 млн. 30 тыс. гектаров, то посевная площадь составляла около 450 тыс. гектаров, т.е. менее 1/10 части ее. В горных районах обрабатывали около ¼ части общей площади земли, в высокогорной зоне - 1/20 часть [4]. Малоземельем больше всего страдали такие округа, как Андийский, где на одно хозяйство в среднем приходилось 0,6 дес. посевов, Даргинский – 0,6 дес., Гунибский – 1,1 дес. посевов, в равнине Дагестана было 67% пашни, 74% всех пастбищ, в то время как население составляло менее 1/3 всей республики [5].

Видимо, большую роль в этом сыграли недостаток земель и особенности общинного землепользования. Подобная ситуация еще большей степени можно отнести к высокогорной зоне Акушинского и Дахадаевского районов. Так, М.О. Османов пишет: «в селении Харбук Дахадаевского района почти 80% жителей совсем не имели земли и скота, а хозяйств, которые могли прожить на доходы от земледелия и животноводства, было примерно 5%» [6]. Трудные условия жизни были причиной поиска средств для выживания, одним из которых стало отходничество в поисках новой сферы приложения своего труда за пределами региона.

1.2. Плановое переселение горцев на равнину

Исторически производство на горных территориях всегда было развито слабее, чем на равнине. Но при этом в Дагестане не наблюдалось массового переселения горцев в равнинные зоны региона. Об этом свидетельствуют данные Всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 году: «численность даргинского населения составила 40 155 человек, они проживали по округам: Темир-Хан-Шурином – 12 796 человек, Гунибском – 873 человека, Казикумухском – 4 344 человека и Кайтаго-Табасаранском – 22 142 человека» [7]. В городах Да-

гестана по переписи 1897 года даргинцев не числится.

В советский период начался процесс планового переселения горцев на равнину. Для улучшения условий жизни горского населения животноводческим горным колхозам «было выделено 1,5 млн. га сельхозугодий (в т. ч. 137 тыс. га пашни) 21 горным районам» [8]. В дальнейшем этот процесс, набирая темпы, продолжался. Наиболее ярко эти процессы прослеживаются в местах планового заселения в Дербентском, Каякентском и Кизлярском районах. В результате постоянного притока мигрантов в эти районы территории из относительно моноэтнических превратились в полиэтнические анклавные. Оценивая последствия отчуждения земель горным районам, А. И. Османов весьма деликатно отметил, что «такое массовое отторжение земель районных районов от первоначальных планов, создает немало проблем для жителей этих районов» [8]. В начале 1990-х годов социально-экономический кризис, обусловленный распадом СССР, вызвал новую волну переселенцев среднего и молодого возрастов, особенно в города Дагестана. На этом фоне обострились социально-экономические проблемы для различных этнических групп, таких как кумыки, ногайцы, русские, включая терских казаков и азербайджанцев.

Перемещение с гор на равнину в условиях планово-административной системы во многом проходило в обстановке ухудшения обрабатываемых земель, что в конечном итоге привело к плачевному положению в горном землепользовании, что в конечном итоге привело и к просчетам в коллективизации горного сельского хозяйства. Особенно они проявились в наиболее высокогорных селениях. Это привело к тому, что порядка 100 тыс. га (42%) пашни было выведено из сельхоз оборота [4].

Местные жители восприняли такие перемещения как нарушение их традиционного образа жизни. Статистические данные показывают, что в результате осуществляемой миграционной политики, площадь земель сельскохозяйственного назначения у равнинного населения на 2/3. Кроме того, некоторые кумыкские населенные пункты превратились в «многонациональные» [9], что привело в 90-е годы XX века к различного рода межнациональным конфликтам и привело к переселению даргинцев за пределы региона.

2. Основные направления миграции даргинцев

2.1. Активное развитие овцеводства

В соответствии с политикой рационального обеспечения трудовыми ресурсами сопредельных регионов стало трудовой миграцией трудоспособного населения из Дагестана на: Ставрополье, Калмыкию и Ростовскую область.

Именно отгонное животноводство, исторически сложившаяся система ведения овцеводства, занимает особое место в социально-экономическом развитии Республики Дагестан. Оно базируется на сезонном использовании зимних и летних пастбищ для выпаса скота.

В этих условиях большое значение имело решение правительства РСФСР о возвращении в состав Дагестана Хасавюртовского округа и присоединении Кизлярского и Ачикулакского округов. Это увеличило фонд удобных земель республики более чем наполовину. Место с этим решался вопрос о закреплении за хозяйствами пастбищ на равнине: из 1,6 млн. га равнинных земельных угодий свыше половины было передано колхозам нагорья под зимние пастбища [10].

Это привело массовому отгону скота на равнинные пастбища. Дагестан, который «по количеству овец и коз на душу населения, занимает первое место в Российской Федерации» [11]. Через десять лет чрезвычайно затруднительным стал перегон овец с гор на равнину, так как равнинные села всячески препятствовали отчуждению земли под выпасные участки.

В этих условиях (на рубеже 1950-х гг.), с учетом такого состояния сельского хозяйства в овцеводстве, большое внимание уделялось увеличению земельных фондов. Центральным комитетом Коммунистической партии Советского Союза и Советом Министров было принято решение о выделении земельных участков в северной низменности в пределах Ногайского (851,5 тысячи гектаров), Тарумовского (280,1 тысяча гектаров) и Кизлярского (304,8 тысячи гектаров) районов республики, а также республики Калмыкия и Ставропольского края. Площадь отгонных пастбищ (на тот период составила 61,4 тыс. Га) в Ставропольском крае, которые были переданы 24 колхозам в Дагестане, включая районы Дахадаевский, Буйнакский, Каякентский и Кулинский. [12]. Кроме того, в дополнение к постановлению Совета Министров РСФСР от 5 июня 1954 года №871 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли и Кизлярские пастбища Совет министров РСФСР принял постановление №532 от 16 апреля 1955 года «Об устранении чересполосицы и других недостатков в

землепользовании на сезонных пастбищах госфонда «Черные земли и Кизлярские пастбища».

2.3. Переселение даргинцев в Ставропольский край

Причинами, вынуждающими даргинцев переезжать в Ставропольский край, являются: с одной стороны, спросом на них Ставропольских коллективных хозяйств в качестве овцеводов, конкретно чабанов, а с другой – избыточными трудовыми ресурсами со стороны горцев. Исследователь демографических процессов на Северном Кавказе В. С. Белозеров отмечает, что «такое миграционное поведение в то время было весьма нетипичным для народов Дагестана: по всей видимости, психологическую брешь в традиционной оседлости... пробили компенсационные переселения...» [13]. Со своей стороны отметим, такие провалы в миграционной политике оказывали большое влияние на изменение стереотипов поведения благоустройства условий жизни сельских жителей. Еще в довоенный период (что отмечалось выше), а затем более массово в 1950-1960-е годы массовое переселение даргинцев, вследствие чего возникший самовольный уход колхозников на заработки в другие регионы страны приводил к конкретным условиям и предпосылкам более устойчивому оседлому образу жизни даргинцев на закрепленных территориях отгонного животноводства в Ставропольском крае.

В Ставропольском крае не хватало сельскохозяйственных работников среди коренных жителей для выполнения плана, отпущенным государством по производству мяса и шерсти. В Ставрополье не хватало чабанов и рабочих, обслуживающих животноводство.

Учитывая роль овцеводства в Дагестане, руководство Азгирского, Левакумского, Георгиевского, Буденовского районов Ставропольского края обратилось за помощью к соседнему региону, для обеспечения их надлежащими трудовыми ресурсами. Горцам были обещаны высокие заработные платы, собственное жилье и другие социальные гарантии.

Приглашение приняли многие потомственные овцеводы из даргинских районов Дагестана, таких как Акушинский, Дахадаевский и Левашинский [14]. По мнению М. Борисова, именно Никита Сергеевич Хрущев обратил внимание на создание и развитие тонкорунного овцеводства в стране, учитывая схожесть природно-климатических условий с австралийскими, что в итоге создало благоприятные обстоятельства миграции даргинского населения на Ставрополье [15]. Даргинцы уже в 1950-х годах обозначились, а в 60-70-х приобрели большой размах миграции сельского населения в города. В пределах же сельской местности отток трудоспособного населения животноводства (прежде всего, из овцеводства) был трудоемким. Овцеводческие хозяйства, фермы, чабанские «точки» (кошары, кутаны) испытывали постоянную, во многих случаях физическую нужду в рабочей силе. Но в условиях плановой экономики они не могли быть ликвидированы – это означало бы ослабление важнейшей отрасли животноводства Ставрополья и Калмыкии. В результате началась активная миграция в Ставрополье дагестанских чабанов, и спустя некоторое время миграция даргинцев стала необратимой, приобретя вполне определенное главное направление – Ставропольский край. Мы полагаем, что относительно высокая миграция еще обусловлена тем, что, например, земли отгонного животноводства хозяйств даргинских районов оказались расположены в северной зоне республики, а также за пределами республики. Примером является «Бакресская зона» Ставропольского края, в которой сконцентрировались даргинцы. «Приходится отметить, – пишет В.С. Белозеров, что большая активность позволила им трудоустроиться, закрепиться и основательно укрепиться в этих районах» [13].

3. Возникновение социально-экономических и этнонациональных проблем на рубеже 20-го века

3.1. Экономические проблемы и развитие безработицы в Дагестане.

Дагестан переживает сейчас один из сложных периодов в своей послевоенной истории, который характеризуется В. А. Тишковым «спадом производства, простоями на предприятиях, напряженной структурой и ее глубокой деформации за годы перестройки и рыночных реформ, не в состоянии выйти из экономического кризиса за счет собственных усилий» [16]. По словам А.К. Алиева, «90-е годы XX века средний дагестанец может приобрести продуктов в 10,6 раза меньше среднего москвича и 2,6 раза меньше, чем средний краснодарец» [17].

Очевидную проблему представляют безработица, снижение уровня жизни на фоне захвата мятежниками здания Дома Правительства и выдвижение требования создания исламской республики (1998 г.), августовская ситуация 1999 г., а затем в Дагестане. На этом фоне в середине 1990-х гг. резко усилилась внешняя миграция из Дагестана, выезжали и коренные дагестанцы, которые не находили должного применения своим способностям и ориентированные на социальный лифт, который им не могли предложить в Дагестане. С другой стороны,

из республики выезжали квалифицированные рабочие, которые не могут трудоустроиться в Дагестане, в поисках высокооплачиваемой работы. Негативные последствия этого процесса, к сожалению, не прогнозируются. Ускорение этого процесса можно смело прогнозировать из-за усиления нестабильности в Республике Дагестан. По статистическим данным, «около 15% трудоспособных даргинцев из Дахадаевского и Кайтагского выезжают в города республики и за пределы; работают они бригадами по 3-4 человек, осуществляют работы от фундамента и сдают «под ключ»» [11].

3.2. Возникновение этносоциальных проблем связанных с развитием миграционных процессов

Анализ этнических аспектов современных миграционных процессов в Дагестане показывает, что происходит существенное уменьшение численности и доли русских, украинцев, евреев. Специфика миграционных процессов в Дагестане состоит в том, что с середины 1990-х годов из республики выехали около 50 тыс. русских, украинцев, евреев, армян, татар [18]. Массовый отток из Дагестана русского населения имел в своей основе не экономический, «был вызван дискриминацией, правовой и социальной незащищенностью, а порой и угрозой их родных» [19]. Имели место факты рэкета в жилищной сфере, когда русских заставляли за бесценок продавать все нажитое и уезжать.

Это привело отъезд русских из Дагестана в Астраханскую область, Ставропольский край - ст. Марьинская, г. Георгиевск, г. Ессентуки, Арзирский, Минераловодский, Буденовский районы и др., Краснодарский край - г. Армавир и район, Тимашовский район и др., Ростовская область - г. Сальск, г. Азов, г. Аксай и их сельские районы [20].

Ответной реакцией стали принятые в 1990-е гг. Ставропольской краевой думой и правительством края постановления, которые касались переселенцев из Чечни и Республики Дагестан. Представитель правительства Дагестана в Ставропольском крае А. Омаров писал в 1994 году в дагестанской прессе, что отношение дагестанцам со стороны казачества и местных властей неадекватное и упоминал подворные обходы казаков в станицах Изобильского района с требованиями к нерусским жителям в трехдневный срок покинуть край.

Наблюдается тенденция проведения четкой политики, в рамках которой создается образ «чужого» в лице представителей даргинской народности, проживающей в Ставропольском крае. Зачастую идут на нарушения законодательства РФ, захватывают кошары и дома, где проживают чабаны и их дети. По мнению представителя Дагестана в Ставропольском крае А. Омарова, казаки повторно обходят Изобильский район с требованиями к нерусским жителям в трехдневный срок покинуть край.

Такое отношение к нашим землякам, кроме прочего, отражается на экономике Ставропольского края. «Недавно в Москву и Ставрополь от рабочих хозяйства «Красный Маныч» Туркменского района ушло коллективное письмо, которое, кстати, подписали и дагестанцы, и русские», сообщает председатель дагестанского культурного центра Туркменского района Биалал Курбанов. В письме отмечается, что нынешний руководитель хозяйства Григорий Грищенко умудрился уничтожить мощнейшую оросительную систему, из-за его недалеких действий не была создана достаточная кормовая база, поэтому только за один год пали 230 коров, 27000 овец» [14].

Эти причины и безработица, расширяющаяся с каждым годом, вынуждают выезжать в регионы, где высок спрос на рабочую силу.

Заключение

Вся совокупность проанализированных нами фактов говорит о том, что власти Республики Дагестан и Ставропольского края не обладают объективной информацией о ситуации и не планируют стабилизационных мероприятий социально-экономического характера.

Текущая ситуация требует повышенного внимания к управлению национальными отношениями как на региональном, так и на федеральном уровне. Важной задачей социально-экономической политики должна стать формирование концепции этнической толерантности и содействия развитию межкультурного диалога между мигрантами и коренным населением в регионах совместного проживания, при сохранении уникальных культурно-этнических особенностей. Для этой цели важно создать этнические и миротворческие советы, в том числе в Ставропольском крае, в которых могли бы участвовать представители советов старейшин. Их участие в подготовке и проведении важных общественных мероприятий на краевом, региональном и федеральном уровнях поможет улучшить качество жизни и регулировать миграционные процессы.

Литература

1. Кореньяко В. А. Дагестанцы в Ставропольском Крае / В. А. Кореньяко // Научная мысль Кавказа. – 1998. – № 4. – С. 66.
2. Карпов Ю. Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX начале XX века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы / Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2011. – 337 с.
3. М.М Ш. Миграция и особенности межэтнического общения в республике Дагестан (конец XX- начало XXI века)// Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион / Ш. М.М // Общественные науки. – 2009. – № 3. – С. 33.
4. Статистический сборник : Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50 летию образования. – Махачкала, 1965.
5. Дагестанский сборник : Статистический обзор за 1903 г. – Темир-Хан-Шура, 1904. – Вып. II.
6. Гаджиева С. Ш. Материальная культура даргинцев / С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашиева. – Махачкала : Дагест. филиал АН СССР, 1967. – 300 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г // Т. – 1905. – Т. 62. СПб. – С. 1.
8. Османов А. И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в / А. И. Османов. – Махачкала, 2000.
9. Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям / Ю. Ю. Карпов // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: ответственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. – 2010. – С. 402.
10. История Дагестана. Т. Т.IV. – 1969. – 18-19 с.
11. Мудуев Ш. С. Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков / Ш. С. Мудуев. – Махачкала : Б.И, 2003. – 304 с.
12. Постановление Совмина СССР от 28.05.1954 г. №1023 «Закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и «Кизлярские пастбища».
13. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. – М., 2005. – 251 с.
14. Курбанов, М. Ю. Социально-экономические проблемы миграций даргинцев за пределы Дагестана (Ставропольский край и Камыкия)// Региональные проблемы преобразования экономики / М. Ю. Курбанов, // №8. – 2019. – С. 169.
15. Букина М. Земельный предел / М. Букина // Эксперт. – 2000. – № 9. – С. 2.
16. Пути мира на Северном Кавказе/Под ред // Тишкова В.А. – 1999. – С. 58.
17. Алиев, А.К. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития / Алиев, А.К. // М. – 1998. – С. 23.
18. Миграция населения Республики Дагестан в 1999 году // Статистический сборник. Махачкала. – 2000. – С. 28.
19. Бунай Н. Положение русских в Российской Федерации // Русские на Северном Кавказе: вызовы XX века. Факторы вынужденной миграции // Северный Кавказ: профилактика конфликтов / Н. Бунай. – 2008.
20. Лысенко Ю. М. Миграция русских кизлярицыны в регионы Юга России: причины, механизм, особенности / Ю. М. Лысенко. – Текст : электронный. – 2014. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22877390> (дата обращения: 22.10.2023).

References:

1. Korenyako V. A. Dagestancy v Stavropol'skom Krae / V. A. Korenyako // Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 1998. – № 4. – S. 66.
2. Karpov YU. YU. Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v HKH nachale HKH veka: ih social'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy / YU. YU. Karpov, E. L. Kapustina. – Sankt-Peterburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. – 337 s.
3. M.M SH. Migraciya i osobennosti mezhetnicheskogo obshcheniya v respublike Dagestan (konec HKH-nachalo HKHI veka)// Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij Severo-Kavkazskij region / SH. M.M // Obshchestvennyye nauki. – 2009. – № 3. – S. 33.
4. Statisticheskij sbornik : Narodnoe hozyajstvo Dagestanskoj ASSR k 50 letiyu obrazovaniya. – Mahachkala, 1965.
5. Dagestanskij sbornik : Statisticheskij obzor za 1903 g. – Temir-Han-SHura, 1904. – Vyp. II.
6. Gadzhieva S. SH. Material'naya kul'tura dargincev / S. SH. Gadzhieva, M. O. Osmanov, A. G. Pashaeva. – Mahachkala : Dagest. filial AN SSSR, 1967. – 300 s.
7. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g // T. – 1905. – T. 62. SPb. – S. 1.
8. Osmanov A. I. Agrarnye preobrazovaniya v Dagestane i pereselenie gorcev na ravninu (20-70-e gody HKH v / A. I. Osmanov. – Mahachkala, 2000.
9. Karpov YU. YU. Pereselenie gorcov Dagestana na ravninu: k istorii razvitiya processa i sociokul'turnym ego posledstviyam / YU. YU. Karpov // Tradicii narodov Kavkaza v menyayushchemsya mire: preemstvennost' i razryvy v sociokul'turnyh praktikah: Sbornik statej k 100-letiyu so dnja rozhdeniya Leonida Ivanovicha Lavrova. – 2010. – S. 402.
10. Istoriya Dagestana. T. T.IV. – 1969. – 18-19 s.
11. Muduev SH. S. Naselenie i hozyajstvo Dagestana na rubezhe vekov / SH. S. Muduev. – Mahachkala : B.I, 2003. – 304 s.
12. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 28.05.1954 g. №1023 «Zakreplenii za kolhozami zimnih pastbishch gosfon-

da «CHernye zemli» i «Kizlyarskie pastbishcha».

13. Belozеров V. S. *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza* / V. S. Belozеров. – М., 2005. – 251 s.

14. Kurbanov, M. YU. *Social'no-ekonomicheskie problemy migracij dargincev za predely Dagestana (Stavropol'skij kraj i Kamykiya)*// *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* / M. YU. Kurbanov, // №8. – 2019. – S. 169.

15. Bukina M. *Zemel'nyj predel* / M. Bukina // *Ekspert*. – 2000. – № 9. – S. 2.

16. *Puti mira na Severnom Kavkaze/Pod red* // Tishkova V.A. – 1999. – S. 58.

17. Aliev, A.K. *Dagestan na rubezhe vekov: priorityety ustojchivogo i bezopasnogo razvitiya* / Aliev, A.K. // М. – 1998. – S. 23.

18. *Migraciya naseleniya Respubliki Dagestan v 1999 godu* // *Statisticheskij sbornik. Mahachkala*. – 2000. – S. 28.

19. Bunaj N. *Polozhenie russkih v Rossijskoj Federacii* // *Russkie na Severnom Kavkaze: vyzovy HKH veka. Faktory vynuzhdennoj migracii* // *Severnyj Kavkaz: profilaktika konfliktov* / N. Bunaj. – 2008.

20. Lysenko YU. M. *Migraciya russkih kizlyarshchiny v regiony YUga Rossii: prichiny, mekhanizm, osobennosti* / YU. M. Lysenko. – *Tekst : elektronnyj*. – 2014. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22877390> (data obrashcheniya: 22.10.2023).

УДК 314

МУТАЛИМОВ АБДУМУСЛИМ ЭМЕЕВИЧ

д.социол.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкале,
e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

ИБРАГИМОВ МАРАТ АБДУМУКМИНОВИЧ

к.полит.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкала,
e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-144-148

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ИСЛАМСКОГО ПРАВА КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ СОЦИАЛИЗАТОРОВ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В данной статье рассматривается, что обусловленность данной проблемы исследования связана с актуальностью эффективного влияния морально-нравственных ценностей исламского права на жизнь социума, проживающего на территориях исламских стран. В ходе исследования данного направления невозможно использовать какой-то конкретный метод. Обязательно касаемся и сравнительного метода, и метода наблюдения, и исторического метода, которые были изобретены известным мыслителем и социологом О. Контом. При анализе материала убеждаемся, что право, как форма общественного сознания, имеет множество граней, в том числе религиозное понимание и объяснение права. Но сущность заключается в том, что право — это осознанная, обоснованная свобода, а свобода, как ценность и добродетель, по выражению К. Маркса, осознанная необходимость [1]. Полученные в ходе исследования выводы убеждают, что добродетель в исламе понимается не как справедливость по отношению к чему-то, а справедливость ради Создателя материального и духовного бытия. Ислам придерживается всегда законов Всевышнего, полагая, что все деяния будут вынесены на «Суд божий» в Судный день [2].

Ключевые слова: Коран, шариат, исламское право, абсолютная справедливость, покровительство, неприкосновенность, верность, терпимость, милосердие, добродетель, возмездие, полицентризм, цивилизация.

MUTALIMOV ABDULMUSLIM EMEEVICH

Dr.Sc of sociology, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala,
e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

IBRAGIMOV MARAT ABDULMUKMINOVICH

Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala,
e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru

THE SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF ISLAMIC LAW
AS ONE OF THE MAIN SOCIALIZERS OF SOCIETY

***Abstract.** This article considers that the conditionality of this research problem is related to the relevance of the effective influence of the moral values of Islamic law on the life of society living in the territories of Islamic countries. It is impossible to use any specific method in the course of research in this area. We will definitely touch on the comparative method, the method of observation, and the historical method, which were invented by the famous thinker and sociologist O. Comte. When analyzing the material, we are convinced that law, as a form of public consciousness, has many facets, including religious understanding and explanation of law. But the essence lies in the fact that law is a conscious, justified freedom, and freedom, as a value and virtue, in the words of K. Marx, is a conscious necessity [1]. The conclusions obtained in the course of the study convince that virtue in Islam is understood not as justice in relation to something, but justice for the sake of the Creator of material and spiritual existence. Islam always adheres to the laws of the Almighty, believing that all deeds will be brought to the «Judgment of God» on the Day of Judgment [2].*

***Keywords:** Quran, Sharia, Islamic law, absolute justice, patronage, inviolability, loyalty, tolerance, mercy, virtue, retribution, polycentrism, civilization.*

1. Введение

Исламская религиозно-правовая культура, как форма общественного сознания, имеет принципиальное значение и для России, где более 20 миллионов населения страны, являясь носителем данной формы сознания, соблюдают традиционные морально-нравственные нормы общезжития, социализируясь в рамках исламской религиозной культуры, исламского правосознания и исламского образа жизни.

Не только сами мусульмане, но и другие благочестивые представители других конфессий и цивилизаций понимают исламские нормы морали и нравственности, опираясь на научные истины, берущие свое начало из глубин веков. Президент России В.В. Путин, выступая на 20-летию клуба «Валдай» в Сочи, характеризуя цивилизацию как многогранное явление, критикует позицию Запада относительно полицентричности мира. В действиях Запада усматривается некий «цивилизационный мир, который служит образцом, а кто не согласен – тех загоняют в цивилизацию дубинкой просвещенного господина» [15]. А исламская правовая культура еще в Средние века благосклонно относится к немусульманам, которые проживают в странах, где большинство – мусульмане [4]. Второй халиф исламского государства, например, требует от своих полководцев не только доброго обращения к немусульманам и к тем, кто заключил мир с исламом, но и призывает обращаться с ними мягче, чем того требует договор [5].

2. Основная часть

Право, как общественное явление, имеет множество граней. Оно трактуется по-разному, в зависимости от уровня правового сознания и культуры. Существует и религиозное понимание, а затем и объяснение права. Оно связано с основными направлениями исламской религиозной духовности и религиозного учения, тесно переплетаясь с законами шариата. Мы можем найти множество определений права, но сущность заключается в том, что право – это осознанная, обоснованная свобода и возможность поведения, которая признается в данном обществе [1].

В исламе добродетель понимается не как справедливость по отношению к чему-то, а справедливость ради Создателя людей. Ислам всегда придерживался абсолютной справедливости: и, когда почти весь средневековый мир находился в его руках, и, когда наступали не очень благоприятные времена для него. Ислам придерживается всегда законов Всевышнего, полагая, что все деяния будут вынесены на «Суд божий» в Судный день [2].

Не только сами мусульмане, но и благочестивые христиане понимают и восхваляют справедливость и веротерпимость ислама, опирающегося на научные истины, берущего свое начало из глубин веков. Принадлежность к исламу дает мусульманину политическое право на гражданство в любой исламской стране. Исламский призыв построен на единобожии и единстве ислама. Поэтому шариат призывает, не выступает против исламских стран [3]. Каждая из них независима и обладает суверенитетом, как политической ценностью. Шариат благосклонно отзывается о немусульманах, которые проживают в странах, где большинство населения мусульмане [4]. Об этом немало сказано и в Коране. Например, иудеи и христиане, принявшие покровительство ислама, сохраняют свои религиозные суды. Суды решают вопросы семьи и брака, выплата алиментов, признание отцовства, завещаний, а также вопросы имущества, завещанного на благотворительные цели, опекунов, наследования, и вопросы межплеменной вражды, не

касающейся мусульман и не угрожающей устоям государства.

Пророк Мухаммед всегда защищал людей, принявших покровительство ислама. У них те же права и обязанности, что и у нас, говорил Посланник. И «в день Страшного суда я буду против тех, кто притесняет их», утверждал он. Шариат основывается на принципах абсолютного равенства. Можно сказать, что основой шариата являются интересы каждого, как в этом, так и в вечном мире.

Возникает вопрос, насколько средневековый нерелигиозный правитель, не переживающий за спасение своей души, мог руководствоваться в войнах своей богобоязненностью, стремлением быть справедливым ради лучшей загробной жизни? Мог ли он придерживаться религиозных мировоззренческих взглядов и милосердия, отказаться от всего, что мешает очищению души и достижению идеалов нравственности?

В качестве ответов можно привести множество примеров. Вот хотя бы выдержка из письма Второго халифа своему полководцу: «Не останавливайтесь со своим войском в селах христиан и евреев, принявших наше покровительство и тех, кто заключил с нами мир. А также пусть никто из вас не войдет в дома их, кроме тех, в поведении которых ты уверен. Не причиняйте им никаких страданий, так как они пользуются нашим покровительством и политической неприкосновенностью. Вы уже убедились в их верности, так же как они убедились в нашей лояльности. Даже если они испытывают к вам неприязнь, вы должны исполнять свои обязанности по отношению к ним» [5]. В этом приказе Халиф требует не только доброго обращения к немусульманам и к тем, кто заключил мир с исламом, но и призывает обращаться с ними мягче, чем того требует договор.

Несмотря на то, что войска стояли недолго в тех местах, о которых идет речь, Халиф приказал им уйти, чтобы жители не испытывали неудобства. Халиф настаивает: «Вы обязаны придерживаться неприкосновенности тех, кто заключил с нами мир, быть верными им в покровительстве так же, как они терпеливы вашему господству» [6].

По мнению исламских ученых, Второй халиф Умар был образцом милосердия, завещанного пророком. Когда халиф посылал войска ислама на соседние страны, он не стремился лишить независимости этих стран. Целью походов было, по его собственному признанию, освобождение римских колоний в Азии и Африке с тем, чтобы вернуть коренным народам их религиозные, экономические и политические свободы. При пророке Мухаммеде была ликвидирована власть персидских царей – живых идолов, ставивших себя выше всех на земле. Прошло немного времени, и персы сравнялись с арабами. Таким образом, исламское право уравнивает всех независимо от расового происхождения и этнической принадлежности.

Здесь уместно вспомнить об исламском гостеприимстве, как особенности исламского права. Гостеприимство в исламе возведено в качестве долга каждого мусульманина. В хадисах пророка указывается, что мусульманин, который отказывается гостеприимству брату своему по вере, имея на это возможность, заслуживает законного осуждения. Гостеприимство – это уровень культуры и благочестия. Это – ценность и степень общественной оценки, благодаря которым мусульманин сохраняет не только свое лицо, но и уважительное отношение к потомкам в процессе их социализации. Социализация, как мы знаем, это – приобретение навыков участия людей в общественной жизни. Гостеприимство – один из ее признаков.

Однако халиф Умар, боясь, что немусульмане, принявшие покровительство ислама, посчитают гостеприимство признаком слабости мусульман, приказал не злоупотреблять традициями исламской щедрости. Во всем должна соблюдаться мера, говорил он, в том числе и при оказании гостеприимства.

Всевышний одарил человека благами жизни и сделал главной его целью – духовный рост и материальную стабильность, защиту жизни, которую провозгласил ислам, и которую поведали посланники Господа. Неудивительно, что подвергать опасности или лишать жизни даже животного без веского на то основания есть преступление, за которое Милосердный и Справедливый Господь сполна спросит в Судный день.

Однажды пророк правоверных мусульман в разговоре со своим собеседником, подчеркивая степень ответственности человека за животное, указал, к примеру, что одна женщина вошла в огни ада за то, что она оставила кошку без пищи и воды за закрытыми дверями. Другой раз пророк поведал, что некий путник, которого мучила жажда, искал и нашел колодец, из которого напился и, уходя, увидел собаку возле колодца, поведение которой напоминало ему самого себя, когда его мучила жажда. Он подумал, что животное также страдает, как и он. Он вернулся и дал возможность собаке полатать желанной водицы. Всевышний воздал ему и отпустил его грехи [7].

Таким образом, оберегая жизнь животных и помогая им, мы видим, как легко заслужить божественное благочестие. Если таково исламское право и отношение ислама к ценности жизни

тварей земных, то легко себе представить заботу и награду ислама для тех, кто поддерживает право на жизнь людей, и наказание тому, кто пренебрегает этим правом.

Священный Коран и другие Писания приравнивают убийство одного человека к преступлению против всего человечества, спасение же от гибели – благо: «...кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, то словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человека, тот словно сохранит жизнь всем людям на земле» [8].

Мусульмане и немусульмане равны в правах на неприкосновенность и жизнь. Агрессия, направленная против мирных людей – это многократный грех. По своей злостности и чудовищности она равна агрессии против мусульман и тяжко наказывается и в этом, и в том загробном мире. Пророк сказал, кто убьет немусульманина, живущего в исламском государстве, «тот не должен вдыхать ароматы рая». В другом хадисе говорится: «кто убьет того, кто находится под защитой мусульман, того Аллах не допустит к вратам рая» [9].

Неприкосновенность жизни человека священна. Покушение на жизнь человека с целью убийства – преступление. Все это, по исламу, агрессия, наказание за которую – возмездие. Возмездие в исламе узаконено с целью обеспечения абсолютной неприкосновенности людей. В этом смысле напоминает нам сура из Корана: «Возмездие спасает вам жизнь, о обладатели разума! Возможно, вы будете богобоязненными» [10].

Виды возмездия, которые устанавливает законодатель, связаны с правом на жизнь. Пророк сказал: «Мусульманин защищен от оскорбительного физического воздействия в качестве наказания, в какой бы форме оно не происходило, кроме как по праву. Тот, кто несправедливо подвергает мусульманина физическому наказанию, он навлечет на себя гнев Всевышнего».

Предупреждение касается не только мусульман. Тому свидетельство – рассказ одного из праведных мусульман, Хишама ибн Хакима: «В Шаме (Сирия) я проходил мимо людей альанбатов (крестьян неарабского происхождения). Они сидели на солнцепеке, и головы их были сильно намазаны маслом. Я спросил: что это? Мне ответили, что они страдают от тяжести подушной подати». Хишам свидетельствует, что он доподлинно слышал, как посланник Аллаха говорил: «Поистине, Аллах навлекает страдания на тех, кто причиняет муки людям в этом временном мире». Затем пророк рассказал об этом эмиру, и тот отдал приказ освободить их.

Ислам стремится к миру, спокойствию и стабильности в обществе. Каждый человек имеет право на достойную жизнь. Пример благочестия и высокой ответственности за высказанные слова и поступки приводится в следующем эпизоде, участником которого был Пророк.

Один из зажиточных людей того времени одолжил Пророку некоторую сумму денег, в которой тот нуждался. Кредитор пришел к Пророку раньше оговоренного времени и стал в грубой форме требовать с него долг. Об этом рассказывал сам кредитор Умару, будущему халифу и одному из апостолов ислама, в присутствии самого Пророка. За подобную дерзость и неуважение к Пророку, возмущенный до глубины души, Умар был готов снести кредитору голову. Посланник Аллаха, почувствовав, как накаляется атмосфера, молча, дружелюбно посмотрел на Умара и сказал: «О Умар, ни я, ни он не ожидали от тебя того. Я думал, что ты будешь показывать мне достойное поведение, а ему – как лучше следовать такому поведению. Ты пойди с ним и дай ему причитающееся и вдобавок на 20 мер больше фиников: ты напугал его» [11]. Пророк попросил Умара, как бы мы сейчас сказали, возместить моральный ущерб, и он был возмещен сполна, так что неудобно стало кредитору.

Право отражает возможное поведение человека в данном сообществе, как было отмечено выше. Даже простой неумышленный осмотр, неосторожно брошенный взгляд внутри помещения чужого дома, расценивается как неуважение к его хозяину. Пророк повелел своему народу не поступать так и наложил запрет на то, чтобы кто-либо входил в чужой дом без приглашения. Пророк сказал: «Человек, который без разрешения хозяина подсматривает, что внутри чужого дома, нарушает заповедь и совершает грех. Он за это должен понести наказание, должен быть ослеплен, это будет справедливо» [12].

Пророк Аллаха говорит: «Не приближайтесь к дому прямо, в направлении к двери, чтобы не увидеть то, что находится внутри, а приближайтесь со стороны, просите разрешения, и если позволят – входите, а если не позволят – уходите» [13].

Разве может религия, руководствующаяся такими гуманными принципами, позволить какому-то агрессору или узурпатору захватывать дома, имущество людей, как это было в течение многих веков тирании и деспотизма? Любое угнетение мусульманина – преступление. Право на безопасную жизнь без страха и притеснений должно гарантироваться обществом. Пророк сказал: «Не разрешается мусульманину запугивать другого мусульманина». В другом хадисе сказано: «Не запугивайте никого. Воистину, запугивание мусульманина или немусульманина – великий грех» [14]. Если запугивание совершается при помощи оружия, то это чудовищный

грех. Так гласит мусульманский этикет культуры, подкрепленный шариатскими законами.

3. В заключении о реальностях. Они таковы, что позволяют более адекватно понять глубину и истинные причины Религии, как формы общественного сознания и как образа жизни человека, которые не могут руководствоваться антигуманными принципами. Любое угнетение – преступление. Право на безопасную жизнь, независимо от религиозных взглядов человека, должно гарантироваться политико-правовым механизмом государства. Исламское религиозное учение утверждает, что человек создан Всевышним свободным. Исламское религиозное учение указывает два пути, на выбор, по которому человек может пойти. Выбор пути за ним. Он свободен в выборе пути, «он и ответственен, ответственность в том, чтобы понять свое место и свое назначение в этом и «в том мире» и следовать ему», стремиться быть полезным

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 62–63.
2. Сунниты, ахль ас-сунна ва-ль-джама'а (от араб. – أهل السنة والجماعة «люди сунны и согласия общины»).
3. Сура «Семейство Имрана», аят 110).
4. Коран 10:99.
5. <http://www.islamdag.ru/istoriya/4862>
6. Муталимов А.Э. Нравственные аспекты исламского права в религиозных трактатах.
7. Хадис от Муслима. hadeethenc.com/ru/browse/hadith/10100
8. Хадис от Муслима. Св. Куръан 5: 32) [101]
9. См. там же.
10. Св. Куръан, 2 : 179. Сура 2:179 аят(ы) – Тафсир ас-Саади – Священный Коран
11. Хадис от Ат-Табарани. «Умар ибн аль Хаттаб». Часть 7. Продолжение 2
12. Хадис от Ахмеда. Сура 24. Свет, 27-й аят.
13. Ефремов Н.В., Ибрагим Т.К. Жизнь пророка Мухаммада. – М.: Ладомир. – Т.1. – 1062 с. Хадис от Ат-Табарани.
14. См. Там же.
15. Путин В.В. XX сессия клуба «Валдай», 2-5 октября 2023г.

References:

1. Marks K., Engel's F. Soch. T. 1. S. 62–63.
2. Sunnity, ahl' as-sunna va-l'-dzhama'a (ot arab. – أهل السنة والجماعة «lyudi sunny i soglasiya obshchiny»).
3. Sura «Semejstvo Imrana», ayat 110).
4. Koran 10:99.
5. <http://www.islamdag.ru/istoriya/4862>
6. Mutalimov A.E. Nравstvennye aspekty islamskogo prava v religioznyh traktatah.
7. Hadis ot Muslima. hadeethenc.com/ru/browse/hadith/10100
8. Hadis ot Muslima. Sv. Kur'an 5: 32) [101]
9. Sm. tam zhe.
10. Sv. Kur'an, 2 : 179. Sura 2:179 ayat(y) – Tafsir as-Saadi – Svyashchennyj Koran
11. Hadis ot At-Tabarani. «Umar ibn al' Hattab». CHast' 7. Prodolzhenie 2
12. Hadis ot Ahmeda. Sura 24. Svet, 27-j ayat.
13. Efremov N.V., Ibragim T.K. Zhizn' proroka Muhammada. – M.: Ladomir. – T.1. – 1062 s. Hadis ot At-Tabarani.
14. Sm. Tam zhe.
15. Putin V.V. XX sessiya kluba «Valdaj», 2-5 oktyabrya 2023g.

УДК 338.1

МАГОМЕДОВА МАДИНА МАЛИКОВНА

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой «Мировая и региональная экономика», ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Россия,
e-mail: magomedova-mm@mail.ru

РАБАДАНОВ РАБАДАН МУРТАЗАЛИЕВИЧ

инспектор, Счетная палата Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: rabadan05@inbox.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-149-154

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В работе исследованы основные проблемы обеспечения экономической безопасности региона в условиях усиления глобальных вызовов и угроз. Проведен анализ рисков и угроз экономической безопасности регионов, обусловленных цифровизацией экономики, и проведена оценка их влияния на уровень и динамику социально-экономического развития Республики Дагестан. На основе системного анализа проведена систематизация основных рисков экономической безопасности Республики Дагестан и предложены направления повышения эффективности цифровизации социально-экономической системы Республики Дагестан, которая должна стать одной из важнейших направлений обеспечения устойчивости региональной системы и фактором обеспечения экономического роста.

Ключевые слова: цифровизация экономики, риски и угрозы экономической безопасности

MAGOMEDOVA MADINA MALIKOVNA

Dr.Sc of Economics, Professor, Head of the Department «World and Regional Economics», Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
e-mail: magomedova-mm@mail.ru

RABADANOV RABADAN MURTAZALIEVICH

Inspector, Accounts Chamber of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: rabadan05@inbox.ru

ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. The paper examines the main problems of ensuring the economic security of the region in the context of increasing global challenges and threats. The analysis of risks and threats to the economic security of the regions caused by the digitalization of the economy was carried out, and their impact on the level and dynamics of socio-economic development of the Republic of Dagestan was assessed. Based on the system analysis, the systematization of the main risks of the economic security of the Republic of Dagestan was carried out and directions for increasing the effectiveness of digitalization of the socio-economic system of the Republic of Dagestan were proposed, which should become one of the most important directions for ensuring the stability of the regional system and a factor in ensuring economic growth.

Keywords: digitalization of the economy, risks and threats to economic security

1. Введение

Современный период развития нашей страны характеризуется значительным расширением внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества. Цифровизация экономики выступает приоритетным фактором и драйвером повышения устойчивости и динамики развития экономики страны и её регионов.

Однако необходимо учитывать, что активное внедрение цифровизации практически во все области социально-экономического развития не только создаёт новые условия, формирует совершенно иные возможности, но и порождает опасность возникновения новых глобальных вызовов и угроз экономической безопасности страны и регионов. В связи с этим необходим взвешенный и комплексный подход к цифровизации экономики страны и регионов, ориентированный на максимально эффективное использование экономического, социального, экологического, инновационного и других потенциалов развития.

2. Основная часть

Выстраивая стратегию цифровизации регионов, необходимо учитывать значительную дифференциацию их социально-экономического развития. Учет диспропорций в развитии регионов необходим, постольку развитые регионы имеют серьезные конкурентные преимущества в связи с достаточно высокими темпами цифровизации, что приводит к усилению поляризации в их социально-экономическом развитии. В то же время усиление поляризации в социально-экономическом развитии регионов является серьезной угрозой обеспечения экономической безопасности регионов и страны в целом. В таблице 1 представлена информация о динамике внедрения информационных и коммуникационных технологий в городе Москва и в Республике Дагестан за период 2005-2021 годы. Как мы видим, уровень освоения и динамика развития информационных и коммуникационных технологий в городе Москва и в Республике Дагестан значительно отличаются [1].

Таблица 1

Информационные и коммуникационные технологии в городе Москве и в Республике Дагестан

	2005	2010	2015	2018	2019	2020	2021
ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ г.Москва							
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, процентов			75,1	82,0	86,6	87,5	94,4
Удельный вес населения, использовавшего сеть Интернет, в общей численности населения, процентов			82,3	88,3	92,5	95,0	97,9
Удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе обследованных организаций, процентов		91,7	95,0	95,1	93,8	51,0	67,7
ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ Республика Дагестан							
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, процентов			53,2	58,8	63,2	74,2	83,6
Удельный вес населения, использовавшего сеть Интернет, в общей численности населения, процентов			66,8	80,8	87,2	92,8	93,1
Удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе обследованных организаций, процентов		41,5	70,3	62,0	58,5	29,0	57,5

<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205>

Как мы уже отмечали в наших работах [2, 3], категория «Экономическая безопасность региона» исследуется как обеспечение устойчивого развития всех областей жизнедеятельности в условиях усиления влияния внутренних и внешних факторов негативного воздействия. В научной литературе [4] исследуются различные концепции обеспечения экономической безопасности, в частности, согласно одной концепции приоритет отдается обеспечению региональной экономической безопасности как основы общей национальной безопасности, соглас-

но другой концепции, экономическая безопасность региона рассматривается только как производная от национальной безопасности. Следующая концепция, получившая название «регион-квазигосударство», основывается на положении, что регион - обособленная подсистема национальной экономики, и уровень экономической безопасности определяется на основе анализа состояния основных индикаторов социально-экономического развития. Мы согласны с мнением экспертов [4], что усиливающаяся поляризация регионов, неравномерно проходящая цифровизация их экономики предполагает целесообразность применения именно концепции «регион-квазигосударство».

Исследуя эволюцию категории «цифровая экономика», эксперты [5] отмечают существенные трансформации этого понятия, в частности расширение сфер влияния, отраженные в стратегических документах. Так, если в первых стратегических документах [6] областью развития цифровой экономики определяли отрасли производственной сферы, то в последних документах [7] цифровая экономика охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества.

Как мы уже отмечали ранее, цифровизация экономики, к сожалению, привела к появлению новых рисков и информационных, технологических угроз, перечень которых достаточно подробно представлен в программе «Цифровая экономика РФ» [8] и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [7]. В научной литературе [9] эксперты исследуют более полный перечень рисков и угроз, которые сопровождают процесс цифровой трансформации экономики, что актуализирует проблему их систематизации. Систематизация и классификация рисков и угроз, связанных с усилением темпов цифровизации экономики, позволяет повысить эффективность механизма управления ими.

По мнению экспертов [10], наибольшую угрозу для регионов представляют социальные риски цифровизации экономики, последствия которых вызывают рост безработицы, резкую дифференциацию по уровню доходов населения, увеличение удельного веса групп населения с наименьшими доходами, усиливающееся несоответствие профессиональных компетенций работников современным требованиям рынка труда, поскольку растет потребность в специалистах, обладающих высоким профессионализмом и знаниями в области цифровых, когнитивных технологий.

Мы проанализировали динамику индикаторов социально-экономического развития Республики Дагестан за период 2011-2022 годы и выделили основные риски и угрозы, влияющие на процессы цифровизации Республики Дагестан в условиях усиления глобальных вызовов.

Характеризуя угрозы и риски, связанные с процессами цифровизации экономики Республики Дагестан, можно выделить наиболее значительные:

- недостаточно высокие темпы развития отраслей экономики региона, усиление дисбаланса отраслевой структуры;
- низкий уровень доходов на душу населения, достаточно высокие показатели уровня бедности, усиливающийся отток высокопрофессиональных специалистов, особенно в области ИТ-технологий;
- усиливающиеся диспропорции территориального развития Республики Дагестан, опережающее развитие Махачкалинской агломерации по сравнению с динамикой развития инфраструктуры, что препятствует повысить качество городской среды;
- снижение объемов финансовых ресурсов на разработку и реализацию масштабных инвестиционных и инфраструктурных проектов;
- снижение темпов динамики развития транспортной инфраструктуры от реальных потребностей отраслей экономики Республики Дагестан.

Эффективному внедрению цифровой экономики в Республике Дагестан препятствуют такие негативные факторы, как достаточно высокий уровень безработицы, отставание индикаторов эффективности развития отраслей экономики и социальной сферы Республики Дагестан от среднероссийского уровня, низкая доля объемов продукции обрабатывающих производств в общей структуре регионального народнохозяйственного комплекса Республики Дагестан, высокий уровень износа основных производственных фондов, производственной и непроизводственной инфраструктуры.

Отдельно стоит выделить проблемы, препятствующие эффективному внедрению цифровизации в Республике Дагестан, связанные с низким уровнем инвестиций в основной капитал, слабой привлекательностью инвестиционного климата республики, отсутствием механизма стимулирования использования внутренних инвестиционных возможностей в виде накопления граждан и реальных перспектив проведения результативной модернизации и структурной перестройки экономики республики, ориентированной на обеспечение ее устойчивого роста. С проблемами низкой эффективности инвестиционной деятельности тесно связаны проблемы

технико-технологической отсталости предприятий республики, очень слабой оснащенности инновационным оборудованием, внедрением прогрессивных технологий.

К сожалению, следует констатировать недостаточно высокий уровень эффективности системы государственного, муниципального и корпоративного управления в Республике Дагестан. В республике реализуется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках федеральных проектов «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Информационная безопасность», «Информационная инфраструктура», разработаны региональные проекты Республики Дагестан. На сайте Министерства цифрового развития приведены данные по итогам проведенной работы по состоянию на 01.04.2023.

Таблица 2

**Итоги реализации регионального проекта
«Цифровое государственное управление» в 2022 году**

№ п/п	Показатели	План	Факт	%
1	Доля массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде, предоставляемых с использованием ЕПГУ, от общего количества таких услуг, предоставляемых в электронном виде, %	75	100	133
2	Уровень удовлетворенности качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), балл	4,0	4,1	102,5
3	Доля обращений за получением массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ, без необходимости личного посещения органов государственной власти, органов местного самоуправления и МФЦ, от общего количества таких услуг, %	40	21,09	52,7
4	Доля зарегистрированных пользователей ЕПГУ, использующих сервисы ЕПГУ в текущем году в целях получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде, от общего числа зарегистрированных пользователей ЕПГУ, %	50	38	76
5	Количество реализованных на базе единой платформы сервисов обеспечения функций органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе типовых функций, штука	70	84	120
6	Количество государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти в реестровой модели и/или в проактивном режиме с предоставлением результата в электронном виде на ЕПГУ, условная единица	40	84	210
7	Количество видов сведений, предоставляемых в режиме онлайн органами государственной власти в рамках межведомственного взаимодействия при предоставлении государственных услуг и исполнения функций, в том числе коммерческих организаций в соответствии с законодательством, условная единица	2	1	50
8	Доля органов государственной власти, использующих государственные облачные сервисы и инфраструктуру, процент	0	0	100
9	Доля расходов на закупки и/или аренду отечественного программного обеспечения и платформ от общих расходов на закупку или аренду программного обеспечения, процент	70	100	100

Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205>

Согласно приведенной на сайте Министерства информации, выполнены и перевыполнены шесть запланированных индикаторов, однако не достигли запланированного уровня следующие важные индикаторы:

– доля обращений за получением массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием ЕПГУ, без необходимости личного посещения органов государственной власти, органов местного самоуправления и МФЦ, % (52,7%)

– доля зарегистрированных пользователей ЕПГУ, использующих сервисы ЕПГУ в текущем году в целях получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде, % (76,0%)

– количество видов сведений, предоставляемых в режиме онлайн органами государственной власти в рамках межведомственного взаимодействия при предоставлении государственных услуг и исполнения функций, в том числе коммерческих организаций в соответствии с законодательством, условная единица (50,0%)

Достаточно сложной проблемой, препятствующей эффективному внедрению цифровой экономики в Республике Дагестан, является высокая степень дотационности бюджета Республики Дагестан и низкий уровень бюджетной обеспеченности на душу населения. Несмотря на это, крупные бюджетные инвестиции, выделяемые из федерального бюджета, остаются в силу ряда причин неиспользованными и возвращаются в федеральный бюджет. Важное значение имеет сложившаяся за последние годы в Республике Дагестан тенденция ослабления экономических связей с регионами Российской Федерации. Однако стоит отметить в качестве позитивного фактора усиление внимания федерального центра к использованию потенциала транспортно-логистических возможностей Республики Дагестан, особенно в период усиления глобальных вызовов и угроз.

3. Выводы

Цифровизация экономики модернизирует все отрасли социально-экономической системы Республики Дагестан. В рамках федеральных проектов «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Информационная безопасность», «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика РФ» разработаны соответствующие региональные проекты Республики Дагестан, утвержденные Президиумом Совета при Главе Республики Дагестан по стратегическому развитию и проектной деятельности в Республике Дагестан.

Необходимо обеспечить системный и комплексный подход в реализации цифровой экономической безопасности региона. Это направление должно стать важной задачей обеспечения цифровой экономической безопасности Республики Дагестан.

Цифровизация социально-экономической системы Республики Дагестан должна стать одной из приоритетных задач обеспечения устойчивости региональной системы и фактором экономического роста. В этих целях необходимо в качестве приоритетных направлений усиления экономической безопасности в условиях цифровизации экономики обеспечить разработку новых показателей экономической безопасности с учетом происходящих в мире геополитических изменений и осуществлять мониторинг социально-экономического развития Республики Дагестан с учетом дополнительно введенных показателей в рамках процесса цифровизации Республики Дагестан.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. Сборник. Москва, 2022.
2. Магомедова М.М., Рабаданов Р.М. Обеспечение экономической безопасности региона: проблемы и пути решения // Экономика и предпринимательство. №2. 2020. С.573-576
3. Магомедова М.М., Рабаданов Р.М. Формирование эффективной системы управления рисками в регионе как условие повышения экономической безопасности (на примере РД) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. №12 С.261-267
4. Николаев, М.А., Махотаева М.Ю. Основные составляющие инвестиционной составляющей и их оценка // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т.10, № 5. С.34-45. DOI: 10.18721/JE/10503/
5. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10. С.46-63. DOI: 10.22394/1726-11392018-10-46-63.
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года»
8. Цифровая экономика РФ https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f
9. Попов Е.В., Семячков К.А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации. - Текст: электронный // Экономика региона. 2018. Т.14, вып.4. С.1088-1101. DOI: 10.17059/2018-4-3.
10. Сошина О.Н. Основные проблемы обеспечения уровня экономической безопасности региона в цифровой экономике // Экономика. Информатика. 2020. Том 47. №1. С.31-39.

References:

1. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022. Stat. Sbornik. Moskva, 2022.
2. Magomedova M.M., Rabadanov R.M. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti regiona: problemy i puti resheniya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. №2. 2020. S.573-576
3. Magomedova M.M., Rabadanov R.M. Formirovanie effektivnoj sistemy upravleniya riskami v regione kak uslovie povysheniya ekonomicheskoy bezopasnosti (na primere RD) // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. №12 S.261-267
4. Nikolaev, M.A., Mahotaeva M.YU. Osnovnye sostavlyayushchie investicionnoj sostavlyayushchej i ih

- ocenka // *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki.* 2017. T.10, № 5. S.34-45. DOI: 10.18721/JE/10503/
5. Halin V.G., Chernova G.V. *Cifrovizaciya i ee vliyanie na rossijskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy i riski//Upravlencheskoe konsul'tirovanie.* 2018. №10. S.46-63. DOI: 10.22394/1726-11392018-10-46-63.
6. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 N 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody»
7. Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. N 208 «Strategiya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda»
8. Cifrovaya ekonomika RF https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f
9. Popov E.V., Semyachkov K.A. *Problemy ekonomicheskoy bezopasnosti cifrovogo obshchestva v usloviyah globalizacii.-Tekst: elektronnyj// Ekonomika regiona.* 2018. T.14, vyp.4. S.1088-1101. DOI: 10.17059/2018-4-3.
10. Soshina O.N. *Osnovnye problemy obespecheniya urovnya ekonomicheskoy bezopasnosti regiona v cifrovoj ekonomike// Ekonomika.Informatika.* 2020. Tom 47. №1. S.31-39.

УДК 332.146.2

ФИДАРОВА КАРИНА КАЗБЕКОВНА

к.и.н., доцент, Северо-Осетинская государственная
медицинская академия, г. Владикавказ, Россия,
e-mail: karina-fidarova@mail.ru

ПАВЛОВА ГУЛЬНАРА ШАМИЛЕВНА

старший преподаватель кафедры английского языка
и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный университет им. В. Н. Татищева»;
г. Астрахань, Россия, e-mail: gulnaraa83@mail.ru

ВАРЛАМОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА

к.филол.н., доцент кафедры английского языка и профессиональных
коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева»; г. Астрахань, Россия,
e-mail: varlamow@rambler.ru

ГЛИНЧЕВСКИЙ ЭДВАРД ИВАНОВИЧ

к.филол.н., доцент кафедрой английского языка и профессиональных
коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева»; г. Астрахань, Россия
e-mail: edward.ned@yandex.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-155-160

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Финансовый сектор играет жизненно важную роль в современной экономике, и в основе этого сектора лежат кредитные учреждения, включая банки. Эти учреждения выступают в качестве посредников, направляя средства от вкладчиков к заемщикам, способствуя экономическому росту и развитию. Однако эта важнейшая роль сопряжена с присущими ей финансовыми рисками, которые, если ими эффективно не управлять, могут иметь серьезные последствия для институтов, финансовой системы в целом и экономики в целом. В этой статье исследуется экономическая сущность финансовых рисков, с которыми сталкиваются кредитные организации, проливается свет на природу этих рисков и стратегии, используемые для их снижения.

Ключевые слова: финансовые риски, кредитные организации, банки.

FIDAROVA KARINA KAZBEKOVNA

Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor, North
Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz, Russia,
e-mail: karina-fidarova@mail.ru

PAVLOVA GULNARA SHAMILEVNA

Senior Lecturer of the Department of English and Professional
Communications, Astrakhan State University named after
V. N. Tatishchev; Astrakhan, Russia,
e-mail: gulnaraa83@mail.ru

VARLAMOVA EKATERINA VIKTOROVNA

Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of English
and Professional Communications, Astrakhan State University
named after V. N. Tatishchev; Astrakhan, Russia,
e-mail: varlamow@rambler.ru

GLINCHEVSKY EDWARD IVANOVICH

*Ph.D. in philology, Associate Professor of the Department of English
and Professional Communications, Astrakhan State University
named after V. N. Tatishchev; Astrakhan, Russia,
e-mail: edward.ned@yandex.ru*

THE ECONOMIC ESSENCE OF FINANCIAL RISKS OF CREDIT INSTITUTIONS

***Abstract.** The financial sector plays a vital role in the modern economy, and this sector is based on credit institutions, including banks. These institutions act as intermediaries, channeling funds from depositors to borrowers, contributing to economic growth and development. However, this crucial role is associated with inherent financial risks, which, if not effectively managed, can have serious consequences for institutions, the financial system as a whole and the economy as a whole. This article explores the economic nature of the financial risks faced by credit institutions, sheds light on the nature of these risks and the strategies used to reduce them.*

***Keywords:** financial risks, credit institutions, banks.*

1. Введение

Кредитные учреждения, включая банки, играют ключевую роль в современной экономике, способствуя распределению средств от вкладчиков к заемщикам. Однако их деятельность, по своей сути, сопряжена с финансовыми рисками, которые, если ими эффективно не управлять, могут иметь далеко идущие последствия не только для самих учреждений, но и для всей финансовой системы. В этой статье рассматривается экономическая сущность финансовых рисков, с которыми сталкиваются кредитные учреждения, проливается свет на различные формы рисков и стратегии, используемые для их снижения.

2. Основная часть

Банковская деятельность, как один из видов предпринимательской деятельности, характеризуется возникновением рисков, поскольку, работая в условиях неопределенности, банки подвержены им из-за действия большого количества факторов, в том числе государственно-управленческого и социально-политического характера.

Различные операции сопряжены с разной степенью риска. Более прибыльные и менее ликвидные операции идентифицируются с высокой степенью риска, в то время как ликвидные, наоборот, относятся к операциям с минимальным риском потерь. Однако, прежде чем определять виды и специфику различных видов рисков, необходимо дать точное определение и обосновать его теоретическую основу.

Важно отметить, что современная теория и практика управления рисками признает тот факт, что к риску следует относиться не только как к нежелательному событию (явлению, свойству), но и как к источнику дополнительных возможностей получения прибыли или других выгод, в том числе финансовых. Исходя из этого утверждения, проблема управления рисками заключается не в их минимизации, а в получении наилучшего результата при приемлемом уровне риска.

Анализ экономической литературы, в которой подробно рассматривается проблема риска, не выявил единого мнения относительно определения и однозначного осознания сущности риска. Этот факт объясняется тем, что само понятие риска слишком обширно. Помимо всего прочего, риск - слишком сложное явление, поскольку его определения часто не совпадают друг с другом, а иногда даже полностью противоречат друг другу. Все это в совокупности определяет возможность существования различных определений риска с разных точек зрения его рассмотрения.

Существует различные трактовки понятия риска с точки зрения как отечественных, так и зарубежных авторов, некоторые из них представлены в таблице 1.

Исходя из таблицы, можно сделать вывод, что риск в широком смысле - это деятельность определенного субъекта экономической жизни, которая непосредственно связана с преодолением неопределенности в случае неизбежного выбора, в ходе которого становится возможным оценить вероятность достижения намеченного результата, неудачи и отклонение от цели в лучшую или в худшую сторону.

**Подходы к определению понятия «риск» в работах
отечественных и зарубежных авторов**

Автор	Определение
Зозулюк А.В.	Риск – вероятность недополучения доходов или возникновения убытков в прогнозируемом периоде [1]
Лапуста М.Г.	Риск - это неопределенность финансовых результатов в будущем [2]
Грачева М.В.	Риск - это экономическая категория, связанная с неопределенностью, связанной с потенциальными результатами и вероятностью наступления различных событий [3]
Massimo Andretta	Риск - это вероятность того, что событие или ситуация приведут к неблагоприятным или неожиданным результатам, которые могут привести к причинению вреда, убыткам или повреждению. Это связано с неопределенностью и потенциальными неблагоприятными последствиями [4]
Elias Victor	Риск - это фактор, оказывающий влияние на стратегию, который под влиянием различных условий, препятствует ее трансформации в стратегию высокого качества [5]

Концепция банковских рисков также не имеет единой общепризнанной формулировки. Так, в Большом экономическом словаре банковский риск понимается как «риск убытков, возникающих из-за особенностей банковских операций, осуществляемых кредитными организациями» [6], тогда как в Финансово-кредитном словаре он понимается как «риск упущенной выгоды» [7, с. 32].

Несмотря на разницу в формулировках, можно отметить, что словари вкладывают в определение один и тот же смысл: содержание банковских рисков сводится к неопределенности в отношении успешного завершения банковских операций, другими словами, вероятности отрицательного отклонения, которое повлечет за собой финансовые и иные потери.

Понимание банковского риска Банком России также коррелирует с предыдущими определениями: «банковский риск - это присущая кредитной организации способность нести убытки и (или) ухудшение ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий, связанных с внутренними факторами и внешними факторами» [8].

Однако О.И. Лаврушин и Н.И. Валенцева считают, что эти определения лишь частично отражают специфику банковского риска. По их мнению, «банковский риск - это деятельность хозяйствующего субъекта в состоянии неопределенности, убежденного в преодолении негативных обстоятельств и достижении высоких результатов». Такая интерпретация смещает акцент с неопределенности результатов и риска потерь на возможность управления такими рисками: предотвращение негативных результатов и предвидение нежелательных последствий.

В дополнение к вышесказанному, зарубежная литература трактует банковский риск исключительно как негативное явление, которое характеризуется неблагоприятными отклонениями от ожидаемого результата и связано с вероятностью потерь. Однако положительные отклонения, конечно, можно рассматривать как будущую возможность увеличить финансовые выгоды.

Рассмотрим же более детально само определение финансового риска. Н. М. Бобошко дает следующее его определение: «Финансовый риск – вероятность возникновения неблагоприятных финансовых последствий в форме потери дохода и капитала в ситуации неопределенности условий осуществления его финансовой деятельности» [9]. Стоит также отметить, что финансовый риск не ограничивается этим определением. Например, если мы рассмотрим финансовый риск более углубленно, то можно сказать, что финансовый риск - это скорее вероятность неблагоприятных финансовых последствий, выраженных в виде потери дохода и капитала в ситуациях неопределенности его условий при осуществлении своей финансовой деятельности.

Другое определение финансового риска дает Ю. И. Сигидов: «Финансовый риск – это вероятность возникновения события, связанного с потерей капитала в результате предпринимательской или иной инвестиционной деятельности». Таким образом, подводя итог рассмотренных нами определений, можно дать его общий вид: финансовый риск – это вероятность некоего события, повлекшего хозяйственную операцию, которая привела к тому, что организация понесла убытки или получила некую выгоду.

Проанализировав финансовый риск, можно выделить его основные черты, которые присущи ему [10]:

– противоречивость (проявляется в том, что с одной стороны, риск обеспечивает инициативность, новые идеи, тем самым ускоряет общественный и технический прогресс, однако с другой стороны он ведет к разладу и торможению социального прогресса. Это происходит в отсутствие должного учета объективных закономерностей развития явления);

– альтернативность (предполагает необходимость осуществления выбора среди предоставленных возможных вариантов решений. Если альтернатива принятого решения отсутствует, то рискованной ситуации и не возникает, а, следовательно, отмечается полное отсутствие риска);

– неопределенность (неполнота или неточность информации, которая касается реализации того или иного проекта. Само существование риска связано с наличием неопределенности, которая неоднородна по форме своего проявления).

Банковские учреждения, как коммерческие организации, основной целью которых является получение и генерирование прибыли, характеризуются финансовыми рисками в наиболее точном определении, поскольку любая операция, осуществляемая банками со своими клиентами/партнерами на внешних или внутренних рынках, влечет за собой вероятность финансовых потерь.

Финансовый риск осуществления банковской деятельности определяется как вероятность уменьшения суммы доходов (увеличения расходов) и, как следствие, неблагоприятного изменения финансового результата деятельности банка (прибыли), а также уменьшения суммы активов банка. Банки подвержены целому ряду рисков, и управление этими рисками имеет важное значение для их стабильности и долгосрочного успеха.

Каковы причины появления финансовых рисков? Для того, чтобы узнать ответ на этот вопрос, давайте рассмотрим факторы, которые формируют риски кредитных организаций и влияют на их развитие. К основным внешним причинам формирования риска относятся состояние и тенденции развития экономики (в частности, уровень инфляции, темпы роста ВВП), внешняя и внутренняя политика государства и ее потенциальные изменения, денежно-кредитное регулирование Банка России (например, путем изменения процентной ставки), уровень конкуренции банков, степень их открытости.

Внутренние факторы связаны с функционированием банка и сводятся к уровню менеджмента, типу рыночной стратегии, способности разрабатывать и продвигать новые банковские продукты, выбору политики, структуре кредитного портфеля, временному риску, квалификации персонала и качеству технологий.

Важен также фактор доверия, который «основан на взаимоотношениях между клиентами и кредитными организациями, между коммерческими банками и надзорным органом над ними, а также институтами глобального и национального финансового рынка» [11, с.31].

Согласно Тепману Л. Н. и Эриашвили Н. Д., «существуют общие причины возникновения банковских рисков и тенденции изменения их уровня. Анализируя банковские риски, необходимо учитывать:

– кризисное состояние экономики переходного периода, которое выражается не только падением производства, финансового положения множества предприятий, но и потерей ряда хозяйственных связей;

– неустойчивость положения на внутренней и международной политической арене;

– отсутствие или недоработка многих законодательных актов, несоответствие между правовой базой и реально существующей ситуацией;

– инфляционные процессы;

– динамику курса национальной валюты и т.д.» [12].

Для эффективного управления финансовыми рисками кредитные учреждения используют различные стратегии и практики.

Для управления кредитным риском учреждения проводят тщательную оценку кредитоспособности заемщиков. Это включает в себя оценку их кредитной истории, финансовой стабильности и способности погашать кредиты. Модели кредитного скоринга помогают принимать решения, основанные на данных.

Диверсификация кредитного портфеля в различных секторах и географических регионах может помочь снизить кредитный риск. Хорошо диверсифицированный портфель менее уязвим к экономическим спадам в конкретных отраслях.

Управление балансом между активами и пассивами имеет решающее значение для управления рисками ликвидности и процентных ставок. Учреждениям необходимо обеспечить, чтобы они могли получать доступ к средствам по разумной цене и согласовывать сроки действия активов со своими обязательствами.

Хеджирование и производные финансовые инструменты. Кредитные учреждения исполь-

зуют стратегии хеджирования и производные финансовые инструменты для управления рыночными рисками, защищая свои портфели от неблагоприятных колебаний цен и процентных ставок.

Соблюдение нормативных требований. Регулирующие органы вводят пруденциальные нормы и руководящие принципы для обеспечения финансовой стабильности кредитных учреждений. Соблюдение этих правил помогает снизить различные риски и поддерживать общее состояние финансовой системы.

Кредитные организации поддерживают резервный капитал и создают резервы для покрытия потенциальных убытков от кредитных и рыночных рисков. Эти резервы действуют как финансовая подушка безопасности во время неблагоприятных экономических условий.

Таким образом, банковский финансовый риск оказывает влияние на кредитную организацию в виде ее неспособности выполнить свои обязательства вследствие возникновения внутренних и внешних факторов, влияющих на результаты деятельности хозяйствующего субъекта.

3. Выводы

Кредитные учреждения являются важнейшими компонентами финансовой системы, обеспечивающими необходимую смазку для экономического роста. Однако их деятельность по своей сути сопряжена с финансовыми рисками, которыми необходимо эффективно управлять. Понимание экономической сути этих рисков и реализация стратегий по их снижению имеют решающее значение не только для самих учреждений, но и для стабильности всей финансовой системы. Поступая таким образом, кредитные учреждения могут продолжать служить двигателями экономического роста, сводя к минимуму вероятность финансовых кризисов.

Литература

1. Брэддик, У. Менеджмент в организации / У. Брэддик. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 344 с.
2. Лапуста М.Г. Шаршукова Л.Г. Риски в предпринимательской деятельности: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Грачева М.В. Управление рисками в инновационной деятельности: учеб. пособие / М.В. Грачева, С.Ю. Ляпина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 351 с.
4. Andretta M. Some Considerations on the Definition of Risk Based on Concepts of Systems Theory and Probability // Risk Analysis An International Journal. 2013. Vol. 34(7). P. 1184-1195 doi.org/10.1111/risa.12092
5. Elias, Victor (2017). The Quest for Ascendant Quality. Sparta, NJ USA: On QUEST. p. 167. ISBN 9780999080115
6. Большой экономический словарь: 25000 терминов / [авт. и сост.: А.Н. Азрилиян и др.]; под ред. А.Н. Азрилияна. – Изд. 6-е, доп. – М.: Институт новой экономики, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 1376 с.: ил.; 27 см.; ISBN 5-89378-012-4
7. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Колл. авторов; Под общ. ред. А.Г. Грязновой. - М.: Финансы и статистика, 2002. - 1168 с. - ISBN 5-279-02306-X.
8. Письмо Банка России от 23.06.2004 N 70-Т «О типичных банковских рисках» // СПС «КонсультантПлюс»: Законодательство – Режим доступа <http://base.consultant.ru>
9. Бобошко, Н. М. Финансово-кредитная система: учебное пособие / Н. М. Бобошко, С. М. Проява - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 127с.
10. Никонова, И. А. Стратегия и стоимость коммерческого банка / И. А. Никонова, Р.Н. Шамгунов - М.: Альпина Паблишер, Альпина Бизнес Букс, 2016. – 156 с.
11. Воеводская В.О. Регулирование банковских рисков в условиях нестабильности российской экономики: диссертация кандидата экономических наук: 08.00.10 / Москва 2017.
12. Управление банковскими рисками: учебное пособие / Л. Н. Тепман, Н. Д. Эриашивили. – М.: Юнити-Дана– 295 с.

References:

1. Breddik, U. Menedzhment v organizacii / U. Breddik. – M.: INFRA-M, 2011. – 344 s.
2. Lapusta M.G. SHarshukova L.G. Riski v predprinimatel'skoj deyatel'nosti: ucheb. posobie. M.: INFRA-M, 1998.
3. Gracheva M.V. Upravlenie riskami v innovacionnoj deyatel'nosti: ucheb. posobie / M.V. Gracheva, S.YU. Lyapina. M.: YUNITI-DANA, 2010. – 351 s.
4. Andretta M. Some Considerations on the Definition of Risk Based on Concepts of Systems Theory and Probability // Risk Analysis An International Journal. 2013. Vol. 34(7). P. 1184-1195 doi.org/10.1111/risa.12092
5. Elias, Victor (2017). The Quest for Ascendant Quality. Sparta, NJ USA: On QUEST. p. 167. ISBN 9780999080115
6. Bol'shoj ekonomicheskij slovar': 25000 terminov / [avt. i sost.: A.N. Azriliyan i dr.]; pod red. A.N. Azriliyana. – Izd. 6-e, dop. – M.: Institut novoj ekonomiki, 2004 (OAO Mozhajskij poligr. komb.). – 1376 s.: il.; 27 sm.; ISBN 5-89378-012-4
7. Finansovo-kreditnyj enciklopedicheskij slovar' / Koll. avtorov; Pod obshch. red. A.G. Gryaznojov. - M.: Finansy i statistika, 2002. - 1168 s. - ISBN 5-279-02306-X.

8. Pis'mo Banka Rossii ot 23.06.2004 N 70-T «O tipichnyh bankovskih riskah» // SPS «Konsul'tantPlyus»: Zakonodatel'stvo – Rezhim dostupa <http://base.consultant.ru>
9. Boboshko, N. M. *Finansovo-kreditnaya sistema: uchebnoe posobie* /N. M. Boboshko, S. M. Proyava - M.: YUNITI-DANA, 2014. – 127s.
10. Nikonova, I. A. *Strategiya i stoimost' kommercheskogo banka* / I. A. Nikonova, R.N. SHamgunov - M.: Al'pina Pabliher, Al'pina Biznes Buks, 2016. – 156 s.
11. Voevodskaya V.O. *Regulirovanie bankovskih riskov v usloviyah nestabil'nosti rossijskoj ekonomiki: dissertaciya kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.10 / Moskva 2017.*
12. *Upravlenie bankovskimi riskami: uchebnoe posobie* / L. N. Tepman, N. D. Eriashvili. – M.: YUniti-Dana– 295 s.

УДК 332.146.2

ВАРФОЛОМЕЕВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

к.э.н., доцент, доцент ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: varfvera@yandex.ru

ИВАНОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

к.э.н., доцент, доцент ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ivanovanat207301@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-161-168

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследована ситуация в межбюджетных отношениях в Российской Федерации в настоящий момент времени. Отсутствие четкого механизма распределения бюджетных средств между разными уровнями власти, сложности в установлении понимания между ними и неэффективное управление значительно затрудняют решение многих социально-экономических проблем. В статье указаны принципы межбюджетных отношений, которые на сегодняшний момент времени наиболее значимы. В результате анализа материала выявлены ключевые проблемы в межбюджетных отношениях, а также предложены пути их решения. Авторы указывают, что необходимо развивать дополнительные механизмы усиления контроля за расходованием бюджетных средств, повышать прозрачность и открытость процесса управления, учитывать мнение всех участников межбюджетных отношений. Результаты исследования расширяют наше представление о важности межбюджетных отношений для успешного развития регионов.

Ключевые слова: бюджет, регион, дотации, субсидии, субвенции, регион - донор.

VARFOLOMEEVA VERA ALEKSANDROVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor
of the St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation, St. Petersburg, Russia,
e-mail: varfvera@yandex.ru

IVANOVA NATALIA ALEKSANDROVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: ivanovanat207301@mail.ru

INTER-BUDGETARY RELATIONS: THE STATE, PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. The article examines the current situation in inter-budgetary relations in the Russian Federation. The lack of a clear mechanism for allocating budget funds between different levels of government, difficulties in establishing understanding between them and inefficient management make it much more difficult to solve many socio-economic problems. The article outlines the principles of inter-budgetary relations, which are currently the most significant. As a result of the analysis of the material, key problems in inter-budgetary relations have been identified, and ways to solve them have been proposed. The authors point out that it is necessary to develop additional mechanisms to strengthen control over budget spending, increase transparency and openness of the management process, and take into account the opinion of all participants in inter-budgetary relations. The results of the study expand our understanding of the importance of inter-budgetary relations for the successful development of regions.

Keywords: budget, region, grants, subsidies, subventions, donor region.

Введение

Региональные диспропорции представляют собой сложный комплекс социально-экономических проблем. Диспропорции неравенства регионов и муниципальных образований возникли давно. Процесс межбюджетных отношений особенно сложен для Российской Федерации, поскольку на территории государства находится 85 «старых», 4 «новых» субъектов. Все субъекты крайне разные согласно местности, количеству, а также плотности жителей, согласно уровню созданного финансового потенциала, резервам природных ресурсов, климатическим условиям, национальным, культурным, а также историческим особенностям. Межбюджетные взаимоотношения обладают огромной значимостью в экономической концепции каждой страны. Такие взаимоотношения вызваны играть главную роль в осуществлении экономической политики государства, деятельность которой обуславливается его финансовой политикой. От формирования оптимального механизма межбюджетных взаимоотношений, учета интересов абсолютно всех уровней бюджетной системы, достижения экономического равновесия всех регионов в существенной мере зависит результат финансовой стабилизации в государстве. Политика развития межбюджетных отношений подразумевает серьезные меры, которые дают возможность регионам быть уверенными в том, что их финансовые затраты будут сбалансированы.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает сложившаяся в настоящее время ситуация в межбюджетных отношениях Российской Федерации. В ходе написания статьи применялись следующие методы исследования: системный подход, структурно-аналитический синтез, обобщение.

Результаты и их обсуждение

Термин «межбюджетные отношения» стал использоваться в практике в период развития рыночных отношений. Далее его стали применять и в законодательных актах, сменив ранее используемый термин «бюджетные отношения». Межбюджетные отношения – это взаимодействие между различными уровнями бюджетов (федеральным, региональным и муниципальным), в рамках которого осуществляется распределение доходов и расходов между ними [1]. В рамках межбюджетных отношений утверждаются нормативы финансового обеспечения бюджетов всех уровней, устанавливаются порядки перераспределения доходов и расходов между бюджетами, а также определяются принципы и способы взаимодействия между ними. Основная цель межбюджетных отношений заключается в обеспечении финансовой устойчивости государства и равномерном социально-экономическом развитии всех регионов и населения. Межбюджетные отношения представляют собой сложный механизм взаимодействия между различными уровнями власти. Они включают в себя распределение доходов и расходов между бюджетными системами федерального, регионального и местного уровней.

1. Теоретические модели межбюджетных отношений можно классифицировать двумя способами:

А. В зависимости от страны, где сложились межбюджетные отношения:

– Советская модель – это модель с высокой степенью централизации финансовых ресурсов, то есть у предприятий изымалась вся запланированная и сверхзапланированная прибыль, и все это зачислялось в доходную часть бюджета. Модель была характерна для Советского Союза.

– Китайская модель – это модель с определенной децентрализацией публично-правовых образований нижестоящего уровня, некоторая относительная их самостоятельность.

– Германская модель. Модели характерны «общие» налоги, которые перераспределяются между регионами. В стране развиты «горизонтальные трансферты», когда одна территория субфедерального уровня оказывает финансовую поддержку другому.

– Американская модель – это модель с высокой степенью децентрализации. Каждый уровень бюджетной системы страны имеет свои собственные налоги, и, даже если они называются одинаково, то это все равно разные налоги, например, Федеральный подоходный налог или подоходный налог штата.

Канадская модель – это модель с гибкой бюджетной системой, когда наряду с достаточно высокой децентрализацией обеспечение сбалансированности, социальной справедливости осуществляется через парораспределительный процесс по мере необходимости [2].

Недостатком данной классификации является то, что она не охватывает все страны мира. Б) В зависимости от централизации финансов:

1. Централизованная модель. Модели характерны низкая самостоятельность исполнения регионами своих задач и функций, бюджетное перераспределение полномочий. У органов власти

регионов отсутствует мотивация увеличивать эффективность своей деятельности. Вышестоящий уровень дает указание нижестоящему: каким образом осуществлять бюджетный процесс, формировать доходы бюджета, расходовать собранные средства.

2. Децентрализованная модель. Модели характерны мотивация в повышении эффективности своей деятельности, высокая самостоятельность. У органов власти регионов есть все основания качественно пополнить доходную часть своего бюджета, поскольку будет больше средств для выполнения тех или иных полномочий. С федерального уровня власти снимается ответственность по долговым обязательствам субфедерального уровня.

3. Смешанная модель. Модели характерна часть признаков централизованной и децентрализованной модели. В смешанной модели особую важность приобретает вертикальные и горизонтальные межбюджетные трансферты, а также координация федеральных и местных властей по выполнению социально-экономических программ.

Бюджетный федерализм в России впервые начал развиваться в начале 1990-х годов с созданием федеративного государственного устройства России. Межбюджетные отношения на федеральном, региональном и муниципальном уровне отражают взаимоотношения между различными уровнями бюджетной системы в рамках единой финансовой системы Российской Федерации. Каждый бюджетный уровень имеет свои источники доходов и обязанности по финансированию социальных программ и инфраструктурных проектов. Чем ниже бюджет, тем больше вопросов решается по жизнеобеспечению населения.

1. Базовые требования к осуществлению межбюджетных отношений были сформированы еще в 2000-х годах. На сегодняшний момент принципы межбюджетных отношений следующие:

- Распределение и закрепление расходов бюджетов по определенным уровням бюджетной системы РФ.

- Закрепление на постоянной основе доходных источников по уровням бюджетной системы РФ.

- Равенство бюджетных прав субъектов и муниципальных образований.

- Распределение финансовых ресурсов пропорционально финансовым потребностям и обратно пропорционально налоговому потенциалу у субъектов РФ и муниципальных образований.

- Равенство во взаимоотношениях между бюджетами разных уровней власти.

- Прозрачность и открытость межбюджетных отношений.

Жесткие бюджетные ограничения на зависимость от результатов деятельности вышестоящего бюджета [3].

В приоритете государственной политики по межбюджетным отношениям находятся поддержка, расширение доходной базы, финансовая устойчивость субъектов. Главным инструментом межбюджетного перераспределения являются межбюджетные трансферты, которые представлены в основном дотациями, субвенциями, субсидиями [4].

Если посмотреть на территорию Российской Федерации, то видно, что налоговая база распределена очень неравномерно. Никогда не получится закрепить за региональными или местными бюджетами такой объем налоговых источников, чтобы не понадобилось перечислять трансферты.

Причины необходимости межбюджетных трансфертов:

- Отсутствие сбалансированности бюджетов.

- Появление потребности в софинансировании расходных обязательств.

- Необходимость передачи полномочий на другой уровень бюджетной системы.

Наше государство большое по составу регионов, которые совершенно разные по своим возможностям. Механизмы и инструменты по поддержке и мотивации регионов, в зависимости от того, в какой части нашей территории находится тот или иной регион, должны быть различны. На сегодня ярко выражена зависимость между тем, какой бюджетной обеспеченности достигает регион в результате улучшения своих экономических показателей и реальным финансовым положением. Законодательство зачастую обуславливает трудности в межбюджетных отношениях тем, что регионы и муниципалитеты не всегда могут гибко отвечать на текущие изменения и требования федерального законодательства.

Дагестан является самым бедным регионом, и сумма дотаций, направляемых ему уже на протяжении многих лет, самая большая. Бедность региона связана с тем, что республика занимается сельским хозяйством, полезных ископаемых на территории, высокотехнологичных производств и отрасли машиностроения нет. В основном продукция импортируется из других регионов или стран. Ряд дотационных регионов, такие как Республика Коми, Амурская, Кемеровская, Новосибирская области, в ближайшие годы выйдут на полную самокупаемость. На эти области на 2025 год не запланированы дотационные суммы.

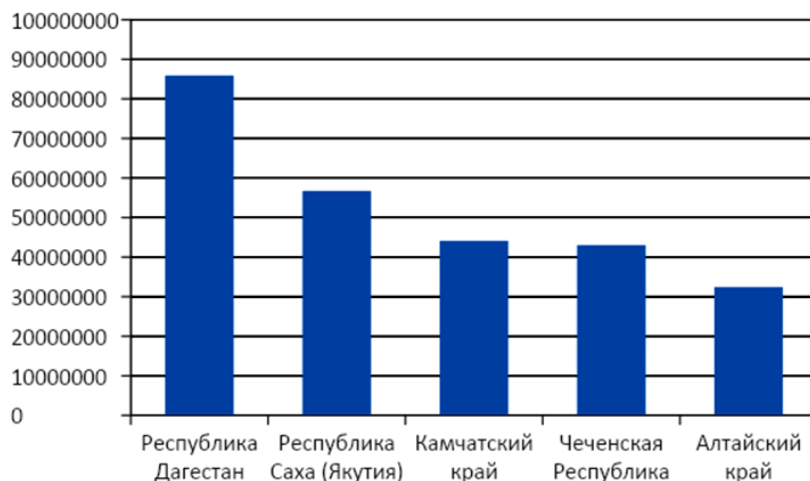

Рис. 1. Пятерка лидеров регионов по сумме дотациям

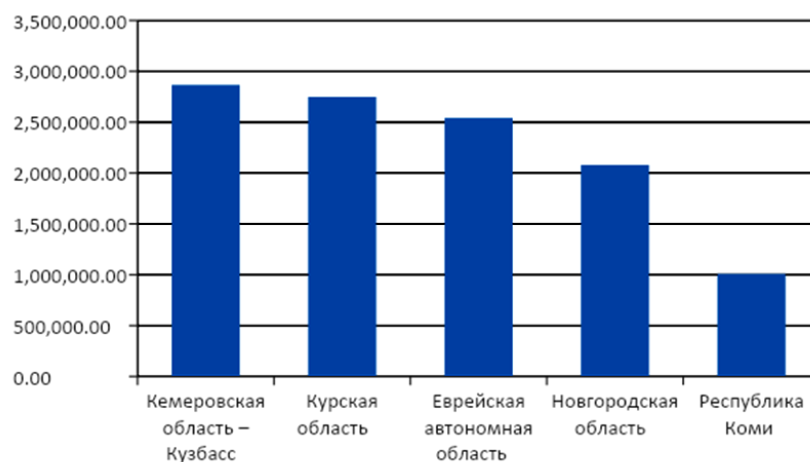

Рис. 2. Пятерка регионов с наименьшими суммами дотаций

Регионов-доноров на территории Российской Федерации почти в три раза меньше. Доноры регионы обязаны сами себя обеспечивать, а также осуществлять финансирование дотационных субъектов. Самым значительным донором считается Ханты-Мансийский АО, затем город Москва, Ямало-Ненецкий АО, Санкт-Петербург и Московская область [5]. Например, Москва в основном получает субвенции. 15,7 млрд. руб. субвенций потрачены в 2023 году за шесть месяцев на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным гражданам и на обеспечение рецептурными лекарствами физических лиц отдельных категорий. По мере роста финансовых возможностей региональные бюджеты стараются перераспределять бюджетные средства. Субъекты передают часть своих полномочий на муниципальный уровень.

При применении межбюджетных трансфертов следует учитывать специфику оценки их эффективности, особенности организации целевых и нецелевых трансфертов, лимитированных и нелимитированных и т.д.:

1. Оценка эффективности межбюджетных трансфертов рассматривается как главный регулятор дальнейшего экономического и социального развития регионов. В основе подхода лежит финансовое обеспечение полномочий региональных органов государственной власти.

2. Оценка эффективности межбюджетных трансфертов заключается в анализе использования субъектами бюджетных средств с учетом дотаций, субсидий и субвенций как формы государственных расходов.

3. Оценка эффективности межбюджетных трансфертов учитывает не только расходование бюджетных средств, но и организацию их предоставления, использования, экономию и результативность бюджетных расходов [6].

Главная проблема регионов, связанная с межбюджетными отношениями, заключается в неэффективном использовании бюджетных средств. Из-за сложности межбюджетных отношений

и отсутствия ясной формулировки приоритетов, расходование бюджетных средств может быть нецелесообразным и неэффективным. Более пятидесяти процентов межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов из федерального бюджета не имеют последующей оценки эффективности их использования. Отсутствие строгого контроля за использованием государственных ресурсов может привести к многочисленным коррупционным нарушениям и нерациональному расходованию денег из бюджета. Ухудшается качество жизни в обществе, происходит падение экономического и социального состояния. Зачастую можно видеть низкую эффективность расходов на уровне регионов и муниципалитетов. Это связано с отсутствием четкого планирования расходов и отчетности, что приводит к ненужным тратам и дополнительным затратам. Власти регионов часто имеют ограниченные возможности влияния на процесс распределения бюджетных средств, из-за чего они не могут реализовывать свои приоритеты и задачи.

В 2022 году регионы завершили год с рекордными остатками средств на счетах. Одним из ключевых факторов, повлиявших на сложившуюся ситуацию, является введение с 2021 года возможности получить дополнительные доходы от размещения временно свободных денежных средств единого казначейского счета. Но не все регионы могут воспользоваться такой ситуацией, а только те, у которых расчетная доля помощи из федерального бюджета в течение двух лет не превышала двадцати процентов объема своих доходов консолидированного бюджета субъекта [7]. Как видно из рисунка 3, Москва и Липецкая область обладают достаточно высоким запасом ликвидности, Липецкая, Кемеровская и Вологодская область держат уровень за счет благоприятного 2021 года.

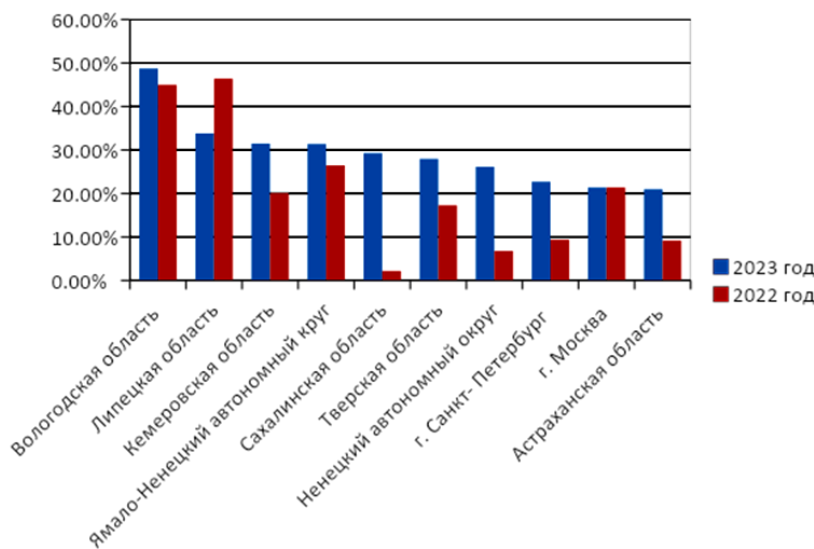

Рис. 3. Соотношение остатков средств на счетах и расходов региональных бюджетов на 01.01.2023 года, %

На сегодняшний день наблюдается тенденция миграции населения в крупнопромышленные города и региональные центры. Конечно, в основном население стремится переехать в Санкт-Петербург или Москву. Миграция объясняется тем, что в крупных городах больше рабочих мест, больше возможностей, развита система здравоохранения. Но при этом экономика города Санкт-Петербурга показала большую зависимость от санкционного давления в 2022 году (рисунок 3). Все крупные города имеют свои специфические проблемы, поэтому по ним необходимо разрабатывать четкие рекомендации по оказанию государственной поддержки и повышению эффективного использования межбюджетных трансфертов.

Таким образом, по показателям уровня жизни населения самыми благоприятными для проживания населения являются Москва, Санкт-Петербург, Московская область. Замыкают рейтинг Архангельская и Курганская области, Алтай и Карачаево-Черкесская Республика, им характерен низкий социально-экономический уровень, низкая заработная плата, высокий уровень безработицы [8]. Качество жизни может быть измерено по различным параметрам, таким как продолжительность жизни, уровень занятости, уровень образования, уровень доходов, доступность медицинских услуг, культурных и досуговых мероприятий и т.д. К сожалению, даже в благоприятных населенных пунктах тоже не все проходит гладко. Как во всех регионах проис-

ходит постоянное поднятие цен на продукты питания, оплату жилищно-коммунального хозяйства, а также многие медицинские услуги полностью уходят в раздел платных. Доступность и качество медицинских услуг также играют важную роль в улучшении качества жизни населения. Но зачастую в больницах, как в городах-мегаполисах, так и в других регионах, не хватает финансирования на лечение больных, особенно в конце года, а если это лечение онкологических пациентов, где прекращать лечение нельзя ни на месяц. В результате больным приходится платить за свое лечение. Регионы должны проводить адекватную социальную политику. Социальная политика государства играет ключевую роль в формировании качества и уровня жизни населения, и поэтому важно обеспечивать ее эффективность и эффективность использования социальных ресурсов. В то же время необходимо постоянно анализировать ее результаты и корректировать меры в соответствии с изменением общественных потребностей и условий. Одной из основных задач социальной политики является обеспечение доступности и качества социальных услуг, таких как здравоохранение, образование, жилищное строительство, культура и т.д. Одной из проблем является высокий уровень бедности и социального неравенства, особенно в отдаленных и экономически слаборазвитых регионах страны. В сложившейся ситуации необходимо, чтобы процессы распределения бюджетных средств были прозрачными и открытыми для общественности.

1. Проблемы межбюджетных отношений являются сложными и многогранными, требующими согласования различных интересов. Нашей стране характерны следующие проблемы:

- Высокая доля дотационных регионов.
- Сильная зависимость от средств федерального бюджета.
- Регулярная дефицитность большинства территориальных бюджетов.
- Большая часть доходов направляется в федеральный бюджет.
- Получаемый объем средств регионами не соответствует предоставленным им полномочиям.
- Межбюджетная политика решает только текущие проблемы.
- Региональные бюджеты в основном осуществляют перераспределение национального дохода и формируют равновесие между объемами созданного продукта и конечного потребления региона.
- Бюджет РФ находится в зависимости от налога на добычу и продажу нефти и газа.
- Отсутствие государственных социальных стандартов.
- Несоответствие в регионах расходных обязательств ожидаемым доходным источникам.
- Региональные субъекты закладывают в бюджет не все социальные расходы.

Недостаточная прозрачность и открытость межбюджетных отношений.

Рост дотаций на выравнивание всегда выше уровня инфляции, но нельзя забывать, что экономика сейчас находится в условиях санкций, поэтому уровень инфляции может не соответствовать прогнозам, а следовательно, для сумм, заложенных в виде межбюджетных трансфертов, это является отрицательным фактором. Таким образом, очень важно, чтобы субъекты заранее готовили себе подушку финансовой безопасности. Если говорить о сегодняшней ситуации, то наблюдается снижение доходной части бюджета, поскольку РФ покинули многие иностранные компании, а также введены экспортные и импортные ограничения. К сожалению, данная ситуация будет только усугубляться. В худшей ситуации окажутся регионы, которые развивались, была прибыль, был экономический рост.

С 2022 года регионы получают больше свободных средств, следовательно, теперь регионы обязаны разумно ими воспользоваться. Федеральные межбюджетные трансферты по-разному совершенно оказывают воздействие на развитие экономики того или иного региона. На сегодня в России наблюдается обратная ситуация, а именно расслоение регионов. Нельзя не сказать, что существует риск обесценивания федеральных программ поддержки регионов, а именно на фоне экономических кризисов и государственных реформ средства, выделенные на поддержку отстающих регионов, могут быть сокращены, что приведет к резкому падению социально-экономического развития данных регионов.

Следует отметить, что федеральное и региональное законодательство не является совершенным, поэтому в регионах России расширенная практика сокрытия доходов от налогообложения. Минфин РФ подсчитал, что ежегодно скрывается от 25 до 50% различных налогов, которые должны пополнять бюджет. А дальше замкнутый круг. Это приводит к дефициту бюджета, и тем самым вынуждает государство в целом (и регионы в частности) повышать налоговые ставки. Повышение налогообложения всегда вызывает уход «в тень». Получается, что налоговое законодательство на сегодняшний день неэффективно и нестабильно [9]. Заметим, что в отдельных публикациях указывается, что децентрализация бюджетной систе-

мы не всегда приводит к повышению эффективности государственных расходов. Это связано с тем, что часто региональные власти не имеют достаточного опыта и компетенции в управлении бюджетом и не всегда оценивают последствия своих решений [10].

Для решения проблем межбюджетных отношений следует:

1. Разработать систему, которая будет требовать меньше учета статистической информации.
2. Учитывать изменения налоговой базы в условиях экономического кризиса.
3. Проводить постоянный мониторинг выделенных сумм межбюджетных трансфертов.
4. Создать систему прозрачности и открытости в межбюджетных отношениях, что позволит минимизировать коррупционные риски.
5. Увеличить объем формирования доходной части бюджета регионов и муниципалитетов за счет региональных и местных налогов и сборов.
6. Разграничить полномочия и ответственность между федеральным, региональным и местным уровнями власти в финансовой сфере.
7. Привлечь частный сектор к инвестированию в социальную и экономическую инфраструктуру регионов.
8. Увеличивать долю нецелевой помощи субъектам, а также объединить узконаправленные субсидии в широкоцелевые.
9. Руководители регионов должны четко понимать приоритетность расходования межбюджетных трансфертов.
10. Сократить количество должностных лиц, отвечающих за бюджетные денежные средства.

Дальнейшее развитие межбюджетных отношений в Российской Федерации строится на создании инновационно-инвестиционного развития территорий. В целом, инвестиционная привлекательность субъекта представляет собой количественную характеристику региона страны в рамках формирования его инвестиционного климата. Она характеризуется уровнем развития инвестиционной инфраструктуры, наличием и реализацией возможностей привлечения инвестиционных ресурсов и прочих факторов. Нельзя не согласиться с мнениями экономистов, которые указывают, что было бы эффективно, если регионы сами планировали расходование свободных денежных средств, а им в дальнейшем, исходя из ситуации, необходимо оказывать адресную поддержку от федерального бюджета.

Заключение

Любая страна мира преследует цель выравнивания регионов. Таким образом, межбюджетные отношения являются важной составляющей бюджетной системы государства и предполагают осуществление взаимодействия между различными уровнями власти с целью обеспечения сбалансированного развития территории. Выявленные недостатки в межбюджетных отношениях мешают регионам решать свои задачи и выстраивать стратегии развития на долгосрочную перспективу. Таким образом, ситуация требует срочного разрешения проблемы неравномерного распределения бюджетных средств, что, в свою очередь, потребует системных изменений в налоговом законодательстве, управлении бюджетными ресурсами и увеличении ответственности государственных органов перед населением. По результатам исследования было обнаружено, что необходимо развивать дополнительные механизмы усиления контроля за расходованием бюджетных средств, повышать прозрачность и открытость процесса управления, учитывать мнение всех участников межбюджетных отношений. Для нашего государства характерно межрегиональный разброс по масштабам территории, природно-климатическим условиям, геополитическим показателям. Необходимо учитывать особенности регионов, проводить дополнительные исследования и обсуждения со всеми участниками процесса для поиска конструктивных путей нахождения выхода из обстановки. В целом, государственная политика в области межбюджетных отношений должна быть направлена на достижение равномерного и устойчивого экономического развития всей страны в целом, а также на повышение качества жизни населения регионов.

Литература

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023)
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/063018edafdf06ae68002f762e601d0f6fbfe6d5/?ysclid=lmw9i1tb13230040928 (дата обращения 01.09.2023)
2. Иванов В.В. Типология межбюджетных отношений и моделей бюджетного федерализма// Вестник

МГТУ. Том 13. №1. 2010 г. стр.5-14

3. Теркина О.В., Спавакова Е.А. Сущность и принципы организации межбюджетных отношений в РФ // Территория науки. 2013. №4. С. 90-93

4. Наслунга К. С. Система межбюджетных отношений: условия формирования, актуальные проблемы и перспективы развития // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». 16–18 ноября 2017 года. 2018. С. 455-457

5. Дотационные регионы России и доноры: список в 2023 году <https://top-rf.ru/places/564-dotatsionnye-regiony.html?ysclid=ims4fon9e0477044213> (дата обращения 11.09.2023)

6. М.Л. Васюнина Оценка эффективности межбюджетных трансфертов субъектам Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2017. №2. С. 38- 43

7. Официальный сайт АО «Эксперт РА»

https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2023 (дата обращения 01.09.2023)

8. Данилов Д. Рейтинг регионов России по качеству жизни 2022-2023 <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html?ysclid=lmwclD1zfa200347364> (дата обращения 15.09.2023)

9. Иванова Н.А. , Варфоломеева В.А. Оценка экономической политики региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. №5. С. 11-19.

10. Perez-Sebastian F., Raveh O. The natural resource curse and fiscal decentralization. *American Journal of Agricultural Economics*. 2016; 98(1): 212–230. DOI: 10.1093/ajae/aav051

References:

1. «Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 31.07.1998 N 145-FZ (red. ot 04.08.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2023)

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/063018edafdf06ae68002f762e601d0f6fbfe6d5/?ysclid=lmw9i1tb13230040928 (data obrashcheniya 01.09.2023)

2. Ivanov V.V. Tipologiya mezhbyudzhetnyh otnoshenij i modelej byudzhetnogo federalizma // Vestnik MGTU. Tom 13. №1. 2010 g. str.5-14

3. Terkina O.V., Spivakova E.A. Sushchnost' i principy organizacii mezhbyudzhetnyh otnoshenij v RF // Territoriya nauki. 2013. №4. S. 90-93

4. Naslunga K. S. Sistema mezhbyudzhetnyh otnoshenij: usloviya formirovaniya, aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya // XII Mezhdunarodnaya konferenciya «Rossijskie regiony v fokuse peremen». 16–18 noyabrya 2017 goda. 2018. S. 455-457

5. Dotacionnye regiony Rossii i donory: spisok v 2023 godu <https://top-rf.ru/places/564-dotatsionnye-regiony.html?ysclid=ims4fon9e0477044213> (data obrashcheniya 11.09.2023)

6. M.L. Vasyunina Ocenka effektivnosti mezhbyudzhetnyh transfertov sub»ektam Rossijskoj Federacii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2017. №2. S. 38- 43

7. Oficial'nyj sajт АО «Ekspert RA»

https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2023 (data obrashcheniya 01.09.2023)

8. Danilov D. Rejting regionov Rossii po kachestvu zhizni 2022-2023 <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html?ysclid=lmwclD1zfa200347364> (data obrashcheniya 15.09.2023)

9. Ivanova N.A. , Varfolomeeva V.A. Ocenka ekonomicheskoj politiki regiona // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2023. №5. S. 11-19.

10. Perez-Sebastian F., Raveh O. The natural resource curse and fiscal decentralization. *American Journal of Agricultural Economics*. 2016; 98(1): 212–230. DOI: 10.1093/ajae/aav051

УДК 336.76(075.8)

ГАЛЫНЧИК ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Коммерция и менеджмент»
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Россия, Нижневартовск,
e-mail: tagal82@mail.ru

ДАНИЛОВА СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА

к.э.н., доцент, доцент кафедры «Коммерция и менеджмент»
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»,
Россия, Нижневартовск,
e-mail: svaprel@yandex.ru

БОНДАРЕНКО АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА

практикант, АО «Самотлорнефтегаз»,
Россия, Нижневартовск,
e-mail: sasha.bondarenko.19@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2023-10-169-175

ОЦЕНКА ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ РЕСУРСОДОБЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИИ НА МАТЕРИАЛАХ ПАО «СУРГУТНЕФТЕГАЗ»

Аннотация. Финансовые риски развиваются в деятельности любой компании и на каждом этапе производственного процесса. Непрерывно возникающие в работе хозяйствующих агентов финансовые риски требуют применения современных методов управления. Большинство хозяйствующих субъектов комбинированно применяют различные алгоритмы оценки и выявления финансовых рисков. В настоящем исследовании была осуществлена оценка отдельных финансовых рисков ресурсодобывающей компании ПАО «Сургутнефтегаз». Соответственно целью настоящей статьи стала оценка финансовых рисков на материалах ресурсодобывающей компании. С учетом сформулированной цели, авторами проанализированы отдельные финансовые показатели деятельности предприятия, оценены финансовые риски через качественные методы и количественные (спираль рисков и расчет отдельных финансовых коэффициентов). В результате оценки выявлены основные финансовые риски предприятия, а также сформулированы отдельные способы управления рисками через автоматизированные системы.

Ключевые слова: оценка финансовых рисков, внутренний контроль и аудит, спираль рисков, финансовые результаты, устойчивость компании.

GALYNCHIK TATIANA ANATOLYEVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Commerce and Management
Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia,
e-mail: tagal82@mail.ru

DANILOVA SVETLANA VITALIEVNA

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Commerce and Management
Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia,
e-mail: svaprel@yandex.ru

BONDARENKO ALEXANDRA NIKOLAEVNA

intern, JSC «Samotlorneftegaz»,
Russia, Nizhnevartovsk,
e-mail: sasha.bondarenko.19@mail.ru

ASSESSMENT OF FINANCIAL RISKS OF A RESOURCE EXTRACTION COMPANY BASED ON THE MATERIALS OF PJSC SURGUTNEFTEGAZ

***Abstract.** Financial risks develop in the activities of any company and at every stage of the production process. Financial risks that continuously arise in the work of business agents require the use of modern management methods. Most business entities combine various algorithms for assessing and identifying financial risks. In this study, an assessment of individual financial risks of the resource mining company PJSC Surgutneftegaz was carried out. Accordingly, the purpose of this article is to assess financial risks based on the materials of a resource extraction company. Taking into account the formulated goal, the authors analyzed individual financial indicators of the company's activities, assessed financial risks through qualitative and quantitative methods (risk spiral and calculation of individual financial coefficients). As a result of the assessment, the main financial risks of the enterprise were identified, as well as separate ways of risk management through automated systems were formulated.*

***Keywords:** financial risk assessment, internal control and audit, risk spiral, financial results, sustainability of the company.*

1. Введение

Любое предприятие при осуществлении своей деятельности сталкивается с различным числом рисков, влияющих на итоговые результаты. Риск и доход находятся в обратной зависимости: чем выше доходы субъекта, тем вероятнее возникновение риска. Именно собственники различных организаций в наибольшей степени рискуют своим капиталом, нежели иные предприниматели. Значительная доля финансовых ресурсов приходится именно на нефтегазовую отрасль. Следовательно, сокращение этих ресурсов приведет к последствиям, которые окажут влияние не только на саму организацию, но и на экономику страны в целом. Сформировавшаяся ситуация связана с тем, что доходы от продажи нефти и газа занимают большую долю в государственном бюджете РФ. Следовательно, деятельность любого хозяйствующего субъекта сопряжена с риском финансовых потерь, что следует из специфики различных проводимых хозяйственных операций.

Цель исследования – оценка финансовых рисков на материалах ресурсодобывающей компании.

Задачи исследования – проанализировать отдельные финансовые показатели деятельности предприятия, оценить финансовые риски через качественные и количественные методы.

Методической основой исследования при оценке финансовых рисков выступили качественные и количественные методы такие, как спираль рисков и расчет отдельных финансовых коэффициентов.

2. Основная часть

Сегодня цена на нефть определяет не только колебания валютных курсов и жизнеспособность бюджетов нефтедобывающих стран, но и стабильность мировых и национальных фондовых рынков. На всех предприятиях нефтегазового сектора есть риск потери денежных средств, который связан с особенностями и спецификой производимых экономических операций. Для обозначения вероятности возникновения финансовых убытков используется термин финансовые риски. Данные риски формирует во всей совокупности рисков, именно риски связанные с денежными потоками и возможными неблагоприятными событиями на финансовом рынке [1].

В России есть довольно большое число предприятий, которые заняты в сфере добычи нефти и газа. К ним относятся как крупные предприятия со значительной занимаемой долей рынка, так и развивающиеся предприятия с гораздо меньшим объемом производства. ПАО «Сургутнефтегаз» одна из крупнейших российской нефтяной компаний. Основными отличиями которой, являются стабильная динамика экономического роста, базирующаяся на значительных темпах роста производства, а также постоянное наращивание сырьевого потенциала. У ПАО «Сургутнефтегаз» имеется несколько основных конкурентов, среди которых ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпромнефть», ПАО АНК «Башнефть», ПАО «Татнефть» и др. Также следует отметить высокий потенциал нематериального капитала, запатентованных собственных разработок и прочих нематериальных активов у данной нефтега-

зовой компании [2].

В настоящем исследовании для оценки финансовых рисков ресурсодобывающей компании будут использоваться материалы ПАО «Сургутнефтегаз». Основными направлениями деятельности, которой являются геологоразведка, добыча нефти и газа, нефтепереработка и реализация нефтепродуктов. ПАО «Сургутнефтегаз» свою деятельность осуществляет в трех нефтегазоносных провинциях – Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской и Тимано-Печорской. Добывающие мощности в основном сконцентрированы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

ПАО «Сургутнефтегаз» наращивает объемы добычи нефти и газа на месторождения в Восточной Сибири, а также следует своему плану развития высокоперспективных территорий и групп месторождений. В данном регионе у предприятия имеются действующие месторождения (7 штук) с максимальным уровнем добычи – 9,9 млн. тонн. Также во владении ПАО «Сургутнефтегаз» находится 27 участков на территории республики Саха, Иркутской области и Красноярского края, где функционируют 12 месторождений. Именно в республике Саха в 2020 году велись основные работы, благодаря чему в результате геологоразведочных работ рост запасов нефти составил 11,9 млн. тонн. В последние несколько лет прирост составил 50 млн. тонн. Хорошие результаты были получены и в основном регионе деятельности – Западной Сибири. Объем добычи составил 44,9 млн. т., что превысило объемы добычи на 6% по сравнению с предыдущим годом (рисунок 1).

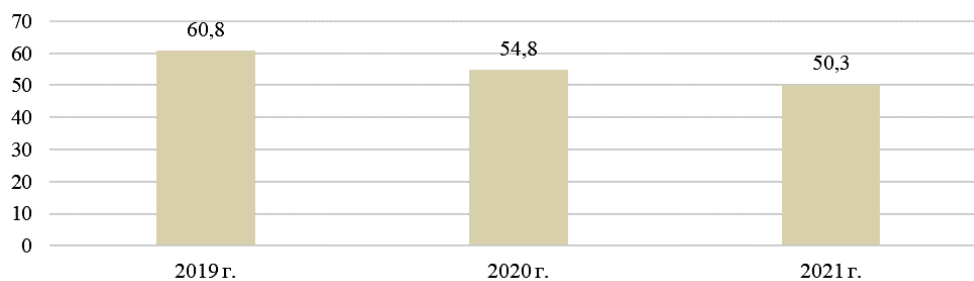

Рис. 1. Объемы добычи нефти на месторождениях ПАО «Сургутнефтегаз» за 2019-2021 гг., млн. т.

Объемы добычи нефти ПАО «Сургутнефтегаз» к 2021 г. сократились. Данные изменения произошли на фоне соглашения ОПЕК+ и ограничений, вызванных пандемией. В 2021 году также наблюдается незначительное снижение объемов добычи нефти, что обусловлено необходимостью перестройки нефтяных потоков на Восток в условиях введенных Западом санкций [3].

Добыча нефти в 2021 году снизилась почти на 10%, производство газа на 5%. Также в 2021 году произошло изменение среднесписочной численности персонала компании. Количество сократилось до 100 тыс. чел., что на 10% меньше, чем в 2020 году. Данные изменения произошли под воздействием геополитических и санкционных рисков в форме введения эмбарго на импорт российской нефти со стороны США, Канады и Великобритании, выхода западных компаний из российских добывающих проектов и др. Значительное влияние на рынок нефти и газа также оказала ситуация, связанная с распространением COVID-19 [4].

Охватывая все аспекты деятельности предприятия, система управления рисками предусматривает комплексный подход, который позволяет определить имеющиеся риски, разработать план реагирования на них, а также привести к минимизации негативных последствий при наступлении рисков. В организации имеются внутренние нормативные документы, которые регламентируют порядок организации и взаимодействия на всех этапах процесса управления рисками, возникающими как в производственном процессе, так и в финансовых и инвестиционных аспектах деятельности предприятия [5].

Анализируемое предприятие подвергается комплексным рискам, которые характерны в целом для всей нефтяной промышленности. Но именно финансовые риски оказывают значительное влияние на финансово-хозяйственную деятельность предприятия. Используя качественный и количественный анализ, согласно методике В.А. Гребенниковой, проведем анализ финансовых рисков для ПАО «Сургутнефтегаз». Для нефтегазовой отрасли качественный анализ проводится методом экспертной оценки (спираль рисков).

Карта финансовых рисков ПАО «Сургутнефтегаз» в рамках качественного анализа представлена в таблице 1.

Карта финансовых рисков ПАО «Сургутнефтегаз»

Наименование риска	Причина возникновения	Мероприятия по минимизации рисков
Валютный	Изменение обменных курсов иностранных валют к рублю	Сбалансировать профиль валютного риска и постоянно контролировать его параметры посредством планирования денежных потоков для текущей и инвестиционной деятельности
Процентный	Финансирование операционных расходов и капитальных вложений	Отслеживать изменения процентных ставок на финансовых рынках и рынках капитала, оценивать надежность финансовых институтов и определять наиболее подходящие для предприятия финансовые инструменты с точки зрения доходности и риска управления финансовыми активами
Инфляционный	Рост расходов, снижение рентабельности текущей деятельности и ожидаемой доходности от инвестиций в новые проекты	Учет возможностей и колебаний цен на приобретаемые товары и услуги, согласно планированию текущей и инвестиционной деятельности предприятия. ПАО «Сургутнефтегаз» применяет тендерные механизмы материального обеспечения производства и осуществляет мониторинг роста затрат на всех этапах производственной деятельности
Кредитный	Неисполнение контрагентами предприятия своих обязательств	Необходимо проводить комплексную оценку финансового состояния предприятия, а также кредитной истории и состояния расчетов с контрагентами. В целях минимизации данного риска, для эффективного размещения финансовых активов требуется использовать методику в форме мониторинга кредитоспособности финансовых институтов и оценку других аспектов финансового положения их деятельности
Риск ликвидности	Существенный объем собственных ликвидных активов и отсутствие заемного финансирования	Отслеживание коэффициентов ликвидности, оценка чувствительности ключевых параметров финансового плана к изменениям макроэкономической среды, формирование оптимальной структуры денежных потоков для своевременного выполнения всех обязательств, используя при этом систему финансового планирования

Таким образом, для компании характерны такие финансовые риски, как валютный, процентный, инфляционный, кредитный и риск ликвидности. Для оценки значимости каждого финансового риска была оценена сила их воздействия и значимость. По результатам оценки была составлена диаграмма спирали рисков (рисунок 2).

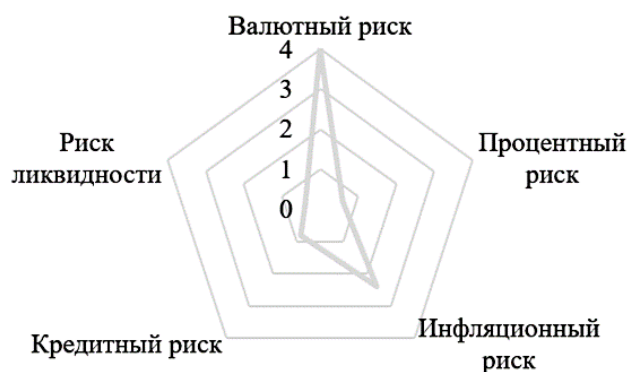

Рис. 2. Финансовые риски ПАО «Сургутнефтегаз»

Согласно проведенному анализу, наибольшее влияние на деятельность ПАО «Сургутнефтегаз» оказывают риски валютные и инфляционные. Валютный риск выражается в том, что предприятие активно продает нефть, газ, а также нефтепродукты на экспорт, сотрудничая с компаниями-нерезидентами, и подвергаясь этому риску. Инфляционный риск связан с увеличением расходов предприятия, а также снижением рентабельности, что негативно сказывается на итоговых результатах деятельности.

Количественный анализ был проведен посредством анализа финансового состояния ПАО «Сургутнефтегаз»: оценена ликвидность, финансовая устойчивость, деловая активность и рентабельность.

Основную роль в деятельности предприятия выполняет управление активами и пассивами.

Достижению целей компании, а главное максимизации прибыли, способствует грамотный и верный подход к данному вопросу, учет различных факторов, правильная оценка сложившейся ситуации. Объем активов и пассивов любого предприятия, в результате его функционирования, подвергается различного рода изменениям. Проведение анализа ликвидности и платежеспособности на основе бухгалтерского баланса предприятия позволит наиболее точно отразить основные изменения (таблица 2).

Таблица 2

Анализ ликвидности ПАО «Сургутнефтегаз»

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.
А1, млн рублей	1 263 658	1 410 884	2 277 179
А2, млн рублей	345 471	365 487	342 668
А3, млн рублей	88 574	95 192	110 806
А4, млн рублей	3 556 162	3 969 630	3 946 198
Валюта баланса, млн рублей	5 253 865	5 841 193	6 676 851
П1, млн рублей	124 870	253 018	244 054
П2, млн рублей	17 189	18 164	22 444
П3, млн рублей	122 767	134 855	254 061
П4, млн рублей	4 989 039	5 435 156	6 156 292
Валюта баланса, млн рублей	5 253 865	5 841 193	6 676 851
Коэффициент абсолютной ликвидности, коэф.	8,90	5,20	8,54
Коэффициент быстрой ликвидности, коэф.	11,33	6,55	9,83
Коэффициент текущей ликвидности, коэф.	11,95	6,90	10,25

Анализ ликвидности ПАО «Сургутнефтегаз» свидетельствует, что анализируемый баланс организации является абсолютно ликвидным как по абсолютным показателям, так и по относительным. Коэффициенты ликвидности динамично увеличивается. Однако высокие значения коэффициентов свидетельствует о неоправданно большом количестве свободных денежных средств, находящихся на депозитных счетах в банках. Данные вложения относятся к низкорисковым, но и к малоприбыльным. Высокий коэффициент текущей ликвидности свидетельствует о недостаточно активном использовании компанией оборотных средств.

Далее представим результаты анализа финансовой устойчивости, деловой активности ресурсодобывающей компании (таблица 3).

Таблица 2

Анализ финансовой устойчивости и деловой активности ПАО «Сургутнефтегаз»

Наименование	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Коэффициент автономии (независимости), коэф.	0,95	0,93	0,92
Коэффициент обеспеченности СОС, коэф.	0,84	0,78	0,81
Коэффициент маневренности собственного капитала, коэф.	0,31	0,29	0,40
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, об.	3,07	5,17	6,81
Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности, об.	8,51	7,46	9,56
Коэффициент оборачиваемости оборотного капитала, об.	0,63	1,01	0,85
Коэффициент оборачиваемости собственного капитала, об.	0,21	0,35	0,38
Коэффициент фондоотдачи, руб. / руб.	1,07	1,78	1,42
Коэффициент рентабельности активов, %	1,51	8,79	0,91
Коэффициент рентабельности собственного капитала, %	1,60	9,44	0,99
Коэффициент рентабельности производства, %	10,04	37,69	3,67

Анализ финансовой устойчивости свидетельствует о высоком уровне финансовой независимости и устойчивости ПАО «Сургутнефтегаз» от внешних источников финансирования. Коэффициент автономии за последние 3 года находится выше 0,9, а коэффициент обеспеченности собственными средствами значительно выше рекомендуемых 0,1 пунктов. Значения коэффициента маневренности находятся в пределах нормы, что означает, что большая часть капитала организации находится в движимой форме и этими средствами можно относительно свободно манипулировать.

Анализ деловой активности показывает ускорение оборотов, что свидетельствует об улучшении деловой активности. Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности меньше коэффициента оборачиваемости кредиторской задолженности. Это говорит о том, что по своим долгам организация достаточно быстро рассчитывается, при этом скорость расчетов по собственным обязательствам значительно выше, чем поступление платежей по счетам от дебиторов. Данная ситуация (быстрые расчеты по личным обязательствам и более медленные платежи дебиторов) становится отрицательным и рисковым фактором для предприятия, так как в будущем может привести к дефициту средств для погашения своих обязательств и потере платежеспособности. Малые обороты собственного капитала связаны с высоким уровнем собственных средств.

Относительно показателей рентабельности предприятия, можно утверждать, что рентабельность по чистой прибыли в 2022 году значительно снизилась, что связано с уменьшением самой прибыли. Снижение прибыли вызвано значительным увеличением прочих расходов.

Рентабельность собственного капитала характеризуется низкими отраслевыми показателями. Невысокие показатели свидетельствуют о низкой инвестиционной привлекательности, так как наибольшую долю финансовых вложений составляют депозитные вклады – 96%.

По итогам количественного анализа рисков, необходимо отметить, что исследуемая компания характеризуется положительными показателями текущей ликвидности и финансовой устойчивости. Следовательно, предприятие способно вовремя расплачиваться по своим текущим обязательствам, а также не зависит от кредиторов благодаря большому удельному весу собственных средств.

Для более успешного мониторинга и количественного измерения рисков, повышения эффективности управления рисками можно использовать автоматизированные системы, которые обладают рядом преимуществ:

Во-первых, для эффективного управления нефтегазовыми процессами важным фактором является мониторинг и измерение рисков. Использование автоматизированных систем позволит быстро и точно определить уровень риска и принять соответствующие меры.

Во-вторых, автоматизация позволит уменьшить человеческий фактор. Человеческий фактор может стать причиной ошибок и несоответствий в мониторинге и измерении рисков. Автоматизированные системы позволят устранить или снизить вероятность таких ошибок.

В-третьих, автоматизация – применение математических методов. Анализ систем и данных позволят разработать эффективные алгоритмы мониторинга и измерения рисков, которые будут определять потенциальные угрозы и прогнозировать возможные последствия.

В-четвертых, автоматизация – использование современных систем контроля, таких как сенсоры и датчики, сетевых технологий, компьютерной и микропроцессорной техники. Эти технологии позволят собирать и анализировать данные о рисках в реальном времени, обеспечивая более точное и надежное измерение и мониторинг.

Таким образом, применение автоматизированных систем мониторинга и измерения рисков позволит нефтегазовым компаниям повысить эффективность и безопасность производственных процессов, минимизировать риски и принимать быстрые и точные решения на основе полученной информации.

3. Выводы

После проведенного качественного и количественного анализа оценки финансовых рисков, были выявлены такие проблемы, как высокий уровень ликвидности, который свидетельствует о нерациональном распределении денежных средств, а также о значительной части неработающих активов и средств на счетах. Так же было отмечено, что ПАО «Сургутнефтегаз» увеличивает финансовые вложения за счет депозитных вкладов. Данный вариант инвестирования приносит минимальный доход. Банковские вклады не спасут от инфляции. Деньги на депозитном счете хоть и приносят небольшую прибыль, она все равно ниже, чем процент обесценивания. В связи с этим стоит рассмотреть оптимизацию использования денежных потоков, их более рациональное распределение, потому что был выявлен их избыток. Кроме того, необходи-

мо сокращать неработающие активы и использовать свободные денежные средства для обновления основных фондов или более прибыльных финансовых вложений.

Использование автоматизированных систем для успешного мониторинга и количественного измерения рисков приведет к повышению общей эффективности и конкурентоспособности предприятия. Применение автоматизированных систем на нефтегазодобывающих предприятиях должно обеспечить привлечение универсальных специалистов, быстро осваивающих и использующих в работе часто обновляемую компьютерную технику, новое программное обеспечение и технологии, что будет способствовать развитию не только отдельного предприятия, но и всей отрасли в целом.

Литература

1. Воронина, Е.В. Финансовые риски формирования и использования капитала в нефтегазовой отрасли: факторы и оценка // Вестник ТГУ. 2013. №2. С. 119-128
2. Галынчик, Т. А. Нематериальные активы нефтегазовых компаний как эффективный инструмент финансового менеджмента / Т. А. Галынчик, К. А. Банщикова // Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 5-3. С. 35-41. DOI: 10.12731/2070-7568-2021-10-5-3-35-41.
3. Зяблицкая, Н. В. Влияние санкций на формирование активов предприятия и источников их финансирования / Н. В. Зяблицкая, Д. Д. Тухтаева, А. А. Тусина, С. В. Данилова // Фундаментальные исследования. 2022. № 5. С. 46-50. DOI: 10.17513/fr.43252.
4. Божубаева, Э. К. Перспективы развития экономики России в условиях пандемии / Э. К. Божубаева, С. В. Данилова, Н. В. Зяблицкая // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 2(124). С. 5-11. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-2-5-11.
5. Галынчик, Т. А. Дивидендная политика нефтегазовых компаний как эффективный инструмент финансового менеджмента / Т. А. Галынчик, А. Ф. Хусаинова // Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 5-2. С. 65-73. DOI: 10.12731/2070-7568-2021-10-5-2-65-73.

References:

1. Voronina, E.V. Finansovye riski formirovaniya i ispol'zovaniya kapitala v neftegazovoj otrasli: faktory i ochenka // Vestnik TGU. 2013. №2. S. 119-128
2. Galynchik, T. A. Nematerial'nye aktivy neftegazovykh kompanij kak effektivnyj instrument finansovogo menedzhmenta / T. A. Galynchik, K. A. Banshchikova // Nauka Krasnoyar'ya. 2021. T. 10. № 5-3. S. 35-41. DOI: 10.12731/2070-7568-2021-10-5-3-35-41.
3. Zyblickaya, N. V. Vliyaniye sankcij na formirovaniye aktivov predpriyatiya i istochnikov ih finansirovaniya / N. V. Zyblickaya, D. D. Tuhtaeva, A. A. Tusina, S. V. Danilova // Fundamental'nye issledovaniya. 2022. № 5. S. 46-50. DOI: 10.17513/fr.43252.
4. Bozhubaeva, E. K. Perspektivy razvitiya ekonomiki Rossii v usloviyah pandemii / E. K. Bozhubaeva, S. V. Danilova, N. V. Zyblickaya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2021. № 2(124). S. 5-11. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-2-5-11.
5. Galynchik, T. A. Dividendnaya politika neftegazovykh kompanij kak effektivnyj instrument finansovogo menedzhmenta / T. A. Galynchik, A. F. Husainova // Nauka Krasnoyar'ya. 2021. T. 10. № 5-2. S. 65-73. DOI: 10.12731/2070-7568-2021-10-5-2-65-73.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдулмананов**
Пирмагомед
Габибуллаевич к.э.н., старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, ДФИЦ РАН», Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: raha77@mail.ru
- Азарова**
Наталья
Анатольевна к.э.н., доцент кафедры мировой и национальной экономики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет имени Г.Ф. Морозова», г. Воронеж, Россия, e-mail: azarovarsd@rambler.ru
- Амирова**
Эльмира
Амировна младший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, ДФИЦ РАН», Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: emulya7@mail.ru
- Арсланов**
Шамиль
Джавадович к.э.н., доцент, старший научный сотрудник отдела социально-экономической политики региона, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия, e-mail: ars_dgu@mail.ru
- Бердин**
Александр
Эдуардович старший преподаватель кафедры экономики высокотехнологичных производств, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: berdin07@mail.ru
- Бердина**
Марина
Юрьевна к.э.н., доцент, доцент кафедры международного предпринимательства, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: svitkova_marina@mail.ru
- Большаков**
Сергей
Николаевич д.э.н., профессор, эксперт лаборатории высшего профессионального образования РАО (Российской академии образования), ФГОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, e-mail: snbolshakov@mail.ru
- Большакова**
Юлия
Михайловна к.полит.н., доктор философии (Phd), профессор РАЕ, эксперт лаборатории высшего профессионального образования РАО (Российской академии образования), г. Москва, e-mail: snbolshakov@mail.ru
- Бондаренко**
Александра
Николаевна практикант, АО «Самотлорнефтегаз», Россия, Нижневартовск, e-mail: sasha.bondarenko.19@mail.ru
- Варламова**
Екатерина
Викторовна к.филол.н., доцент кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»; г. Астрахань, Россия, e-mail: varlamow@rambler.ru
- Варфоломеева**
Вера
Александровна к.э.н., доцент, доцент ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: varfvera@yandex.ru
- Вершинина**
Мария
Александровна научный сотрудник, лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римашевской – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), e-mail: marieversh@gmail.com
- Воеводский**
Владислав
Владимирович аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт государственной службы и управления, Кафедра государственного регулирования экономики, e-mail: vovodskiy.vlad@gmail.com
- Газалиева**
Написат
Имангазалиевна к.э.н., старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия, e-mail: gazalievat@mail.ru
- Галынчик**
Татьяна
Анатольевна к.э.н., доцент, доцент кафедры «Коммерция и менеджмент» ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», Россия, Нижневартовск, e-mail: tagal82@mail.ru
- Гимбатов**
Шамиль
Магомедович к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: gimba@list.ru
- Глинчевский**
Эдвард
Иванович к.филол.н., доцент кафедрой английского языка и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»; г. Астрахань, Россия e-mail: edward.ned@yandex.ru
- Данилова**
Светлана
Витальевна к.э.н., доцент, доцент кафедры «Коммерция и менеджмент» ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», Россия, Нижневартовск, e-mail: svaprel@yandex.ru
- Дневизюк**
Дмитрий
Александрович к.э.н., старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: d_dmitry@inbox.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Дохолян**
Сергей
Владимирович д.э.н, проф., главный научный сотрудник, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римашиевской – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального государственного социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), e-mail: sergsvd@mail.ru
- Ибрагимов**
Марат
Абдулмукуминович к.полит.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкала, e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru
- Иванова**
Наталия
Александровна к.э.н., доцент, доцент ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ivanovanat207301@mail.ru
- Идзиев**
Гаджимурад
Идзиевич д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: textima@mail.ru
- Курбанов**
Магомедзагир
Юсупович к.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия, e-mail: kurbanov57@yandex.ru
- Магомедова**
Мадина
Маликовна д.э.н., профессор, заведующий кафедрой «Мировая и региональная экономика», ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Россия, e-mail: magomedova-mm@mail.ru
- Макар**
Светлана
Владимировна д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: svetwn@mail.ru
- Макарян**
Анна
Рузвельтовна к.э.н., старший научный сотрудник Института экономики им. М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения, e-mail: anna_makaryan@yahoo.com
- Мкртчян**
Гамлет
Григорьевич аспирант и преподаватель кафедры международных экономических отношений Армянского государственного экономического университета e-mail: hamlet.mkrтчyan21@gmail.com
- Муталимов**
Абдулмуслим
Эмеевич д.социол.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкале, e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru
- Павлова**
Гульнара
Шамилиевна старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»; г. Астрахань, Россия, e-mail: gulnaraa83@mail.ru
- Потехин**
Сергей
Юрьевич бакалавр, Филиал ФГАОУ ВО «ОУрГУ (НИУ)» в г. Нижневартовске, Ведущий экономист ПАО «ННК-ВНГ», e-mail: potehin.ru@inbox.ru
- Рабданов**
Рабдан
Муртазалиевич инспектор, Счетная палата Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: rabadan05@inbox.ru
- Тадевосян**
Зоя
Агвановна д.э.н., профессор кафедры международных экономических отношений Армянского государственного экономического университета, e-mail: zoyatad@yahoo.com
- Фидарова**
Карина
Казбековна к.и.н., доцент, Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ, Россия, e-mail: karina-fidarova@mail.ru
- Шахтаманова**
Лейла
Гаджикурбановна младший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», e-mail: leylashka-n@mail.ru
- Щеголькова**
Ася
Александровна к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина – обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, Апатиты, Мурманская область, Россия, e-mail: szfmgei@mail.ru
- Ярашева**
Азиза
Викторовна д.э.н., профессор, заведующий лабораторией исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашиевской ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, e-mail: baktriana@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

- Abdulmanapov** Pirmagomed Gabibullayevich *Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research, DFC RAS, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, e-mail: raha77@mail.ru*
- Azarova** Natalia Anatolyevna *Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of World and National Economics, Voronezh State University named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia, e-mail: azarovarsd@rambler.ru*
- Amirova** Elmira Amirovna *Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Research, DFC RAS, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, e-mail: emulya7@mail.ru*
- Arslanov** Shamil Djavadovich *Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Socio-Economic Policy of the Region, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: ars_dgu@mail.ru*
- Berdin** Alexander Eduardovich *Senior Lecturer of the Department of Economics of High-tech Industries, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, e-mail: berdin07@mail.ru*
- Berdina** Marina Yuryevna *Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Entrepreneurship, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, e-mail: sviitkova_marina@mail.ru*
- Bolshakov** Sergey Nikolaevich *Dr.Sc of Economics, Professor, expert of the Laboratory of Higher Professional Education of RAO (Russian Academy of Education), FGOU HE «Russian State Social University», Moscow, e-mail: snbolshakov@mail.ru*
- Bolshakova** Yulia Mikhailovna *Ph.D. in Political Sciences, Doctor of Philosophy (PhD), Professor of RAE, expert of the Laboratory of Higher Professional Education of RAO (Russian Academy of Education), Moscow, e-mail: snbolshakov@mail.ru*
- Bondarenko** Alexandra Nikolaevna *intern, JSC «Samotlorneftegaz», Russia, Nizhnevartovsk, e-mail: sasha.bondarenko.19@mail.ru*
- Varlamova** Ekaterina Viktorovna *Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of English and Professional Communications, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev; Astrakhan, Russia, e-mail: varlamow@rambler.ru*
- Varfolomeeva** Vera Aleksandrovna *Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, e-mail: varfvera@yandex.ru*
- Vershinina** Maria Alexandrovna *Researcher, Laboratory of problems of the level and quality of life of the Institute of Socio-Economic Problems of Population named after N.V. Rimashevskaya – a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNISTC RAS), e-mail: marieversh@gmail.com*
- Voivodsky** Vladislav Vladimirovich *Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Public Administration and Management, Department of State Regulation of Economics, e-mail: voevodskiy.vlad@gmail.com*
- Gazalieva** Napisat Imangazalieva *Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: gazalieva1@mail.ru*
- Galyunchik** Tatiana Anatolyevna *Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Commerce and Management Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, e-mail: tagal82@mail.ru*
- Gimbatov** Shamil Magomedovich *Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: gimba@list.ru*
- Glinchevsky** Edward Ivanovich *Ph.D. in philology, Associate Professor of the Department of English and Professional Communications, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev; Astrakhan, Russia, e-mail: edward.ned@yandex.ru*
- Danilova** Svetlana Vitalievna *Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Commerce and Management Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, e-mail: svaprel@yandex.ru*
- Denevizyuk** Dmitry Alexandrovich *Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: d_dmitry@inbox.ru*

INFORMATION ABOUT AUTHOR

- Dokholyan**
Sergey
Vladimirovich
Dr.Sc of Economics, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory of problems of the level and quality of life Institute of Socio-Economic Problems of Population named after N.V. Rimashevskaya – a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNISTC RAS), e-mail: sergsvd@mail.ru
- Ibragimov**
Marat
Abdulgumminovich
Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala, e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru
- Ivanova**
Natalia
Aleksandrovna
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, e-mail: ivanovanat207301@mail.ru
- Idziev**
Gadzhimurad
Idzievich
Dr.Sc of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: textima@mail.ru
- Kurbanov**
Magomedzagir
Yusupovich
Ph.D. in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: kurbanov57@yandex.ru
- Magomedova**
Madina
Malikovna
Dr.Sc of Economics, Professor, Head of the Department «World and Regional Economics», Dagestan State University, Makhachkala, Russia, e-mail: magomedova-mm@mail.ru
- Makar**
Svetlana
Vladimirovna
Dr.Sc of Economics, Senior Researcher, Institute of Regional Economics and Inter-Budgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: svetwn@mail.ru
- Makaryan**
Anna
Rooseveltovna
Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the M. Kotanyan Institute of Economics of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, e-mail: anna_makaryan@yahoo.com
- MKRTCHYAN**
Hamlet
Grigorievich
Ph.D. Student and Lecturer at the Chair of International Economic Relations of the Armenian State University of Economics e-mail: hamlet.mkrtchyan21@gmail.com
- Mutalimov**
Abdulmuslim
Emeevich
Dr.Sc of sociology, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala, e-mail: muslim.mutalimov@mail.ru
- Pavlova**
Gulnara
Shamilevna
Senior Lecturer of the Department of English and Professional Communications, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev; Astrakhan, Russia, e-mail: gulnaraa83@mail.ru
- Potekhin**
Sergey
Yurievich
Bachelor of PJSC «NNK-VNG», Leading Economist, Nizhnevartovsk, e-mail: potehin.ru@inbox.ru
- Rabadanov**
Rabadan
Murtazalievich
Inspector, Accounts Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: rabadan05@inbox.ru
- TADEVOSYAN**
Zoya
Agvanovna
Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Chair of International Economic Relations at the Armenian State University of Economics, e-mail: zoyatad@yahoo.com
- Fidarova**
Karina
Kazbekovna
Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor, North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz, Russia, e-mail: karina-fidarova@mail.ru
- Shakhtamanova**
Leyla
Gadzhikurbanovna
Junior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, e-mail: leylashka-n@mail.ru
- Shchegolkova**
Asya
Alexandrovna
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, G.P. Luzin Institute of Economic Problems – a separate division of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Murmansk Region, Russia, e-mail: szfmgei@mail.ru
- Yarasheva**
Aziza
Viktorovna
Dr.Sc of Economics, Professor, Head of the Behavioral Economics Research Laboratory, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: baktriana@rambler.ru

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: Дохолян С.В.
Компьютерный дизайн-верстка: Джамилев А.М.
Корректурa: Брезман А., Мирохватова М.

Подписано в печать 26.11.2023 г. Сдано в печать 29.11.2023 г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 22,05 Заказ № 570.

© НП «Редакция журнала «Региональные
проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rppe@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17^б
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15